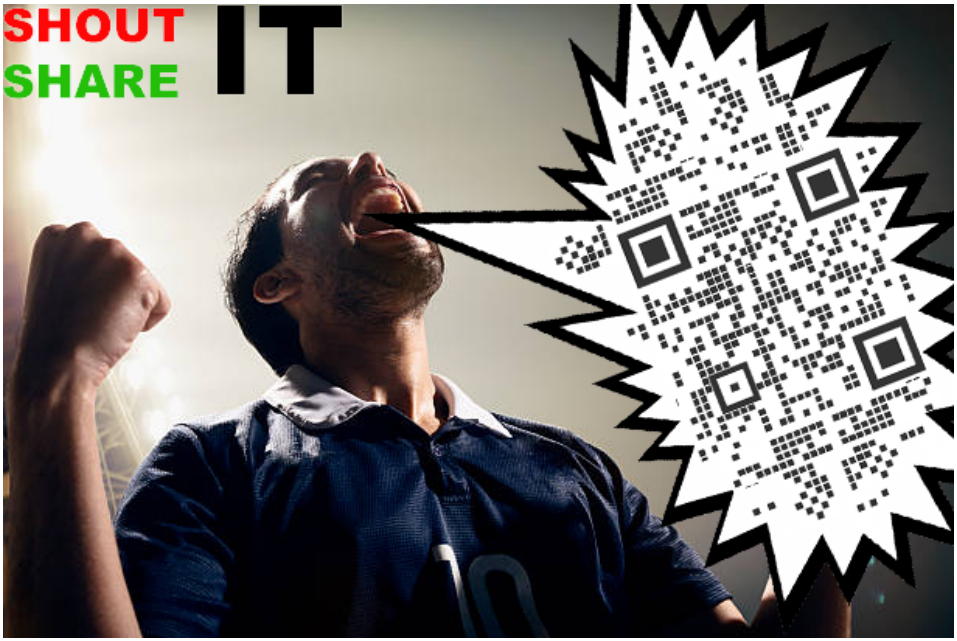
КЭРОЛ БЕРЧ

Эта книга потрясает и обжигает.
The Financial Time

Захватывающе, великолепно написано.
The Times

ЗВЕРИНЕЦ Джемрака

РОМАН ВОШЕЛ В ШОРТ-ЛИСТ
MAN BOOKER PRIZE
ЗА 2011 ГОД


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кэрол Берч — известная английская писательница, автор одиннадцати романов, лауреат многих литературных премий. Роман «Зверинец Джемрака» был номинирован на премию Orange Prize for Fiction и вошел в шорт-лист Man Booker Prize за 2011 год. В основе сюжета — реальная история о чудесном спасении мальчика, побывавшего в пасти у тигра, и документальный рассказ о трагической гибели китобойного судна «Эссекс».

Знакомство с хозяином лондонского зверинца Чарльзом Джемраком изменило судьбу юного Джаффи Брауна, открыв ему неведомый прежде мир экзотических животных и увлекательных приключений. Плавание в дальние моря вместе с неразлучным другом Тимом едва не стоило ему жизни и стало суровым испытанием веры, воли и дружбы.

Сложите вместе «Моби Дика», «Остров сокровищ» и «Сказание о старом мореходе», добавьте немного Диккенса — и вы получите «Зверинец Джемрака».

Mail on Sunday

- Кэрол Берч
- Часть первая
- 1
- 2
- 3
- Часть вторая
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- Часть третья
- 15
- 16
- 17
- От автора

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Кэрол Берч
Зверинец Джемрака

Часть первая

1

Я родился дважды. Первый раз — в дощатой каморке, нависшей над черными водами Темзы, а второй — восемь лет спустя, на Рэтклифф-хайвей, когда попал в пасть к тигру и все началось по-настоящему.

Бермондси. Стоит произнести вслух — и люди нос воротят. И все-таки там был мой дом — самый первый из всех. Когда мы спали, под полом плескалась вода. Дверь выходила на канал; за дощатыми перилами в темной жиже то там, то тут вздувались серые пузыри. Если заглянуть между перекладинами, можно было рассмотреть, как внизу проплывают разные штуки. Жирный зеленый ил толстым слоем покрывал деревянные сваи.

Помню кривые улочки с ломаными изгибами и случайными закоулками, раскатанный колесами лошадиный навоз на мостовой, овечий помет: каждый день мимо нашего дома тянулись стада на кожевенный двор, откуда доносились потом рев и невыносимое мычание. Помню темные щербатые кирпичи дубильни и смоляные струи дождя. Красные когда-то кирпичи все почернели от копоти. Стоило дотронуться — и кончики пальцев тут же покрывались блестящим черным налетом. Из-под деревянного моста исходил тяжелый, неприятный дух; утром, по пути на работу, казалось, что вонь окутывает все тело.

Воздух над рекой был наполнен шумом и дождем. Ночами над мерцающей рябью разносились порой звуки матросских песен. Голоса казались мне дикими и темными, как сами стихии; звуки неведомых языков надрывались и пришептывали, мелодии взмывали вверх и падали вниз, точно в лестничные пролеты, — будто я сам находился где-то далеко, в чужих жарких краях.

Мне нравилось смотреть на реку с берега, но вблизи она оказывалась грязной и вонючей, и к босым ногам льнули тонкие красные черви, копошившиеся в вязкой жиже. Помню, как они извивались между пальцами. Впрочем, мы и сами были не лучше.

Ползали по только что отстроенным канализационным туннелям, точно черви, — мальчики и девочки, тощие, с бледными серыми лицами, такого же цвета, как грязь, в которой мы плескались в этих темных, похожих на разинутые глотки туннелях, где воняло хуже, чем в аду. Стены там были покрыты коркой черного дерьма. В поисках мелочи и попытках набить карманы мы заматывали носы и рты носовыми платками, оставляя открытыми только глаза — те чесались и слезились. Иногда нас рвало. Ничего особенного — это как чихнуть или рыгнуть. А когда, жмурясь от света, мы выходили к берегу, нас

ждало чудесное зрелище, диво-дивное; высокий и благородный трехмачтовый клипер с грузом чая из Индии заходил в лондонскую заводь, где сотни кораблей стояли на приколе, словно чистокровные скакуны на привязи; их чистили, подновляли, смолили и готовили к великому морскому испытанию.

Но карманы наши никогда не бывали полны. Помню, как меня тошнило, как выворачивало внутренности от голода. Это случалось по ночам, когда я лежал в постели.

* * *

С тех пор минули годы. В ту пору мать моя легко могла сойти за девочку — невысокая, крепкая, с мускулистыми плечами. Ходила она широким шагом, размахивая руками. Смешная. Спали мы вместе на низенькой кровати. Засыпая, мы часто пели в той комнатке над рекой — голос у мамы был красивый, слегка надтреснутый; но иногда являлся мужчина; и мне приходилось отправляться к соседям и спать на нижней половине большой свалявшейся перины, ближе к изножью, так что над головой у меня с обеих сторон елозила голыми пятками малышня, а по всему телу скакали блохи.

Этот мужчина, навещавший иногда мать, не был мне отцом. Мой отец был моряк, он умер прежде, чем я родился. Так говорила мама, но она была скупа на слова. Так что к матери приходил другой — высокий, худой как жердь, с кривыми зубами; ноги у него дергались и постоянно выстукивали ритм, когда он сидел. Наверное, у него было какое-то имя, которого я не знал, а если и знал, то забыл. Какая разница. Ни ему до меня, ни мне до него никакого дела не было.

Раз он пришел, когда мать, напевая себе под нос, сидела над шитьем: у какого-то матроса лопнули в шагу штаны. Так вот, этот, едва войдя в комнату, повалил маму на пол, принялся пинать и называть грязной шлюхой. Я испугался — до этого, наверное, ни разу еще так не пугался. Мать откатилась, ударилась головой о ножку стола, вскочила и заблажила: «Ублюдок, щенок, не нужен ты мне больше!» — размахивая своими короткими сильными руками, держа наготове кулаки.

— Врешь! — проорал он.

Никогда не думал, что у него такой громкий голос. Такой подошел бы человеку раза в два крупнее.

— Врешь!

— Это я-то вру? — хрипло выкрикнула мать и, схватив его за

оба уха, принялась трясти, точно его голова старая подушка, которую нужно как следует взбить.

Когда она его отпустила, он зашатался. Мать завопила что было мочи и выбежала на мостки. На крик одна за другой выскочили все соседки с подоткнутыми юбками: у кого в руке нож, у кого — палка или кастрюля, а у одной даже подсвечник. Мамин кавалер выхватил собственный нож — грозный большой кинжал — и принялся с яростью пробираться сквозь толпу женщин, занеся его над головой, осыпая всех проклятиями и называя шлюхами. Растолкав соседок, он добежал до моста.

— Я тебя, зараза, достану! — крикнул он матери. — Достану и зенки-то повыколю!

Той ночью мы сбежали. Или я так запомнил. Может, и не той самой ночью, а несколько дней или недель спустя, но больше я Бермондси не помню, только яркую луну над рекой, пока семенил за босыми ногами матери через Лондонский мост навстречу второму рождению. Мне было восемь лет.

Знаю, что мы вовремя добрались до окрестностей Рэтклифф-хайвей, и там-то я столкнулся с тигром. Все, что произошло потом, было следствием той встречи. Я верю в судьбу. Это как играть в кости или тянуть жребий. Так было всегда. Конечным пунктом наших странствий стала улица Уотни. Поселились мы в «вороньем гнезде»[1]— доме миссис Реган. К входной двери надо было подниматься по длинной лестнице. Подвальные помещения были обнесены решеткой. Там, в глубокой темной яме, по ночам собирались мужчины: играли в карты и распивали крепкие напитки. Под нами жила сама миссис Реган, высокая, изможденная жизнью женщина, с бледным, вечно испуганным лицом, и ее постояльцы — матросы, торговцы, сомнительные личности всех мастей, постоянно сменявшие друг друга. Этажом выше располагался мистер Рубен, старый негр с седой головой и пышными светлыми усами. Комната, где жили мы, была поделена пополам занавеской, по другую сторону которой обитали две старые прусские потаскухи — Мари-Лу и Бархотка. Дни напролет они только и делали, что храпели. В нашей части комнаты было окно, выходившее на улицу. По утрам к моим снам примешивался запах дрожжей из пекарни напротив. Каждый день, кроме воскресенья, нас будил грохот тележки, которую булочник катил по мостовой в самую рань. Затем торговцы на рынке начинали разворачивать свои палатки. Уотни-стрит представляла собой один большой рынок. Здесь пахло подгнившими фруктами и овощами, резко разило рыбой, а у входа в мясную лавку, через три дома, стояли два огромных мясных лотка, украшенные отрезанными свиными головами, заносчиво вздернувшими

бледные пятачки. Тут и близко не чувствовалось той вони, что преследовала нас в Бермондси. Пока мы не перебрались на Хайвей, я и не понимал, что в Бермондси пахнет дерьмом: ведь я был всего лишь ребенком и думал, будто весь мир воняет. Уотни-стрит, Хайвей и их окрестности казались мне слаще и чище всего виданного прежде; лишь потом я с огромным удивлением узнал, что остальным людям эти места представлялись ужасной вонючей дырой.

Кровь и рассол стекали по мостовой в сточные канавы и впитывались в грязную жижу. Каждый день с утра до вечера тысячи ног разносили эту грязь по всей улице, она заползала в каждый дом — вверх по лестницам, в комнаты. Босые пятки привычно погружались в нее, но она все равно была лучше, чем вонючая илистая тина из Темзы.

Полоски липкой бумаги от мух висели над каждой дверью и каждым торговым лотком, черные от мириад насекомых, но мухи продолжали беспечно кружиться над тончайшими ломтями рубца — утром подмастерье мясника первым делом нарезал его и выставлял в витрине.

На Уотни-стрит можно было купить все, что душе угодно. В том конце, где обитали мы, были жилые дома, а остальную часть занимали магазины, пивные и рынок. Продавали тут дешево ношеную одежду, старые железяки, всякий хлам. Кочаны капусты, крупные шишковатые картофелины, баранья печенка, соленые огурцы, кроличьи шкурки, связки колбас, коровьи копыта, округлые и раздутые животы шедших мимо женщин — все это мелькало у меня перед глазами, когда я проходил по рынку. Толпы нищих и всякой шушеры рылись в кучах изношенных туфель и платьев, сновали, точно муравьи, толкались, пихались, ругались последними словами — злобные старухи, дети вроде меня, матросы, расторопные смышленые девицы и потрепанные мужчины. И все орали что есть сил. Когда я впервые вошел в эту толпу, то подумал: «Боже ж ты мой, как бы не утонуть в этой грязи!» — а с моим ростом это было легко. Главное — держаться поближе к телегам, чтобы было за что ухватиться.

Мне нравилось бегать с поручениями в разные места. Одно было в окрестностях Тауэра, другое — Шедвеле. Лавки были набиты заморскими товарами, и я любил разглядывать витрины и болтаться у дверей, жадно вдыхая аромат этого диковинного мира. И когда миссис Реган послала меня раз за жевательным табаком для мистера Рубена, на дорогу до табачного дока у меня ушло как минимум полчаса. Забрав пол-унции у одной из торговок, я отправился обратно, погрузившись в свои фантазии, и потому не заметил ни того, как упал на мостовую лоток с

гребнями, оброненный желтушной девицей с шишкой на шее, ни того, как всех прохожих будто ветром посдувало в подъезды и переулки и поприжало к стенам. Я не услышал, как привычный уличный шум вдруг затих, точно все разом задержали дыхание. Как я мог что-то заметить? Что я знал про Хайвей? Мне здесь были знакомы лишь темная вода, пузыри грязи да перекинутые через помойные реки дощатые мостки, которые скрипели и раскачивались, как легко по ним ни ступай. «Новое место, Джаффи, матросский город, тут и уютно, и тихо», — говорила мать. Все здесь было другое. Я уже успел повидать то, чего раньше никогда не видел. Неизведанный лабиринт узеньких улочек, кишащих голосами и лицами со всего мира. На углу, у пивной под вывеской «Копченый Джек», чинно пританцовывал бурый медведь. То тут, то там попадались люди с попугаями на плечах — у величественных птиц с алыми, ярко-желтыми и голубыми, как небеса, перьями глаза были умные и слегка озадаченные, а ноги покрыты чешуйками. На углу улицы Марты стоял сладковатый запах арабского шербета, и женщины в шелковых одеждах, пестрые, точно попугаи, подбоченившись стояли в дверях; выставив вперед пышные бюсты, подобно грудастым сиренам на носах кораблей, стоявших вдоль причалов.

Витрины лавок в Бермондси были покрыты слоем пыли. Прижав лицо к стеклу, можно было разглядеть старые липучки от мух, бледные куски мяса, посыпанные сахарной пудрой пироги, луковые косы, шелуха с которых осыпалась на желтеющие газетные листы. Лавки на Хайвей полнились птичьим гомоном. Клетка на клетке до потолка, и в каждой — стаи пташек, похожих на воробьев, только пестрых, как карамельки: красные, черные, белые, желтые, пурпурные и зеленые, попадались и палевые, и бледно-лиловые, словно вены на головке у младенца. Посмотришь, как они теснятся, упираясь крыльями в соседей, — дух захватывает. На фонарных столбах вдоль Рэтклифф-хайвей сидели зеленые волнистые попугайчики. За высокими стеклянными окнами, точно драгоценности, блестели на многоярусных подставках торты и пирожные. Белоглазый и золотозубый негр расхаживал с питоном на шее.

Откуда мне было знать, что здесь возможно, а что нет? И когда невозможное предстало предо мной посреди Рэтклифф-хайвей во всей своей красе, откуда мне было знать, как себя вести?

Кошек я, конечно, видал и раньше. По ночам они лазили по крышам в Бермондси и завывали как черти, не давая спать. Царапучие, с дикими глазами, они жили стаями и крадучись пробирались по дощатым мосткам, сражаясь с крысами. Но этот

котяра…

Само солнце спустилось на землю и вышагивало по ней.

Если птицы в Бермондси были мелкие и блеклые, а здесь, в новом обиталище, — крупные и переливались всеми цветами радуги, то и коты на Рэтклифф-хайвей должны были превосходить тощих крысоловов, населявших южные районы. Этот кот был размером с небольшую лошадь, с широкой крепкой грудью, под кожей перекатывались мощные мышцы. Шерсть у него была золотая, и все тело покрывали ровные аккуратные полосы черного — чернее не бывает — цвета. Лапы — со скамеечку для ног, а грудь — белая, словно снег.

Где-то я видел этого кота: на афише, за рекой, на Лондон-стрит. Там он прыгал через огненный обруч с разинутой пастью. Таинственный, сказочный зверь.

Не помню, как я шел, не помню булыжников под ногами. Меня тянуло к нему, как пчелу на мед. Страха не было. Я подошел к божественно-равнодушной морде и заглянул в ясные желтые глаза. Нос у него был покрыт золотистым пушком, ноздри — розовые и влажные, как у щенка. Толстые губы с белыми пятнышками раздвинулись в улыбке, а усы задрожали.

Сердце вдруг поднялось куда-то под горло и забилось быстро-быстро, будто маленький кулачок решил выскочить наружу.

Ничто в мире не могло помешать мне поднять руку и погладить теплый пушистый приплющенный нос. Даже сейчас помню, как это было прекрасно. Никогда раньше не доводилось мне касаться такой мягкой и чистой поверхности. По правой лапе пробежала дрожь, кот поднял ее — размером эта лапа была больше моей головы и лениво сбил меня с ног. Точно подушкой ударил. Я ударился оземь, но больно не было, только дыхание перехватило, а потом все было как во сне. Помню крики и вопли, но откуда-то издалека, будто я опускался под воду. Мир перевернулся и пронесся мимо ярким потоком, земля ушла из-под ног, волосы упали на глаза. Меня охватила какая-то странная радость — уверен, это было ничуть не похоже на страх, скорее на безудержный восторг. Я оказался в его пасти. Жаркое дыхание обжигало мне шею. Мои босые ноги волочились за нами следом; я чувствовал смутную боль. Я видел, как золотисто-оранжевые лапы с белыми пальцами нежно, словно пушинки, касаются земли.

Помню, как плыл вверх по бурным волнам, как завывали миллионы раковин, помню бесконечное смятение.

Я был никем. Нигде. Мне не было имени. Потом наступил момент, когда я осознал, что превращаюсь в ничто, и это стало концом безвестности и началом страха. Никогда прежде не

чувствовал я себя таким потерянным, хотя в будущем мне еще не раз доводилось пережить подобное чувство. В окружающем реве стали проступать голоса, до поры невнятные; а потом — слова…

— …умер, умер, умер, господи прости…

И вдруг, внезапно твердые камни, холод под щекой.

Женский голос.

Чья-то рука у меня на голове.

— Нет, нет, глаза-то открыты, гляди, он же… тихо, тихо, хороший мальчик, дайте пощупать… Нет, нет, нет, все в порядке… умер, умер, умер…

— …очнись, сынок…

— …ну давай…

И я родился. Сел на мостовой, хлопая глазами от потрясения, вызванного встречей с реальностью.

Большеголовый человек с красным лицом и стрижеными светлыми волосами держал меня за плечи. Он пристально смотрел мне в глаза и все время повторял: «Ну же, парень, молодец… молодец, парень».

Я чихнул, и все захлопали в ладоши. Человек улыбнулся. Я понял, что вокруг меня собралась огромная толпа и все на меня глазеют.

«Бедненький!» — раздался женский крик. Я поднял голову и увидел, как из толпы выступила женщина с удивленным взглядом; ее волосы торчали в разные стороны, а расширенные от ужаса глаза казались еще больше из-за круглых очков с толстыми стеклами. Она держала за руку маленькую девочку. Разномастная толпа напоминала дешевую мазню неумелого художника — кое-как намалеванные лица, бесформенные тела, беспорядочно разбросанные яркие пятна — алые, зеленые, темно-фиолетовые. Людское море то вздымалось, то опадало, и я не был в состоянии вобрать в себя это зрелище, оно расплывалось перед глазами, словно замутненное слезами, хотя глаза у меня были совсем сухие. Это море колыхалось, дрожало и затягивало в свой водоворот, накрывая волнами гула, пока меня опять что-то не встряхнуло, и я увидел — яснее ясного — лицо девочки, стоявшей в первом ряду и державшейся за руку матери. Это лицо мне представилось очень отчетливо — так ледяная глыба выступает из дымки тумана.

— Ну-ка, парень, — большеголовый ухватил меня за подбородок и повернул к себе, — сколько пальцев видишь? — В его голосе отчетливо слышался какой-то чужеземный акцент. Другую руку он выставил передо мной, загнув мизинец и большой палец.

— Три, — ответил я.

Толпа снова одобрительно загудела.

— Молодец, парень! — произнес мужчина, как будто я выкинул какой-то ловкий фокус, и поставил меня на ноги, продолжая держать за плечи. — Отошел? — спросил он меня и встряхнул легонько. — Молодец, храбрый парень. Отлично! Лучше всех!

Я заметил слезы в уголках его глаз — они не проливались, и мне это показалось странным, ведь он так настойчиво улыбался, демонстрируя абсолютно ровные мелкие и блестящие белые зубы. Широкое лицо было совсем близко, гладкое и розовое, как вареный окорок.

Мужчина поднял меня на вытянутых руках, посмотрел прямо в лицо и спросил:

— Скажи, как тебя зовут, храбрец, и мы отведем тебя домой, к маме.

— Джаффи Браун, — ответил я и вдруг почувствовал, что держу во рту большой палец. Осознав это, я тут же его вытащил. — Меня зовут Джаффи Браун, и живу я на Уотни-стрит.

В то же мгновение в воздухе послышался ужасный шум, точно стаи гончих, демонов из ада вырвались на свободу, горы начали рушиться, все закричали «ату», «лови его!».

— Балтер, бога ради, загони его обратно в клетку! Он увидел собак! — прогромыхал вдруг краснолицый.

— Меня зовут Джаффи Браун! — выкрикнул я как можно четче, ведь я уже совершенно вернулся в этот мир, хотя к горлу подкатила неприятная тошнота, — и живу я на Уотни-стрит.

Домой великан нес меня на руках как маленького и всю дорогу приговаривал:

— Что маме-то скажем? А мама что скажет, когда узнает, что ты играл с тигром? «Мама, здравствуй, я тут с приятелем поиграл — с тигром! По носу его похлопал!» Какой мальчик может этим похвастаться? Многие ли мальчишки встречают на улице тигров? Ты парень непростой! Особенный. Настоящий храбрец! Один на десять миллионов!

Один на десять миллионов. К моменту, когда мы свернули на Уотни-стрит вместе с толпой зевак, следовавших за нами по пятам, голова у меня раздулась, как купол собора Святого Павла.

— Я вам говорила, мистер Джемрак, что такое может случиться! — визжала очкастая женщина с маленькой девочкой, семеня поодаль. — А мы как же? Нам-то с вами рядом жить? — Она картавила на шотландский манер и сверкала глазами от негодования.

— Зверь был сыт и собирался спать, — отвечал мужчина. — Тигр как следует отобедал минут за двадцать до того, не больше,

а то бы мы его не отогнали. Прощу прощения, подобное не должно было случиться и больше не случится, обещаю. — Он смахнул слезу. — Но опасности никакой не было.

— Но зубы-то у него есть! — не унималась женщина. — И когти!

При этих словах девочка выглянула у матери из-за спины, уцепившись за кончик шарфа в горошек, который болтался у той на шее, и улыбнулась. Это была первая в моей жизни улыбка. Глупо такое говорить — мне не раз улыбались; только что мне улыбался хозяин тигра, не прошло и минуты. И все равно повторю: то была первая улыбка, предназначенная именно мне; впервые она вошла в меня, точно игла, слишком тонкая, чтобы ее можно было увидеть. Но тут женщина с безумными глазами слишком сильно дернула девочку за руку, та споткнулась и растянулась на мостовой, раскинув руки, личико ее перекосилось, а из груди раздался дикий вой.

— Бог ты мой! — запричитала мать, и мы оставили их суетиться на обочине, а сами устремились вдоль рыночных рядов к нашему дому.

Миссис Реган сидела на верхней ступеньке, но, увидев приближающуюся толпу, вскочила и от удивления раскрыла рот. Все наперебой заговорили. По лестнице спустилась мама, я протянул к ней руки и зашелся в плаче.

— Ничего страшного, мэм, — сообщил мистер Джемрак, передавая меня ей с рук на руки. — Простите великодушно, ваш мальчик изрядно напугался. Жуткое дело, клетка рассохлась, из самой Бенгалии везли — он заднюю стенку и выбил задними-то лапами…

Мама опустила меня на крыльцо и пригладила мне волосы, пристально глядя мне в глазам.

— Ноги, — только и сказала она. И побледнела.

— Мэм… — Мистер Джемрак вынул из кармана деньги.

Подошла и та женщина в очках, с дочкой. Девочка разбила коленки, вид у нее был надутый. Я заметил мистера Рубена.

— Вот, табак вам принес. — Я вынул брикет из кармана.

— Спасибо, Джаффи, — поблагодарил мистер Рубен и подмигнул.

Женщина с шотландским акцентом опять принялась причитать, но теперь она приняла сторону мистера Джемрака и выставила его героем:

— Так и ринулся за ним! Никогда такого не видала! Прямо за шкирку и схватил! — Тут она отпустила руку дочери, чтобы продемонстрировать, как Джемрак запрыгнул тигру на спину и схватил его за горло. — Голыми руками прямо в глотку ему залез!

Вот так. Дикому тигру в пасть!

Мама стояла в полном оцепенении, не спуская с меня глаз.

— Ноги, — повторила она; я тоже опустил взгляд и увидел, что пальцы ног кровоточат, — видимо, пока тигр волок меня, их ободрало о камни мостовой. Я понял, почему было больно. По шее прошел холодок: тигр обслюнявил мне воротник.

— Позвольте… — Мистер Джемрак засунул деньги в карман матушкиного фартука. — Ваш сын — самый смелый мальчик из всех, каких мне доводилось встречать. — С этими словами он протянул матушке свою визитную карточку.

В тот вечер мы наелись досыта, ночью меня уже не мучили приступы голода. Я был счастлив и полон любви к тигру. Матушка обмыла мне ноги теплой водой и втерла в пальцы масло, что дала миссис Реган. Мистер Рубен сидел у нас в комнате и посасывал трубку, а все соседи столпились в дверях. Было похоже на карнавал. Матушка вся раскраснелась и то и дело повторяла: «Тигр! Тигр! Джаффи унес тигр!» Тигр стал моей судьбой. Когда наши пути пересеклись, все изменилось. После того случая развилка была пройдена, и я волей-неволей отправился навстречу своему будущему. А ведь могло случиться иначе. Ничего этого могло и не быть. Я мог никогда не узнать то великое, чему суждено было произойти. Мог бы просто принести мистеру Рубену табак и подняться в комнату к драгоценной матушке, и все пошло бы совсем по-другому.

Визитную карточку торжественно водрузили на каминную доску рядом с матушкиной щеткой для волос и банкой тонких черных перьев, а когда Джад, сын миссис Реган, вернулся с работы домой, он прочел вслух то, что было на ней написано:

Чарльз Джемрак[2]
Натуралист и торговец животными,
птицами и раковинами

2

Тима Линвера я впервые увидел, когда тот стоял у нас под окнами и кричал:

— Кто тут Джаффи Браун?

Дело было наутро после моей великой встречи с тигром. Я стоял в комнате Мари-Лу и Бархотки, которые ничего не знали о моем приключении, кончики пальцев на ногах все еще саднило, а бинты запачкались и обтрепались. Мари-Лу отсчитывала мне в ладошку монеты, чтоб я купил жареной рыбы с лотка, и добавила пенс за доставку. Корсет у нее был расшнурован, и жирные коричневые груди вывалились наружу. Мари-Лу красила волосы в иссиня-черный цвет и вставляла в прическу алые розы — по одной с каждой стороны. Кожа вокруг глаз у не была покрыта затейливой сеточкой морщин, а большой округлый живот выдавался вперед и тянул за собою все тело.

— Смотри, мистер Джаффи, — поучала она меня, — чтобы никаких пережаренных кусочков, ясно? Никаких пережаренных кусочков, и маринованный огурец покрупнее, и не вздумай сосать его по дороге!

Помада у нее на губах почти стерлась. Гора шелка, внутри которой скрывалась Бархотка, громоздилась на постели, тощие груди свисали до самой талии. Обе женщины обычно съедали свою рыбу прямо в постели, а через полчаса уже спали, похрапывая, глубоким сном.

В эту самую минуту и раздался крик: «Кто тут Джаффи Браун?»

Я подошел к окну и выглянул, сжимая в руке теплые монеты. Тим Линвер стоял внизу. Он был старше, больше и совсем на меня не похож: прямые золотистые волосы и миловидное, как у девушки, лицо. Близился полдень, улица кишела народом.

— А кто его ищет? — крикнул я.

— Джемрак, — ответил он. — Спускайся.

— А как же наша треска, мистер Джаф? — Мари-Лу вцепилась своими длинными красными ногтями мне в руку.

— Иду! — крикнул я и скатился вниз по лестнице.

Золотоволосый мальчик подошел ко мне.

— Это ты Джаф? — бесцеремонно спросил он.

— Да.

— Джемрак сказал, чтобы я купил тебе малиновую слойку, — мрачно сообщил мальчишка.

Слойки с малиной в витринах кондитерских, мимо которых я каждый день проходил по Бэк-лейн, были выше моего понимания.

Сквозь слои теста капал ягодный сок, взбитые сливки отливали бледным золотом, а сверху булочка была посыпана сахарной пудрой.

Тигр открыл передо мной волшебные двери.

— Меня за рыбой послали, — сообщил я.

— А меня — купить тебе малиновую слойку и доставить тебя к мистеру Джемраку, — заявил парень, будто его задание было в тысячу раз важнее моего. — Приказано устроить тебе особую экскурсию. Видал всяких диких зверей?

— Эй, мистер Джаф! Давай-ка бегом за рыбой, да поживей! — крикнула, высунувшись из окна, Мари-Лу.

— Расскажи, как это, когда тебя едят? — поинтересовался мальчик.

— Едят?

— Тебя же съели — так говорят.

— Я разве похож на съеденного?

— Все говорят, будто тигр тебя съел, пояснил он. — Съел, а на мостовой одна голова осталась.

Я представил себе собственную голову на мостовой. Стало смешно.

— Одна голова, — повторил парень, — а еще руки и ноги и костей немножко, все пережеванные небось.

— Было не больно, — сообщил я.

Мари-Лу запустила мне в голову бутылкой, но промазала, и бутылка улетела в канаву.

— Одна нога здесь, другая там, — пообещал я незнакомому мальчику, — обожди, — и побежал к лотку с жареной рыбой, а потом обратно.

Миссис Реган как раз готовилась занять свой пост на ступеньках у входа и с неодобрением взглянула на мои грязные ноги, когда я пронесся мимо.

— Заражение крови заработаешь, — предрекла она.

Я пулей взлетел вверх по лестнице и вывалил горку жареной рыбы, от которой исходил пар, в жадные красные когти Мари-Лу. Им с Бархоткой нравилось, чтобы рыба была пропитана маринадом. От уксуса у меня щипало в глазах. Я забыл прихватить огурец. Вой поднялся такой, что можно было подумать будто я калеку ограбил. Пришлось вернуть пенс, но мне было уже все равно. В голове бродили дикие звери: львы, тигры, слоны, жирафы. Меня ждали малиновая слойка и поход в зверинец.

Когда я вышел на улицу, незнакомый мальчик все еще ждал меня — руки в карманах, плечи вздернуты. «Идем», — сказал он и, надменно выпрямив спину, пошел сквозь толпу, а я за ним,

лавируя между лотками, пока мы не вышли на Бэк-лейн, где он молча, одним движением руки остановил меня перед входом в кондитерскую, а сам зашел внутрь и потребовал одну малиновую слойку: «Роуз, душенька, сразу съесть, будьте любезны», точно взрослый мужчина. Я еще не знал тогда, что он всего на год меня старше, думал, ему лет одиннадцать, не меньше.

Сквозь стекло я разглядел Роуз — милую, улыбчивую девушку, с ресницами, обсыпанными мукой. Парнишка вышел, посмотрел на небо и протянул мне слойку в бумажной салфеточке, чтоб я пальцы не запачкал. Хотя они были не очень-то чистые.

Так он и стоял, руки в карманах, и смотрел, как я ем свою слойку. Первый кусок оказался сладким до ужаса, аж уголки рта заболели. Красота была такая, что слезы пленкой затянули мне глаза. Потом боль ушла, и осталось только наслаждение. Еще ни разу я не пробовал малины. И сливок не пробовал. Во второй раз я откусил жадно, набив сразу полный рот. Мальчик смотрел на меня не мигая. Точно статуя. Сам, наверное, никогда не пробовал малиновую слойку. Одет он был лучше меня, ботинки и все такое, но, готов спорить, малиновой слойки он в жизни не едал.

— Хочешь кусить? — спросил я.

Он резко покачал головой и, для пущей верности, с улыбкой отрицательно махнул рукой — в этом жесте сквозила гордость.

Первое, что меня поразило, — запах. Волнующий, крепкий запах, более едкий, чем запах сыра. Потом — шум. Мы зашли с улицы в прихожую, где висели пальто и хранились коробки и большие мешки. Откуда-то сверху свесился и заглянул прямо мне в лицо зеленый попугай. Вид у него был такой, будто он знал что-то забавное.

— Она умеет говорить, — сообщил мой спутник. — Давай, Фло, скажи: «Пять фунтов, красавица».

Фло резко вскинула голову и одобрительно взглянула на мальчишку, но ничего не сказала.

— «Пять фунтов, красавица!» Ну давай же, глупая птица!

Попугаиха моргнула. Парень возмущенно фыркнул и повел меня к открытой двери, из которой в прихожую шел темный дым.

— Вот он, мистер Джемрак. Получил свою булку со сливками.

Я вошел вслед за ним. Величественный краснолицый Джемрак с улыбкой явился из сумрака.

— Ага! Джаффи Браун! — воскликнул он и легонько потрепал меня по плечу. — Хорошо вчера поужинал?

Джемрак наклонился ко мне так близко, что я мог сосчитать красные сосуды в белках его глаз. В комнате стоял тяжелый, запах

— гнили, кишок, крови, мочи, шерсти и еще чего-то, мне неведомого, — дикости, наверное.

— Тушеной бараниной, — ответил я. — Вкусно было.

— Отлично!

Мистер Джемрак выпрямился, потирая руки. Деловой костюм придавал ему внушительный вид, а волосы были зачесаны на прямой пробор и намазаны маслом.

— Балтер, — обратился он к бледному юноше, который хмуро чистил ногти за столом, заваленным всяким хламом, — выпусти Чарли.

Высокий и тощий Балтер поднялся из-за стола и подскочил к большой клетке, где на жердочке сидела диковинная, волшебная птица и оглядывала мрачную комнату так, будто перед ней разыгрывалось невероятное представление. Птица переливалась всеми цветами радуги, а клюв у нее был больше всего остального тела.

Балтер открыл защелку:

— Чарли, глупая птица, вылезай.

Чарли затанцевал от радости, скользнул к Балтеру на руки, точно сонный котенок, устроился у него на груди и стыдливо опустил голову с гигантским твердым клювом. Балтер пригладил черные перья у птицы на макушке.

— Дурачок он у нас, — сообщил юноша, повернулся и передал Чарли мне на руки.

Птица подняла голову и заглянула мне в глаза.

— Это тукан, — сказал Тим.

— А ты ему понравился, — заметил Балтер.

— Ему все нравятся, — возразил Тим.

Чарли оказался послушной и умной птицей. Как и Фло — попугаиха в прихожей. В отличие от остальных птиц.

Мистер Джемрак провел меня через прихожую в зверинец. В первой комнате жили попугаи. Это было жутковатое помещение, полное криков, безумных круглых глаз, ярких малиновых грудок, бившихся о прутья клеток, и кроваво-красных, васильковых, золотисто-желтых, изумрудно-зеленых крыльев, которые то и дело хлопали, задевая крылья соседей. Попугаи плотными рядами располагались на жердочках. То тут, то там вниз головой висели крупные ара, моргая белыми глазами, а мелкие зеленые неразлучники нарезали круги прямо у нас над головами. На всю эту визгливую братию сверху взирала стая какаду с высокими хохолками и сливочного цвета грудками. Их хриплые выкрики были похожи на адский хохот.

— Нравится им так, — пояснил Джемрак.

В глазах у меня стояли слезы, а уши болели от шума.

— В стаи сбиваются.

— Они без попугаев прямо жить не могут, — глубокомысленно изрек Тим Линвер, шествуя рядом развязной, самоуверенной походкой.

— Кто они?

— Люди.

Я шагнул в сторону: за решеткой на жердочках рядами восседали маленькие, изящные попугайчики — голубые, красные, зеленые, желтые — послушные и тихие.

— Это волнистые, — сказал Джемрак. — Славные птички.

— Этих моментально раскупают. — Тим перекатывался с пятки на носок и давал пояснения с солидным видом, как взрослый, будто все это великолепие принадлежало ему.

Во второй комнате было потише. В длинных вольерах располагались сотни птиц, похожих на воробьев, только раскрашенных во все цвета радуги. Целая стена синешеек с грудками цвета розового шербета. Кругом раздавался нежный щебет, словно только-только рассвело.

— По шесть шиллингов за пару, — сообщил Тим.

В третьей, последней птичьей комнате царила полная тишина. По стенам до самого потолка друг на друге громоздились деревянные клетки — в каждой по одной птице, по размеру клетки, и все они сидели молча и неподвижно. Эта комната показалась мне самой тревожной из всего, что я успел увидеть. Интересно, разрешит мне Джемрак взять отсюда какую-нибудь птицу? Я бы приручил ее и пустил летать по комнате, чтобы пела.

Мы вышли в двор — и мое воображение отказалось поверить увиденному. Балтер, юноша из конторы, и еще один человек подметали вокруг небольшого загона. За оградой стоял верблюд и жевал. Теперь-то я знаю, что верблюду надо жевать все время — как дышать. А тогда у меня было чувство, словно я попал в книжку с картинками. Звери были все из сказок: черный медведь с белой грудкой, косоглазый слоненок, огромная жирафья голова приблизилась ко мне сверху и дохнула жаром из трепещущих ноздрей. Умопомрачительное зловоние лишило меня рассудка. Дикая природа обступила меня со всех сторон. И тут я увидел моего тигра. В клетке. С одной стороны — лев, а с другой — какие-то звери, похожие на собак. Лев оказался величественной и жуткой кошкой, со строгой, печальной физиономией как у ученого и с волнистой спутанной гривой. Целое мгновение он не мигая смотрел мне в глаза, а потом отвернулся в полном равнодушии, облизав ноздри толстым розовым языком. У зверей, похожих на собак, шерсть на загривках стояла дыбом. Мой тигр

мерил шагами клетку, поигрывая мускулами и рассекая хвостом воздух. На спине у него трепыхались маленькие черные рыбки. Сабли, лезвия, клинки — черное на золотом, черное на белом. Голова у него была большая, тяжелая, нижняя челюсть опущена. Он бродил по клетке туда и обратно, без остановки:

три с половиной шага — поворот —

три с половиной шага — поворот —

три с половиной шага…

— Видишь! — сказал Джемрак. — Вот наш хулиган. Знает, что натворил дел, теперь ему стыдно.

— А имя у него есть?

— Пока нет, покупателя еще не нашли.

— Кто покупает тигров? — спросил я.

— Зоопарки, — ответил Тим.

— Лондонский зоопарк, — отозвался я, хотя ни разу в нем не был.

Тим с Джемраком рассмеялись, будто я пошутил.

— Не только зоопарки, — уточнил Джемрак, — еще люди, которые коллекционируют зверей.

— Сколько стоит мой тигр?

— Взрослый бенгальский тигр за две сотни фунтов уйдет, не меньше.

— Две сотни за тигра, три — за слона, семьдесят — за льва, — затараторил Тим. — За некоторых львов и три сотни можно выручить. Главное — правильного подобрать. А вот орангутан триста двадцать стоит.

По приставной лестнице мы залезли на площадку, где сидело животное, похожее на коровью лепешку, гигантская ящерица с безумной ухмылкой, и мартышки, куча мартышек — этакое рагу из всевозможных проявлений человеческой природы, нагромождение костей, стена маленьких лиц. Детские мордашки. Нет, древние, невозможно древние лица. Но они были вне возраста. Детеныши судорожно хватались за материнские животы в поисках укрытия. Матери с невозмутимым видом терпели.

— А здесь… — Джемрак эффектно сдвинул крышку с низкой круглой корзины. Внутри, подобно свернутым канатам, кольцами лежали друг на друге мускулистые толстые змеи, зеленые и коричневые. — Шустрые твари, — заметил он, водружая крышку обратно и обвязывая веревкой.

Мы прошли мимо огромной кошки с острыми ушами и глазами-самоцветами, которая, увидев нас, замяукала, точно котенок. Между ног повсюду сновали мелкие мохнатые зверьки, симпатичные — я таких и вообразить себе не мог. Джемрак сказал, что их привозят из Перу — какой-то далекой страны. А в

самом темном углу, на корточках, подвернув внутрь костяшки пальцев, сидела большая обезьяна. Она посмотрела на меня, и глаза у нее были совсем как у человека.

Большего мне было и не надо. Навеки оставаться среди зверей и смотреть им в глаза, когда захочется. И как только мы вернулись обратно в дымную контору, где бледный секретарь Балтер снова развалился за своим столом, потягивая какао, мистер Джемрак предложил мне работу. «Да, да!» — выкрикнул я как последний дурак и все засмеялись.

— Не маловат ли? — засомневался Тим Линвер. — Вы уверены, что он справится?

— Ну что, Джаффи, — весело поинтересовался Джемрак, — справишься?

— Справлюсь, — ответил я. — Буду стараться. Вы еще не знаете, я отличный работник.

Конечно, я бы справился. Теперь я был уверен: мы с матушкой не пропадем. Она работала посменно на сахарной фабрике, той, где большая труба, а я как раз этим вечером должен был приступить к новым обязанностям в пабе «Безмозглый матрос». Если добавить еще работу у Джемрака, мы сможем заплатить за жилье вперед.

Тим подошел и грубо толкнул меня плечом:

— Понял, что это значит, ласкар?[3] Навоз будешь убирать во дворе.

Лучше меня этого никто бы не сделал — так я им и сказал, отчего все еще больше захохотали. Мистер Джемрак, сидевший боком к столу, привстал и сдвинул кусок белой бумаги с ящика, который стоял у его ног. Осторожно и с величайшим уважением он достал оттуда змею размером больше всех остальных, виденных мною раньше. Растянись она во всю длину и встань на кончик хвоста, ростом, думаю, вышла бы повыше меня. Тело у нее было треугольное в сечении, покрытое сухими желтоватыми чешуйками. Длинная морда высунулась из рук хозяина и потянулась ко мне, так что вся змея превратилась в мост между мной и Джемраком — прямая как палка, точно рука с указующим перстом. Раздвоенный язык, красный, словно у дьявола, метнулся молнией и застыл в футе от моего носа.

— Ш-ш-ш, — прошипел Джемрак на змеином языке, — присоединишшшься к нам, мастер Джаффи?

Я протянул было руку, но хозяин резко убрал змею.

— Не трогать! — произнес он серьезным тоном. — Не трогать, пока не разрешу. Делать будешь, что тебе говорят, ясно?

Я решительно закивал.

— Хороший мальчик, — одобрил Джемрак, укладывая змею

обратно в ящик.

— Мистер Джемрак, а за ним я буду присматривать? — с нетерпением поинтересовался Тим. — Видишь ли, — обратился он ко мне, — я тут про все знаю, правда, мистер Джемрак?

— Да уж, — рассмеялся хозяин. — Кто бы спорил.

— Понял? — Тим снова обратился ко мне: — Будешь делать, что я тебе скажу.

Джемрак велел мне явиться к семи утра следующего дня: должны были привезти тасманских дьяволов и мартышек. При слове «мартышки» он закатил глаза.

Вечером того же дня я заступил на работу в «Безмозглом матросе». Место было старое, славное, и меня там приняли хорошо. Владельцем заведения был человек по имени Боб Барри, типичный кабатчик — надежный и крепкий, как гвоздь, и морщинистый, как старые простыни. Он сел за пианино и голосом пьяного матроса проорал какую-то старую непристойную песенку. Двое мужчин в деревянных башмаках вышли на небольшую сцену и сплясали матросский танец, а половой переоделся женщиной и спел комические куплеты. Я весь вечер разносил пиво, вытирал столы и чистил котлы. Женщины трепали меня по щекам, толстая французская девка угостила хлебом и беконом, было очень весело. Когда все посетители принялись отплясывать польку, грохот каблуков оглушил меня, точно гигантская морская волна.

Девки в «Безмозглом матросе» были распутнее, чем в «Солодильне», но не такие блудливые, как в «Гусыне Пэдди», хотя в «Гусыне» собирались самые шикарные и смазливые. Одна из тамошних девиц не позволяла называть себя шлюхой и говорила всем, что она «куртизанка». Наверное, некоторые из тех женщин были ужасны, но ко мне они всегда были добры. Я не раз видел, как они обирали матроса до нитки за десять минут и выкидывали, ошарашенного, на улицу. Но если честно, все эти матросы только что на коленях не стояли, умоляя проделать с ними нечто подобное. Женщины крутили ими как хотели, но матросы все равно возвращались. Я смотрел на матросские буйства и вспоминал, как красиво эти бравые молодцы пели по вечерам над Темзой, когда я слушал их, лежа в своей зыбкой постели в Бермондси. В их разговорах переплетались языки со всех концов света, и наш родной английский тоже, кстати, звучал не хуже других.

Я всегда знал, что стану матросом. Знал, еще когда теребил пальцы собственных ног в колыбели. А как же иначе? При приближении матроса мое сердце начинало биться сильнее еще

до того, как я родился, — теперь-то я знаю. Однажды вечером матушка стояла на вонючем берегу в Бермондси — я еще сидел у нее в животе, — и матросы затянули песню где-то далеко, на другом берегу великой реки. Их сладкозвучное пение достигло странной розово-желтой ракушки, которая плавала в околоплодных водах и которой суждено было в будущем стать моим ухом.

По крайней мере, мне хочется так думать.

В «Матросе» было не продохнуть. Пол был скользкий от плевков, но, если поднять голову, можно было увидеть, как дым поднимается к стропилам изящными кольцами, а две златокудрые девицы, раскрашенные, как куклы, поют под аккомпанемент пары ноющих скрипок. Что могло быть красивее?

В полночь, когда я закончил работу и отправился к матушке, веселье было еще в самом разгаре. Улицы полнились ревом и криками. В кармане у меня позвякивали монеты. Я купил себе большой кусок коричневого сахара и сосал его всю дорогу домой. Матушки еще не было, и я попросил Мари-Лу передать ей, чтобы разбудила меня ровно в полседьмого: боялся проспать новую работу. Я лег и закрыл глаза, намереваясь заснуть. Но снаружи стоял такой шум, а где-то в доме пели так громко, что я сумел лишь забыться в полудреме, представляя себе, будто за окном плещется безбрежное черное море.

— Последнего мальчика, который здесь работал, укусил удав, — сообщил Тим. — Парень умер. Зрелище было просто жуть — ты бы видел.

Это было первое, что я от него услышал тем утром во дворе. Было темно и холодно. От тумана перехватывало дыхание.

Тим взлохматил мои черные блестящие кучерявые волосы, из-за которых я походил на индуса, и принялся тыкать в меня пальцем:

— Это еще что? Что это? Ласкар, значит? Ласкар?

Матушка говорила, что мой папа был из мальтийцев или греков, точно она не знала, но уж явно не из ласкаров. Хотя кто ее разберет, каждый раз выдавала новую историю. Тим улыбнулся, обнажив неожиданно блестящие большие ровные зубы. Мы стояли у загона и ждали. Балтер, совмещавший обязанности сторожа и секретаря, околачивался у ворот вместе с Коббом — дюжим широкоплечим дворником, который подметал двор и все загоны.

— Нрав у этих дьяволов — близко не подойдешь, — заявил Тим.

— Какие они? — задал я вопрос во второй раз, но вразумительного ответа опять не получил. Вместо этого Тим

бросал: «У них гигантские пасти» — или: «Они воняют», но на кого эти твари похожи, так и не сообщил. Ему нравилось, пользуясь собственным преимуществом, держать меня в неведении, дразнить, словно щенка косточкой. Мартышками называли маленьких обезьянок — это я знал. Их я не боялся. Для себя я решил: не буду бояться никаких зверей, — но легко принимать такие решения, если знаешь, с чем предстоит столкнуться. А тут — дьявол! Дьявол из Тасмании — где бы ни была эта самая Тасмания. Я вообразил тощего красного демона, с рогами и хвостом, целый воз этих демонов — двуногих, злобных, с гигантскими пастями.

— А чем они питаются? — спросил я.

— Пальцами, — моментально отреагировал Тим, — одними пальцами.

— Ха-ха, — отозвался я и дохнул на свои пальцы.

— Замерз? — поинтересовался мой новый приятель. — На нашей работе слабакам не место.

Я опять рассмеялся. Кем-кем, а слабаком меня не назовешь. Покрепче некоторых. Посмотрел бы я на Тима, получи он по полной со своими золотистыми локонами. Он ухмыльнулся. От холода у меня стучали зубы. А у него — нет. Он слегка дрожал, стараясь убедить себя самого, что не мерзнет. У нас обоих изо рта вырывался пар.

— Делай как я, — посоветовал Тим. — Не ошибешься.

Ворота со скрипом распахнулись, и во двор на телеге въехал Джемрак — прямиком из дока, за спиной — ящики с дьяволами. Он закатил телегу во двор подальше от ворот, чтобы Балтер и Кобб могли разгрузить ящики, не перегораживая улицу. Дьяволов я сначала услышал, а уж потом увидел. Как только эти существа почуяли, что ящики двигают, сразу начали скрестись и стонать, словно полчища проклятых. Обезьяны под навесом сочувственно завыли. По виду дьяволы оказались похожи на небольших собак. Жалкие, уродливые маленькие черные собачонки громко лаяли, обнажив красные десны. Воняло от них страшно.

Делать мне было особенно нечего. Я просто стоял и смотрел, как Тим с Балтером и Коббом заходят в загон. Кобб открыл ящики, а Балтер элегантно и с презрением вытряхнул из них несчастных псов. Всего дьяволов было шестеро, и все они принялись чихать, будто попали в гигантскую перечницу. Тим отогнал их в дальний угол, где заморские собаки повернулись мордами к выходу и начали разевать пасти, словно хотели сломать себе челюсти. Маленькие поросячьи глазки смотрели с испугом. Все большие кошки и собаки завыли и заревели.

— Джаффи, возьми фонарь и отнеси мартышек наверх, под

навес, — распорядился Джемрак, — и дождись Тима. Пока он не придет, ничего там не трогай. — Он указал мне на двух маленьких зверьков с хохлатыми ушками и большими круглыми глазами, следившими за мной через решетку.

— Привет. — Я присел на корточки, чтобы получше рассмотреть парочку, забившуюся в угол ящика. Мартышки прижались друг к другу и обнялись.

— Они же не дети, — насмешливо фыркнул Тим, наблюдая за мной сквозь решетку загона с дьяволами.

— Знаю.

— Не забудь. — Он приподнял створку. — Пока не приду — ничего не трогай.

Я взял ящик и понес его наверх. Справа пахнуло мясом из львиной пасти. Самого льва в темноте видно не было. Наверху, под навесом, было еще темнее. Свет от раскачивающегося фонаря то тут, то там отражался в чьих-нибудь глазах. Пол кишел черепахами, ступать приходилось осторожно, выбирая дорогу. Из клеток с большими обезьянами доносилось глухое бормотание. Добравшись до нужного вольера, я поставил коробку с мартышками на пол. Они вцепились друг в друга еще крепче. Вскоре по лестнице с беспечным свистом взобрался Тим и резко, не без изящества, скакнул на настил.

— Джемрак сказал, можешь посадить их к остальным, — сообщил он, направляясь ко мне с тяжелой связкой ключей. — Я должен проследить, чтобы ты не натворил тут ничего.

Этим он и занялся, точно ястреб, ловя каждое мое движение в ожидании ошибки. Но мартышки были на моей стороне и вели себя так, словно я — их отец: они вцепились в меня своими царапучими лапками, издавая горлом печальные негромкие звуки. Сопротивляться эти крошки явно не собирались. «Отправляйтесь-ка в клетку!» Я осторожно отцепил их от себя, и малыши забрались внутрь. Когда я задвинул засов, в глубине заметались тени. Мне захотелось остаться и посмотреть, как они там устроятся, но Тим схватил фонарь и потащил меня вниз, к клетке с гигантской обезьяной, которая разглядывала меня накануне.

— Старина Смоуки, — произнес он.

Смоуки опять посмотрел на меня, как в прошлый раз, прямо в глаза, не теряя спокойствия. Огромные черные зрачки на плоской физиономии, с двумя блестящими точками — отсветами от фонаря. В этом взгляде читалось нечто среднее между умиротворенностью и настороженностью. Губы кривились в задумчивой ухмылке.

«Какой чудесный!» — воскликнул я — не вслух, но про себя.

— Хочешь зайти к нему? — поинтересовался Тим.

Конечно, я хотел зайти к Смоуки, но и дураком не был.

— Только если мистер Джемрак разрешит, — ответил я.

— Смоуки — парень что надо, много лет прожил у каких-то богачей на Глостер-сквер, членом семьи стал, можно сказать. Он совсем как человек.

— Как он попал сюда?

— Понятия не имею. Во вторник должны на север отправить, — сообщил Тим. — Хочешь к нему зайти?

— Нет, — сказал я.

— Давай. Ключи у меня. Думаешь, он дал бы мне ключи, если б это было опасно?

Мы со Смоуки продолжали изучать друг друга.

— Давай, — повторил Тим.

— Нет.

— Трус.

И он ушел, оставив меня в темноте.

— А ну успокоились! — кричал он на непоседливых зверей, пока я, запинаясь и спотыкаясь о глупых черепах, брел следом за ним, а черепахи все ползли и ползли, не сворачивая, будто по какому-то важному делу.

Надо было двинуть ему за то, что назвал меня трусом. Эта мысль пришла мне в голову, пока я неуклюже спускался по лестнице, но я никогда не был забиякой.

— Порядок? — спросил Джемрак.

Он стоял у загона с черным медведем и беседовал с плотным коротышкой в длинном плаще и резиновых сапогах. Над их головами в полоске света, вырывавшейся из задней двери, клубился дым.

— Полный порядок! — отозвался Тим и повернулся ко мне. — Видишь этого парня? Это Дэн Раймер. Когда подрасту, пойду с ним в море.

Джемрак вызвал нас в контору. Когда мы заходили с черного хода, от сильного аромата горячего кофе у меня потекли слюни. Дрожащие тени от фонаря двигались вместе с нами через комнаты с синешейками и попугаями. В конторе было совсем светло. Балтер разливал кофе из высокого кофейника. Над чашками медленно поднимался кольцами горячий пар, смешиваясь с голубым дымом.

— Славно сработано, Дэн, — произнес Джемрак, вытаскивая стул из-за конторки. — Надолго теперь домой?

— Домой — это дело такое: всегда оказывается, что слишком ненадолго и в то же время — слишком надолго, — ответил Дэн Раймер, снимая шапку. Голос у него был грубый, точно наждак.

Чашки с кофе стояли у Балтера на столе, и я чуть в обморок не падал от аромата. Но с ногами творилось нечто ужасное.

— Вот мальчик, о котором я тебе рассказывал. Тот, что не побоялся тигра по носу потрепать.

— И теперь не боится? — Коротышка обернулся и уставился на меня щелочками глаз.

Изо рта у него торчала длинная глиняная трубка, белая, совсем новая, и дым из нее вился вокруг его головы. Я постепенно оттаивал, и боль в ногах становилась невыносимой. По щекам у меня потекли слезы. Лицо у коротышки было морщинистое, отчего он походил на черепаху или ящерицу, и в то же время он казался молодым — в жестких темных волосах не было и намека на седину.

— Ему ботинки нужны, — сказал Тим.

Все перевели взгляд на мои ноги — синие от холода, с огрубевшими, как у зверя, подошвами. Бинты, которыми были замотаны пальцы, промокли насквозь.

Коротышка присел на стул, снял сапоги и вместе с парой толстых ярко-красных носков — штопаных-перештопаных — и натянул на мои замерзшие ноги.

— Жена вязала, и штопала тоже она. Ты только глянь. Она у меня такая. Все умеет.

Он протянул мне кофе и добавил:

— Домой придешь, ноги-то отмой.

Носки, конечно, оказались слишком большими и болтались на мне, как два мешка, но я обмотал их кромки вокруг лодыжек, и они еще хранили тепло ног моряка.

Работать в зверинце мне понравилось. Я присматривал за животными. Мистер Джемрак купил мне ботинки. Мы подметали двор, чистили клетки и загоны, меняли солому, воду и корм. Большой Кобб делал тяжелую работу. Балтер по большей части вел бухгалтерию, но, если было надо, спускался во двор, где умело и ловко управлялся с разным зверьем. Во всех его жестах сквозило небрежное высокомерие профессионала. Он как будто говорил: все эти львы, крокодилы, медведи и удавы, способные проглотить человека целиком, — сплошная ерунда.

Тим вел учет поголовья. Я считал, а он записывал. Итак:

Один китайский аллигатор. Аллигатор с улыбкой растягивался рядом с нами за железной решеткой, половина туловища — в воде, половина — снаружи.

Четыре японские свиньи.

Четырнадцать бесхвостых макак.

Двенадцать кобр.

Восемь волков.

Одна газель.

Шестьдесят четыре черепахи. Это навскидку. Точно сосчитать было невозможно: они постоянно переползали с места на место.

Мы с Тимом ладили — но только до тех пор, пока я ему во всем уступал. Он умел улизнуть в самый разгар работы, оставляя мне самую неприятную часть очередного поручения. «Я в сортир», — заявлял он и исчезал на полчаса. Но в присутствии Джемрака Тим всегда был при деле — весело насвистывал, толкал перед собой тележку, изображал усердный труд. Он помогал Джемраку с тех пор, как научился ходить, — так он мне говорил. «Без меня ему не справиться». У Тима была манера вечно выскакивать вперед, показывать мне свое превосходство, оттирать меня плечом. А я молчал. Что я мог возразить? Тим — высокий, симпатичный, светловолосый, и я — маленький, грязный и зачуханный, существо с другого берега. Стоило ли рисковать и раскачивать волшебную лодку, переправившую меня на эту сторону реки? Нет, конечно. Пусть даже он раздавил яйцо у меня в кармане. И скормил сэндвич с мучными червями. Зато он научил меня, как правильно держать на руках обезьяну, как не дать лягушкам засохнуть, а сверчкам — намокнуть, куда следует встать, чтобы эму тебя не лягнул, как щекотать медведя, как разводить цикад и отрывать головы мучным червям. Хотя чаще всего приходилось выгребать из загонов навоз, выливать помои, готовить корм и менять воду. Заходить к буйным приматам или кормить больших кошек могли только Кобб или сам Джемрак. Правда, к старику Смоуки заходить разрешалось и мне. Он был добрый. Но на третий день его погрузили на телегу и увезли. Он выглядывал из ящика с тем же невозмутимым выражением, с каким сидел у себя в загоне. Никто из зверей не задерживался надолго, за исключением попугаихи в прихожей, тукана Чарли и особой свиньи из Японии: Джемраку она почему-то пришлась по сердцу, и он разрешал ей свободно бродить по двору, оставляя липкие черные катышки повсюду, где я как раз успевал подмести.

Торговля шла бойко.

Мой тигр отправился в Константинополь жить в саду у самого султана. Я представлял себе жаркие зеленые заросли, полные цветов, и мерцающие пруды, по берегам которых вечно бродит мой тигр. Воображал, как султан выходит на прогулку в сад и сталкивается с ним лицом к лицу.

В пятницу — недели не прошло, как я поступил на работу, — Джемрак послал нас с Тимом в свою лавку после закрытия — убрать за птицами, покормить рыбок и почистить масляные

лампы (партия, прибывшая на корабле из Индии, оказалась слишком грязной). Лавка располагалась на Рэтклифф-хайвей: два больших окна, а над ними дважды написано: «У Джемрака — У Джемрака». Уже темнело, и я подустал: дни и ночи сливались в бесконечный сон, я носился между зверинцем, «Матросом» и домом, матушку почти не видел: у нее были какие-то странные смены на сахарной фабрике. Лавка была похожа на пыльный лабиринт и, пока мы рыскали по ней с фонарем, который отбрасывал дрожащие тени, показалась мне местом жутким и таинственным. Каждый дюйм пространства был чем-то заполнен. Со всех сторон на нас надвигались стены. В центре, у лестницы, стоял манекен — голая женщина с черными, собранными на макушке волосами. При взгляде на нее у меня мурашки пошли по спине. «Из Японии, — просветил меня Тим. — Смотри, ей руки и ноги можно крутить». И он завернул ее в такую дикую позу, что в пляшущем свете фонаря она стала похожа на демона.

Из основного зала вглубь лавки уходила паутина маленьких комнатушек, ступеней и узких проходов; стены были увешаны десятками картин: идолы, духи, драконы, цветы с причудливо вывернутыми лепестками, горы и фонтаны, дворцы и жемчужины… Все это проплывало перед глазами, словно во сне. Зеленый бог следил за мною со своего трона. Один из залов был забит доспехами, ножами, кинжалами, японскими шелковыми тапочками, еще там был огромный гонг и кроваво-красная, покрытая лаком арфа, украшенная драконьей головой со свирепыми вытаращенными глазами. Тим водил меня по лавке с невероятной гордостью: можно было подумать, будто он лично обнаружил и велел отправить домой каждое из сокровищ, доставленное сюда из самых удаленных уголков мира.

— Со всех концов земли! — Тим обвел рукой все это великолепие. — Знаешь, что у нас тут было как-то раз? Сушеные головы! Человечьи головы! На обезьяньи похожи. Там так принято: отрежут врагу голову и носят потом на поясе, как… как… посмотри только. Язык демона из Монголии — вот что это такое. А там, на стене, видишь? Посмертная маска. С Тибета. У тебя точно духу не хватило бы примерить!

— Не хватило бы, ясное дело, — признался я.

— Слаб***о***?

— Да.

— Ерунда какая. Неужели слабо?

— Сам надень, — предложил я.

— А я уже надевал. Даже выходил в ней один раз на улицу. Старушонка одна, у поворота на Барода-плейс, чуть не померла со страху.

Вранье. Но я промолчал.

Птицы и рыбки помещались в дальних комнатах. Рыбки — из Китая: оранжевые, белые и черные, пузатые, толстогубые существа с большими мутновато-белесыми глазами, торчащими как бугорки по обе стороны головы. Белые какаду — терпеливые, разумные и дружелюбные птицы — жались друг к дружке, с неподдельным интересом наблюдая за каждым нашим движением. Их только что пересадили в новые клетки, и нам надо было вычистить старые. Все поддоны были в помете, засохшие белые лепешки пришлось отскребать стамеской. Когда с клетками было покончено, стрелка на часах приблизилась к половине пятого, а нам предстояло еще задать корму рыбам и распаковать один ящик.

— Есть хочешь? — спросил Тим. — Давай я сбегаю и куплю нам пару колбасок?

— Ты ведь ненадолго?

— Одна нога здесь — другая там, — ответил он и убежал, заперев меня в лавке «для безопасности», как он выразился.

Рыбок я покормил быстро и, покончив со вторым заданием, принялся за лампы. Оттирая каждую очередную лампу, я все думал, не появится ли из нее джинн и не предложит ли мне загадать три желания. С половиной ламп я уже разобрался — и вдруг ощутил первые приступы страха. Фонарь стоял на прилавке, излучая тусклое сияние, и в его свете из всех углов и закоулков на меня полезли дрожащие тени. Каждая вычищенная лампа занимала свое место на полу рядом с остальными. Я сидел с тряпкой в руках возле ящика, скрестив ноги, тянулся за очередной лампой и думал всякие гадости про Тима Линвера. Вдруг волоски у меня на затылке медленно и неприятно вздыбились — будто кто-то провел тонким пальцем от макушки до верхнего позвонка. Ощущение это меня удивило. Не сказать, чтобы я сильно испугался. Жалюзи над витринами были опущены, и снаружи доносился привычный предвечерний шум. Я обернулся. По стенам мягко скользили тени. Чего я ждал? Ничего. До сего момента в моей жизни ни разу еще не случалось ничего, что могло бы подтолкнуть меня к вере в привидения. Я о них и не думал никогда. И даже теперь не считаю, будто лавка Джемрака была населена призраками, но что-то произошло со мной той ночью.

Прежде всего остановилось время. Помню, как посмотрел в другой конец торгового зала и увидел ту женщину с черными волосами у подножия лестницы — голую, с руками, вывернутыми назад, и ногой, вывихнутой в области колена и обращенной вверх самым жутким образом. В этот момент я сообразил, что понятия

не имею, сколько времени прошло с тех пор, как Тим отправился за едой, и который теперь может быть час. На улице стояла тишина, что само по себе было странно, — и все же у меня возникло странное чувство, будто меня только что разбудил громкий шум, хотя я не помнил, как заснул. Да и разве мог я заснуть? Сидя? Со скрещенными ногами? И куда запропастился Тим, черт бы его побрал? Глаза у японки были темные — щелочки на белом лице, а рот — едва заметная точка. В свете фонаря ее лицо будто ожило. Все индийские лампы были вычищены и выстроены двумя ровными рядами вдоль прилавка, хотя сам я не помнил, как поставил их туда. Ящик оказался возле прилавка, а перед ним стояла огромная корзина с невероятными витыми раковинами — со всех сторон из них торчали шипы, а внутренности отливали перламутром. «Свет сейчас погаснет», — подумал я. Темные грани стали еще темнее, чернее, гуще и страшнее, а раковины изгибались так нежно, что я почувствовал, как в жилке под моим левым локтем пульсирует кровь. Я встал и тупо уставился на фонарь. В лавке были собраны лампы со всех концов земли, но ни одну из них я не мог сейчас зажечь.

Куда подевался Тим? Не мог же он оставить меня здесь одного, тем более на ночь? И не потеряю ли я место в «Матросе»? Ведь я давным-давно должен был туда прийти. Мне нравилось работать в «Матросе». Я был лучший мальчик из всех, что у них прежде прислуживали: Боб Барри сам так сказал. И относились ко мне там хорошо. Лучше, чем здесь. Тим специально все подстроил: сбежал и запер меня в лавке, чтобы напугать. Но почему на улице так тихо?

К горлу подступил комок.

Почему я не встал и не принялся колотить во входную дверь что есть мочи и не закричал изо всех сил в щель почтового ящика, чтобы кто-нибудь пришел и выпустил меня, — не знаю. Кажется, я не мог двинуться с места. Во рту пересохло, а когда я попытался облизать губы, язык оказался распухшим и липким. Может, я заболел? Было довольно холодно. Где-то в глубине лавки, в одной из забитых хламом каморок или в одном из узких проходов, что-то зашуршало. Я почувствовал, как перо щекочет мне шею. Распахнутую дверь в первый коридор, за которым находилась комната с музыкальными инструментами, скрывала густая плотная тьма. Я вгляделся в эту тьму и снова услышал шелест.

Ну конечно! Птицы. Мне так не хватало компании. Здорово было бы очутиться хотя бы рядом с теми симпатичными белыми птицами в задней комнате. Даже пучеглазые рыбы — и те лучше, чем ничего. Тим наверняка скоро вернется. Я осторожно взял фонарь и шаг за шагом стал углубляться в темноту, которая

мягко отступала передо мной. На секунду, блеснув золотистой глоткой, мелькнула драконья голова во всем своем странном великолепии. Я свернул направо и ощутил, как слева разверзается зияющая бездна. Там, внизу, громоздились высокие кувшины из сказок про Али-Бабу, вазы из Ниневии, безжалостные кривые клинки и хрупкие фарфоровые сервизы: золотистые ручки у чашек были такие тонкие — сложно было представить себе, чтобы их могли держать в руках люди, а не феи. Передо мной возникали демоны, идолы, резные фигурки богов и священные гонги, бамбуковые трубки, отравленные дротики… Фонарь высветил гигантские оленьи рога. Еще один поворот налево, в конце коридора, и там наконец будут птицы, но на углу надо быть осторожным и не смотреть направо: там стоят по стойке смирно доспехи, и бог знает, что там прячется, под тяжелыми шлемами.

Перед самым поворотом я заметил корабль. Приподняв фонарь, я успел разглядеть картину со странным судном: целый плавучий замок, с высокими бортами и бесчисленными орудийными башнями, высоко вздымался на гребне волны — во сне на такой корабль можно спокойно взойти и уплыть на край света.

Свет погас.

В первое мгновение мне не было страшно. Я стоял, сжимая в руке погасший фонарь, а наступившая вокруг кромешная тьма облизала меня с ног до головы, точно кошка своего котенка. С минуту я стоял неподвижно, впуская в себя темноту. А потом — испугался. Я повернулся и побежал. Все демоны ада устремились за мной, пытаясь вспрыгнуть мне на спину. Я врезался в стену, снова повернулся и побежал, остановился, хватая ртом воздух. Собственное исполненное ужаса дыхание показалось мне очень громким. Стена под рукой казалась прочной.

Пойду на ощупь, как слепые.

Я отдышался и пустился в путь, нащупывая дорогу назад. Смертельный страх не отпускал меня ни на секунду. Шаг за шагом я добрался до открытого проема — из невидимой разверстой пасти дохнуло холодом. Переступить порог я не посмел. Одному Богу известно, что таилось там, в глубине. Сколько я мог так простоять? Время застыло, я застыл, вселенная застыла. Сколько времени прошло, прежде чем я почувствовал, как душа покидает тело, словно струйка дыма, и свободно воспаряет в воздух, где миллионы других потерянных душ лелеют надежду приземлиться? Я проплыл сквозь дверной проем и вновь оказался на полу в ночи, в темноте Джемраковой лавки; подобно змее, я пытался проползти вдоль стены к месту, где можно было бы свернуть в коридор, ведущий в основное помещение.

Я нащупал нужный угол и выбрался в коридор, испытав при этом такой восторг, словно достиг вершины могучей горы. Над ухом у меня что-то пронеслось — то ли мошка, то ли комар.

Я пересек Синай дюйм за дюймом, то обретая, то теряя сознание, а когда стен не стало и держаться было уже не за что, я вытянул вперед руки и медленно пошел в пустоту. Вдруг что-то больно впилось мне в ногу. Острая неприятная боль пронзила все тело, я запнулся, полетел вниз и стукнулся головой о какой-то предмет.

Нечто мягкое, вдоль чего я растянулся, тихо позвякивало.

Как я устал!

И тут я заплакал. Сквозь жалюзи не пробивалось ни полоски света. Какой смысл снова вставать? Подняв руку к лицу, я нащупал большую шишку, она наливалась кровью и горела. Все прочие части моего тела были холодны как лед. Я плакал, подтянув колени к подбородку и обхватив себя руками. В мозгу вихрем кружились разноцветные безделушки, свезенные сюда матросами и капитанами со всех концов света и обретшие наконец покой. Последним, что возникло перед моим мысленным взором, прежде чем я окончательно провалился в сон, был гигантский парусник на стене.

Был ли это сон? Или, скорее, блуждание на грани реальности и небытия, качка, дрейф, бесконечно возобновляемое странствие сквозь безграничную ночь, лишенную спасительного боя часов. В какой-то момент, когда я в очередной раз очнулся, мое сознание вдруг чудесным образом прояснилось и застыло в напряженном ожидании. Нечто приблизилось, легло рядом и обняло меня сзади. Живое и плотное, оно прильнуло ко мне по всей длине и плотно прижало к себе.

То, что я почувствовал, казалось совершенно реальным, но, признаюсь, с той ночи я не раз принимал за реальность то, что вовсе ею не являлось. Обнявшая меня сущность не могла быть человеческой природы, ведь, чтобы схватить меня, ей пришлось бы протянуть руку сквозь пол. То, что я испытал, было больше чем страх. Это была капитуляция, свинцовая тяжесть, смерть.

Больше ничего не помню.

Меня разбудил скрежет ключа, которым приказчик отпирал дверь лавки. Я лежал на мешке с ракушками — они тихо зазвенели, когда я сел и зажмурился от утреннего света.

— Какого дьявола ты тут разлегся? — грубо крикнул приказчик. — Новенький, что ли? Всю ночь здесь просидел?

Я попытался объяснить, как все произошло, но слушать ему было некогда, и он просто выгнал меня на улицу. Солнце стояло уже высоко над крышами — на работу я опоздал. Про «Матроса» и

говорить было нечего. Я бегом побежал во двор. Кобб собирал сено.

— Эй, парень, где так башку зашиб?

Тим сидел на деревянном пандусе, но, увидев меня, сразу спрыгнул и подбежал.

— Прости, Джаф, — улыбнулся он, будто бы ничего не случилось, — я не смог удержаться.

— Я потерял работу!

От усталости меня знобило.

— Но ведь не ты виноват, — оправдывался Тим. — Не могут же они уволить тебя за то, в чем ты не виноват!

— Откуда тебе знать? Ты нарочно все подстроил.

Глаза жгло, все болело. Я ударил Тима в грудь.

— Ай! — вскрикнул он и обиженно отскочил в сторону. — Ты что? Я не виноват.

— Ты меня запер!

— Ну да. Только сейчас сообразил, когда ты пришел. А ключи у меня в кармане были.

— Ты знал!

— Ничего подобного! Я шел по улице, встретил друзей — сам знаешь, как это бывает. Думал, ты там все доделаешь и пойдешь домой. С головой-то что? — Тим протянул руку, но я уклонился.

— Упал. — Голос перехватило, на глаза навернулись слезы. — Фонарь погас.

— Ну что ты как маленький? — с улыбкой произнес Тим. — Не реви.

Из носа у меня потекло.

У Тима хватило наглости подойти ближе и попытаться закинуть руку мне на плечо. Я снова ударил его, мы сцепились и скатились с пандуса на землю. Кобб прикрикнул на нас с другого конца двора.

— Ненавижу! — кричал я.

Тим держал меня за запястья, а я пинал его по коленкам.

— Слушай, Джаф, — сказал он рассудительным тоном, отчего у меня внутри все закипело, — ты же не скажешь Джемраку, правда?

— Нет, скажу! Обязательно скажу!

Я обернулся и поискал глазами нашего немца-великана, но Кобба нигде не было видно.

— Чтоб ты сдох, Тим Линвер, ненавижу! — прохрипел я, пнул его еще раз, вырвался и побежал к двери посмотреть, на месте ли Джемрак.

— Нет! — Тим догнал меня и схватил за плечо. Голос у него вдруг стал испуганный и умоляющий. — Не говори ему, Джаффи.

Если скажешь — он меня выгонит.

— Так тебе и надо.

Но Джемрака в конторе еще не было. Только Балтер сидел, закинув ноги на стол, и длинным ногтем ковырял в зубах.

— Вы оба — кыш отсюда!

Тим уволок меня в прихожую. В глазах у него стояли слезы. Отлично. Мы пробежали через комнату с молчаливыми птицами.

— Это была шутка! — в отчаянии признался он.

Мы вновь оказались во дворе. Я взял метлу и, выставив ее наперевес, как рыцарское копье, погнал его к загону с аллигатором.

— Совсем рехнулся! — заорал Тим.

Я принялся колотить его метлой что было сил.

— Перестань! Больно!

— Прекратили. Оба! — рявкнул на нас Кобб. — Хозяин здесь, слышали — коляска приехала.

Я бросил метлу и понесся к двери. Тим бежал за мной, хватая за руку:

— Джаффи! — Лицо его побелело. — Прошу тебя, не говори. Подзорную трубу тебе отдам, обещаю. Не расскажешь — отдам трубу.

За дверью Джемрак приветливо поздоровался с Балтером.

— Пожалуйста!

Как я хотел заполучить эту трубу! Дэн Раймер дважды объехал с ней вокруг света и отдал ее Тиму. Через нее Раймер первым увидел, как гигантский патагонский кондор парит в небесах над голубыми горами. Так говорил Тим. Раз, один только раз мне позволили посмотреть в нее, и то лишь на пару секунд. Я увидел мир по-новому. Рассмотрел даже темную полосочку в глазу у скворца.

— Ну пожалуйста! — повторил Тим.

Проработал я часов до десяти, а потом потерял сознание. Или что-то вроде того. Просто упал — и все.

Привезли трех слонят. Кажется, они были еще совсем маленькие, один — не больше крупного мастифа, того, что охранял дубильню в Бермондси. Вид у них был несчастный. Одна нога у каждого обмотана цепью. Слонята так и ходили гуськом, взад-вперед, взад-вперед, мерно закручивая и раскручивая хоботы, вяло сгибая и распрямляя большие ноги, поворот за поворотом, раскачиваясь на маленьком газоне в бесконечном гипнотическом танце. Двигались они настолько медленно и монотонно, что у меня закружилась голова, я выпустил из рук скребок и упал на землю. Очнулся я в конторе, на шершавом

пальто. Мистер Джемрак пытался напоить меня водой из кувшина. Рядом стояли Балтер и Кобб, а Тим, с беспокойной физиономией, тянул свою дурацкую шею, пытаясь выглянуть у Джемрака из-за спины.

— Что такое? Что случилось? — спросил Джемрак. — Заболел?

— Просто устал, — ответил я, — и позавтракать не успел.

— Как это, не успел позавтракать? Почему?

Тут-то и выяснилось, что я всю ночь просидел в лавке и пропустил смену в «Матросе».

— Тим меня запер, — признался я.

— Я хотел вернуться, но потом забыл!

В эту минуту я возненавидел Тима.

— Он нарочно это сделал.

— Вовсе не нарочно. — Лицо у него пошло красными пятнами.

— А вот и нарочно.

Он разревелся.

— Тим! — строго произнес Джемрак.

— Пожалуйста, мистер Джемрак, не увольняйте меня, — обреченно взмолился Тим, — я ничего такого не хотел!

— Значит, ты действительно запер этого мальчика на ночь в лавке?

— Я просто пошутил.

Услышав это, Джемрак вышел из себя — в первый и последний раз, на моей памяти.

Его тонкие губы напряглись и задрожали. Джемрак взревел от ярости. Он кричал, что Тим — дурной мальчик, нехороший, жестокий мальчик, что он закончит свою жизнь на галерах и так ему и надо!

— А теперь убирайся вон и обратно не возвращайся! Вечно хочешь доказать, что ты тут самый главный, да? Все, с меня хватит! — Тут он приподнял меня и посадил к себе на колено.

К этому времени я уже начал жалеть Тима. Тот умолял, хныкал. Лицо его искривилось в гримасу. Он просил прощения, говорил, будто не ведал, что творил, обещал больше никогда, никогда-никогда такого не делать.

— Уйди, Тим! — Джемрак дотронулся до шишки у меня на лбу. — А это откуда?

— Темно было, я упал.

Тим стоял у двери, бессильно опустив руки, по щекам его катились слезы.

— Я отдам тебе подзорную трубу, — всхлипывая, произнес он.

— Мистер Джемрак, пожалуйста, не увольняйте его, — попросил я.

Джемрак тяжело вздохнул:

— Почему? Почему я должен его оставить после такого проступка?

— Не знаю, — признался я.

Стало тихо. Слышно было только, как плачет Тим. Взгляд у Джемрака погрустнел.

Балтер успел выйти в коридор, но снова выглянул из-за двери:

— Прибыл человек от мистера Фледжа.

Они приезжали отовсюду: из России, Вены, Парижа. Хитрые и ловкие. Джемрак выругался по-немецки:

— Что ему понадобилось на этот раз? Единорог? Гиппогриф?

Балтер прыснул.

— Где он?

— Во дворе. Слонят смотрит.

— Скажи, пусть подождет, — велел Джемрак и снова вздохнул.

Когда Балтер вышел, мистер Джемрак спустил меня с колена и встал, отряхнув брюки.

— Тим, — обратился он к моему напарнику, — вытри нос и перестань хныкать. Приведи себя в порядок и отправляйся в «Безмозглого матроса». Там ты расскажешь во всех подробностях о том, что ты наделал. Скажи им, что мастер Джаффи ни в чем не виноват и что он вечером вернется на работу. Скажи, что тебя прислал я и что я за Джаффи ручаюсь. Потом сразу беги обратно и приступай к работе.

Тим убежал.

Джемрак взял меня за руку и вывел во двор. «Один момент!» — крикнул он высокому худому господину, который стоял рядом со слонятами. Сбоку в заборе была дверца; хозяин отпер ее, и мы очутились в узком переулке с глухими кирпичными стенами по сторонам. На мостовой между булыжниками росли сорняки. Я видел, как другие дети ходят за руку со своими отцами, но сам еще ни разу не ходил так со взрослым мужчиной, и потому испытал особое чувство. Я даже толком не знал, как зовут моего отца. То ли Андре, то ли Тео — от матушки ничего было не добиться. Он был смуглокожий матрос со стеклянным глазом. В конце переулка стоял маленький дом. Дверь, покрытая облезлой коричневой краской, была нараспашку. Джемрак легонько стукнул в нее костяшками пальцев:

— Миссис Линвер! К вам пациент!

Вытирая о передник запотевшие очки, к нам вышла та самая

женщина с испуганным лицом, которая стояла в толпе, в переднем ряду, когда Джемрак спас меня от тигра. Она скользнула по мне близоруким, невидящим взглядом, исполненным изумления и излишнего напряжения, затем водрузила очки себе на нос и пригляделась внимательнее.

— Это же тот самый мальчик, который был с тигром! — воскликнула она, опускаясь на одно колено и беря меня за плечи. Мистер Джемрак рассказал ей в подробностях о том, что произошло, и велел хорошенько накормить меня и отослать домой, чтобы я выспался. — Шкуру с него спущу! Вот мерзавец! — возмутилась женщина, узнав о проделках Тима.

Мистер Джемрак поспешил обратно в зверинец по заброшенному переулку, а миссис Линвер взяла меня за руку и отвела в комнату, где повсюду — на спинках стульев, на столе, на массивной решетке, подвешенной к потолку над открытым огнем, — было разложено и развешано только что выстиранное белье. В продавленном кресле у огня сидел бледный лысый господин плотного сложения и с рассеянной улыбкой строгал деревянную палочку. А еще там была маленькая девочка — та самая, что улыбнулась мне из толпы; она стояла у плиты с ложкой в руках и повернулась к нам, когда мы вошли. С ложки у нее что-то капало. И она опять улыбнулась. То была любовь не с первого, но со второго взгляда. У девочки были прямые светлые волосы, чистое смышленое лицо и грязный передник, а на щеках играли ямочки.

— Ишбель, положи ему каши, — распорядилась мать. — Твой брат — ужасный, нехороший мальчик, — тонким, дрожащим голосом продолжала она, оттирая мне лицо и колени горячей тряпкой. — Понятно, почему старик так привязался к этому пареньку. — Хозяйка прополоскала тряпку. — Он так похож на бедняжку Антона. Упокой Господь его душу!

Светловолосая девочка расчистила для меня место на столе, и я заметил, что ногти у нее изгрызены, а пальцы кровоточат. Она поставила передо мной миску с овсянкой. Я сказал спасибо, и девочка присела в шутливом книксене, приподняв край темно-красной юбочки: «Пожалуйста!» — повернулась ко мне спиной и присела у ног лысого господина. Он был похож на Тима и на девочку — не хватало только обоих побрить налысо, надуть, как шарики, и лишить разума.

— Не слишком-то рассиживайся, юная леди, — пригрозила мать, но Ишбель оперлась на ноги отца, обхватила руками его колени, наклонила голову вбок и принялась рассматривать меня с нескрываемым любопытством.

В дверях показался Тим. Мать подскочила к нему и принялась

кричать:

— Он тебя выгонит! Мерзкий ты мальчишка! Ты! Ты! Выгонит как пить дать! Ты всех нас погубишь!

Тим часто заморгал, подошел ко мне — я тем временем не уставал отправлять в рот овсянку, ложка за ложкой, — и протянул руку.

— Прости, Джаффи, — произнес он, не давая мне отвести взгляд. — Я очень виноват. Правда. Нехорошо получилось. Но работу ты не потерял. Я сходил в «Матроса» и все им рассказал.

Я встал, и мы молча пожали друг другу руки.

— Ничего страшного, — пробормотал я.

Настал полдень. Когда я вернулся, матушка спала. Мари-Лу и Бархотка тоже спали — из-за занавески доносились долгие мечтательные вздохи. Я забрался в постель, под бок к матушке, сжимая в руке подзорную трубу. Трубу, с которой Дэн Раймер объехал весь свет. Матушка не проснулась, но обняла меня, и высокий парусник унес меня по нарисованным волнам в долгий сладкий сон.

3

Мистер Джемрак любил детей. Ишбель и Тим были близнецы; они с самого раннего детства постоянно бегали к нему во двор смотреть на животных. Джемрака забавляли игры ребят, которые не раз получали от него мелкие монетки за разную поденную работу. Когда Тим нанялся к Джемраку по-настоящему, тот заставил его ходить в школу дважды в неделю и теперь проделал то же самое со мной. К одиннадцати годам я выучился читать и писать. Джемрак повторял, что мальчики, которые у него работают, должны уметь записать все, что нужно, и читать без запинки. Я оказался смышленым ребенком. Матушка удивлялась. «Да ты умница, Джаф», — говорила она, когда я читал вслух объявления, вывешенные у Морской часовни.

— «Большая ярмарка», «Туннель под Темзой», — не без хвастовства декламировал я, — «Мадам Зан-Зан предскажет будущее», «Кукольный театр Кринелли», «Невероятные братья Мариолетти», «Заклинатель змей, ходьба по углям, качели-лодки. Вход — 10 пенсов».

В день ярмарки Джемрак разрешил нам закончить работу пораньше и сунул мне с Тимом по паре монет, пока мы снимали рабочие башмаки, присев у сарая. Мы привели себя в порядок у водокачки, переоделись в чистое, пихая и толкая друг друга, стряхивая воду с волос и ковыряя в ушах, пока шли по переулку. Ишбель после обеда работала в «Солодильне» и выпила немного джина. Наверное, поэтому она была так раздражена. Во всяком случае, стоило нам войти в дом, Ишбель принялась кричать на Тима, как это не раз случалось:

— Ты до ухода должен был угля принести! — Она разливала половником суп, пар обжигал ей лицо. — Свинья ленивая!

— Рот закрой, женщина, — надменно произнес Тим. — Ты кого ленивой свиньей назвала? Да я с пяти утра дерьмо выгребал.

Миссис Линвер, казалось, была слегка не в себе. Глаза вылезли из орбит, а волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу.

— Молчать! — рявкнула она, заправляя своему толстому мужу слюнявчик за воротник. — Вы оба мне до смерти надоели! До смерти! — Мать Тима вытащила у мистера Линвера из пухлой ладони недоструганную русалку и швырнула ее в корзину поверх десятка уже законченных фигурок. Все время, когда мистер Линвер не ел, — то есть дни напролет — он с поразительным постоянством, точно заведенный, вырезал из дерева русалок, которых жена потом сбывала на улице, — женщин с бесформенными лицами, с гигантскими, похожими на груши

грудями и закрученными рыбьими хвостами, на которых они могли сидеть. Когда-то мистер Линвер служил матросом и был недурен собой, хотя сейчас в это было трудно поверить. Ишбель вспоминала, как отец носился взад-вперед по переулку с Тимом на плечах и все они смеялись. Но в год, когда близнецам исполнилось по шесть лет, он вернулся из плавания лишенным рассудка: получил по голове рангоутом где-то неподалеку от островов Зеленого Мыса. Мистера Линвера никто не замечал. Он мало чем отличался от стула, на котором сидел. На меня тоже никто особенного внимания не обращал, так что я занял привычное место за столом и ждал, когда мне подадут еду. Ишбель метнула на стол две миски с супом и сделала это так резко, что немного коричневой жидкости пролилось на клеенку. Ей исполнилось уже двенадцать, и она все время дулась.

— Так нечестно, — заявила она. — Вы явились такие все чистенькие, хоть сейчас на ярмарку, а у меня не было времени даже волосы убрать. — Ишбель сдвинула со лба засаленный платок и покачала головой.

— У тебя и так все в порядке, — заметила мать, — и минуты не потребуется.

Ишбель у нее за спиной состроила жуткую гримасу: напрягла шею и нижнюю часть лица так, что они задергались. — Как думаешь, кто притащил весь этот чертов уголь? — не отставала она от брата. — Я, я, я, я, я, опять и снова я. Ты мне надоел! Ненавижу! Вечно ты так поступаешь.

Тим сел за стол и криво ухмыльнулся, чтобы еще больше раздразнить сестру. После обливаний у колонки волосы у него еще не высохли. Мистер Линвер наклонился вперед и плюнул в очаг.

— Вот гадость, — произнес Тим.

Отец обернулся к сыну, и на лице у него промелькнуло выражение, однозначно похожее на ненависть.

— А мне вечером еще работать, — не унималась Ишбель. — Но я не буду работать, потому что так нечестно. — Она взяла жестяную кружку, зачерпнула ею супа и удалилась в соседнюю комнату.

— Еще как будешь! Тоже мне, дама нашлась! — завопила ей вослед мать.

Пока мы ели, из соседней комнаты раздавались глухие стуки, звон и нарочитые вздохи. Покончив с супом, мы с Тимом вышли на крыльцо и уселись на солнышке в заросшем мхом переулке, передавая друг другу раскуренную трубку. Сидели молча. Наконец, вытирая рот, вышла Ишбель.

— Я с вами двумя не пойду, — сообщила она.

Через открытую дверь донесся крик матери:

— Нет, пойдешь, я сказала!

— Я с Джаффи пойду! — На меня Ишбель не смотрела, только на Тима. — А с тобой — нет.

Для меня это был судьбоносный момент. До сих пор мы постоянно ходили вместе — три года как, я вечно плелся в хвосте, спотыкаясь и догоняя близнецов, которые всегда шли впереди, плечом к плечу, ритмично покачивая белокурыми головами.

— Черта лысого, — невозмутимо возразил Тим, сунул руки в карманы, втянул голову в плечи, и близнецы снова, как обычно, пошли вперед. Волосы у Ишбель на затылке были спутаны, а ниже — заплетены, но коса растрепалась.

День был праздничный, и на улицах толкался народ. Мы спустились к реке, отдали свои гроши и прошли через арку к входу в прохладный туннель, где ярмарка была в самом разгаре и тянулась вдоль мостовой, насколько хватало глаз: гадалки, катание на осликах, худенькие мартышки в синих курточках. Продавцы одежды развесили пестрые дамские платья высоко над головами — они болтались на веревках, точно вереницы девушек, танцующих в воздухе. Пахло лавандой, сахаром и сарсапарильей.

Ишбель лавировала между лотками, заложив руки за спину. С тех пор как мы вышли из дому, они с Тимом едва обменялись парой слов. Мы немного побродили по ярмарке и остановились посмотреть, как всякие простофили падают, пытаясь удержаться на скользком бревне.

— Давай, Джаф, попробуй, — подзуживал Тим.

— Да ну, — отмахнулся я.

— Трус! — не унимался он.

— Сам попробуй.

— Зачем? Я уже тыщу раз забирался.

— Как же! — съехидничала Ишбель.

Тим растянул губы в улыбке. По обеим сторонам его носа обозначились мелкие морщинки.

— Сам и лезь, — сказала ему сестра, — умник нашелся. Оставь Джафа в покое.

— Ему это на пользу, — возразил Тим. — Немножко подзадорить не помешает, правда?

Подзадорить, но совсем чуть-чуть, а если я вдруг кому-нибудь пожалуюсь, всегда можно сказать, что все было «шутки ради».

— Зачем ему нужно, чтобы ты его подзадоривал? — резко оборвала брата Ишбель.

— Сама не видишь, что ли? Давай, Джаффи, вперед, ты же можешь! У мелких всегда лучше получается, это все знают. Попробуй. Минуту продержишься — получишь целую гинею. Это

же здорово!

— Нет уж, только не я. Меня не проведешь.

И все равно я оказался там, на деревянных ступенях, ведущих к дальнему концу намазанного жиром бревна. Шест был длинный, гладкий, весь в пятнах, похожий на вытянутую лошадь с клочковатым хвостом и намалеванной головой. Я взглянул на лошадиный зад, из которого торчали жалкие ошметки мочала. Кругом были лица — все в восторженном предвкушении того, как я выставлю себя на посмешище. Сбоку от себя я видел ухмылку Тима и подол юбки Ишбель. Я расставил ноги и, зная, что обречен упасть, залез на лошадиный круп и пополз дальше — по скользкому бревну. Ощущение было такое, будто лезешь на гигантского слизня. Я выставил вперед руки, ухватился за вязкую поверхность, подтянулся вперед и мгновение просидел на бревне с высоко поднятой головой, пока деревянная лошадь не перевернулась. Волосы мои свесились вниз, я неуклюже цеплялся за шест, точно капля на ободке крана, которой неминуемо суждено упасть. После чего я рухнул навзничь в кучу опилок, барахтаясь как идиот, и зрители радостно взревели.

С ушами как у вареного рака я протопал сквозь безучастную толпу, оставив позади ухмылку Тима и карие глаза Ишбель. Прочь. Тим бросился за мной и схватил меня за локоть.

— Джаффи, не глупи, — примирительно произнес он, увидев выражение моего лица.

Я послал его ко всем чертям.

— Что ты как маленький — это же шутки ради! Я тоже так делал. И *она.* Показала всем свои панталоны, правда, сестренка? Ты что, сердишься?

И верно. Ничего особенного не произошло. Все падали со скользкого шеста, для того он и был задуман. Просто Тим, как всегда, выставил меня на посмешище. Я сам виноват — пошел у него на поводу. Разозлившись на самого себя, я кинулся на обидчика и вмазал ему кулаком прямо по дурацкой довольной физиономии. Последняя капля неожиданно переполнила чашу.

— Ай! — взвыл он.

Даже кровь не пошла — это взбесило меня еще больше. И защищаться он не стал, что было хуже всего. Совсем уж оскорбительно. Я двинул ему еще раз и заставил-таки ответить: мы сцепились, у меня чуть слезы из глаз не брызнули, но тут из-за лотка с пирожками вышла женщина и плеснула на нас холодной водой из ведра, как на дерущихся собак. Мы бросились бежать. Все трое.

Остановились мы у качелей-лодок, что взлетали под самую крышу сводчатого павильона.

— Пойдем, Джаффи, — предложила Ишбель, потрепав меня по плечу, — пойдем покатаемся, ты и я.

— Что значит «ты и я»? — завопил Тим. — У нас же всего две монеты! А за него кто платить будет?

— Я. А ты катись отсюда.

— То есть *я* пойти не смогу?

— Ой-ой-ой! — Ишбель вплотную подошла к брату. — Ты — жестокий, злой, противный, мерзкий свин, вот ты кто, Тимми Линвер! И не возражай.

Она схватила меня за руку и затащила в красную с синим лодочку; тех, кто катался в ней перед нами, только что спустили на землю и вывели за ограду.

Я первый раз в жизни катался на качелях. Мы с Ишбель стояли друг против друга и дико скалились, а всё вокруг взмывало и падало, взмывало и падало, и лодочка была подобна нарисованному полумесяцу в нарисованном небе. Шум толпы растаял где-то внизу. Я слышал только смех, ее и свой. На щеке у Ишбель остался след от румян: после обеда она работала в «Солодильне», плясала в кроваво-красных башмачках с железными набойками, а посетители отбивали ей ритм. Когда мы вышли из лодочки, Тима нигде не было видно. Мы постояли молча, переводя дух. Ни разу еще я не оставался с нею наедине.

Ишбель пожала плечами, приобняла меня одной рукой и потащила прочь, к выходу с ярмарки, а потом — по близлежащим улицам, точно я ее младший брат. Ростом она была уже намного выше меня. Девочки растут быстрее.

Мы брели в сторону дома, по-прежнему не говоря ни слова. На углу Олд-Грэвел-лейн морщинистый толстый старик, с жуткими следами от ожогов, устроил клетку со «счастливым семейством»,[4] поместив туда соню, кота, крысу и сову. Все животные постоянно находились там вместе и не обижали друг друга. Ишбель говорила, что это как лев, возлегший с ягненком, но я-то знал, как такое делается. Хозяин зверинца подмешивал своим питомцам в корм снотворное, чтобы они не бросались друг на друга. Правда, Ишбель я об этом рассказывать не стал. Когда мы подошли к Морской часовне, она купила мне имбирное пиво и велела подождать, пока она зайдет и поставит свечки по мальчикам — двум своим старшим братьям, пропавшим без вести в море незадолго до ее рождения. «Безгрешные святые» — так с иронией называл их Тим. В доме Линверов об этих сыновьях ничто не напоминало, но их души незримо присутствовали там, словно добрые ангелы, и по вечерам, когда все дела были уже переделаны, миссис Линвер садилась к очагу, снимала очки и протирала их с печальным видом, роняя скупые слезы и

проклиная море. Кто бы мог ее за это упрекнуть? Потерять двоих сыновей и остаться с мужем, превратившимся в бесформенную массу, занятую выстругиванием деревянных русалок! И при всем этом Тим продолжал заявлять, что выйдет в море. Ждет не дождется. «Там-то и есть настоящая жизнь! — повторял он. — Вот вырасту — и сразу уплыву с Дэном Раймером». «Погиб в море» — так писали в конце строки напротив имени в большой книге, что хранилась в Морской часовне. Погиб в море — как мой отец. Я раз спросил матушку, записано ли там его имя, но она сказала «нет». На вкус имбирное пиво оказалось свежим и приятным. В воздухе пахло рыбой и лавандой. Скрипя, проехала мимо телега с сахаром, запряженная хромой бурой лошадью. Легкий ветерок принес отголоски песни и стука от ударов молотом. Пригревало солнце. Я закрыл глаза и представил себе, как Ишбель крутится на одной ноге и ее нижние юбки вихрем вздымаются, обнажая лодыжки, и матросы в своих поношенных робах швыряют ей пенсы. Стирая белье, таща с водокачки ведра или носясь со мной и Тимом по гнилым доскам причала, она оставалась лохматой девчонкой-сорванцом, но там, в кабаке, она становилась маленькой накрашенной женщиной, с листочками в волосах, и танцевала на сцене, посылая матросам воздушные поцелуи.

«Чем сидеть тут, как куча грязного белья, пойду-ка за ней», — подумал я. Раньше я ни разу не бывал в часовне. На высоких скамьях сидело много людей, и какая-то женщина зажигала свечу. Ишбель разглядывала картины: Иеффай и его дочь; Иона, выплюнутый китом на берег; Иов в струпьях. Сверху полукружьем изгибалась надпись: «Я стал братом шакалам и другом страусам». Ишбель подошла и схватила меня за плечо.

— Идем, — прошептала она, — я клубники раздобыла.

— Куда ты пропала? — спросил я.

— Бедняжка Джаффи! — Девочка взъерошила мне волосы. — Заскучал?

Ишбель часто обращалась со мной как с собакой. Обычно если кто-то говорит, что с ним обходятся как с собакой, то имеет в виду, что его пинают, не пускают в дом и загоняют под стол. Но Ишбель любила собак. Она взяла привычку издавать всякие нежные звуки и чесать мне за ухом при каждой нашей встрече: такая же порция ласки доставалась любой старой дворняге, встреченной ею на улице, и я был не против.

— Пойдем к катеру, — предложила Ишбель.

Теперь я уже не трусил позади, но шел рядом с нею, как Тим. Старая посудина под названием «Драго» доживала свой век, улегшись набок в небольшой бухточке у полосы прибоя, заваленной отбросами. Забраться на нее можно было только по

одному из бортов, вскарабкавшись по осклизлой черной стене. В борт были вбиты разные крюки: если снять ботинки, связать их шнурками друг с другом и перекинуть себе через шею, и не вдыхать слишком глубоко, то можно было легко влезть на палубу.

Когда-то это было небольшое, но вполне достойное рыболовецкое судно. На нем могли ходить трое, в лучшем случае — четверо рыбаков. Половину палубы закрывал брезентовый навес, а под ним стоял ящик, куда складывали рыбу. На этот-то ящик мы и поставили свое пиво. Скамьи давно развалились, но пол был сухой — можно было сесть на него и пропускать сквозь пальцы деревянную труху, наблюдая, как из глубин этой гнили торопливо лезут на палубу черные жуки. Когда мы были помладше, то часто играли здесь: Тим был за папу, Ишбель — за маму, я — за сына. Он — капитан, сестра — старпом, я — юнга. И самая лучшая игра: я — грабитель, она — шикарная дама, Тим — полицейский. Со временем игры уступили место дракам или фантазиям, мы сочиняли истории о чудовищах и зверях, еще более невероятных, чем у Джемрака. Мы выцарапывали их силуэты внутри судна и давали им имена: мандибат, камалунг, кориол, — и знали все их повадки, привычки и особенности. Огромные неторопливые горбатые чудища прибывали из устья Темзы, пылая жаром и высовывая раздвоенные языки. Мысленным взором мы наблюдали за ними, сидя на носу «Драго» и глядя на противоположный берег.

Но теперь мы уже давно этим не занимались.

Ишбель развернула обрывок мокрой тряпки и достала оттуда четыре клубничины.

— Давай сюда пиво, — распорядилась она.

Мы уселись на носу судна и разделили добычу. Не знаю, откуда Ишбель достала эти ягоды. До часовни их у нее не было, но после того, как она вышла оттуда, ягоды появились: видимо, стащила их у кого-то из молящихся.

По две штуки на брата — спелые и мягкие — исчезли в два счета.

— Интересно, куда пошел Тим? — сказал я.

Ишбель пожала плечами и передала мне пиво со словами:

— Думаешь, он обиделся?

— Думаю, да.

— Переживет. — Она облизнула перепачканные клубникой губы.

— И правда: подумаешь, ему же плевать, когда он других обижает, — заметил я.

Ишбель улыбнулась и возразила:

— Он не специально ведет себя как свинья.

— Знаю. Просто он свинья и есть.

Мы оба засмеялись.

— Тим всегда всем завидует, — просто сказала Ишбель.

На горлышке бутылки осталась ее слюна. Я сделал большой глоток.

— Не пойду сегодня работать, — сообщила она. — Не хочется. Она же не может меня заставить, правда?

— Попадет тебе.

— И что?

— Поколотит.

Ишбель иногда пропускала работу: ей надоедала вся эта морока с костюмом. Мать баловала дочь и носилась с ней, но и доставалось девочке изрядно. Однажды Ишбель заявила, что переоденется только при условии, что мать принесет ей пирожное, а когда та выполнила просьбу, размазала его по висевшему на спинке стула красивому платью, которое только и ждало, чтобы хозяйка надела его и отправилась танцевать.

— Ах ты, дрянь мелкотравчатая! Ты хоть представляешь, сколько часов я на него угробила? — завизжала мать и отвесила дочери такую затрещину, что Ишбель заплакала.

А вот Тима не били никогда.

— Пусть поколотит — мне все равно, — сказала Ишбель, потянувшись за бутылкой.

— Неправда.

— Это ничего не меняет, не пойду — и все. Буду сидеть здесь, пока не стемнеет.

— В темноте по борту обратно не выбраться, — заметил я. — Если просидишь тут дотемна — придется остаться на ночь.

— Вот и останусь, — воскликнула Ишбель и со смехом вскочила на ноги, — на всю ночь!

— И я! — Я тоже поднялся.

Она передала мне бутылку и сплясала какой-то забавный танец, размахивая руками и отстукивая ногами ритм. Я испугался, что подгнившие доски провалятся и мы оба полетим вниз, в грязную ледяную воду.

— Хватит, — попросил я, — хочешь потанцевать — шла бы на работу.

Ишбель застыла, подняв плечи:

— Нельзя. Слишком холодно.

— Что «нельзя»?

— Оставаться здесь на ночь. Замерзнем.

Она была права.

— Я решила. Будем просто гулять весь вечер, допоздна.

Предполагалось, что я буду гулять с ней.

— Пойдем на запад, — предложил я, — за Тауэр. Просто будем идти по берегу всю ночь и посмотрим, докуда дойдем.

— Можем ночевать под заборами, — продолжила Ишбель, — и попрошайничать. Ты можешь выдавать себя за цыгана и предсказывать будущее. Я знаю девчонку из «Сиамской Кошки», она умеет предсказывать; это легко — раз плюнуть. Ты и так на цыгана похож.

Насвистывая, по борту лез Тим. Он здорово умел свистеть. Сначала мы услышали его, а потом из-под навеса показались грязные босые ноги, и Тим соскочил к нам на лягушачий манер, сняв с шеи связанные шнурками ботинки и забросив их на палубу.

— Какие новости?

— Клубнику ели, — ответил я. — Больше не осталось, но пива немножко еще есть.

Ишбель швырнула ему бутылку, Тим на лету словил ее и сделал глоток. Небо стало такого цвета, какого оно бывает перед наступлением ночи.

— На работу не пойду, — сообщила Ишбель.

— Да ну! — Брат причмокнул, глотнул еще пива и передал бутылку мне, предусмотрительно обтерев горлышко большой грязной ладонью. Словно между нами ничего не произошло. Над рекой послышалось хлопанье птичьих крыльев.

— Есть хочется, — сказал я. — Лошадь бы съел.

— Это мысль, — согласилась Ишбель.

— Деньжата есть? — спросил Тим.

Сестра отрицательно покачала головой:

— Все потратили.

— Ну и ладно. — Тим достал из кармана трубку.

Мы растянулись на носу нашего суденышка и закурили. Смеркалось, вечер становился все прохладнее. Ишбель откинулась на спину и положила ноги брату на колени.

— Даже не знаю, как быть, — рассуждала она вслух. — Пойти, что ли?

— Как хочешь.

Наблюдая, как колечки дыма переплетаются и тают в неподвижном воздухе, Тим затянул песню, которой нас научил Дэн Раймер. Мы тогда гуляли, все втроем, и встретили его на Старой лестнице в Уоппинге.

Табак — индейская трава,
Срезают ее, подрастет едва…

— Дурацкая песня! — Ишбель толкнула брата.

Тот засмеялся и продолжил, а я подхватил. Помню, как мы сидели на ступенях лестницы с Дэном. Он курил длинную белую трубку и пел, не вынимая ее изо рта:

Вот трубка фарфоровая бела,
На радость нам, покуда цела,
Как жизнь сама, касаньем руки
Она обращается в черепки…

Припев мы затянули хором:

Подумай об этом, куря табак.[5]

Бывало, мы распевали эту песню с Коббом во дворе зверинца и смеялись, но никогда не могли вспомнить все слова. Вот и теперь мы замолкли после второго куплета и долго лежали в приятной тишине, пока Ишбель тихо и печально не произнесла:

— Мне, наверное, пора идти.

Тим открыл глаза и потрепал ее по ноге. Они с сестрой не были совсем уж на одно лицо, но сходство все замечали. У Тима подбородок был потяжелее, а у Ишбель — волосы темнее на тон. На щеках у нее играли глубокие, выразительные ямочки — они то появлялись, то исчезали. У брата их не было. Забавно, наверное, смотреть на лицо другого человека и знать, что оно совсем как твое. Словно в зеркало глядеться. Порой они так и смотрели друг на друга, будто завороженные. Раз я наблюдал, как они закрыли глаза и, хохоча, ощупывали друг другу лица руками, точно слепые, — у нее все кончики пальцев были обкусаны до крови, а у него пальцы были длинные и изящные.

Мы со вздохом выкинули пустую бутылку в реку, повесили башмаки себе на шеи и по очереди поползли вниз по борту.

Миссис Линвер заставила нас помыться, а потом накормила вкусным прозрачным бульоном. Мистер Линвер вырезал своих русалок, в огне трещали дрова. Мы втроем сидели за столом, возились, пихали друг друга. Миссис Линвер суетливо подбежала к Ишбель и поднесла ей стопку джина:

— Глотни, детка, легче станет.

— Не пойду, и все, — отрезала Ишбель, не глядя на мать, но джин взяла.

— Не строй из себя дуру. — Миссис Линвер бросила сердитый взгляд на спутанные волосы дочери, в беспорядке разметанные по плечам. — Ты сегодня хоть раз к ним расческой прикасалась?

— Нет.

— Оно и видно. Иди одевайся лучше.

— Ты не можешь меня заставить. Никто не может меня заставить. — Ишбель бросила озорной взгляд в мою сторону и неожиданно улыбнулась. «Ты-то понимаешь», — сказали ее глаза.

Миссис Линвер, которая пошла было прочь, при этих словах резко остановилась и повернулась к дочери.

— У меня нет времени! — резко бросила она. — Встань! Сию же секунду!

— Не пойду. — Ишбель разом опрокинула стопку и причмокнула.

— Ты что разнюнилась? — упрекнул ее Тим. — Это же работа — и больше ничего. Мы все на работу ходим.

— А я буду работать, когда захочу.

— Не пойдешь к ним сегодня, завтра они тебя уже обратно не возьмут!

Мать схватила Ишбель за руку и попыталась сдернуть со стула, но девчонка лишь рассмеялась и крепче вцепилась в стол. И только когда он совсем уже накренился и закачался, миски и чашки начали падать, забрызгивая все вокруг, а мы с Тимом ухватились за него, Ишбель отпустила край и дала миссис Линвер стащить себя со стула.

— Не пойду я, слышишь, ты, дура?! — завопила она прямо матери в ухо.

Миссис Линвер поморщилась и потрепала девочку по щеке.

— Надоело! — голосила Ишбель. — Не хочется мне танцевать, можешь ты понять, или ума не хватает?

— Поосторожней! — крикнула миссис Линвер. — Так и оглушить человека можно!

— А мне дела нет!

И тут мать дала ей пощечину. Подобные сцены я наблюдал частенько, но на сей раз вышло иначе, чем обычно. Ишбель ударила мать в ответ. Случилось это мгновенно, в одну секунду, — очки миссис Линвер съехали набок, оставив ее глаза без защиты. Мы с Тимом рты пораскрывали от изумления, Ишбель разрыдалась и рухнула на пол к отцовским ногам. Мистер Линвер бросил мутный кроткий взгляд поверх ее головы, тщательно вырезая чешуйки на хвосте очередной русалки.

Миссис Линвер сняла очки. Губы у нее дрожали, глаза набухли и беззлобно сощурились. Трясущимися руками она нащупала передник и протерла им стекла, печально взирая на нас невидящим взглядом.

— Мама! — Тим вскочил и подбежал к ней, чтобы обнять.

— Когда-нибудь ты все поймешь, бессердечная девочка, —

дрожащим голосом произнесла миссис Линвер.

Ишбель вскочила с пола и отрывисто бросила:

— Знаю, знаю, знаю! — По щекам у нее текли слезы.

— Все хорошо, мам, — вмешался Тим. — А ты, — обратился он к сестре, — не расстраивай ее больше. Мам, не волнуйся, все хорошо.

— Да, да, да, конечно, конечно, конечно, — Ишбель натянуто улыбнулась. — Пора мне на работу! На чертову работу.

С этими словами она метнулась в соседнюю комнату.

Двадцать минут спустя мы провожали ее, мрачную и насупившуюся, в «Солодильню». Ишбель наложила толстенный слой пудры, чтобы скрыть отметину от пощечины, и слишком уж ярко накрасила губы.

— Ты никогда за меня не заступаешься, — с упреком сказала она Тиму.

— Неправда.

— Вечно ты на ее стороне.

— А что ты прикажешь мне делать? Я-то вынужден работать. Иногда в четыре утра вставать приходится. И Джафу тоже. Всем приходится работать.

— А мне надоело! — заявила Ишбель и пнула ногой камень. Когда она снова подняла голову, глаза у нее блестели.

Я обнял ее:

— Дождусь, когда ты закончишь, и отведу тебя домой.

— Нечего. — Тим толкнул нас обоих.

Ишбель обняла меня в ответ:

— Спасибо, Джаффи! — Белые крупинки пудры попали мне в нос, захотелось чихнуть. Она была похожа на куклу. — Какой ты благородный!

— Благородный, тоже мне, — фыркнул Тим.

Не хотелось мне выпускать ее из объятий, но пришлось.

Тим обошел сестру с другого боку и встал прямо перед ней. Долгое время он просто смотрел ей в глаза привычным взглядом — грубо и нежно одновременно. Между ними что-то происходило, как это бывает между братом и сестрой. Меня это не касалось. Он ссутулил плечи и выпятил нижнюю губу. В лице его появилось нечто стариковское. Откуда — я понять не мог. Ишбель явно успокоилась. Мы продолжили путь, каждый по отдельности. У двери в кабак она обернулась ко мне и сказала:

— Беги домой, Джаффи. И спасибо тебе.

— Ей надо подготовиться, — объяснил Тим.

* * *

Когда я вернулся, матушки дома не было. Помню, как достал подзорную трубу Дэна Раймера и выставил ее в окно, разглядывая Уотни-стрит, выхватывая из густеющих сумерек отдельные предметы: чье-то лицо, кошку, плод артишока, блестящую лужу под водокачкой.

Труба эта давным-давно покоится на дне моря. Вот бы вернуть ее! Красивая была вещь: узоры на полированном красном дереве, лакированный медный ободок. И на бленде — серебро, гравированное узором из перышек. Теперь у меня другая подзорная труба — простая и крепкая, но четкость дает безупречную. С ее помощью я наблюдаю за птицами, а по ночам сквозь сетку над садом рассматриваю звездное небо. В море я хорошо научился читать по звездам. На солнце и луну полагаться нельзя: они могут сыграть злую шутку, — но звезды не подведут. Когда смотришь на них в трубу, они начинают вибрировать, словно маленькие белые крылышки, горящие в серебристом пламени. А если здесь, на земле, сфокусировать объектив на птичий глаз, можно увидеть в нем свет, сияние жизни. Порой какой-то предмет кажется таким близким, что подскакиваешь от неожиданности.

Так же и с прошлым. Где-то вдали трепещут белые крылышки, и ничего не известно. Посмотришь ближе — начинают проступать детали: снасти больших кораблей, опутавшие почерневшее небо; в воображении четко проступают крыши домов; и вдруг — резкая боль, совсем близко. Ночь нынче выдалась теплая: весна на излете. Резьба на кусочке слоновой кости на ощупь напоминает узор из перышек, выгравированный на старой подзорной трубе, что была у меня в детстве, и я вспоминаю давнюю ночь: волшебный день закончился, сердце мягко постукивает, я иду домой и плачу, не понимая почему, устремляя всевидящий взгляд поверх крыш, думая об Ишбель. Она сейчас, наверное, на сцене, широко улыбается, ловит монетки маленькими, обкусанными до крови пальцами, поет «Коричневую кружку», «Я с мальчиком слепым играл…» и «Сердце, что умеет сострадать…», а пьяные матросы плачут и смеются.

Часть вторая

4

Вот и кончилось детство Джаффи. Недолго оно продлилось. Кем был тот маленький мальчик? Мотыльком, которого накрыло и унесло гигантской волной. Тигр съел его, и лишь голова осталась лежать на мостовой. Пусть она и расскажет. Пусть покатится по старой Рэтклифф-хайвей, точно голодный призрак, и поделится своей историей с каждым, кто захочет послушать. Я знаю, почему матросы так красиво поют, проплывая в лодках по реке, и почему мои неокрепшие чувства заставляли меня плакать, когда я лежал в своей люльке над водой в Бермондси. Я узнал это, когда мне исполнилось пятнадцать.

Тим стал важной персоной. Когда Балтер женился и переехал, Джемрак заявил, что Тим слишком умен, чтобы трудиться во дворе, и слишком часто отвлекается, чтобы работать с животными, так что мы с Коббом получили нового напарника, и теперь всю самую грязную работу выполнял новый мальчик, а Тим стал работать в конторе и получать больше денег. Он носил воротничок, который мать крахмалила ему накануне вечером. К этому времени мы уже изрядно сблизились. Свинтусом Тим быть не перестал, но таких, как он, всегда прощают. Бывают такие люди. Как-то раз я не разговаривал с ним целых три недели, и он не выдержал, подошел ко мне, весь такой прямой и благородный, и обратился как мужчина: сказал, что лучшего друга, чем я, у него никогда не было, что я настоящий товарищ, что жизнь — штука короткая. И что я мог ответить?

В тот день, когда мы впервые услышали о драконе, Тим стоял вместе с нами во дворе, переминаясь с ноги на ногу от холода. Человек мистера Фледжа и Дэн Раймер все утро просидели в конторе, беседуя о чем-то очень важном. Тима они выставили за дверь, чтобы не услышал лишнего.

— Что-то они там затевают, — повторял он важно, делая вид, будто ему известно больше, чем на самом деле. На лоб ему выбивались завитые локоны, глаза сияли, изо рта шел пар. Как только человек Фледжа вышел, Тима позвали внутрь, и спустя десять минут он снова выскочил во двор:

— Я пойду в море! С Дэном! Мы поймаем дракона и разбогатеем!

— Драконов не бывает, — возразил Кобб.

Но Тим уже взахлеб рассказывал, что Дэн знаком с человеком, который знавал другого человека, который видел дракона, когда тот выходил из леса на острове к востоку от Яванского моря. А мистер Фледж, который вечно хотел

заполучить то, чего ни у кого нет, решил стать первым обладателем дракона во всем цивилизованном мире. Корабль должен был выйти в море через три Недели, и Тим собирался отправиться на нем в качестве правой руки великого охотника, идти на восток и еще дальше, вокруг света.

— Совсем парень с катушек съехал, — констатировал Кобб, постучав пальцем себе по лбу, — и больше ничего.

Я представил себе чудище с крыльями как у цапли и пламя, вылетающее у него из пасти. Этот зверь должен был сражаться с героями, сидеть на куче сокровищ или поедать красавиц. В его гигантские круглые ноздри можно было залезть, как в канализационные туннели в Бермондси.

Но ведь это я лучше всех управлялся с животными — об этом все знали. Почему не взяли меня?

— Боюсь, ты с ним не справишься, — сказал я Тиму, — особенно из-за пламени.

— Какого пламени?

— Они же изрыгают пламя.

— Ну ты и дурень! Такое только в сказках бывает. Не веришь? Идем. — Он был в крайнем возбуждении и прямо-таки светился От удовольствия. Притащив Меня в контору, где Дэн Раймер с Мистером Джемраком потягивали бренди в густых клубах дыма, Тим спросил: — Это ведь правда? Расскажите ему.

Сам он сел за свой стол и принял почти горизонтальное положение, вытянув длинные ноги и сцепив пальцы в замок на затылке.

— Правда, — ответил Джемрак. — По счастью, денег у мистера Фледжа больше, чем разума. — И они с Дэном рассмеялись.

— Дракон?

— В каком-то смысле, — Дэн принялся рисовать на клочке бумаги, — если он существует. Местные, естественно, верят, что существует. Они называют его Ора.[6] Слухи ходят давно. Как-то на острове Сумба я беседовал с человеком — его деда слопал дракон. Еще был один китобой-островитянин. Байку мне рассказал. Много таких баек. — Дэн показал мне свой рисунок. Животное было похоже на крокодила с длинными ногами.

— Какой же это дракон, если у него крыльев нет? — возразил я. — Ненастоящий.

Дэн пожал плечами.

— Уходим на три года! — восторженно сообщил Тим.

— На два или на три, — поправил Дэн. — Как получится.

— А от чего это зависит? — спросил я.

Он снова пожал плечами.

У мистера Фледжа было китобойное судно «Лизандр». На тот момент оно как раз пришло из Гулля и теперь стояло под погрузкой в Гренландском доке. Дэн с Тимом собирались присоединиться к китобоям и присматривать за драконами и прочим зверьем на обратном пути. «Привезете дракона, — сказал им человек Фледжа, — и больше вам в жизни работать не придется».

Я дал Тиму шанс покрасоваться несколько дней, а потом отправился в Гренландский док. «Лизандр» оказался старой посудиной — таких уже больше не строили. Капитан как раз набирал команду, и я записался в матросы. Мистер Джемрак с легкостью мог найти себе другого работника.

— Я вам пригожусь присматривать за зверьем, — заверил я Дэна, сообщив, что нанялся на «Лизандр». — Я в этом смыслю лучше Тима.

Дэн откинул голову назад и прищурился, наблюдая за струйками белого дыма.

— Хорошо. Заодно и за Тимом присмотришь.

Матушка была безутешна.

— Джаффи, не уходи в море, прошу тебя, — запричитала она, когда я рассказал ей про экспедицию. — Я всегда знала, что этот день настанет, и мечтала, чтобы он не наступил. Жизнь в море — ужасна. Для тебя это будет слишком тяжело. Раз вышел в море — обратно не повернешь, надо понимать.

Матушка жила теперь в Лаймхаусе. Она сошлась с торговцем рыбой по имени Чарли Грант. Хороший был человек. Когда я пришел сообщить ей новость, она разделывала селедку: рассекала рыбинам животы и распластывала тушки на доске, поддевая хребты тупым концом ножа и выдергивая их одним движением.

— Знаю, мам. Я не захочу повернуть назад.

Учитывая ее состояние, было нехорошо слишком явно показывать свою радость, но удержаться было трудно. От волнения матушка раскраснелась и едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Что же до меня, то я буквально парил над землей.

— Вы его только послушайте! Сам не понимает, о чем говорит, — с досадой произнесла она.

Бедная матушка. Никто уже не принял бы ее за девочку: она стала еще более коренастой, кожа ее обветрилась, а волосы на висках начали седеть. Ходила она, правда, как и раньше, по-моряцки, вразвалочку.

— Всегда знала, что этим кончится.

Глаза у нее были на мокром месте, и мне стало не по себе. Матушку я сильно любил. Для меня она всегда была и останется теплым островком в постели, к которому я мог прибиться и

уткнуться носом в подмышку.

— Что тебе привезти, мам? — попытался я взбодрить ее. — Скажи, чего ты хочешь?

— Ничего я не хочу, негодный мальчишка.

— Не волнуйся, мам! Это мой шанс. Не могу же я всю жизнь болтаться здесь! Какие здесь деньги? Как я смогу заботиться о тебе в старости, если застряну тут на веки вечные? Такая удача выпадает раз в жизни. Сама подумай!

— В том-то и беда, — сказала матушка, отталкивая меня испачканной в рыбе рукой и снимая передник. — Об этом-то я и думаю все время. Ох, горе ты мое. Ты хоть поел?

— Поел, и как следует, мам, просто чаю налей немножко.

— По мне, так вся эта история — сущая ерунда, — продолжала матушка, направляясь к очагу.

Я рассмеялся:

— В том-то и прелесть. Гордись! Можешь всем рассказывать: мой сын отправился охотиться на дракона. Как рыцари в старину.

— Ты же говорил, что не будешь ни на кого охотиться. — Она повернулась ко мне с укоризной, не выпуская из рук кочергу.

— Нет, нет, конечно, это я просто так сказал. Конечно не буду. — И я снова засмеялся. Я был близок к истерике. — Это Тим будет охотиться, но я тоже участвую в этом смелом предприятии.

Это слово звучало очень по-взрослому. Я снова и снова повторял его, стараясь произвести впечатление на девочек из «Матроса» и «Солодильни». Предприятие! Великое предприятие!

— Тебе же всего пятнадцать, — возразила матушка, — ты совсем еще ребенок!

— А вот и нет.

На самом деле я действительно еще не был взрослым, что давало и свои преимущества. Все эти толстые девки любили меня, как малыша, и хотели прижать к своим мягким телесам, которые пахли лимоном и лавандой. Не раз я зарывался лицом в сливочные холмы и наслаждался ими, точно ребенок материнским молоком, и с меня не брали ни пенса за то, за что другим приходилось платить. Но теперь я стану взрослым мужчиной. Прощайте, лондонские красотки! Джаф Браун отправляется в кругосветное плавание, и при следующей встрече ему будет что рассказать вам.

— Ох, Джаффи, не хочу я тебя отпускать! — Матушка недовольно прикрыла ладонью один глаз. — Лучше б ты…

— Мам, не надо. — Я был смущен и расстроен.

Хотелось сказать ей: «Пожалуйста, не надо все портить. Я ведь не хочу беспокоиться о тебе, пока буду в море, пойми! Пожалуйста, мам, не усложняй».

— Мне заплатят, мам, хорошо заплатят. У него очень много денег.

— Присядь, — велела она, — выпей чаю.

Матушка знала, что уже ничего не сможет изменить.

— Это все ерунда, — сказал мне при встрече Тим. — Ты бы слышал, что *моя* мать устроила. Смех, да и только! — И его длинные тонкие пальцы запорхали по лицу. — «Не-е-ет! Только не ты, Тим!» — передразнивал он миссис Линвер. — «Не-е-ет! Господи боже! Не-е-ет!»

Мы оба расхохотались. Зачем еще существуют сыновья, если не затем, чтобы разбивать материнские сердца!

— Сходим к Менгу, — предложил Тим.

Ишбель сидела в таверне «У Менга» вместе с Джейн, девушкой из «Матроса». Так она и жила: по ночам работала в «Квоши», в «Розе и короне», «Гусыне Пэдди», а к вечеру перебиралась к Менгу. «Драго» давно исчез: был год, когда июнь выдался очень жаркий и зеленые водоросли воняли, как волосы у Нептуна под мышкой, — тогда-то суденышко и развалилось на куски всего за одну неделю. Таверна «У Менга» стала нашим новым судном. У входа посетителей встречал китаец в блестящей красной куртке. Картины на стенах были из шелка, а гигантский камин разбрасывал по залу желтые отблески. Я подсел к Ишбель, которая пристроилась у стены. Тим, на другом конце скамьи, небрежно развалился рядом с рыжей Джейн и посасывал лакричную палочку.

— Ну вот и наши великие мореплаватели. Смотри, Джейн, эти два бездельника решили меня бросить.

— Известное дело. — Джейн накручивала на палец тугие рыжие локоны. — Все только об этом и говорят.

— Три года! А я что должна делать все это время — одна-одинешенька?

Ишбель закинула руку мне на шею. Мы пару лет как начали вовсю обжиматься, но она ни разу не дала мне себя поцеловать, чем доводила меня до безумия.

Менг подошел спросить, будем ли мы делать заказ. Тим кивнул и расплатился за нас обоих.

— Три года? — переспросила Джейн. — Это же так долго!

— Может быть, и меньше, — уточнил я правды ради.

— А еще подальше забраться не могли, мальчики? — спросила Джейн. — Боб говорит, что не хочет тебя потерять, слышал, Джаф?

— По-моему, это безумие. — Ишбель взлохматила себе волосы, по-прежнему прижимаясь ко мне. — Я думаю, этот Фледж

просто спятил. Наверняка. Недаром никто его не видел. Он все заказывает то одно, то другое и никогда не показывает своего лица. Извращенец, и к тому же помешанный. Живет небось в замке и никогда не выходит, а еще маску носит, потому что страшный как смерть.

— Это точно. — Тим наклонился к округлой шейке Джейн. Кожа у девушки была белее молока. — Только какая разница? Деньги-то платит.

— Там не настоящий дракон, — напомнил я.

— А ты откуда знаешь? — возразил Тим. — Никто не знает, что это за тварь.

На широкой каминной полке, рядом с коллекцией трубок и восковым филином, стояла фигурка дракона. Я вспомнил старую историю про это таинственное животное. Я представлял себе, как оно сидит в лесной чаще и ждет, чтобы его нашли: огромные печальные красные глаза и трепещущий алый язык, раздвоенный, как хвост у ласточки, и тонкий, словно былинка.

— Дэн Раймер считает, там что-то есть, — решительно заявил Тим.

— Ну, он-то, конечно, знает, — съязвила Ишбель. — Ему все известно.

— Знает он немало, это как пить дать.

Тим закинул голову и с улыбкой выпустил большое голубое облако дыма прямо в потолок. В отблесках огня его волосы отливали золотом. Даже не знаю, так ли уж сильно он хотел отправиться в путешествие. Утверждал, что хочет, но с Тимом никогда не разберешь.

— Даже Джемрак не знает о диких зверях и половины того, что ведомо Дэну.

Драконы, конечно, бывают разные. Нашей целью был восточный дракон. Такой, как тот, что был нарисован на красной шелковой куртке привратника, и тот, что стоял на каминной полке, — свирепый крылатый змей, с телом, свернутым в многочисленные кольца, усатый, с огромными выпученными глазами.

— Дракон этот — ненастоящий, — повторил я, — у него нет крыльев.

— Я рада, Джаф, что ты тоже записался, — сказала Ишбель.

Она приблизила ко мне свое лицо; я почувствовал ее пряное дыхание и слегка отодвинулся. У нее всегда все было «до поры до времени» и только если ей самой хотелось. Нечестно.

— Рада от меня избавиться? — спросил я.

— Перестань. — Ишбель склонилась мне на плечо, и это тоже было нечестно. — У тебя голова на месте. Присмотри там за моим

братцем.

Голова Тима покоилась на коленях у Джейн из «Матроса». В ответ на предложение мне присмотреть за ним он презрительно фыркнул. Я обнял Ишбель за талию, и она не убрала мою руку.

— Этот дракон — просто большой крокодил. Мы будем охотиться на крокодила, вот и все.

— Знаю, — с улыбкой произнесла моя подруга, лениво прикрыв сонные глаза. — Может, его там вообще нет.

Тим заснул. Джейн из «Матроса», вся в белом и платье, и туфли, чему-то улыбалась, мурлыча себе под нос песенку, которую я впервые услышал от Ишбель много лет назад на углу Борода-стрит, где вкусно пахло травами и пряностями. Начинался дождь, на мостовой виднелись темные лужи, женщины и матросы в синих куртках умилялись при виде поющей малышки, а миссис Линвер стояла рядом с корзиной большегрудых русалок. Накрашенная Ишбель пела «Русалку», расчесывая себе волосы воображаемой щеткой, любуясь своим отражением в воображаемом зеркале. А при словах «Трижды скрутило наш славный корабль, трижды скрутило…» она три раза повернулась вокруг своей оси и грациозно упала в облаке нижних юбок прямо на мостовую; руки ее плавно колыхались, точно водоросли в морской воде.

…и все мы пошли ко дну, ко дну,
И все мы пошли ко дну.

День рождения у близнецов был первого августа.

На десятый день рождения я подарил Ишбель морскую раковину. Она едва удостоила ее взглядом.

На одиннадцатый я подарил ей кинеограф. Она рассмеялась — раз или два, — перелистывая страницы с картинками под стук дождя по брезентовому навесу.

На двенадцатый я ничего не стал ей дарить и поклялся больше не ломать себе голову над подарками.

На тринадцатый я подарил ей апельсин.

На четырнадцатый я подарил ей пестрого мышонка. Она назвала его Джестером, и он бегал у нее по переднику.

На пятнадцатый я подарил ей золотое кольцо, которое стащил у пьяного матроса в кабаке.

Джестер умер.

На шестнадцатый день рождения я подарил Ишбель необычную, очень красивую крысу. Она полюбила зверька и назвала его Фаунтлерой. Когда Ишбель прогуливалась по улице, Фаунтлерой выглядывал у нее из капюшона. Он был

белоснежный, с блестящими розовыми глазками, и любил музыку. Когда она пришла попрощаться со мной, Фаунтлерой был при ней.

Лорд Лавелл у двери седлает коня,
Чья грива бела как мел,
Выходит любовнику «в добрый путь»
Сказать леди Нэнси Белл.
Ах, дорогая, мой путь за моря
В чужие края лежит…

Хоть убей, не могу вспомнить следующую строчку.

Я видел странные места, и они видели меня, наблюдая за мной спокойным, оценивающим взглядом…

За два дня до отплытия я стоял в комнате с молчаливыми птицами — меня снова и снова тянуло сюда — и почувствовал, что за мной кто-то наблюдает.

— Просто пришла сказать «до свидания».

— Разве ты не придешь нас проводить на причал?

— Приду, но ведь там будет куча народу.

Я встал на колени, поцеловал ее сильные маленькие ладони с обкусанными ногтями, заплакал и сказал, что люблю ее. На самом деле — нет, ничего такого я не сделал.

Издал удивленный возглас, и все.

— У меня всего минута, — сказала она.

— Работа?

Мама ждет.

— Ясно.

— Странно будет без вас обоих.

— Самой небось хочется уплыть? — со смехом спросил я.

— Китобойные суда воняют. Она скорчила гримасу.

Мы оба вели себя глупо. «А ведь это может быть наш последний раз», — подумал я, обхватил ее руками и притянул поближе.

— Ненавижу вас обоих за то, что вы уходите, — сказала она с неожиданными слезами в голосе.

Когда я поцеловал ее в губы, она ответила на поцелуй. Сладкие минуты тянулись до тех пор, пока она не отстранилась и не сказала, что ей пора, а потом взяла меня за руку и вытащила на улицу. Пока я провожал ее до калитки, голова у меня кружилась. Во дворе Кобб методично собирал навоз. Львица миролюбиво обгладывала шмат мяса, удерживая его передними лапами и нежно облизывая, прикрыв при этом глаза.

— Ты ведь за ним присмотришь? — с надеждой спросила Ишбель. — Он совсем не такой, каким пытается казаться, — сам знаешь.

— Я тоже.

— Папа даже руку ему отказался пожать. Тим плакал. Не говори ему, что я рассказала.

— Конечно не скажу.

Мы стояли, улыбались и были немного похожи на слабоумных.

— Вообще-то, он — большой ребенок, — призналась она.

— Я тоже.

— Как твоя мама? — спросила Ишбель.

Этого могло никогда не случиться.

— Справится. Попросила Чарли поговорить со мной, чтобы я остался и занялся рыбой. А я ее спрашиваю: «Ты серьезно? Выбирать между прилавком с рыбой и кругосветным путешествием?»

Ишбель засмеялась и пригладила волосы.

— Ладно, мне пора. — С этими словами она убежала.

Уйти на три года и вернуться мужчиной, вернуться другим человеком. Увидеть неведомые страны, которые мне так хотелось увидеть. И море. Разве надоест когда-нибудь смотреть на море? Однажды, когда мы стояли на мосту, она задала мне этот вопрос. А ведь она даже ни разу не видела его и, дай бог, не увидит.

Я вернулся домой, сел у окна и смотрел, как садится солнце. Дело было в мае. На фоне красного зарева чернели крыши. В небе громоздились острова. На берег накатывали волны. Эти прекрасные острова назывались Азорскими. Джаффи Брауна больше нет. Он обратился, был обращен в призрак в заколдованном Богом океане. Мои глаза и горизонт цвета индиго — это одно и то же.

Ранним утром на пристани собралась разномастная толпа: докеры, грузчики, кучка старух и несколько матерей; моей там не было. Матушка словно отдалилась от меня. Мы попрощались. Она сказала, что вся эта история ей ненавистна. Собираешься уйти — уходи, и возвращайся как можно быстрее, и не жди, что мне это понравится. Мистер Джемрак тоже не хотел, чтобы я отправлялся с Тимом. Когда я сообщил ему о своем решении накануне вечером, он похлопал меня по плечу, приблизил свое лицо к моему и долго не сводил с меня водянистых голубых глаз, отчего мне стало не по себе.

— Будь осторожен, Джаф, — хрипло произнес он. — Провожать вас я не пойду.

Мы с чувством пожали друг другу руки и обменялись

неловкими улыбками, но тут кто-то пришел за птицами, и я быстро улизнул.

Жена Дэна Раймера, высокая светловолосая женщина, с прямой спиной, стояла на причале. Дети постарше хватались за ее юбку, а младенца она держала на руках. В ожидании приключений на берег сходила целая команда португальских матросов; все они глазели на Ишбель, которая пришла сюда прямо из «Гусыни» в своих красных башмачках.

Она не плакала и не поднимала шума. Каждому из нас достался легкий поцелуй в губы. Тима она обнимала дольше.

— Привези его обратно, Джаф, живым и невредимым, — попросила она.

Я и сейчас вижу, как она стоит на причале и машет одной рукой, другой заслоняя глаза от солнца.

5

Когда я наконец ступил на палубу, ужас, снедавший мои внутренности, слился воедино со странным восторгом. Мне хотелось посмотреть киту в глаза. Единственного в своей жизни кита я видал на картине в Морской часовне — того, что проглотил Иону. Морды у него не было — сплошная серая глыба, чудовище с пастью. Но я знал: у китов есть глаза, и я хотел заглянуть в них, как смотрел прежде в глаза всем животным, проходившим через зверинец Джемрака. Зачем? Сам не знаю. Вряд ли это помогло мне что-то понять.

Все мы до единого были восторженными идиотами, дикими до самозабвения. В то утро мы сновали взад и вперед, делая все не так, и сердца выпрыгивали у нас из груди. Мы ничего не знали и не умели, совсем ничего, да и друг друга еще не успели узнать. Из членов команды восемь были совсем зеленые молокососы, еще восемь или больше — взрослые мужчины. Самому младшему, Феликсу Даггану, болтуну из Орпингтона, исполнилось четырнадцать, а самому старшему — костлявому негру по имени Сэм — шестьдесят. Благодарение богу, с нами был Дэн: с нами — и не с нами. К тому моменту мы были знакомы уже семь лет, но до совместного плавания я не знал его. Теперь знаю. Знаю лучше, чем кого бы то ни было.

«Лизандр» был красив — судно не из новых, но в хорошем состоянии, небольшое и изящное. Капитан стоял на шканцах и наблюдал, как мы позоримся, а старший помощник, мистер Рейни, буйный, с грубым красным лицом, прохаживался по палубе, рассыпая бессмысленные ругательства. «Господи Исусе, что я наделал? С ума сошел? Ох, матушки», — вертелось у меня в голове. Мачты, реи, паруса парили на фоне неба, точно паутина, сотканная безумным пауком. Канаты, канаты, миллион канатов, и у каждого — будь он неладен — свое название, один перепутаешь — все пойдет насмарку. Не понимаю, как мы вообще отчалили. Наверное, благодаря тем немногим, кто знал, что делает: старику Сэму, еще одному негру по имени Габриэль, высокому азиату Яну и нашему Дэну. Эти четверо позволили кораблю отчалить, помогали им еще несколько молодых ребят — не старше нас с Тимом, которые уже плавали раз или два и потому считали себя морскими волками. Мы, салаги, неуклюже метались туда-сюда, путаясь у всех под ногами. Я потерял из виду Тима, потом Дэна. Я все время пытался создать впечатление, будто только что закончил выполнять одно важное задание и теперь перехожу к следующему, напустив на себя вид смышленого и ревностного

трудяги. Краем глаза я успел увидеть, как док постепенно удаляется. Люди на причале превратились в сплошное пятно. Неожиданно на прощание раздался сладкий гулкий звон лондонских часов.

Я стоял в замешательстве. Вдруг перед самым моим носом выскочил темноволосый мальчик с круглой головой. Вид у него был растерянный и одновременно сосредоточенный, губы напряженно поджаты. Лицо его отражало именно то, что чувствовал я сам, покачиваясь на месте и не зная, что делать дальше. На секунду наши глаза встретились в молчаливом согласии. Потом мальчик улыбнулся, не разжимая губ, спокойно и понимающе.

Наш молчаливый диалог нарушили грохот сапог мистера Рейни и его лошадиное фырканье; точно молния ударила промеж нас.

— Здесь что, по-вашему, чаепитие в саду? — грозно спросил он, дал мальчику затрещину и отшвырнул его в сторону. — Кретины! — рявкнул он и мрачно зашагал дальше по палубе, вразвалку, уверенно переставляя кривые ноги. Одному Богу ведомо, почему мне не досталось. Скорее всего, его внимание привлекла следующая жертва — мальчик, запутавшийся наверху в снастях. — А ну спускайся, сволочь бестолковая! — заорал мистер Рейни, закинув голову. — Чтоб ты сдох, выродок несчастный, и все твое волчье семя!

Я торопливо обернулся в поисках Тима, но его нигде не было видно. Так я и остался стоять без дела. Кто-то шлепнул меня по затылку со словами «а ну живее!».

— Я не знаю, что делать! — неожиданно взорвался я. Откуда я мог знать?

Долговязый тощий матрос, с длинным чутким носом как у муравьеда и изогнутыми бровями, которые делали его похожим на клоуна, подтащил меня к брашпилю и бросил:

— Давай!

Чертов брашпиль! Огромное, стоящее на боку колесо рядом с нашим носовым кубриком (вот бы сейчас туда, вниз, к моему сундучку), придется крутить его бок о бок с дюжим белобрысым парнем, здоровым как вол. Даже этот здоровяк тужился, ворчал и ругался сквозь зубы на своем языке. Я чуть шею не сломал. Высокий худой малый, с прямыми и тонкими, как он сам, волосами, постоянно падавшими ему на глаза, подскочил на помощь. Тощий — одни кости, однако сил у него оказалось много. «Ну, крути!» — скомандовал он.

Крути. Крути. Никогда бы не подумал, что такое мне по силам. Крути. Я смутно замечал беготню вокруг, свистки, крики,

хохот, оглушительный треск и скрежет снастей под нашими неумелыми руками — и новое состояние невесомости, будто я падал, хотя ноги мои крепко стояли на палубе.

Те самые португальские матросы хлопали в ладоши и подбадривали нас криками, но оглянуться на исчезающую пристань, где стояла Ишбель, где остались сонные грузчики, безутешные матери и жена Дэна Раймера, было уже некогда.

Мы выходили из города. Мимо проплывали причалы и таверны, солнце светило все ярче, разливая золото над пакгаузами и блестящей водной рябью. Паруса хлопали на ветру. Капитан — плотный, с широкой грудью и бледным квадратным лицом, усыпанным веснушками, с тонкими рыжими бровями — расхаживал между нами, на губах его играла едва заметная и ни к кому не обращенная улыбка. Разговаривал он только со своим старшим помощником, а у ног его терся лохматый бурый пес. Хорошо, что на борту оказалась собака. Этого я не ожидал.

Тим и я держались поближе к Дэну. Он сказал, что нам надо многому научиться, и сразу принялся объяснять, как что называется. Все, что мы знали прежде, оказалось теперь ненужным и медленно уходило в прошлое — словно постепенно разжимались крепкие прощальные объятия. Берега были уже не каменными, а зелеными и возвышались теперь с обеих сторон. Нас поглотили болота. Над зарослями тростника раздавались печальные крики длинноногих птиц. Чайки с безжалостными глазами яростно разрезали воздух у борта, сопровождая нас до самого Норд-Форланда, — на подходе к мысу мистер Рейни послал меня на топ мачты.

Лазить я умел хорошо и не боялся высоты; что могло быть лучше — залезть наверх и увидеть, как перед нами расстилается открытое море, а брамсель ползет вверх, чтобы наполниться ветром. Я впервые увидел настоящее море. Когда видишь его в первый раз, оно кажется слишком большим. Оно сверкало так, как я даже не мог себе представить, хотя много раз рисовал его в своем воображении. Я стоял на топе мачты, и «Лизандр» подо мной шел на всех парусах, как живое существо. Бушприт опускался и поднимался, словно шея у лошади, идущей галопом. Волны пенились и ревели, а вельботы вздрагивали в своих гнездах. Я глянул вниз и увидел, как Дэн Раймер вальяжно беседует с капитаном на квартердеке. Костлявый морщинистый Сэм с кошачьей ловкостью пробирался вдоль рангоута и улыбался. Лохматый капитанский пес протрусил по палубе и задрал лапу под грот-мачтой. Я не думал ни о времени, ни о будущем — вообще ни о чем не думал и был совершенно, пугающе счастлив, зная, что сделал правильный выбор.

Чуть позже, как раз перед тем, как капитан выступил с речью, нам с Тимом удалось минутку постоять спокойно у борта и посмотреть вниз, на воду. Тим положил руку мне на плечо и произнес:

— Вот она жизнь, Джаф!

Весь день он вел себя точно пес, которого спустили с поводка. Вот чего ему не хватало, а вовсе не охоты на диковинных животных. Тим едва заметно дрожал — то ли от холода, то ли от волнения. Не знаю. Странное это чувство — когда впервые отправляешься в неведомое.

И хочется, и страшно. Тим никогда бы не признался, что ему страшно. Никогда. А ведь он боялся, и заметить это мог бы любой дурак.

— Вот она, жизнь, — повторил я.

На этом наш разговор и закончился. Потом капитан созвал всех на верхнюю палубу, чтобы назначить вахту и распределить нас по вельботам.

На судне было три вельбота, не считая запасных. Я не хотел попасть к Рейни. Команды было три: капитана Проктора, Рейни и Комеры, второго помощника, — им оказался тот самый долговязый и носатый, который дал мне затрещину и сказал «живее». Комера и Рейни оба были на добрых шесть дюймов выше капитана Проктора: тот казался крепче и сильнее, но ростом не вышел. Так они и стояли втроем: два высоких темных сосуда по бокам и круглый белый котелок посередине. Рейни широко расставил ноги и мял за спиной какие-то бумаги. Комера как будто все время улыбался. На самом деле у него просто было такое лицо.

— Поздравляю, господа, с успешным отплытием, — произнес капитан, обводя всех нас бесстрастным взглядом. Мы, салаги, пытались понять истинный смысл его слов по поведению более опытных членов экипажа: те рассмеялись, видимо догадавшись, что это добродушная насмешка, а не сарказм. На лице капитана промелькнула тень улыбки. — Мы поладим, — сказал он; глаза его при этом по-прежнему ничего не выдавали, — если будем помнить одно. — Долгая пауза, взгляд снова заскользил по лицам. — Корабль — место опасное, а китобойный парусник — особенно. — Долгая пауза. — Вы должны выполнять приказы — мои и всех моих помощников — без промедления. Исключений не бывает. Проще некуда.

Говорил он красиво, и голос у него был чистый, звонкий — сильнее и мощнее, чем можно было ожидать, глядя на его лицо, слишком мальчишеское для капитана. Развалившийся у его ноги пес с глуповатой мордой только усиливал это ощущение. На

протяжении минут десяти капитан с жаром рассуждал о долге, дисциплине и общем деле; потом сказал, что за теми, кто вышел в море впервые, будут присматривать специально назначенные опытные члены команды и мы должны будем им подчиняться.

— Некоторым из вас известно, что у нашего плавания есть еще одна цель. С нами на борту мистер Раймер. — Капитан кивнул в сторону Дэна. — Ему поручено охотиться на диких зверей. Когда дойдем до Голландской Ост-Индии, мы ненадолго отложим выполнение нашей основной задачи — а она, разумеется, состоит в том, чтобы загрузить в наш трюм как можно больше бочек с нефтью. Но сейчас вас это занимать не должно. Вы все — китобойцы, и дело это важное и опасное. Ваша ближайшая задача — научиться всему, чему сможете, и как можно быстрее.

Он сказал, что на корабле действуют такие же строгие законы, как и везде; что эти законы предписывают выполнение совершенно определенных правил и назначение совершенно определенных наказаний за их нарушение. Все очень просто. Уточнить эти правила можно в любое время: список всегда вывешен в кают-компании и на баке. Кто не знает грамоты, может попросить кого-нибудь прочесть список вслух.

— Заучите эти правила наизусть, — посоветовал капитан. — Теперь они — ваша Библия. А это… — он с ловкостью фокусника вытащил откуда-то жуткое орудие, похожее на цеп, и по палубе пронесся вздох удивления, — по корабельному закону ожидает каждого, кто нарушит правила. *Любое из них.* Без исключения. — Он поднял над головой зловещий кожаный предмет, сложенный пополам. — Посмотрите хорошенько на эту штуку, потому что сейчас я уберу ее и искренне надеюсь, что до конца нашего плавания никто ее больше не увидит.

Капитан медленно поводил плетью у нас перед глазами.

— Ну хватит! — Он перекинул орудие Комере, и тот с удивленным видом проворно его поймал. — Мистер Рейни, — капитан учтиво повернулся к первому помощнику, — распределите людей по лодкам.

Рейни вынул из-за спины список и принялся зачитывать имена. Теперь он уже не орал и стал похож на горгулью: толстые губы, слишком резкие черты лица, — он казался одновременно и красивым, и уродливым, а вид у него был такой, будто все ему в жизни не по нраву. Линвер, Браун, Раймер — мы все попали в лодку к Комере. Я вздохнул с облегчением. Комера был наименьшим из возможных зол. Когда дело дошло до состава вахт, я снова попал к Комере, а Тим и Дэн — к Рейни. Может, это и значило, что они лучше меня, но я радовался, что не оказался в той вахте, за которую отвечал Рейни.

— Старая развалина, — пожаловался Габриэль, молодой высокий негр с мускулами как у борца, — о чем я только думал? Готов спорить, до островов Зеленого Мыса эта посудина не дотянет.

— Дотянет, — успокоил его Дэн, — старая-то старая, но следили за ней хорошо.

— Нынче таких и нет уже.

— И то правда. Скоро совсем не останется.

К первому ужину на палубе все обитатели носового кубрика собрались у емкостей для китового жира, вокруг огромного ломтя соленой свинины, водруженного, словно обломок скалы, на кадку с крышкой — бывалые матросы называли ее «малыш». Мы отрез*а*ли длинные тонкие куски мяса каждый своим ножом и клали их себе на тарелки. Крупинки соли щипали язык.

— Проктор тут не главный, — сообщил Габриэль.

— Нет. Всем заправляет Рейни, — подтвердил темноволосый парень из Йоркшира, прибывший на этом судне из Гулля. — Вся власть у него. Слушать надо его.

— Думаешь? — спросил мальчик, которому досталось от Рейни в самом начале.

Он был на год или два меня постарше. Настоящее имя — Эдвард Скиптон, но все звали его Скип. У Скипа дрожали колени.

— Уверен. — Парень из Йоркшира поставил стакан на крышку кадки. — Года два тому я ходил с ним на «Мариолине». Тогда он был еще вторым помощником. Рейни свое дело знает. Проктор салага еще вроде тебя.

— А уж я-то совсем желторотый, — тихо произнес Скип.

— Вот зараза! — Тим попытался откусить кусок сухаря, но чуть челюсть не сломал.

— У Рейни не забалуешь, но бывает и хуже, — просвещал нас йоркширец. — Здесь еще не корабль, а санаторий. Вам повезло.

Габриэль был того же мнения:

— Проктор ему еще спасибо скажет. Сам-то он не рожден быть капитаном.

— А ты откуда знаешь? — поинтересовался Тим.

Габриэль умело отрезал шмат мяса. Он был старше нас, совсем взрослый.

— Я повидал капитанов, — ответил он и вытащил из кармана плитку жевательного табака.

Объявили вторую вахту, и я пошел. Ночь была ясная, видно было огромные белые звезды и месяц. Команда в полном составе слонялась по палубе. Феликс Дагган дурачился с метлой, Комера играл с собакой. Кок, крупный островитянин родом откуда-то из

Карибского бассейна, совершенно не умеющий улыбаться, стоял на пороге камбуза и курил трубку. Поначалу все это казалось чудесным: пьянящая радость, размеренная корабельная жизнь, вязкая черная вода, бурлящая в отблесках фонаря, приглушенный стук молотка, потрескивание и скрип рангоутов и шпангоутов. Шажок за шажком ко мне подбиралась болезнь — чересчур медленно, чтобы ее можно было заметить, пока не стало слишком поздно. Мерное колебание тросов: вверх-вниз, пятна на палубе, плеск воды, похожий на хлюпанье зеленой слизи на причале в Бермондси. Я закрыл глаза. Во тьме все двигалось, поднималось, опускалось, вздымалось и падало. Жизнь казалась долгой, непонятной и трудной. В чем дело? Раскаленный лоб покрылся холодным потом. Только не это. Я заболел — вот в чем дело.

Я открыл глаза. Кроме меня, никто больным не выглядел. Только бы продержаться до полуночи — до конца вахты. Только не я. Пожалуйста. Соберись. Темно-синий горизонт качался вверх-вниз, вверх-вниз. Мы уже миновали пролив и вышли далеко в открытое море так мне казалось, хотя в сравнении с тем, в какую даль мы направлялись, это было, конечно, вовсе не далеко. Черт. Накатывает. Не сдержаться. Я подбежал к борту и перегнулся через него. Рвало жидкостью. Жидкостью — и больше ничем. Это хорошо. Теперь станет легче. Но вдруг — новый приступ, еще сильнее, большие непереваренные и неперевариваемые куски сухарей, которые так тяжело было жевать, склизкие розовые полосы солонины застревали в зубах и только усугубляли рвотные позывы.

Скип увидел, что со мной творится.

— Выблюешь все до конца — и готово, — успокоил он меня, когда я бессильно отшатнулся от борта.

Гнусная ложь.

В те первые дни я усвоил одну неприятную истину: болезнь не освобождает от работы.

— Держись, — подбодрил меня Комера, — пройдет. Сам знаешь — любой капитан был когда-то салагой.

Пройти прошло, но не совсем. Помню я мало. Только народ на палубе, спокойное движение воды, качание на волнах, странный отсвет морской глади — мне казалось, будто она поет. Сквозь сон я наблюдал, как тросы поднимаются на невозможную высоту и опускаются снова, все находилось в движении. Я еще раз порадовался, что попал в вахту к Комере. Пинка он мне тогда дал, конечно, но не такого уж сильного. Вахта подошла к концу, все когда-нибудь заканчивается, и полночь меня освободила. Пошатываясь от слабости, я добрел до носового кубрика и принялся искать свою койку. В темноте я наткнулся на кого-то и

услышал стон. Матрас был набит чем-то колючим. Темнота по-матерински баюкала меня. Потрескивали шпангоуты. Воздух был пропитан густым, маслянистым запахом крови и человеческих выделений, запахом дыма и тел, соли и дегтя. Мне так не хватало мамы. Глаза у меня были закрыты, но всеми остальными органами чувств я ясно ощущал, что происходит вокруг. Мне снились потерянные младенцы с мягкими пальчиками. Они хныкали и припадали к бутылочкам, лежа на спинках, беспомощные, обреченные, раздавленные тяжестью потери, недоступной их пониманию. Откуда я это знал? А я и не знал. В голове у меня все разбухало и сжималось от боли. Я часто просыпался, то взмывая вверх, то падая вниз. Вошла Ишбель и запела «Приди ко мне, милый, приди, дорогой…». Прижала мою голову к своей груди и расстегнула лиф платья, но тут настало утро. Я свесился с койки и застонал. Кто-то застонал в ответ. Я поднял голову и увидел, как молодой чернокожий матрос тоже склонился со своей койки и исторг содержимое желудка в деревянную бадью, которую держал на весу китаец Ян, присевший на корточки рядом, взъерошенный и полуголый. Запахло сладковатой блевотиной. Судно накренилось. Кого-то еще тошнило, слышались всплески и стоны. Я раскрыл рот и закашлялся — с таким звуком собака, давясь, грызет кость. Ян обернулся, приятно проворковал что-то на своем странном отрывистом языке и молниеносным движением переместил кадку мне под голову. Я взглянул на комковатое содержимое желудка соседа, закрыл глаза и вывернул наизнанку собственное нутро.

Догадайтесь, как обстояли дела у Тима. Он, во всем своем великолепии, даже глазом не моргнул. Никакой морской болезни. Ни разу, ни в самый страшный шторм, ни в сильнейшую качку. А мы — нас в тот день оказалось семеро или больше — метались из стороны в сторону, изгнанные из рая, словно нечистая сила.

Сквозь открытый люк сверху просачивались зловещие лучи солнца. Убей меня — не встал бы. Подойди ко мне, мама, опусти свою прохладную, заботливую ладонь мне на лоб, спой песенку и скажи: «Джаф, бедненький, не вставай, попытайся уснуть». От матраса воняло. Вошел Комера со своей клоунской ухмылочкой и гаркнул: «Подъем! Мальчики, подъем! Не разлеживаться!»

Ян отдал кадку нам с чернокожим матросом.

— Не зевай, Джаф! — весело крикнул Комера. — Идем, Билл.

Не помню, как мы выбрались на палубу, но как-то выбрались. Пощады никому ждать не приходилось: работаешь, спускаешься в трюм, блюешь, снова работаешь — вот и весь распорядок. В то страшное утро первым на топ-мачте нес вахту юнга Феликс Дагган, четырнадцатилетний пухлогубый подросток с молочно-

белой кожей. Рот у него был приоткрыт, нижняя губа беспомощно отвисла. «А-а-а, — вертелось в голове, — а-а-а, заберите меня домой, заберите домой и больше никогда не показывайте мне море!» «Разве надоест когда-нибудь смотреть на море?» — спросила она тогда на Лондонском мосту. Да, милая Ишбель, надоест.

— Ерунда какая! — насупился Феликс, глотая слезы и пиная ногой грот-мачту. — Почему я должен лезть? Почему не ты? — обратился он к презрительно молчавшему Генри Кэшу, который заслужил свои морские регалии несколько лет назад и следил, чтобы все об этом знали, хотя почти ни с кем не разговаривал. Каким образом ему удалось донести до нас это знание, так и осталось для меня загадкой. — Тебе-то не плохо. И ему не плохо. — Феликс указал на Тима. — Почему я?

— Откуда мне знать? — невозмутимо отозвался Генри. — Иди спроси у Рейни, рискни.

— В этих морях и китов-то нет, — заметил Джон Коппер, парень из Йоркшира, тот, что уже ходил с Рейни прежде.

Я уже начал запоминать имена.

— Это кто сказал? — спросил Кэш.

— Вот видите! — Феликс сердито вытер нос. — Какой смысл высматривать китов, если их тут нет?

— Об этом, наверное, лучше капитану судить, — со спокойной улыбкой ответил Кэш и пошел прочь.

— Отправился задницу Рейни вылизывать, — пробурчал Джон Коппер.

— Пусть лучше голову побережет, когда меня там рвать начнет. — Феликс яростно сплюнул на палубу и со страдальческим видом полез на мачту, где ему предстояло провести ближайшие два часа.

— В этих морях китов нет, — повторил Коппер. — Что? Кто сказал? Проктор? Да он не знает. Нету здесь китов.

И правда, китов мы так и не увидели — до самого Кабо-Верде, но к тому времени я уже полюбил матросскую жизнь. Иногда по ночам приходило ощущение, что я наконец нашел то место, куда меня влекло из материнской утробы. Носовой кубрик стал второй такой утробой, и я бы не променял его ни на что, даже на каюту на средней палубе, где размещался Дэн, которому было даже позволено обедать наверху, рядом с камбузом. Там, в кают-компании, рядом с капитаном и его помощниками, надо быть настороже. А у нас в кубрике все было просто. Сэм пел песни своим жутковатым голосом, а Саймон Флауэр с полуострова Кейп-Код играл на скрипке. Разговоры не стихали всю ночь, дым клубился и вился у нас над головами, и в этих клубах и завитках

я видел голубые миры, туманные нагорья и изменчивые пейзажи. Все это продолжалось до тех пор, пока на четырнадцатый день плавания Габриэль, стоявший на мачте, не крикнул: «Земля!» — и *они* не появились на горизонте, настоящие, как шпангоуты у меня под ногами.

Вдали возвышались гигантские голубые горы, а в небе чередовались пласты багряного, серого, сиреневого и розового. Я побежал в трюм за старой подзорной трубой Дэна Раймера. Азорские острова. До чего они оказались хороши! Погода была теплая и приятная. Мы стали на якорь в Орте, на острове Фаяле. Я увидел белые дома, шпиль церкви и огромный конус горы на фоне ясного неба. У ее подножия клубились пушистые белые облака. Никогда прежде я не видел гор, а эта оказалась еще и вулканом. «Пику-Альту», — сообщил Габриэль, указывая на нее рукой. Он уже бывал в этих краях. Но вулкан стоял не на Фаяле, а прямо в море, хотя казалось, будто он так близко, что вот-вот поглотит нас своей жаркой глоткой. Я удивился: как странно, что люди продолжают жить рядом с вулканом, зная, что он в любой момент может проснуться и похоронить их под слоем пепла и огня, но Габриэль засмеялся и толкнул меня локтем в бок со словами: «А жизнь продолжается».

За городом виднелась высокая серая скала. «Вот и добрался до дальних стран, — сказал я себе, — туда, где начинаются неизведанные пути, где люди говорят на непонятных языках, где горы плюются дымом и огнем и даже земля под ногами сделана из чего-то другого».

По словам капитана, в обмен на китовый жир нам должны были принести овощи и свинину. На рассвете следующего дня мы собирались отчалить. После завтрака, оставив на борту Яна вместе с коком Уилсоном Прайдом и еще парой матросов, мы сели в вельботы и направились в город. Мне еще ни разу не доводилось брать в руки весла, и, когда мы добрались до шумной гавани, плечи у меня болели ужасно. Мы выкатили бочки на пристань, прицепили их к кранам и сбились вокруг в ожидании, пока Проктор уладит дела с теми, с кем он должен был их уладить.

Прождали мы около часа. К нам подходили люди: босоногие женщины с темными глазами и черными волосами перекрикивались между собой громкими, резкими голосами, старики и закутанные в шали старухи что-то бормотали, оравы визгливых ребятишек оглушали нас своими песнями. Нам несли картофель, лук, бобы, инжир и яблоки, перепуганных птиц в деревянных клетках. Из хриплой смеси английского и португальского я не мог разобрать ни слова, но Джон Коппер кое-

что понимал.

— Não ainda,[7] — благожелательно объяснял он пришедшим, — logo, logo.[8]

И я решил: куда бы меня ни занесло, буду внимательно слушать и запоминать слова разных языков. Уж если мне суждено бороздить моря — а так оно и есть, — без этого не обойтись. Пока я не понимаю их языка, все чужеземцы для меня — все равно что птицы. Какой с них толк? Своим умением простоватый и ничем не примечательный Джон Коппер вызвал у меня настоящее восхищение.

Как только капитан вернулся на причал вместе с Рейни, Комерой и Генри Кэшем, местные учтиво попятились. Капитанский пес нарезал круги, то забегая вперед, то возвращаясь к хозяину, словно проверяя, все ли на месте.

— Самсон! — позвал Проктор. — К ноге!

Мы вместе с псом обратились в слух, ожидая распоряжений.

Капитан Проктор сообщил, что для торговли все готово. Саймону Флауэру было велено отмерять китовый жир вместе с Мартином Ханной. Кто хотел, мог сойти на берег, остальные могли вернуться на корабль.

— Хочу, чтобы торговля шла честно, — объявил капитан, почесывая Самсона за ухом бледной веснушчатой рукой. — Пользуясь возможностью… — Проктор прокашлялся, — хочу напомнить тем, кто решит остаться на берегу, что вы на этом острове гости. Проступки… — тут он сделал паузу, — любого рода… — смотрел он при этом вполне беззлобно, но пес заскулил, — будут наказаны по всей строгости.

Капитан обвел нас вопрошающим взглядом, точно выискивая признаки несогласия.

— По всей строгости, — задумчиво повторил он.

Мистер Рейни сделал шаг вперед, выступив из короткой шеренги, состоявшей из него самого, Комеры и Кэша. Что там делал Кэш? Стоял с невозмутимой полуулыбочкой, будто его уже произвели в помощники.

— Если позволите, я скажу… — начал мистер Рейни.

— Безусловно, прошу, — любезно ответил капитан.

— Сдается мне, сэр, разумнее было бы взять Коппера, а не Ханну. Коппер немного говорит на местном наречии. Ханна же им не владеет.

Возникла пауза. Рука капитана зависла над собакой. Кэш слегка кивнул, а Комера отвел глаза в сторону. Проктор моргнул и поправил шляпу.

— Благодарю, мистер Рейни, — спокойно произнес он, — неплохое предложение. Коппер, Флауэр — чтоб все честно.

Выбор был правильный. Джон Коппер свое дело знал. Потом он рассказал мне, что лет с шести работал у своей тетки за рыбным лотком в Гулле. Джон точно отмерял жидкость специальными кружками — по кварте и по пинте, сосредоточенно наморщив переносицу. Забавно было слушать, как он перескакивает с родного йоркширского наречия на ломаный португальский:

— Três, senhora, três, вот! Bastante! Obrigado, obrigado, depois por favor.[9]

Те из нас, кто решил сойти на берег, могли побродить по городу. Местечко оказалось премилое — с узкими мощеными улочками, осликами, цветами и маленькими белыми домиками, украшенными узорной плиткой. Встречались и роскошные виллы с изящными балконами, нависающими над дорогой, которые были увиты цветами. Но по большей части дома были бедные, и из дверей их выглядывали черноглазые босые ребятишки, одетые в отрепья. Мужчины тоже выглядели как оборванцы. Женщины носили длинные балахоны с плотно прилегающими капюшонами, несмотря на жару, а на головах они держали горшки. В лавках, увы, не было ничего, что бы нам захотелось купить, да и денег у нас не было. Побродив по городу, мы с Тимом выбрались за его пределы по узкой, ведущей вверх тропинке, обрамленной высоченными кустами с розовыми и багряными цветами, и увидели, как несколько мужчин что-то копают в поле, а пара волов тащит за собой плуг. Высокие бамбуковые изгороди делили поле на участки. То тут, то там виднелись небольшие домики с прохудившимися камышовыми крышами.

Мы лезли все выше, пока не оказались в лесу. Из-под скалистых завалов вниз, по дождевым стокам, бежала вода.

— Подумать только! — воскликнул я. — Все это существует здесь всегда!

На мгновение мне показалось, будто любое несчастье — пустяк. Я подумал о матери, которая потрошит рыбу в Лаймхаусе, и об Ишбель, которая выступает на сцене в «Квоши».

— Понимаю, о чем ты, — отозвался Тим.

Странно у нас выходило с Тимом. Мы ведь с ним и не разговаривали никогда как следует — так, как я обычно беседовал с другими, со Скипом например. Со Скипом мы могли болтать день и ночь напролет. А с Тимом — нет. Каждый из нас понимал, о чем думает другой.

На фоне неба вырисовалась темная фигура. Человек неподвижно сидел на высокой плоской скале, все его внимание было сосредоточено на предмете, который лежал у него на колене, — это могла быть книга. Скип. Он показался мне

странным, и лишь через пару минут я сообразил почему. Он не двигался. Я еще ни разу не видел, чтобы он сидел на месте. Скип был настоящий живчик: даже стоя на месте, все время покачивался, а когда сидел — мелко тряс коленями.

— Эй, Скип, ты что тут делаешь? — крикнул Тим.

Скип вздрогнул.

Тим с ухмылкой взобрался на скалу.

— Да пошел ты, — Скип произнес это самым будничным тоном — спокойно и сдержанно. — Так и заикой стать недолго! Не предупредить было? Подкрались, как воры.

— Это кто подкрался?

— Ты, придурок, кто еще?

Я полез вслед за Тимом. Сидеть на скале оказалось приятно — тепло и просторно. Мы расположились, скрестив ноги, точно индейцы на совете племени.

— Ты что делаешь?

— Рисую. — Скип показал нам альбом.

На рисунке был остров, вид на вулкан. Несколькими легкими серыми штрихами Скип умудрился создать узнаваемый образ.

— Красиво, — признал Тим.

Я перевернул страницу. На предыдущем листе была гавань, и в бухте — «Лизандр» со всеми своими мачтами, парусами и рангоутами. Стал листать назад — оказалось, что мы все есть в альбоме. Наши лица, руки; мы опираемся о борт, сидим у «малыша»: широкие скулы Яна, долговязая фигура Комеры, Билл, мой товарищ по несчастью, ест свой ужин, и волосы у него торчат во все стороны. Уилсон Прайд чистит картошку, стоя у входа на камбуз.

— Гляди-ка, Самсон! — показал пальцем Тим.

Я рассмеялся.

— И капитан — прямо как живой. — Это про капитана Проктора с его пухлыми щеками и невыразительным взглядом.

— А вот и ты, Джаф!

Действительно, на картинке был я.

— Ни разу не видел, чтобы ты рисовал, — удивился Тим.

Скип пожал плечами.

— Ты где так научился?

— Талант. — Он сглотнул с громким щелчком, от которого у него наверняка должен был заболеть кадык. Откуда-то из глубин острова донесся бешеный собачий лай. Скип оглянулся на источник звука. — У меня всегда было много талантов, — задумчиво произнес он, а потом сжал губы и надул щеки, будто рот у него был полон воды. Прозвучало это забавно.

— А какие еще таланты у тебя есть? — спросил я.

Скип подтянул колени к подбородку, обхватил их руками и принялся раскачиваться взад-вперед, робко улыбаясь. У Скипа было очень странное лицо: пухлое и круглое, если смотреть анфас, но в профиль совсем другое. Прямая, словно выровненная по линейке, линия лба шла до переносицы, а потом становилась извилистой, доходя до шишковатого кончика носа, и сводилась на нет почти полным отсутствием подбородка. Кожа нечистая, покрытая бугорками и угрями.

Тим взглянул на меня, поднес палец к виску и состроил гримасу, показывая, что считает нашего приятеля психом.

— Свистеть умею, — хихикнув, сообщил Скип и опять сглотнул.

Мы с Тимом рассмеялись.

— Что угодно могу просвистеть, — добавил Скип.

Свистуном он был знатным — не поспоришь.

— А еще что? — не унимался я. — Это всего два таланта.

Скип молча посмотрел на меня.

— Вы не поймете, — сказал он.

— Ты знаешь, что ты чокнутый? — поинтересовался Тим. — Правда. Тронутый, сумасшедший, психический.

— Да неужели? — Скип тоже засмеялся. — Ты серьезно?

— Хватит ерунду нести.

— Что такого мы не поймем? — спросил я. — Мы что, по-твоему, идиоты?

— Не идиоты, — Скип облизнул губы, — просто нормальные люди.

— А ты, значит, ненормальный?

Он улыбнулся. Рот у него был маленький — едва видать.

— Недоумок ты — вот ты кто, — рассердился я.

— Без обид. — Скип захлопнул альбом и сунул его в карман. — Просто люди не… люди не… — Он сосредоточенно напрягся. — Нормальный — нет, я *не* нормальный, это правда.

— Наконец хоть что-то разумное сказал. — Тим лежал на скале, прикрыв глаза.

— Ничего особенного, — продолжал Скип, слегка пожимая плечами со стеснительной полуулыбкой. — Просто я — ясновидящий.

— А, ну ладно, — успокоился я. — Тогда — ничего страшного.

Даром ясновидения обладала добрая половина жителей Рэтклифф-хайвей.

— Гадать умеешь?

— Все не так просто.

— А будущее можешь предсказать? — спросил Тим.

— Иногда, — после недолгого раздумья ответил Скип.

— Тогда что же ты умеешь?

— Мысли твои читать! — встрял я. — Давай скажи, что думает Тим?

— Он думает, что я сумасшедший.

Мы снова рассмеялись.

— Они в церковь пошли, — сказал Скип.

— Кто?

— Мистер Рейни. Генри Кэш. Сэм Проффит.

— Прямо сейчас? — Тим сел и протер глаза.

— Они пошли в церковь, но Бог не там.

Мягкий ароматный ветерок нежно ласкал нам загривки.

— Где же тогда Бог? — спросил я.

Мы с Тимом обменялись многозначительными взглядами. Скип только улыбнулся. Небольшая ящерка молниеносно скользнула по скале, будто мы ее приманили, и это вызвало очередной приступ смеха.

— Знак! — воскликнул Тим. — О могущественная ящерица, благослови меня!

— Вот за таким зверем мы и пустились в путь, — заметил я, — только в миллион раз больше.

— В миллион раз? — Тим оперся на локти. — Надеюсь, нет.

Скип откинулся на спину, вытянул ноги и закрыл глаза. Веки у него были белее фарфора, тяжелые и плотные.

— А эта тварь, — проговорил он, — это существо… Это *существо*… Как думаете, вы его найдете?

— Если найдем — разбогатеем. — Я тоже прилег. Каменная поверхность раскалилась.

— Нет, — возразил Скип, — не разбогатеете.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю.

— Не знаешь.

— Знаю.

— Ха. — Тим снова лег.

Теперь мы все трое растянулись под жарким солнцем. Когда я закрыл глаза, все стало оранжевым. «Домой возвращаться не обязательно, — думал я, — можно отправиться куда угодно. Не обязательно на Рэтклифф-хайвей, или к реке, в «Матрос», или к Менгу. Можно жить на горе. В джунглях. Где все покрыто цветами. На мили и мили вокруг ничего определенного и все разное». Я попытался выразить эти мысли вслух, но получалось плохо, и я сдался.

— Только представьте себе, — произнес Скип и сдавленно фыркнул, словно ему в голову пришло что-то очень смешное, — в

следующую секунду, прямо сейчас, гора — раз! — и взорвется.

— Бум! — весело воскликнул Тим.

— Смешно, правда? — хохотнул Скип. — Мы можем погибнуть в любую минуту.

— Где ты родился? — спросил я.

Он не отвечал так долго, что я уже забыл про свой вопрос, а потом вдруг сказал:

— В Рочестере. Давным-давно.

Вельботы были загружены провизией доверху, но жир в бочке еще остался.

— Совсем сбрендил? — рявкнул Рейни на Саймона Флауэра. — Просто так решил отдать? Эй, парень! Тебе разве это было велено делать?

— Нет, сэр, — ответил Саймон, серьезный темноволосый юноша, настоящий красавчик — мог дать фору даже Тиму.

— Хватит, хватит. Скажи им, больше не дадим! — орал Рейн на Коппера, а тот пытался отогнать от бочки толпу нищих старух, которые окружили его, точно стадо гусей.

— Мистер Рейни, сколько там осталось? — мягко поинтересовался капитан Проктор, подойдя сзади.

Насчет церкви не поручусь, но в кабак Рейни явно успел заглянуть. При появлении капитана весь хмель с него словно ветром сдуло.

— Немного. — Старпом наклонил бочку.

— Что скажете, Флауэр?

— Совсем чуть-чуть, — Саймон покраснел как рак.

Проктор немного подумал и вынес решение:.

— Слей что осталось. Пусть заберут. Там все равно одна капля.

Старухи рванули вперед и облепили бочки, отпихивая друг друга и подсовывая кружки под краны. Темнело. Дэн Раймер сидел на волнорезе. Далеко в бухте зажег свои фонари «Лизандр», на берегу тоже начали вспыхивать огни. Дэн подозвал нас с Тимом:

— Это ваш первый выход на берег. Держитесь ко мне поближе. Лучше меня провожатого не найдете.

Сколько Дэну было лет, не знаю. Кожа — одни морщины, но по повадкам — совсем еще юноша; временами его огрубевшие черты озаряла слабая мальчишеская улыбка. Я сказал «огрубевшие», потому что где-то там, в глубине, все еще таился прекрасный призрак, почти совершенно скрытый за этим иссушенным, стареющим лицом. Для меня Дэн всегда был всего лишь любимым поставщиком Джемрака, привычным

мрачноватым персонажем, и с момента отплытия он почти не обращал на меня внимания, моим обучением занимался в основном Габриэль. Но той ночью в Орте я впервые познакомился с Дэном поближе.

Узенькие тропки дышали ароматом цветов. В глазах пестрило от узоров на стенах домов. Мы направились в таверну, или это был просто дом — я уже никогда не узнаю. Из дверей лился золотистый свет. Внутри пела женщина. Низкий голос рвался в ночь, и звук его был подобен райскому пению. Лиловые и белые цветы волнами вились по стенам, нависали над неширокой улицей. Мы зашли в комнату, наполненную весельем: стены были увешаны изображениями святых, за столами хохотали мужчины и женщины — последние были куда красивее девок с Рэтклифф-хайвей. Таинственные заморские женщины, с черными бровями, темной кожей и замысловатыми движениями. Насыщенный ароматами воздух вызвал во рту привкус сладких приправ и мяса. В земляном полу горел костер, над которым в котле готовилась еда.

Я сел за стол спиной к стене, Тим — сбоку, Дэн — напротив. Я глотнул из круглой кожаной фляги какой-то крепкой красной жидкости. Смазливая дружелюбная женщина, болтавшая без умолку на чужом языке, принесла нам тушеное мясо с картофелем. Ничего вкуснее я в жизни еще не пробовал. «Надо перебраться жить сюда, — подумал я. — И плевать на вулкан».

— Видишь, — Дэн потряс передо мной своей ложкой, — я знаю хорошие места.

— Чистая правда! — согласился Тим. — Не представляю, что бы мы без тебя делали.

— Были бы как все остальные, — торжественно заявил Раймер. — Дядюшка Дэн все знает! — Он слегка шепелявил.

Дэн щедро плеснул нам напитка из кожаной фляги, и мы осушили стаканы. Девушка в красном платке, с косами, сидела на деревянных ступенях и играла на мандолине. Я с первого взгляда влюбился в нее и понял, что должен остаться здесь навсегда, что нашел наконец свой настоящий дом и буду теперь счастлив навеки. От россыпи невозможно сладких звуков в груди защемило. Подвыпившие посетители затянули мелодичную песню. Цепляясь за штанину, ко мне на колено взобрался крошечный котенок. Теплый комочек замурлыкал, уткнулся мне в подмышку и принялся меня вылизывать. Большие и маленькие собаки бродили под столами, выбегали на улицу и возвращались в дом. Повсюду вышагивали куры и клекотали, разинув сердитые острые клювы. Тим исчез. Я оглянулся, ища его глазами, но все вокруг закружилось: яркие цвета, огонь, красный платок, синие

балахоны… Дэн все еще сидел напротив, с усмешкой поглядывая на меня своими небольшими, близко посаженными глазами из-под низких морщинистых бровей. Он оперся на локоть, наклонился через стол и посмотрел мне прямо в глаза.

— Вот что, Джаф, — сказал он, — никогда не забывай этого.

— Чего, Дэн? — со смехом спросил я: крепкое красное вино ударило мне в голову, и я осмелел. На вкус оно было как кровь, когда губу закусишь или зуб кровит. — Давай поделись мудростью!

— Я уже все сказал. Этого достаточно. Просто никогда не забывай.

— Чего «не забывай»?

Во рту у него была длинная коричневая сигара, и он изящно помахивал ею, создавая вихри неожиданно яркого голубого дыма.

— Вот этот дым, — серьезно произнес он, — помни этот дым до самой смерти. — И принялся тихонько напевать «Табак — индейская трава…».

Нам принесли еще вина и маленькие ярко-желтые пирожные, приторно-сладкие и чем-то пропитанные.

— Вот эти — очень вкусные, — сообщил Дэн, и мы принялись их поглощать, — предел мечтаний. Ради таких пирожных умереть не жалко. — Он усмехнулся. Рука описала в воздухе подобие круга.

— Ты Мадонну когда-нибудь видел?

— В каком смысле? — невпопад спросил я, осушил стакан и тут же схватил бутылку, чтобы налить еще, пролив несколько капель.

На глаз было не понять, сколько осталось вина, но на вес бутылка оказалась тяжелой. Котенок выпал у меня из подмышки и соскользнул на пол с недовольным мяуканьем.

— Мадонну, — повторил Дэн. — Идем взглянем, она на втором этаже.

Я не хотел вставать, но он уже поднялся и жестом пригласил меня подойти туда, где ангел с мандолиной все еще извлекал из своего инструмента небесные звуки кончиками смуглых пальцев.

Я последовал за Дэном.

— Смотри, прекраснее этого ты мало что в жизни увидишь.

Я поднял голову. Живая девушка, та самая, с мандолиной, осталась по левую руку. Мелодия стихла, теперь музыкантша просто бесцельно перебирала струны. Над лестницей прямо на стене была нарисована картина: Матерь Божья развернула свой плащ, покрывая им весь мир. Не знаю, как это получается, но бывают такие картины — глаз не видно, но смотришь и знаешь, какие они, просто знаешь — и все.

— Ты ведь знаешь, — произнес Дэн, выдыхая мне в лицо теплые винные пары, — что у меня есть жена?

— Знаю, — подтвердил я.

— Я люблю свою жену.

Та самая — высокая светловолосая женщина, с младенцем на руках, остальные дети толпятся вокруг ее юбки. Гренландский док. Лондон. Славный Лондон. Ах, этот Гренландский док! И жареная рыба, и серые небеса, и запахи рынка на Уотни-стрит, когда только-только начинает светать.

— Она родилась за городом, — продолжал Дэн, — среди болот.

— Я ее видел.

— Видел?

— На пристани.

— Ну конечно, — пробормотал он, — конечно, ты ее видел.

Мы в оцепенении разглядывали картину. Я скосил глаза и увидел, как девушка в платке лениво разглядывает меня без тени интереса. Захотелось еще выпить. Вернувшись за наш стол, я наполнил стакан почти до краев. Пусть мне потом будет плохо, но это потом, не сейчас. Мне было все равно.

— Когда мне было столько лет, сколько тебе, — снова заговорил Дэн, садясь напротив, — когда, когда… эх, когда же это было… — Размахивая стаканом в такт своим словам, он пролил на пальцы немного вина.

Широколицая женщина подсела к нему и поцеловала его в щеку. На шее у нее висел маленький ключ, привязанный к голубой ленточке. Дэн приобнял женщину за талию и запел, откинув назад голову и прикрыв глаза:

Западный ветер дует,
Брызжет мелким дождем.
Уютно в теплой постели лежать
С любимой моей вдвоем.

Бог ты мой, ну и голос! Не просто голос как у всех, а такой, что до печенок пробирает. У меня снова слезы подступили к горлу. Глупое пьяное сердце! Краем глаза я увидел, как Тим и та девушка выскользнули за дверь. Тяжко вздохнув, сердце упало. Не было для меня нигде уютной теплой постели. Котенок вернулся.

— Ее зовут Элис, — сообщил мне Дэн.

— Элис, — повторил я.

— Элис.

Ох, Элис, Элис. Где же моя Элис? На колене урчал котенок.

От смеха глаза у Дэна превратились в узкие щелочки, а

уголки губ опустились. Он подлил мне еще крепкого красного вина и поднял воротник своей куртки. Женщина, сидевшая рядом, закрыла глаза и положила голову ему на плечо, словно приклеилась. Когда Дэн наклонялся через стол, голова женщины наклонялась вместе с ним, точно лисья морда у шикарной дамы на горжетке. Низким доверительным тоном он спросил:

— Я когда-нибудь — когда-нибудь — рассказывал тебе, как видел ангела?

Я помотал головой. Господи, ну я и набрался! Свет от огня плясал на впалых щеках Дэна, отчего он выглядел старым, до ужаса старым.

— Дело было в Вальпараисо.

Он перешел почти на шепот, и мне пришлось наклониться вперед, чтобы лучше его слышать, отчего к моему горлу опять начала подкатывать тошнота.

— Я лежал в канаве, — продолжал Дэн, — и какая-то собачонка только что помочилась мне на плечо. — Он глотнул вина. — «Господи, — сказал я, — спасибо тебе, Господи, спасибо! Ведь могла и на лицо напрудить».

Я прыснул со смеху. Котенок встал и принялся кругами ходить у меня на коленях, впиваясь в них коготками.

— «Воистину, воистину, ты милостив».

При этих словах женская голова на плече у Дэна немного сдвинулась.

Комната поехала вбок. Тонкие иголочки кошачьих когтей прорвали мне штаны и впились в ноги. Во дворе пели на несколько голосов. Кто-то с кем-то ругался, но, судя по интонациям, не всерьез.

— Луна хохотала, глядя на меня, — рассказывал Дэн, входя во вкус, — злорадно поглядывала из-за разбухшей тучи. — Он распрямился.

«Сейчас меня вырвет, — подумал я. — Нет, только не это. Не надо».

— И я заорал на луну: «Над кем ты смеешься?» — Он выбросил вперед руку. — Толстомордая! Слезай вниз и посмейся. Я тебе покажу, что такое смешно!

Дэн вскочил, оттолкнув стол. Бутылка покатилась на пол. Котенок спрыгнул вниз, а женщина незаметно исчезла.

— «Слезай, хватит паясничать!» — кричал я луне.

Он стоял в длинном распахнутом плаще, с всклокоченными волосами, взгляд его блуждал.

— И тогда, — тут Дэн снова сел и понизил голос, — тогда-то и явился ангел. Ростом — футов восемь примерно, очень высокий. Босиком. Ступни у него были серебряные! Можешь себе

представить? Ноги из настоящего серебра. И крылья тоже. Они задевали за стены домов по обеим сторонам улицы. Хочешь знать, что он мне сказал?

— Очень хочу, — признался я.

Дэн наклонился ко мне и продолжил свой рассказ еще тише, с необычайной серьезностью:

— Он сказал: «Вставай, глупец несчастный! Вытаскивай свой вонючий зад из канавы и закрой свой бестолковый мерзкий рот, пока я не закрыл его тебе сам». После этого он дал мне пинка! — Дэн схватил себя за запястье и выпятил нижнюю губу. — Но я уцепился за его серебряную щиколотку. На ощупь — холодная. И он взмыл вверх, раз — и полетел, а я так и остался висеть у него на ноге. Он летел к моему кораблю, и городские огни кружились внизу, и ветер свистел в ушах, и корабли в гавани все кружились. — Дэн откинулся на спинку стула и взял стакан. — А потом он опустил меня на квартердек, мягко, как перышко, и сказал: «Считай, что тебе повезло. В следующий раз я утоплю тебя в вине». Обернулся комаром и улетел. Вот и вся история.

Я отвернулся, и меня стошнило прямо на пыльный земляной пол. Со всех сторон теплой стаей налетели большие черные женщины. Они хлопотали вокруг меня, утешали меня и ухаживали за мной как за маленьким — вывели в прохладную темноту двора и держали мне голову. Успел ли я заснуть на мгновение? Был ли это сон? Помню сильный запах роз или каких-то других цветов, которые распускаются ночью. Звезды светили до нелепости ярко, небо словно кричало. Я лежал, как Дэн в своей канаве, только собака не пришла на меня помочиться. Вместо этого меня приняли чьи-то мягкие колени, я повернулся на бок и заснул. Потом снова была комната, все танцевали под удары в ладоши и нестройную музыку, и Дэн тоже плясал — трубка зажата в зубах, глаза закрыты, руки подняты над головой. Следующая картина: меня за руку ведут на чердак, постель, парусиновый матрац, набитый кукурузной шелухой, которая скрипит при каждом движении, ощущение присутствия других спящих тел, согревающих пространство вокруг меня, сонные люди, кошки, окутанные дремотой, похожей на тихое гудение осиного гнезда в глубине пещеры.

Занялся рассвет, и я еще крепко спал, когда Дэн разбудил меня, потянув за руку, и мы спустились вниз, перешагивая через груды храпящих тел в комнате, где пировали накануне, мимо пятачка черной свиньи, которая лежала растянувшись перед мерцающим очагом, мимо подрагивавших во сне собак, мимо рассевшихся на каменном выступе пышнозобых куриц.

По палубе бродили несколько боровов. Феликс Дагган гонял их и грязно ругался, пытаясь закончить уборку По скалистым уступам сбегали серебристые ленты. Я кинул взгляд на берег, но красные крыши уже исчезли из виду. Странно, что мы решили отплыть как раз в тот момент, когда стало ясно, что погода меняется. Тучи набухли и потемнели, волны с шумом бились о борт. Стоило нам отойти подальше от острова, как опустился туман.

— Как думаешь, мы когда-нибудь увидим кита? — спросил я Габриэля.

— Не в этом тумане, сынок.

Мы стояли у двери камбуза, наслаждаясь запахом свинины. Уилсон Прайд скармливал собакам обрезки.

— Никогда такого не видел, — сказал я.

Габриэль рассмеялся, натянув бескозырку на самый лоб:

— Это еще ничего.

— Знаю.

— Говорят, тебе вчера плохо было?

— Еще как.

— Ох уж эти мне островные штучки! Поосторожней с выпивкой, сынок. Посмотри на меня. Часто я напиваюсь? Нет, только не я! Бери пример с меня. Делай как я, сынок, — не ошибешься.

— Кита-то мы увидим? Хотя бы когда туман рассеется?

— Увидим мы твоего кита, — уверенно ответил мой наставник. — Эти киты тебе еще до смерти успеют надоесть до конца плавания; ты еще при виде кита будешь говорить: «Ха, кит, ну и что, кит как кит», — и он нарочито пожал плечами.

— Сколько китов ты убил?

Габриэль снова поднял плечи — на этот раз уже без всякой театральности:

— Сотни.

— Сколько тебе лет, Габриэль?

— Тридцать четыре. Или тридцать пять.

— А *ты* когда-нибудь бил китов? — поинтересовался я у Прайда, который вернулся за камбузный стол и теперь размачивал водой утрамбованные сухари — жесткие настолько, что можно резать ими алмазы.

— Я — нет.

Уилсон Прайд всегда ходил босиком. У него были большие плоские ступни, с удивительно розовыми пятками, которые он постоянно мыл. Часто можно было увидеть, как он сидит на палубе и отмачивает их в тазу с морской водой.

— Кто тебе сказал, что мне было плохо? — спросил я у

Габриэля.

— Тим, — ответил он.

Кто бы сомневался!

Море пенилось и бурлило.

Тиму никогда не бывало плохо — я не забыл об этом сказать?

После Азорских островов нам не везло: море все время бушевало. Я впервые увидел летучих рыб. Стремительные блестящие создания скользили по волнам, а на спинах у них играла радуга. И еще я увидел птиц, которые никогда не приближались к земле и торжественно парили с угрожающим видом, растопырив длинные когти. С хриплыми криками они тысячами следовали за нашим кораблем от Азорских островов до островов Зеленого Мыса, и даже дождь не мог их отпугнуть. Что же до китов — ни намека. Ветры раздували нам щеки. Проктор поставил к штурвалу Габриэля, самого опытного рулевого. Когда начался ливень, мы убрали лисели и брамсели и понеслись в сторону Кабо-Верде быстрее ветра.

Острова Зеленого Мыса мало походили на Азорские. Насквозь промокшие и измученные, мы бросили якорь в странном месте, где на фоне неба цвета помоев возвышались соляные горы. По мере движения на юг ветер постепенно стихал, но дождь так и не переставал, и мы не могли просушить паруса. Когда же ливень наконец прекратился, мы попали в штиль и несколько дней ползли как черепахи — сонный корабль, набитый сонными людьми, вышедшими в плавание из Лондона с месяц назад, а то и больше. И все мы, зеленые юнцы, салаги, уже мнили себя бывалыми матросами. Судно приближалось к экватору, а китов нам так еще и не удалось встретить, но это, похоже, никого не волновало. В пути мы встретили другой корабль, «Гэллопан». Он шел из Нью-Бедфорда. Мы обменялись визитами — так бывает, когда в море сходятся китобои. Называют такие встречи «гэмами». Это был мой первый и лучший гэм. Встреча продлилась три или четыре дня, и я уже начал было думать, будто мы дрейфуем в океане только затем, чтобы пить ром, есть соленые клецки со свининой, приготовленные Уилсоном Прайдом, и играть в карты по вечерам.

Штиль наконец прекратился, и оба судна смогли разойтись. Накануне ночью мы отужинали на палубе «Гэллопана» соленой говядиной с морковью, причем каждому достался тонкий ломоть свежего хлеба вместо сухарей — капитан с помощниками ели такой хлеб каждый день. После изрядной порции сливового джема Саймон достал свою скрипку, а матрос из команды «Гэллопана» спустился в трюм и принес гармонику — вид у нее был такой, словно она прошла семь раз через семь морей, не

меньше. Все, кто был на борту, стали петь старинные песни. Чистый высокий голос Сэма Проффита звенел над хором, виясь и играя, словно тонкая серебристая лента — одна из тех, что стекали по скалам, когда мы отплывали с Фаяла. Такой голос мог быть у женщины или у ангела, и Феликс от него сходил с ума. «Прям кости трещат», — признавался он, когда старик принимался петь свои воскресные гимны. Сэм был очень набожный, и мне его голос тоже нравился. Поначалу он казался слишком резким и неприятным, но со временем становился привычным — так птичий крик, раздражающий ухо, в силу привычки, становится мил сердцу.

Той ночью луна была почти полная. На «Лизандре» в офицерском кубрике горел яркий свет. Наш корабль стоял спокойно, капитанский пес радостно чесался на палубе. Матросы пели: «Кровавые розы, идите на дно, кровавые розы…» Пронзительный высокий голос Сэма выделялся на фоне грубого хора: «Идите на дно, кровавые розы…» У Джона Коппера в глазах стояли слезы. Парень с «Гэллопана» вел мелодию: «Ты можешь ворчать, но должен идти, а слишком ворчишь — могут башку снести…» — и мы все подхватывали припев. «Кровавые розы, идите на дно, кровавые розы…» — гремел пьяный хор. Пели все, кроме меня. Я сидел рядом со Скипом и видел, как тот со стуком поставил жестяную кружку на стол, обхватил себе плечи руками и принялся раскачиваться на месте взад-вперед.

— Что случилось?

Не обращая на меня внимания, Скип встал, подошел к борту и уставился на наш корабль. Что-то в его взгляде заставило меня подняться вслед за ним.

— В чем дело, Скип? — спросил я.

Глаза у парня странно округлились. Вообще-то, у Скипа глаза были небольшие. Он смотрел на паруса «Лизандра».

— Что такое? — Я тоже взглянул на них, но ничего не увидел.

Потом он опустил голову и принялся разглядывать черные волны, бившиеся о борт, в горле у него громко щелкнуло.

— Скип, тебе плохо?

Он обнажил десны и стал похож на собаку.

— Ты их видишь? — спросил он меня.

— Кого?

— Змей. — Скипа трясло.

Я смотрел на воду — море как море, корабль как корабль, ничего особенного.

— Не понимаю, о чем ты.

Может, пора было пойти и сообщить кому-нибудь, что происходит?

— Ну конечно, ты не понимаешь, о чем я, — с усталым нетерпением вздохнул Скип.

Руки его дрожали на перилах. Стояла чудная ночь. Голоса поющих звучали все печальней, и на поверхности воды мерцали огоньки.

— Держи себя в руках, Скип, ради бога! — взмолился я.

— Все нормально. — Он улыбнулся и покачал головой. — Ерунда. Не бери в голову.

— О чем ты?

— Ни о чем. — Скип рассмеялся и повернулся ко мне. Глаза у него все еще были расширены.

— Ты правда видишь что-то там, внизу? — не отставал я.

Он невесело кивнул, снова обратил взгляд к морю, растягивая губы, отчего его лицо опять стало похоже на собачью морду.

— А вот я ничего не вижу, — зачем-то сообщил я, и мы оба уставились вниз словно завороженные.

— Не волнуйся. Посмотри себе на руки. — Я попытался поднять одну руку. — Это просто море шутки шутит. Когда луна светит — становится хуже. Начинаешь видеть то, чего нет.

— Змеи из глубин, — произнес Скип, разжал пальцы и безвольно уронил руки вдоль тела.

— Если тебя до смерти пугает лунный свет на воде, что с тобой будет, когда доберемся до земель, где живут драконы?

— Там — другое дело.

— Почему?

— Потому что это реальный мир. А реальности я не боюсь.

Скип отвернулся от борта, и я увидел, что глаза его вновь превратились в щелочки.

— Уплыли, — сказал он, — вернулись обратно в море.

Скип опять стал нормальным — насколько он вообще мог быть нормальным.

— Но они же ненастоящие, — напомнил я, — ты же сам сказал.

— И что? — бросил Скип и ушел, будто ничего не случилось.

Я рассказал обо всем Габриэлю, и мой наставник заметил:

— Для таких людей, Джаф, есть одно название. Сумасшедшие. В море немало сумасшедших, особенно среди китобойцев. Но когда человек знает свое дело, это никого не смущает.

— Хорошо, но если с ним такое случится в открытом море, на вельботе? Надо будет действовать вместе со всеми, а он вдруг увидит то, чего нет, и примется это разглядывать? Не хотел бы я попасть с ним в одну шлюпку. Как думаешь, вообще справится?

— Знаешь, если бы сумасшедших не брали на борт, некому было бы плавать.

Однако, сказав это, он легонько пихнул меня локтем в бок и попросил все-таки присмотреть за Скипом.

Дэну я тоже рассказал, и реакция у него была примерно такая же.

Так что при пересечении экватора мы все присматривали за Скипом. Я думал об Ишбель и о матушке. Думал, что никогда не сумею рассказать им, описать все, что видел и пережил: бескрайнее пустынное море на мили и мили вокруг, ни намека на парус или кита, скрип шпангоутов, ароматы сосны и дуба, тяжелый густой запах, исходящий от окружающих людей. Как передать ощущение безопасности и уюта в матросском кубрике, где достаточно задраить люк — и чувствуешь себя как дома? В таком мирном и спокойном настроений через шесть недель после выхода из родного порта мы наконец увидели китов.

Первым их заметил Тим. Именно ему — кому же еще — Господь явил великое чудо морских глубин, и Тим не упустил свой шанс.

— Во-о-он они! — раздался громкий и отчетливый крик.

Голос у Тима слегка надорвался, но разве это важно? Мы, салаги, назубок выучили, что должны делать, но все равно на секунду застыли в оцепенении.

— Где? — так же громко спросил Рейни, и Комера собрал всю команду.

— Прямо по курсу — стая кашалотов.

— Поставить грот, поднять гики — руль под ветер — назад — готовь шлюпки — спускай!

Сэм, Габриэль, Дэн и Ян невозмутимо принялись готовить шлюпки. Капитан Проктор вышел на мостик и приставил к глазу подзорную трубу, а его пес сел рядом, помахивая хвостом.

— Плывут! — завопил Тим.

Мы бросились к борту. Я ничего не увидел — только море и бескрайний горизонт. Справа от меня стоял Билл, мой товарищ по морской болезни, а слева — Даг Аарнассон, здоровый детина с волосами цвета соломы. У него, видимо, зрение было получше моего.

— Вижу! — воскликнул он.

Тут и Билл запрыгал, тыча пальцем в море:

— Там! Там!

Я ничего не мог рассмотреть.

Оживление нарастало.

— Потише, дурни!

Такого рева от Проктора мы не слышали ни разу —

настоящий капитанский голос. Он, видимо, приберегал его как раз для такого случая. Мы все аж подскочили. Наш вельбот был на верхней палубе, уже готовый к спуску, и Саймон стоял, натачивая гарпун. С высоты донесся голос Тима:

— Один прыгнул!

— Стая кашалотов, — резко выкрикнул капитан Проктор — штук двадцать, не меньше!

Каждый сосредоточенно занялся своим делом. Рейни прохаживался по палубе и повсюду совал свой огромный нос, изрыгая проклятия, будто других слов у него не было. Генри Кэш тоже не находил себе покоя и шлялся из угла в угол, словно управлял каким-то очень важным делом.

— Пенится, море пенится! — закричал Тим.

За милю до китов мы легли в дрейф. Далеко в море на секунду показалось призрачное перышко, и сердце у меня забилось быстро-быстро. Тим спустился с вахты и подбежал ко мне, еле переводя дыхание.

— Наконец-то, — он едва мог говорить, — вот оно! Вот оно, Джаф! — воскликнул он и в возбуждении схватил меня за руку.

Во рту у меня пересохло.

Дэн вклинился между нами:

— Пора на рыбалку.

Мы спустили вельбот на воду осторожно, как младенца. Комера забрался на корму, Саймон — на нос, а за ними и мы аккуратно пролезли каждый на свое место: я, Тим, Дэн и Сэм. Вельбот слегка подкидывало на волнах. Я поднял голову и увидел всех подшкиперов: широкое черное лицо Уилсона Прайда, безучастного к происходящему, угрюмого Джо Харпера, Абеля Роупера, нависшего над штурвалом, точно на его сгорбленные плечи навалили тяжкий груз. Джо и Абель завидовали. Они с большей радостью отправились бы сейчас с нами. Я бы тоже ни с кем не поменялся, но в тот самый момент мне вдруг до невозможности захотелось вновь ощутить под ногами твердую палубу и посмотреть на воду с безопасной высоты. Вельбот, казалось, был не прочнее спичечного коробка, и черная гора китовой плоти одним беспечным ударом мощного хвоста могла с легкостью опрокинуть его, превратив в щепки. Выдал ли я свой страх? Нисколько. Обернувшись через плечо, я взглянул на Саймона. Если *мне* было страшно, то у него сердце должно было уйти в пятки. Он впервые шел на кита с гарпуном, а до этого все время тренировался: прицелиться, метнуть гарпун; прицелиться, метнуть. Если промажет и только разозлит громадину — беда. Но испуганным он не казался — сидел, нахмурив брови, и проверял кончик гарпуна. Щеки у него пылали.

Шлюпки капитана и Рейни шли рядом. Оттуда доносились смех и голоса. Комере единственному на нашем вельботе было видно, куда именно мы направляемся. Я сидел рядом, лицом к нему. Комера улыбнулся мне.

— Ну-ка, ребята, навались как следует! — приказал он и обхватил своими длинными пальцами рулевое весло. — Сейчас мы им покажем, сволочам.

И началась гонка. Это ведь и была гонка — кто придет первым. Мы гребли, гребли как черти, стремясь к невидимой добыче. Комера не мигая смотрел поверх наших голов, раздувая ноздри, указывая, куда грести. Мы летели словно на крыльях. Краем глаза я видел, как другой вельбот, с грузной фигурой капитана и белесой макушкой Дага вместо маяка, остался позади; команда гнула спины, налегая на весла. Мы прошли около мили или больше, плечи у меня горели. Господи. Комера засмеялся:

— Готовсь! — приказал он и сделал знак, чтобы все замолкли.

Я посмотрел вверх. Комера сосредоточенно смотрел на нечто за нашими спинами. Шепотом — достаточно громким, чтобы все услышали, но не таким звучным, чтобы спугнуть китов, — он стал отсчитывать гребки: два, три, не сводя глаз с чего-то, чего нам не было видно. Спина и плечи у меня горели от напряжения. Наконец наш рулевой скомандовал «стой», и мы подняли весла. От пота я весь взмок, все тело дрожало, кожа на ладонях была ободрана.

Я моргнул, чтобы стряхнуть с ресниц капли пота. Из носа потекли сопли. «Лизандр», дом родной, со всеми мачтами и белыми парусами остался далеко позади.

— Саймон, — произнес Комера.

И тут я ее увидел.

Самку кашалота. Черную, сверкающую на солнце. Прямоугольная голова высунулась из воды, точно высоченный утес. Слишком близко.

— Вот она, красавица, — сказал рулевой.

Там, дальше, были другие шлюпки и другие киты — я это чувствовал. Море пенилось и жило своей жизнью. Но сейчас я видел только нашего кита. Он взмахнул рифленым хвостом, трепещущим, точно крыло мотылька, шлепнул им по воде и ушел на дно. Уплыл. Море вздыбилось, сильной волной нас подняло вверх.

Саймон поднялся, держа в руке гарпун. Одна нога у него была согнута, колено дрожало.

— Ну давай, — бормотал Комера, — сейчас, сейчас выскочит, давай, детка, где ты? Иди к папочке — осторожно, Саймон, не

дергайся, она застанет тебя врасплох. Правда, негодница эдакая? Любишь подразнить, правда? Ну где ты, детка? Такой денек выдался, давай выходи, поболтаем, не стесняйся, выходи…

Кит всколыхнул поверхность воды и вырвался наружу, взметнув водопад серебристых капель — благодарение богу, чуть поодаль, на расстоянии одной-двух шлюпок.

Саймон немного расслабился. «Раз, два!» — скомандовал Комера, и мы сделали два гребка, подбираясь к кашалоту, точно жуки к туше слона. Кашалот снова ушел под воду, так же неожиданно, как и в предыдущий раз. Мы подобрались еще ближе. Кит опять выпрыгнул чуть дальше. Это, похоже, нравилось Комере — если раньше вид у него был беспокойный, то теперь он улыбался. «Попалась, красавица», — произнес он, и мы погребли дальше.

Я потерял счет времени. От остальных шлюпок мы уже были довольно далеко, но вокруг, словно котята, резвились киты. Мы плыли вместе с ними, разбрызгивая радугу по сторонам и все время следуя за той самой кашалотихой. А она издавала щелчки и хрипы и выскакивала из воды, снова щелкала и выскакивала, уводя нас за собою все дальше. Одному Богу ведомо, как Комера каждый раз угадывал, откуда она выпрыгнет. По нашим измученным спинам ручьем лился пот, но к моменту, когда мы подобрались вплотную к китихе, это было уже не важно. Самка тоже устала и с интересом наблюдала за нами своим маленьким грустным блестящим глазом, покачиваясь на волнах. «В странном месте у нее глаз, сбоку, — подумал я. — Ну и морда! Как у слонят — тех, что жили во дворе у Джемрака. Славные были слоны!» Кашалотиха раскрыла белую пасть и продемонстрировала нам ряд острых мелких зубов, который тянулся по всей длине нижней челюсти.

Саймон стоял в шлюпке с гарпуном наперевес, упершись ногой в швартовую утку, его широкие плечи были напряжены. Кашалотиха выпустила облако густой вонючей жидкости, от которой у меня защипало в глазах. Я зажмурился.

— Пошел! — скомандовал Комера.

Я открыл глаза.

Саймон застыл: до смешного маленькая фигурка на фоне прямоугольной черной морды. Гарпун затрепетал, полетел, но не достиг цели. Сэм моментально втянул его обратно, вены на тыльной стороне рук вздулись от напряжения, а Комера выругался.

— Руль держи, сопля, — обратился он к Саймону, а сам ловко переместился вперед, да так, что вельбот даже не качнуло, — садись.

По щекам у Саймона текли слезы. Он шагнул мимо меня, взялся за рулевое весло и вытер глаза рукавом.

Кашалот не видит ничего ни спереди, ни сзади, только две картинки по бокам. Не знаю, что видела та кашалотиха. Мне казалось, будто она все время смотрит на меня, — такое было ощущение. И во взгляде ее сквозило любопытство. По-моему, это была не самая умная кашалотиха на свете. Комера метнул гарпун еще раз и попал. Она вскинулась, повернула морду в нашу сторону, словно в беззвучном крике, три или четыре раза шлепнула хвостом, отчего вода вокруг забурлила, и понеслась по гладкой поверхности моря с торчащим в боку гарпуном, увлекая нас за собой. Нас подбрасывало и трясло — только зубы лязгали да кости гремели. Удержаться на месте было невозможно. Когда она захрипела, я решил, что мы сейчас пойдем ко дну как пить дать, но вельбот летел дальше, все стихии бушевали у нас в ушах, и линь пел и вибрировал, пока китиха не всплыла на поверхность прямо перед нами, заставив вельбот высоко подняться на волне.

Она перекатилась через волну, разинув пасть. Соль разъедала мне глаза. Комера неподвижно стоял на носу, зажав в руке острогу. «Гребите, гребите», — повторял голос, и мы, под руководством Сэма, медленно, но верно подтягивались все ближе к китихе. Глаз у нее еще блестел. Потом она медленно моргнула — и началось. В длину острога составляла два человеческих роста, но Комера управлялся с нею так умело, что весь мой страх улетучился. Китиха перевернулась на спину, хватая пастью воздух. Она принялась крутиться на месте. Море окрасилось в красный цвет. Комера снова и снова колол ее — семь, восемь, девять раз, — пытаясь добраться до сердца, а когда наконец попал в нужное место, из дыхала вырвался фонтан темной пенящейся крови и пролился на нас сверху настоящим дождем.

— Назад! Назад! — закричали Комера и Сэм, и мы схватились за весла, отгребли в сторону и стали смотреть, как умирает самка кашалота.

Именно тогда я по-настоящему понял, что киты не больше похожи на рыбу, чем я сам. Столько крови! Кашалотиха умирала жестокой, неистовой смертью — не то что свежевыловленные рыбины на лондонском причале. Те подыхали медленно, трепыхаясь и подрагивая. А эта громадина слепо металась в пятнах запекшейся крови, изнемогая от боли и ярости, щелкая челюстями, хлеща хвостом и изрыгая комки слизи и полупереваренных рыб, которые плавали на поверхности воды вокруг нас и ужасно воняли. Зрелище было жуткое. Такая мощь моментально не уходит. Мы смотрели с благоговением, в полном молчании. Прошло минут десять, потом еще столько же. В своих

метаниях животное двигалось по кругу, и этот круг все сужался и сужался; я молил Небеса, чтобы она поскорее умерла.

Сколько прошло времени, прежде чем кашалотиха окончательно изнемогла? Минут двадцать, не больше. Наконец она завалилась на бок и затихла, выставив к небу один из плавников. Левиафан пал.

Мы смотали линь обратно. Теперь шлюпкой правил Сэм. Он оказался сильнее, чем мы думали. Весла погружались в кровь. Вокруг вельбота качались на волнах зловонные ошметки — содержимое китового желудка. Мне было поручено проследить, чтобы линь не запутался, смотать его и положить обратно в ящик. Тим обернулся и посмотрел на меня. В нашей шлюпке мы были единственные новички и еще не понимали, что чувствуем, — просто смотрели друг на друга.

Пока мы буксировали тушу к кораблю, начало темнеть. Мы еле стояли на дрожащих ногах и не могли произнести ни слова, но растущее возбуждение смягчило ужас пережитого. Первый кит, добытый в походе, — наш. *Мы* его забили.

Не капитан со своей командой, не мистер Рейни. Мы — команда второго помощника Комеры. Для Саймона, правда, все сложилось не столь удачно. Когда мы поднялись на палубу, все принялись его поздравлять — думали, что именно он, как рулевой, сумел загарпунить кита. Саймону пришлось объяснять, что у него не получилось и Комере пришлось взять все в свои руки. Что до нас с Тимом, мы уже могли смеяться. Дэн подошел и с серьезным выражением лица похлопал нас по плечам:

— Молодцы, не растерялись!

Мы не растерялись. Справились.

Тушу кашалотихи привязали у правого борта головой к корме.

Теперь, когда опасность была позади, во мне проснулось какое-то дикое чувство. Я вернулся на славный «Лизандр», и все мои товарищи были живы. Темнело, под котлами для вытапливания китового жира развели огонь. Рейни и Комера встали на разделочной площадке и стали крюком подтаскивать тушу ближе к корме. К туше прицепили гак, закрепили лебедку, счистили кожу, точно с яблока, медленно поворачивая мертвую кашалотиху, точно свинью на вертеле, пока не получилась «попона» шириной с двуспальную кровать и длиной с высокий дом. «Попону» повесили на снасти, чтобы стекла кровь. Ян с Габриэлем взобрались наверх и обрубили конец полосы, а мы сбросили ее вниз, в ворванную камеру, где уже ждали Генри Кэш и Мартин Ханна. Полоса за полосой исчезали в камере, пока туша не предстала перед нами в своей уродливой наготе: покрытая

слоем жира огромная личинка, подвешенная к мачте и мерцающая в темноте. На нетронутой гигантской морде застыло подобие улыбки. Наконец матросы отделили голову, мы подняли ее при помощи блока и талей, и теперь жуткая громадина длиной в два человеческих роста лежала на палубе.

Даг Аарнассон уже не раз занимался разделкой туш. Он взобрался на китовую голову и вырезал на самом верху углубление такого размера, что мы могли опускать туда ведра. На мгновение все вокруг поплыло передо мной, глаза мне застлала пелена, но я вцепился в канат, сжал зубы и держался до тех пор, пока очертания предметов не обрели прежнюю четкость, и тут я поклялся, что не опозорюсь и сделаю все как надо. Я взял ведро и полез. Если вам никогда не доводилось вычерпывать жир из головы кашалота ведром, вы не поймете, сколько сил на это уходит. У кашалота в голове не одна сотня галлонов жира: его еще называют спермацетом. Жир этот густой и белый; чем больше черпаешь, тем более вязким и густым он становится. Пытаться выскрести этот жир — все равно что вычерпывать воду из бездонного колодца: спина начинает болеть, будто сломанная. А когда уже почти все выскребут, кому-нибудь приходится лезть внутрь и выковыривать остатки. В тот раз эта обязанность выпала на долю Скипа, и он выполнил ее с невозмутимым видом, негромко насвистывая. Остальные приступили к рубке туши. Мы метались по скользкой палубе, точно привидения. Феликсу Даггану стало дурно, он отбежал к борту и там долго блевал, издавая стоны и держась руками за колени, а с розовой нижней губы у него капала вода. На разделочной площадке помощники капитана рылись в кишащих червями внутренностях, разыскивая куски серой амбры — той, что дамы наносят на запястья и в ложбинки промеж грудей. На палубе громоздились горы разрубленной плоти. Они кровоточили и сверкали, издавая сладкий запах гнили, от которого желудок скручивался в приступе извращенного голода. Котлы уже бурлили и кипели, приставленные к ним матросы без устали снимали жуткую накипь и швыряли ее в огонь, где она трещала и плевалась брызгами, распространяя густой черный дым, со сладковатым кладбищенским запахом. Отсветы пламени падали на настил, залитый кровью и жиром.

А мы всё рубили и рубили. Ножи постоянно затуплялись, мы натачивали их и снова принимались за дело, вытирая пот со лба. Ворвань достается нелегко. Мы отрезали ломти и кидали их Сэму, Яну, Дэну и Габриэлю, а те, словно женщины на кухне, с улыбками и песнями, нарезали их на куски с ловкостью бывалых мясников, пока не получались тонкие пласты — «листы Библии»,

как их называли, похожие на страницы из кинеографа, который я смастерил для Ишбель за пять лет до того. Нарезанный полосками жир тут же отправлялся в котлы.

Одежда прилипла к телу. Жир. Китовый жир, из которого делают мастику и краску, мыло и смазки, лаки и масло для миллионов ламп. Я весь пропитался липкой смесью из грязи и гноя, сала, пота, желчи, желудочных соков величайшего создания Божия. Мои волосы буквально приклеились к голове. И все же — кто мог бы сгодиться для такой работы лучше меня? Не я ли ползал по канализационным туннелям под Темзой в поисках случайно оброненных кем-нибудь пенсов?

— Не снимай одежду — так и спи, — посоветовал Дэн, когда моя вахта закончилась.

Я решил, что он сошел с ума.

— Будешь переодеваться на каждую вахту — к середине плавания голым останешься, — объяснил Дэн.

Так я и спал, дыша испарениями собственного тела и китовой плоти, и от этих запахов мне снилась кровавая бойня в джунглях. Когда я встал на очередную вахту, жир в котлах еще пузырился, а палуба оставалась по-прежнему скользкой. Одежда на мне высохла и стала как вторая кожа. Рядом с кораблем плыли кости и внутренности кита — к вящей радости акул и морских птиц. Мы с Габриэлем перегнулись через борт и смотрели вниз. Утро уже наступило.

— Запоминай, сынок, — сказал мой наставник. — Вряд ли увидишь такое еще раз.

— Почему?

— Китобойный промысел долго не протянет, — объяснил с усмешкой Габриэль.

— Как это?

— Китовый жир уже никому не нужен. Теперь всем новое масло подавай. Ус для корсетов — это да, его всегда будут брать, но спермацет уже не в ходу.

— Что за «новое масло»?

— Черное масло, из-под земли, — сказал он.

С тушей мы управились за три дня. Трюмы были забиты, люки задраены, палубы отдраены до блеска.

Вперед! За новой добычей.

6

Мы повернули на восток. Всю дорогу сильно штормило, наш китобоец взбирался на крутые склоны волн и спускался вниз под их нескончаемый рев, повинуясь ритмичному дыханию океана и дикому вою ветра; за кормой вздувались темные воды. В этих бушующих широтах было немало судов. Издалека они казались игрушечными, едва видимые сквозь серое свистящее безумие, облепленные, как и наш «Лизандр», черными тучами птиц, которые издавали резкие зловещие крики. Порой другие суда подходили так близко, что можно было разглядеть темные татуированные лица матросов. Бывали и встречи — тогда лица с выцветшими глазами, отмеченными печатью моря, становились реальными и обретали имена. Дни начинали путаться. Мои глаза постепенно привыкли к морю, и я постепенно научился видеть далеко в бескрайнем водном пространстве. За два месяца мы набрали пять сотен бочек китового жира и потеряли одну шлюпку и одного члена команды. В районе полуострова Кейп-Код матрос по имени Джордж решил сбежать. Безжалостные волны разбили вельбот в щепки, пока мы поднимали его обратно на «Лизандр».

Мы встретили корабль, с которого нам передали газеты и вести из дома. Письма получили не все. Биллу, Яну, Феликсу и Скипу, да и мне, никто не написал. Тим получил письмо от Ишбель, и я видел, как он принялся его читать. Поначалу он улыбался, но спустя короткое время улыбка исчезла, и глаза, приняв серьезное выражение, забегали по тексту, то и дело возвращаясь к началу послания. С оборотной стороны письма я разглядел аккуратные ровные ряды слов, с длинными закорючками и легким наклоном влево, а также длинные вертикальные линии, которыми сестра Тима заполняла поля. В конце страницы явно прочитывалось ее имя с эффектной завитушкой начального «И».

Тим перевернул страницу и принялся читать то, что было на оборотной стороне. Слов различить я не мог, но где-то ближе к началу сумел разглядеть собственное имя рядом с именем друга: «Дорогие Тим и Джаффи».

Тим хмыкнул, взглянул на меня, покачал головой и опять углубился в чтение.

— Передает тебе сердечный привет, Джаф, — бодро сообщил он, опять перевернул лист бумаги и еще раз перечитал самое начало письма.

— Про мою маму пишет что-нибудь? Виделась с ней?

Тим не ответил.

— Посмотрим. — Я навалился на него сзади.

— Пусти! — Тим дернулся и убрал руку с письмом в сторону.

— Оно же и мне адресовано! — возмутился я.

— Нет, это личное. Только мне. Смотри. — Он показал конверт. — Чье тут имя? Мое. Письмо для меня.

— Так нечестно, — возразил я, — там и мое имя есть.

— Неправда! Что за чушь! Ты ж его даже не видел.

— Можно подумать, ты мне дал посмотреть.

— Там нет твоего имени, Джаф. — Тим взглянул на меня как на недоумка. — Письмо мое! — Он сложил его в несколько раз и запрятал в складки одежды. Мелкие пакости — как всегда. Я снова его возненавидел, хотя и начал сомневаться: может, я действительно плохо разглядел? Может, да, а может, и нет, но вдруг? Так бы и убил его на месте.

— Дрянь ты, вот что. Какой ты мне друг? — Я схватил Тима за горло и принялся душить. — Грош тебе цена. — И с ужасом почувствовал, как к горлу подступают слезы.

Он улыбнулся странной спокойной улыбкой и сообщил:

— Старик-то помер.

— Как?

— Старик. Отец. Умер.

Я не знал, что и сказать. Дома Тим обращал на отца не больше внимания, нежели на ведро для угля.

— А, — холодно произнес я, сжав зубы и пытаясь подавить желание сдавить Тиму глотку большими пальцами. — От чего умер?

— От смерти, — беззаботно ответил мой напарник, — вот от чего. От смерти и умер.

— Там было мое имя, — не унимался я, — на самом верху. Она написала письмо нам обоим.

— Нет, Джаф, — Тим с грустью взглянул на меня, — неправда. Извини, но ты ошибся. Сестра передает тебе самый теплый привет. Я же сказал.

Жаль, что матушка не умела писать. Я соскучился по ней. И соскучился по Ишбель. Пришлось отвернуться: я вдруг почувствовал, как на глаза мне наворачиваются слезы. Ублюдок! Я был готов вытолкнуть Тима за борт.

— Не будет больше этих чертовых русалок, — пробормотал он.

— Я видел свое имя, — повторил я.

Тим склонил голову набок и, нахмурившись, снисходительно пожал плечами. «Я что, врать тебе буду?» — как бы говорил его взгляд. Он словно был удивлен, что я могу ему не доверять.

Я отошел к борту. В груди щемило. Кому какая разница? И

почему она не написала мне отдельное письмо? Со временем боль удалось вытравить. Не осталось ничего, кроме залитой пеной палубы и темного грязного кубрика, где доски скрипели и ныли день и ночь. Что я делал в этом тесном безумном мирке, пребывающем в постоянном движении? Времени как такового больше не существовало. Ни времени, ни пространства, ни места для мечтаний. Только сон. Правильно сделал Джордж, что сбежал с корабля у Кейп-Кода. Мне не хватало рыночного шума и ароматов еды в таверне «У Менга», звука колокольчика на входной двери у Джемрака, запаха соломы и навоза во дворе и грубой булыжной мостовой под ногами. Мое место было там. Здесь я оставался всего лишь мальчиком на побегушках. Пенные брызги летели мне в лицо. Мир был чересчур велик. Я обернулся и увидел Дага — тот стоял, изо всех сил стараясь удержаться на ногах, светлые волосы прилипли к большой голове, а вокруг него бушевала стихия. Даг пытался не спугнуть огромную белую птицу, которая опустилась на борт и вцепилась когтями в перила, с безумным видом открывая и закрывая изогнутый клюв и расправляя крылья. Что ее так разозлило?

Хлопья пены падали, точно снег. Волна накрыла нос корабля и разбилась в мельчайшие капли, точно стекло, промочив нас насквозь. Брызги долетели аж до камбуза. Когда я смог открыть глаза, птицы на борту уже не было.

* * *

— И что же это за тварь? — поинтересовался Скип.

— Какая тварь?

— Та самая. Дракон.

— Никто не знает.

Ужин был съеден, и мы пристроились покурить на палубе. Скип рисовал какие-то бессмысленные узоры у себя в альбоме.

— Та самая тварь, — повторил он, — дракон, которого вы ищете, на кого он похож?

— Ора… — начал я. Именно этим словом называл иногда дракона Дэн Раймер, и я жестом подозвал его, — Скип хочет узнать про Ору.

— Я и сам ничего толком про него не знаю, — сказал Дэн, опершись на мачту. — Просто говорил с одним человеком, а тот говорил с другим человеком, который говорил с третьим человеком, а тот — еще с одним… Такая вот зверюга. Разное рассказывают. Лютая тварь, ясное дело. Есть острова — туда даже местные не плавают. — Он начал свой рассказ совершенно

серьезно, но вдруг оскалился в усмешке. Зубы его у корней начинали желтеть, лоб прорезали несколько глубоких морщин. — Слушайте, парни, я вам такое расскажу — кровь в жилах застынет, — насмешливо произнес он, потирая руки и облизывая губы.

— А можно я тоже с вами за ним пойду? — попросился Скип.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

Почему Дэн выбрал Тима? Я подошел бы куда лучше. Во всех смыслах.

— А что, если это действительно дракон? — спросил Тим как-то ночью, когда мы лежали на своих койках и курили. — Настоящий дракон. Пламя из пасти вырывается. Крылья. Все как положено. Господи Исусе! — Последние слова он произнес громче, чтобы все услышали.

— Почему ты хочешь за ним пойти? — поинтересовался Дэн у Скипа. — Смерти ищешь?

Скип беззлобно пожал плечами:

— Почему бы и нет.

Дэн присел с нами рядом и запалил трубку.

— Ну да, еще бы!

— Если я могу ходить на кита, то сумею словить любую тварь, — заявил Скип, ровно заштриховывая что-то в альбоме.

— Все не так просто.

— А вот и просто. Это ж не рыбалка. Про рыб я все знаю.

— Нет, не рыбалка, — подтвердил Дэн.

— Смешно, правда, — Скип обратился ко мне, — как одна вещь может одновременно быть и тем и другим.

— Ты о чем?

— Когда и хочешь, и не хочешь что-то делать. Например, когда мой брат Барнаби утонул и я пошел посмотреть, как он лежит на кухонном столе. Зрелище было и радостное, и печальное одновременно. Или когда убиваешь кита и сам чувствуешь, что ты и есть этот кит.

Он показал мне свой рисунок. Так Скип представлял себе дракона: древнее существо, трагическое и величественное.

Я понимал, почему Дэн не хочет брать Скипа с собой. Слишком уж тот непредсказуем. Но я-то наоборот. Я хорошо управлялся с животными — все так считали. У меня не было страха перед ними, только уважение к силе, и это заставляло соблюдать разумную осторожность. Почему Тим может быть помощником охотника, а я должен оставаться мальчиком на побегушках? В какой-то момент я подкараулил Дэна, когда вокруг

никого не было, и спросил напрямую: почему он, а не я?

Дэн задумчиво выпустил порцию дыма и сказал:

— Во-первых, я ему обещал. Во-вторых, он для этой работы подходит лучше всех.

— Тим?

— Чтобы найти и словить. А ты займешься драконом, когда мы его поймаем.

У каждого моря, как и у человека, свой характер. После архипелага Крозе все постепенно начало меняться. Ветер дул по-прежнему, но уже не пробирал до костей и не швырял наш корабль из стороны в сторону, точно клубок шерсти, попавший в кошачьи лапы. Сначала со всех сторон нам попадались острова — пятна земли в бескрайнем океане, дающие надежду. Потом они вдруг закончились. Перемена настигла нас подобно дремоте, как только острова исчезли из виду. Я вдруг увидел, как земля закругляется, и испытал головокружение, словно жалкая мошка, оказавшаяся на кромке водосточной трубы. Море поменяло цвет и стало мучительно голубым. Но я чувствовал еще что-то, нечто, не поддающееся описанию, нечто, пугавшее меня до безумия. Невыносимую огромность. Как будто под гладью моря было что-то скрыто. Там, в самой глубине.

Я попытался объяснить это Тиму:

— Повезло мне, застрял тут в море, а вокруг одни психи. Будет полнолуние — хоть святых выноси.

По мере приближения к местам обитания дракона мысль о нем начинала постепенно овладевать членами команды. Джо Харпер и Сэм Проффит мастерили для него клетку прямо на палубе. Комера наблюдал за ними.

— Смотрите, чтобы крепкая была! — С этими словами он засмеялся в платок, представляя, как диковинная тварь выберется и начнет разгуливать по палубе. — Вот заберется в кубрик! — крикнул старший помощник и громко высморкался.

— А потом к капитану в каюту, — улыбнулся Сам.

Джо стукнул кулаком по крепкой деревяшке.

— Такая и для слона сгодится, — уверенно заявил он.

— Или для тигра, — добавил я. Клетка была похожа на ту, из которой сбежал мой тигр.

— Джафа однажды тигр схватил, — вмешался Тим, и все посмотрели на меня. — Расскажи им, Джаф! Давай расскажи про тигра.

Пришлось снова рассказывать всю историю о том, как я познакомился с Чарльзом Джемраком. Вернее, рассказывал Тим:

— Гигантский бенгальский тигр! Голова вот такущая! А этот

карлик, от горшка два вершка, прямо на него идет, будто это кот домашний, и давай трепать его по носу…

— И вовсе я его не трепал, — поправил я, — просто потрогал. Хотел узнать, какой он на ощупь.

Все трое — Сэм, Джо и Комера — уставились на меня с удивлением. История произвела на них впечатление. Мистер Джемрак выглядел в ней очень достойно, но главным-то героем был я. Теперь я это понимал. Джемрак храбро разжал тигриные челюсти, это правда, — хотя по рассказам выходило скорее, что он обхватил тигра сзади за шею, заставил его раскрыть пасть и выплюнуть меня. Откуда мне знать? Я ведь ничего не видел. Как очутился во рту у тигра — это да, помню до сих пор. Потому я и стал героем. Не многим довелось побывать у тигра в пасти. И почти все, так или иначе, мне завидовали.

— Будешь потом внукам рассказывать, — улыбнулся Комера. У него была жуткая простуда, отчего верхняя губа стала красной и все время шелушилась.

И часа не прошло, как моя история разлетелась по всему кораблю, и в ближайшие несколько дней мне пришлось раз за разом рассказывать ее все новым и новым слушателям. Эти бесконечные повторы, словно гигантская волна, пробудили воспоминания о происшедшем в глубинах моей плоти. На какое-то время я превратился в достопримечательность нашего кубрика, и перемена оказалась приятной. Долго все это продолжаться не могло, но день-два именно моя история витала по кубрику, пока мы валялись на койках и в гамаках, вдыхая гнилой воздух и глядя, как клубы дыма поднимаются к низкому дубовому потолку в приглушенном свете фонаря.

Койка Скипа располагалась прямо над моей.

— На что это было похоже на самом деле? — поинтересовался он. — Ты хоть помнишь? Помнишь, что ты почувствовал, когда оказался в пасти?

— Помню, конечно.

Это ощущение возвращалось ко мне во сне. Снова и снова. И всегда по-разному. Теперь я бы и близко не подошел к тигру, но тогда это было чистое блаженство. Испытать его вновь я бы не смог, даже если бы захотел.

— Затрудняюсь описать, — добавил я.

Скип помолчал, а потом задумчиво продолжил:

— Интересно, мой пес то же самое почувствовал? Его звали Разбойник.

— В каком смысле?

— Когда его убили, — пояснил Скип. — Его загрызла бешеная гончая, огромная псина, на берегу, там, где река делает поворот.

Она гналась за кем-то, и Разбойник оказался у нее на пути. Тогда она схватила его за голову — за всю голову целиком. Ну и пасть была у той зверюги — одни слюни. Хвать за голову, вот так, и перебросила через плечо — раз! — шею сломала, и нет Разбойника.

— Вряд ли он испытывал то же самое, — сказал я. — То, что произошло со мной, было не так страшно.

Я снова зажег потухшую трубку, затянулся и передал ее наверх Скипу:

— Все равно, думаю, твой пес не слишком страдал. По крайней мере, он страдал не долго.

Слышно было, как мой сосед причмокивает губами, пытаясь пускать колечки.

— Помню, командовал ему: Разбойник, к ноге! — произнес он, задерживая дым в горле.

После этого я рассказал Скипу про Джемрака и его зверинец, про то, как я работал во дворе, про животных, которых привозили и увозили все эти годы. Особенно на него подействовало описание молчащих птиц. Я рассказал, как они сидели без движения в тесных коробках, молчаливые певчие птицы, и Скип заявил мне, что это неправильно, что ему неприятно видеть птиц в клетках.

— Это как-то связано с крыльями, — заключил он, — когда они не могут их расправить.

Мы замолчали, и я вспомнил, какую грусть наводила на меня та комната в детстве, но с годами я привык, и молчаливые птицы перестали казаться чем-то из ряда вон выходящим. Так уж устроен мир. Ничего не поделаешь.

— Их не все время так держат, — пояснил я, — их потом продают.

Скип рассказал мне про рыбку, которую держала его бабушка. Бабушку, по собственному признанию, он очень боялся: она была старая и страшная, с коричневой морщинистой кожей и круглыми очками с толстыми стеклами; одно стекло было заклеено, а второе настолько толстое, что делало глаз похожим на толстую рыбу, плавающую в воде. И смотрела бабушка так, что можно было принять ее за ведьму. И у нее была рыбка — крупная золотая рыбка с роскошным хвостом. Рыбку старуха держала в маленьком стеклянном шарике, наподобие тех, что ставят тебе на спину, когда простудишься. Воды там было всего несколько дюймов, и места хватало, только чтобы вертеться туда-сюда и выписывать всем телом бесконечные восьмерки. Этим рыбка и занималась. По словам Скипа, это было ужасно. Содержимое пузыря было видно как сквозь увеличительное стекло, словно

глаза бабушки сквозь линзы очков. Заходя в убогую, неряшливую бабушкину каморку, Скип первым делом видел бабушкин глаз и рыбку, которая наворачивала круги в блестящем шарике, похожем на этот самый глаз. Создавалось впечатление, будто оба глаза следят за ним.

На следующий день на Скипа опять нашло. Мы загарпунили кита, разделка туши была в самом разгаре: из котлов для вытапливания жира поднимался черный дым, а отсветы пламени делали нас похожими на чертей, высвечивая струйки крови, капавшей на палубу из снятого подкожного слоя. Скип стоял рядом со мной у брашпиля и неожиданно отпустил катушку, так что она дернулась, задрожала и ударила мне в спину. Скип просто отпустил ее и отошел, словно кто-то позвал его.

— Эй, мистер Скиптон, что это ты там удумал? — взревел Рейни.

Скип его, похоже, не слышал.

Рейни сделал шаг, будто глубоко вдохнул, вскинул голову и двинулся на Скипа, раздувая ноздри, как паруса. Мартин Ханна кинулся ко мне и встал позади вместо Скипа. Мы принялись крутить катушку брашпиля изо всех сил, продолжая наблюдать за происходящим. Скип поднялся по ступеням на капитанский мостик, глядя прямо перед собой. Он шел твердо, а последние несколько шагов почти пробежал, затем застыл на мгновение, подняв взгляд к ночному небу, и после аккуратно лег на палубу, поджал колени к подбородку, обхватил себя руками, спрятал голову в колени и задрожал, словно от удовольствия и радости, что нашел уютную постель.

Рейни навис над Скипом и принялся пинать его ногами, не в силах остановиться.

— Вставай! Вставай, ублюдок несчастный! — В крике старшего помощника слышались бессилие и ярость. — Ничего с тобой не случилось. Как ты посмел оставить вахту?!

Подбежали Габриэль и Абель Роупер, а затем и Проктор.

Скип перевернулся на спину. Что-то в его лице смутило членов команды.

— Ради всего святого, дайте ему воздуха, — распорядился Проктор.

— Ничего с ним не случилось! — ревел Рейни. — Просто пытается отлынивать от работы.

— Боюсь, он не притворяется, — заметил Абель. — Феликс, сбегай попроси Уилсона дать нюхательную соль.

Как только к носу Скипа поднесли соль, он громко чихнул и резко сел, но сразу упал обратно на спину.

— Что с ним такое? — спросил капитан.

— Припадок — у него бывает, — ответил Абель.

— Ха! — рявкнул Рейни. — Ха!

— Спустите его в кубрик, — приказал Проктор. — Пусть проспится. Нечего в таком состоянии по палубе кататься. Что рты разинули? Доктор*а*, что ли? А ну по местам!

Абель и Габриэль взяли Скипа под руки и поволокли по палубе; глаза его при этом смотрели в разные стороны. Он захохотал и завопил:

— Возьмите меня на паром! Возьмите на паром! — И тут его стошнило.

Через пару часов Скип пришел в себя.

По его собственному утверждению, ничего особенного не произошло: просто потерял сознание. На самом деле, естественно, все было не так. Ночью, когда в кубрике нас было всего несколько человек, он рассказал правду.

— Что-то преследовало наш корабль, — признался он. — Я пошел посмотреть.

Мы все наклонились поближе, чтобы не пропустить ни слова.

— Птица? — предположил я. — Целая стая. Альбатросы или бакланы.

Скип сказал, что это был глаз с крыльями. Глаз с крыльями, который следовал в небе за кораблем.

— Смотрите. — Он вытащил альбом, карандаш и набросал виденное им чудовище.

Несколько секунд все молчали.

— Какого он был цвета? — с усмешкой поинтересовался Тим.

— Не знаю, — ответил Скип серьезно.

— Голубой? Карий? Очаровательный зеленый глаз?

— Гор, — задумчиво произнес Габриэль.

— А веко у него было? Он моргал? И тебе подмигнул?

— Ничего такого.

— Гор, — повторил Габриэль. — Кажется, Гор так выглядит.

— Кто такой Гор? — спросил Скип.

— Бог. — Габриэль недовольно нахмурился. — Египетский. Бог фараонов.

— Откуда тебе известно про фараонов и их богов?

— Разное доводилось слышать, — ответил тот.

— Может, это был мой брат Барнаби? — предположил Скип.

Тим откинулся на койку, заложив руки за голову.

— По мне, так больше на эту фараонову штуку похоже, — заявил он. — Звучит как-то убедительнее.

— И что вдруг Гору от тебя надо? — спросил Габриэль у Скипа.

Скип ответил, что его это явление не удивляет. Оказалось,

боги посещали его и раньше.

— Ага, — понимающе произнес Габриэль, и больше никто ничего не сказал.

После этого случая мы все стали внимательнее присматривать за Скипом, но наше путешествие продолжалось без особых приключений. Мы плыли по густому зеленому морю, на поверхности которого наконец вновь показались острова: длинные полоски белого песка и пальмы, склоненные, подобно изящным дамам. Из тумана проступали очертания гигантских гор, розовые и серовато-зеленые утесы. От островов пахло землей и специями, и вода здесь была прозрачной — достаточно было посмотреть за борт, чтобы увидеть стайки ярких рыбок, плавающих в зарослях странных растений, которые двигались в медленном ритме, устремив стебли самых фантастических оттенков и форм к своему небу — поверхности океана.

Мы бросили якорь в какой-то бухте, и жившие на островах белые люди вышли на берег переговорить с капитаном Проктором и мистером Рейни. Комера остался на борту из-за простуды. Из подлеска на краю пляжа за нами наблюдали глаза сотни черных рабов. По возвращении капитан Проктор сообщил, что на острове лихорадка и на берег сходить нельзя. Абель Роупер, Мартин Ханна и Джо Харпер пополнили запасы пресной воды и кокосов, и мы отправились дальше.

Прошел день, другой, третий. Здешние моря заставляли меня замыкаться в себе, погружаться все глубже в себя; все мы почти перестали разговаривать друг с другом. Острова появлялись и исчезали, солнце вставало и заходило, а океан не кончался. Вернулось ощущение бесконечности, неприятное, как предчувствие чего-то недоступного пониманию.

Мы достигли длинной тени, которая маячила на горизонте, далеко-далеко. Стая птиц пролетела совсем низко: голуби, крылья точно дамские перчатки и гусиные грудки.

— Земля! — крикнул Габриэль, резко отклонившись вбок от штурвала.

Она возникла из воздуха мягким комком пыли, клубком кошачьей шерсти. Облачная стена.

Земля.

Длинная полоса земли. На много миль в разные стороны: зеленые джунгли, россыпь островов.

Проктор в очередной раз собрал нас на квартердеке и сообщил, что здешние воды бороздят малайские пираты с острогами, убийцы и дикари.

— Сейчас, — произнес он особенным, капитанским тоном, который приберегал для подобных случаев, — мы действительно

далеко от дома. Море здесь опасное, — и посмотрел на нас так, будто в этом была и наша вина, — неспокойные воды.

— Я боюсь, — прошептал мне на ухо Тим.

По словам капитана, отсюда наш курс лежал прямо через китайские моря. Эти моря богаты китами. До самой Японии много китов и хорошо плыть.

— Однако, — продолжал он, — как вам было сказано при отплытии, у нас есть определенные обязательства перед владельцем судна, мистером Малачи Фледжем из Бристоля.

Меня эти слова удивили. Никогда раньше не слышал, чтобы Фледжа называли иначе чем по фамилии.

— Мистер Раймер, вам слово.

Дэн, неуклюже шаркая, вышел вперед.

— Как вам всем известно, — хрипло начал он, — мне поручено найти и привезти живым зверя, который водится, а может, и не водится на островах к востоку отсюда. Вы об этом давно знаете. — Дэн сделал паузу. — Мне ни разу не встречались люди, которые бы видели эту тварь, но в Сурабае один человек рассказал мне, что беседовал с китоловом с Ламалеры, и тот видел, как нечто выходило из леса на одном из островов Малайского архипелага.

Обладая истинным чутьем на то, как лучше произвести впечатление, Дэн опустил глаза и покрутил в руках трубку.

— А еще были останки, — чуть тише сообщил он, — двух рыбаков. Какая-то тварь убила их и съела. — Наш наставник поднял глаза. — Как бы там ни было, мистер Фледж тоже слышал эти рассказы.

— А где нашли эти останки? — раздался глухой голос Комеры. Нос у него был столь велик, что невозможно было отделаться от мысли о том, сколько соплей могут поместиться в этаком рубильнике.

— На острове Ринка, — ответил Дэн, глядя Комере прямо в глаза, — на берегу. Ринка отсюда недалеко, сами знаете.

Комера наморщил лоб и кивнул.

— Значит, мы направляемся туда? — спросил Рейни.

— Не обязательно. Ломблен — так называется остров, где жил человек, видевший дракона. Начнем с него. Разнюхаем, откуда ветер дует. А потом — в зависимости от обстоятельств.

— На острове Ломблен можно взять лодку, — заметил капитан.

— Вы все записались в команду ловить китов, а не на драконов охотиться. Кроме меня и двух моих ребят, никто зверем заниматься не будет. Если он существует, мы с Тимом найдем его и загоним на берег, где его уже будет поджидать клетка. — Тут

Дэн посмотрел на меня. — Джаффи проследит, чтобы дракон оказался в клетке и чтобы дверь за ним захлопнулась крепко-накрепко.

Дэн еще ни разу не делился с нами своими планами.

— Ничего сложного, — прошептал мне в затылок Тим.

Я расплылся в улыбке.

— К зверю никому не подходить, — грозно предупредил Дэн. Я едва сдерживал смех. — Всем выдадут барабаны.

— Барабаны? — тихонько переспросил Тим.

Я фыркнул.

— И факелы, — продолжал Дэн. — Вы построитесь в шеренги и, как только зверь покажется, начнете кричать, прыгать, бить в барабаны, издавать громкие звуки и размахивать факелами, чтобы загнать его в клетку. Мы с Тимом будем гнать его к берегу с тыла. А вы все начнете сходиться с обеих сторон, пока у дракона не останется пути к отступлению. Если вдруг возникнет серьезная опасность, я буду стрелять на поражение. Понятно?

Народ закивал, по толпе пронесся шепот.

— Рисковать я никем не хочу, — заверил Дэн.

Капитан Проктор с улыбкой сделал шаг вперед и бодро заявил:

— Думаю, надо будет потренироваться.

— Безусловно, — усмехнулся Дэн, — хотя вы тут все китоловы. А если умеешь ходить на кита — любого зверя загонишь.

Скип саркастически хмыкнул.

— Что если он изрыгает пламя? — раздался голос из толпы.

Это был Феликс Дагган. От страха у него округлились глаза. Все засмеялись.

— Не думаю, чтобы он изрыгал пламя, — ответил Дэн. — Если честно, я почти уверен. Но если вдруг изрыгает, то вот что мы с вами сделаем… — до сих пор он сохранял серьезность, но тут не выдержал и расхохотался, — побежим как ошпаренные!

Смех не умолкал.

— Не бойтесь, — продолжал Дэн. — Услышите, как мы несемся, если он нам штаны подпалит, — сразу сигайте в лодки — и обратно на борт.

— А если он летает?

Вопрос задал Джон Коппер.

Каждый представил себе могучего летающего дракона с широким размахом чешуйчатых крыльев, сжигающего все на своем пути, опустошающего землю. Он летел за нашим кораблем. Око в небе.

— Достоверных сведений о том, что оно летает, нет, —

парировал Дэн.

Оно.

— Даю на все про все две недели. Потом отправимся дальше бить китов, с драконом или без него. Принимать во всем этом участие никто не обязан. Кто захочет, может остаться на судне.

— Хорошо сказано, мистер Раймер, — произнес капитан. — Что до меня, я с нетерпением жду завершения предприятия. Если нам повезет, это будет великое событие.

— Есть опасность, что мы ничего не найдем, — сухо заметил Дэн. — Может статься, поищем на паре-тройке островов и, кроме обычного попугая, никого не добудем.

— А теперь — к делу, — довольно усмехнулся капитан Проктор.

Под делом надо было понимать лавирование по проливам. Мы шли между островами, минуя множество лодок, в каждой из которых вполне могли оказаться пираты. Но нам везло. Ни одного пиратского судна мы не встретили. Как их узнать? Остальные — Габриэль, Сэм, Ян и даже Джон Коппер — почему-то умели их отличать. «Обычный сампан», — говорили они. Будто это было очевидно. По мне, так все эти лица, обращенные вверх, к нашему паруснику, могли принадлежать родственникам Яна. Отца Яна от пирата я бы не отличил. Потом на горизонте показался мощный линейный корабль, а по левому борту возникла высокая гора. Корабль прошел мимо на большом удалении, направляясь в открытый океан. Со всех сторон нас окружили острова. Течения были сильные, попадались отмели, но мы ни разу не ошиблись и к вечеру прошли самую узкую часть пролива, выйдя в восточный канал, где архипелаг заканчивался и начиналось открытое пространство.

Наш китобоец вошел во внутреннее море с россыпью островов, некоторые из них были голыми скалами. Солнце клонилось к закату. На горизонте неподвижно стоял плотный лес из туч. То тут то там вспенивались завитки кучевых облаков. По поверхности моря тянулись длинные полосы ряби, и оранжевые лучи солнца пробивались сквозь тучи, словно лепестки диковинного цветка. Затем солнце провалилось за горизонт, небо налилось темно-кровавым цветом, а море почернело.

Утром мы первым делом увидели бесконечный голубой берег. Долгое время мы шли гладко, и на судне воцарился странный покой. Мне казалось, мы достигли легендарных земель, где живут сирены, где русалки распевают свои песни, а поедатели лотоса утоляют свой вечный голод, где Синдбад-мореход расхаживает по палубе, мечтая о хрустальных источниках и пещерах, полных рубинов. Мне представлялись острова, которые появляются и

исчезают, открываются мореплавателям и пропадают с карт. Дни сменяли друг друга, и я впал в состояние продолжительного восторга. Время от времени нам попадались киты, и корабль вновь погружался в запах горящей плоти и кипящего жира, но мы выплывали из вонючего облака на простор, где воздух был пьяняще сладок, полон ароматов яблок, специй и цветов. У острова с белым песком и кокосовыми пальмами за нами увязалась стайка дельфинов, и пару миль животные шли на кильватерной волне, разрезая воздух блестящими спинами. Потом дельфины покинули нас и забрали с собой безмятежный покой. После их ухода бриз задул сильнее, его бодрые порывы сопровождались свистом. По правому борту тянулся скалистый берег с длинной полосой переливающегося на солнце пляжа, и волны поднимались и разбивались о песок. По всей длине берега к его краю вплотную подступали плотные зеленые джунгли, откуда в промежутках между порывами ветра доносилось слабое, но вполне отчетливое гудение. Звук был вялый, задумчивый, будто некий голос пытался определить границы своего диапазона. Гудение составляло единое целое со всей окружающей картиной. Меня этот звук напугал: голос джунглей прорывался сквозь воздух, который своей растущей разреженностью предвещал сильный туман.

Дельфины вызвали ветер, ветер вызвал гудение, гудение вызвало туман — примерно так я себе это представлял.

Подобные ощущения возникали у меня уже много раз. Одно влечет за собой другое, словно ноты в песне.

Бриз совершенно стих, и с небес, точно из перевернутого ведра, обрушился ливень. С края неба доносились раскаты грома, будто старый пес глухо рычал во сне. Я спустился с мачты. Над джунглями пронеслась рассеянная вспышка молнии. Все кругом стало серым и сдвинулось со своих мест, а мы задраили люки и продолжили путь. Дождь барабанил по палубе часа три, а то и дольше, но шторма мы так и не дождались. Настоящая буря разыгралась по другую сторону от острова. Когда небо прорезала молния, серебряные отсветы пробегали по мачте, реям и нактоузу и дальше — по величественной, распростертой до горизонта скатерти моря.

К вечеру ливень поутих. Мы забрались подальше в бухту того же или соседнего острова. Уилсон Прайд приготовил отменную тушеную грудинку с бобами и клецками, и мы ели прямо на камбузе, чтобы не мокнуть под дождем. Я стоял на второй вахте, и когда отправился спать, дождь еще шел, но утром в щели палубы над кубриком уже светило палящее белое солнце. Палуба была залита светом, от вчерашней сырости не осталось и следа.

Капитан стоял на корме и беседовал с первым помощником. Мистер Рейни был явно чем-то озабочен. По его раскрасневшемуся лицу и возбужденному тону можно было подумать, что они с капитаном ругаются, но Проктор при этом посмеивался с самым довольным видом. Капитан что-то сказал, после чего Рейни резко развернулся и ушел.

Позднее Габриэль сообщил нам, что речь шла о покупке дополнительного вельбота. Запасных шлюпок у нас не было, и Рейни предлагал как можно скорее зайти в какой-нибудь порт и прикупить там шлюпку. Поначалу старпом хотел вернуться в Сурабаю, но капитан заявил, что мы ушли уже слишком далеко и поплывем прямо на остров Ломблен, где Дэн Раймер надеялся разыскать китолова с Ламалеры, того, который видел дракона, выходившего из леса, — человека, на которого ссылался его друг из Сурабаи. Комера тоже предлагал вернуться, но Дэн Раймер пообещал, что вельбот можно будет купить на острове Ломблен.

Вельбот на Ломблен мы купить не смогли. Шлюпки там были, но *нам* их не продали. Правда, на тот момент мы еще не знали, что так случится, а потому направились дальше и спустя три дня уже были у берегов острова.

7

— Господи, пожалуйста, скажи Билли Стоку, чтобы он перестал пугать маленьких…

В момент пробуждения у меня в голове раздается голос того старого негра, Сэма. Сэма Проффита. Звучащий сквозь время, внезапно, совершенно реальный, как спазм в мозгу, как само время, как мгновение, — ясно звучащий у меня в голове, будто Сэм стоит посреди комнаты. Так же как он стоял на нижнем баке, молитвенно сложив руки, — тогда; но тогда — это сейчас: глаза его закрыты, на высохших губах — озорная усмешка. Благочестивый старик, на него струится изменчивый свет, серые стены — в пятнах и точках. Как же красиво!..

Было темно, меня качало на каких-то волнах, это могли быть морские или иные волны — какие угодно. Подо мною вздымались вязкие темные волны сна. Сначала я подумал, что это «Драго», наш старый катер, и что я лежу на сухом настиле, пока он движется вниз по Темзе, к морю.

Но «Драго» давно развалился. Теперь я живу здесь. Меня снова разбудил какой-то голос, сливавшийся с гулом других голосов, доносившихся с улицы. Где-то рядом слышалось пение — может, в аллее между Рэтклифф-хайвей и Пеннингтон-стрит, — пьяное и прекрасное, как пение падших ангелов. Кто она, эта певунья? Сирена со скал, чей серебряный голос, острый как нож, прорезает вязкую тьму? Теперь я живу здесь, и это идет мне на пользу. Здесь есть подернутые дымом крыши, которыми можно любоваться, над ними красивое северное небо, которое никогда не полыхает пламенем. Я очень люблю эти крыши, так сильно, что слезы наворачиваются на глаза. Лондон, как я мечтал о тебе в жарких странах! Цветы, фрукты, вино и деревья, высокие и стройные темнокожие мальчики, ныряющие за жемчугом, огромные волны, накатывающие на берег, обезьяны на деревьях, с длинными лапами и худыми мордами, свирепые глаза взрослых обезьян и кроткие испуганные взгляды их детенышей, цепляющихся за животы своих мамаш. Синий свет, оседающий на горизонте. Цвета края земли…

Цвета индиго.

Он мерцает…

Я плыву, как Синдбад, по неведомым восточным морям, и большая звезда падает с темного неба, где-то рядом поют сирены, и Сэм Проффит говорит:

— Господи, пожалуйста, скажи Билли Стоку, чтобы он перестал пугать маленьких!

При этих словах раздалось хихиканье: ведь Билли был мой ровесник, и мы с ним оказались чуть ли не самыми молодыми членами команды, моложе — только Феликс. Билли знал кучу жутких историй про каннибалов, способных высосать человеку мозг, пока тот еще жив.

Сэм стоит на баке, грязный, в лохмотьях, — знатный исполнитель гимнов и чтец молитв. А молитвы нам нынче очень нужны. Завтра высаживаемся на очередной остров. Тот самый остров — мы все это чувствуем. Он как-то связан с двумя малайскими следопытами, которых Дэн подобрал на острове Сумба, где мы слушали гонги и видели, как над деревьями поднимается дым от погребального костра. Мы отправились в деревню и пили там горький напиток, и повсюду нас окружали птицы — зеленые стайки перелетали с места на место на фоне ярко-голубого неба, разом, точно по команде, вставая на крыло. Я лежал на спине и вглядывался в эту яркость до боли в глазах, думая о том, что птицы должны жить на свободе. Мы ждали возвращения Дэна. Он куда-то отправился со своими расспросами, а потом вернулся, приведя с собой двух молчаливых, но дружелюбных охотников: один улыбался, второй — нет. Еще Дэн принес красные зубы. У охотника, который улыбался, на лбу были вытатуированы синие знаки. Малайцы спали вместе с нами в кубрике, но языка нашего не понимали. С тех пор как мы побывали на последнем острове, девятом или десятом по счету, оба туземца заметно посерьезнели. Острова были совершенно дикими. Именно к этому я всегда стремился: увидеть дикий, нетронутый мир — и теперь вглядывался в него, насколько хватало сил. Хочется взобраться по склону вулкана и заглянуть в его жерло. Это как смотреть в глаза животным. В вулкане есть что-то от дракона. Почему бы в этих краях не водиться зверям, похожим на драконов?

Люди, подобные драконам? По мере приближения к острову Ломблен, на противоположном краю бухты, словно живой великан, проявился вулкан; еще один вулкан наблюдал за нами, когда мы беседовали с китоловами на дальней стороне острова, где ребятишки побросали свои игры и побежали мимо лодок, выстроившихся вдоль извилистого берега, чтобы взглянуть на капитана, его помощников и Дэна, которые уселись в круг вместе с их отцами. Из одежды на туземцах были только набедренные повязки. Тим и я — мы тоже были там, как помощники великого охотника. К тому времени уже и капитан едва поклоны не бил Дэну, потому-то мы и сидели с ними на берегу, а не наслаждались хорошей порцией мяса в столице острова, где были и доминиканская церковь, и что-то вроде таверны и можно было

купить всякие безделушки из ракушек и напиться до одури, а потом смотреть, как возвращаются по домам ловцы жемчуга. Женщины с обнаженными грудями, хорошенькими личиками и черными глазами лениво наблюдали за нами с деревянных помостов своих маленьких домиков, построенных на сваях и крытых соломой. Одна из них — ее я не забуду никогда — спустилась и напоила нас молоком из большого зеленого кокоса. На вид ей было лет двенадцать: груди похожи на цветочные бутоны, а руки совсем детские, с розовыми перламутровыми ноготками. Она стояла и ждала, пока мы освободим скорлупу. На мгновение она перехватила мой взгляд. В ее глазах я прочел спокойствие и рассудительность. Волосы густыми кудрявыми волнами спускались по плечам девушки до самой талии. Тоненькие перышки бровей изящно загибались вверх над томными глазами. Нос у нее был широкий, но очень милый, а губы — пухлые, как у ребенка.

Я сразу влюбился в нее. «Да, да, я стану китоловом и поселюсь на этом острове, — мечтал я. — Буду выводить в море лодки и возвращаться с добычей. Приходить к ней по ночам». Мир полон чудес. И больше не нюхать мне зелени с лотка на Розмари-лейн и не видать облезлых афиш при входе в «Гусыню Пэдди».

Удивительно, как Дэн умудрялся беседовать с этими людьми. Только он умел так смешивать самые разные языки. Одному Богу известно, что он там говорил, — в беспорядочной каше я сумел расслышать английский, португальский и даже что-то из латыни, и все это было сдобрено местными словечками. Но слушатели, похоже, понимали его и отвечали на вопросы, не давая разговору умолкнуть.

— Господь всемогущий, — произнес Сэм, — даруй нам завтра хороший день.

Мы стояли опустив голову и сложив ладони, точно послушные дети.

— Господи, благодарим тебя за хорошую погоду.

— Аминь, — пробормотали мы.

Потом мы прочли «Отче наш» («…избави нас от лукавого…»), не поднимая головы и думая о каннибалах, болотах и чудовищах, которых нам предстояло встретить завтра. С тех пор как мы покинули остров Ломблен, Билл не замолкал ни на минуту, повторяя, что никогда в жизни, ни за что на свете не сойдет на берег в этих краях, и Джо Харпер с ним соглашался. На островах, по их словам, жили племена, для которых съесть человека — все равно что перехватить цыпленка или рыбы, а когда Тим заверил наших товарищей, что Дэн знает свое дело и ничего плохого не

допустит, те с недоверием спросили, откуда *ему* это известно. Дэн что, прочесал все острова насквозь? И если на каком-то единственном в мире острове обитает тварь, похожая на дракона, которую никто никогда не видел, это обязательно должен быть дикий остров? Остров, о котором никто ничего не знает? Да на таком острове что угодно может оказаться!

Заглянуть в глаза каннибалу… Я отмахнулся от этой мысли, но в душе у меня поселился страх.

— Раньше тут жили каннибалы, — сообщил Габриэль, — но теперь уже не живут. Только в Южно-Китайском море.

— Ага! — поймал его на слове Билл. — Сам говоришь! Раз бывали, значит, и теперь есть. Они не меняются, это у них в крови.

— Как собаки… — заметил Джон Коппер, — ластятся, ластятся по многу лет, а потом вдруг — раз! — Он оскалился.

— Вот-вот, — подтвердил Билл.

Длинные голые ноги Габриэля свешивались с края койки, на черных голенях кое-где виднелись желтоватые полосы — в тех местах, где он часто чесался. Глаза у негра были скошены набок, а большая нижняя губа, розовая изнутри, вывернута наружу.

— Однажды я видел жуткую картину, — начал Габриель, — и она заставила меня призадуматься. Змея ела собаку. Небольшую такую собачку, может, это был щенок, не знаю. Змея заглатывала бедную псину целиком, но времени на это у нее ушло немало, и последней из пасти осталась торчать голова. Поначалу несчастная собачка плакала и громко лаяла, но в конце концов сдалась. Казалось, будто она плачет молча.

Мы все притихли. Габриэль обвел нас взглядом, страшно выкатив глаза:

— Знаете, как бывает, когда кто-нибудь плачет, не издавая при этом ни звука? Трясется, глаза зажмурит, уголки рта оттянет назад… Я того бедного песика навсегда запомнил.

Опять пауза.

— Отчего же ты не вмешался? — возмущенно поинтересовался Джон Коппер.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил Габриэль. — Змеи испугался. То еще было чудище. К тому же она несколько раз обвилась вокруг собаки, чтоб та не вырвалась. Что мы могли сделать?

— Где это случилось?

Габриэль на минуту задумался:

— На острове. Не здесь. Там, в Южном море.

Мне начинало казаться, что Южное море — ужасное место.

— Можно же было спасти собаку, — не унимался Джон. — Вы

наверняка могли что-то сделать!

Габриэль отрицательно покачал головой:

— Нет. Нас было трое. Включая нашего капитана — Лавлейса. Он нам приказал не вмешиваться. Против Лавлейса особенно не пойдешь.

— Встречу когда-нибудь капитана Лавлейса — морду ему разобью, — заявил Джон.

— Сколько это длилось? — спросил я.

— Очень долго.

— Сколько?

— Слишком долго, малютка Джаф.

Я терпеть не мог этого покровительственного тона.

— Собаки не плачут, — заявил Билли Сток.

— Нет, плачут, — поспешно возразил Скип.

— Минут пять все это продолжалось, — сказал наконец Габриэль.

— И вы все стояли и смотрели?

— Да, Лавлейсу было интересно посмотреть, чем это дело закончится. Пришлось всем стоять не двигаясь. Странное было ощущение. До сих пор не могу забыть.

Джон Коппер расплакался и разозлился. Он лег на свою койку и заколотил кулаками по матрасу, повторяя: «Ненавижу!»

— Кого ты ненавидишь, сынок?

— Не знаю, ненавижу, и все.

Мы повидали немало островов: одни размером с небольшую скалу, другие тянулись на много миль, с бесконечными цепями гор и мангровыми рощами: эти удивительные деревья словно вышагивали по кромке воды своими длинными корнями, похожими на изящно оттопыренные дамские пальчики, держащие чашку. Кокосовые пальмы, голубое небо, пышные облака, бледно-зеленые скалы, лысые вершины гор, заросшие низины — в таком пейзаже мы продолжали свой путь. На четырех или пяти островах члены команды сходили на берег и приносили бананы и еще какие-то большие зеленые фрукты. Малайцы и Дэн о чем-то болтали на своей смешной смеси языков, и мы все отправлялись на охоту. Точнее, основная часть команды загорала на берегу, а Дэн, Тим и следопыты занимались настоящим делом — уходили с серьезным видом на разведку в какой-нибудь зеленый болотистый овраг, населенный таинственными птицами, причем малайцы шли впереди, внимательно глядя на землю перед собой, будто ожидая найти золотые самородки. Спустя несколько часов все четверо выбирались из леса с парой туш диких кабанов, а однажды принесли еще дымящиеся части буйволовой туши, которую они освежевали и разделали на плато.

Но никаких драконов пока не было.

Ни одного, даже самого малюсенького дракончика, ни намека, ни отпечатка лап на пустынной песчаной полосе, ни тени, мелькнувшей в густых зарослях, ни странных, потусторонних криков в ночи.

В разговорах мы делали вид, будто зверя не существует. И все же, отходя ко сну, я порой задумывался о нем и не мог понять, почему мне никак не удается выкинуть его из головы и как эта тварь умудрилась расправить надо мной свои чешуйчатые крылья, которые с каждым днем становились все страшнее. И вот неожиданно, перед решающей ночью, я испытал сильный страх. Охотники-малайцы что-то знали. Накануне утром они взяли шлюпку и прошли на ней вдоль берега, по кромке леса, а примерно через час вернулись совершенно другими.

Все это почувствовали, но сказать никто не решился. Мы нашли тот самый остров. Не большой и не маленький, с зелеными скалами и высокими горами, покрытыми жестким кустарником, с джунглями и влажными бухтами. Течения здесь были быстрые и непредсказуемые, словно остров не хотел пускать к себе моряков, и это меня пугало. Гонги Сумбы продолжали звенеть у меня, в голове, когда я лежал на своей койке, предаваясь раздумьям; их звон не оставлял меня с тех пор, как мы покинули тот самый остров, их монотонное гудение посылало в темноту длинные ленты звука — они едва вибрировали, но постоянно менялись, дрожа и мерцая, словно шелковые. Музыка была подобна змее, кусающей себя за хвост. Колыбельная, чьи бесконечные повторы одновременно смягчают и обостряют чувства как дурман. Во рту пересохло от страха, при попытке глотнуть горло сжалось, и я впал в глубокое уныние, какое сопровождает внезапные приступы морской болезни.

Я продолжал думать про несчастную собаку, съеденную заживо, — она ведь понимала, что с ней происходит. Перед глазами стояла ее сжатая в молчаливом крике пасть, а змея крушила ей кости и уже начинала переваривать свой обед. Я задумался о том, что за бог способен измыслить подобный способ умерщвления, и мне стало так холодно, больно и страшно, как не бывало еще ни разу. Когда же мне наконец удалось заснуть, я провалился в ужасный кошмар — от таких снов просыпаешься в поту, сердце колотится, чувствуешь себя вывернутым наизнанку и боишься содержимого собственной головы. Мне приснился огромный бак с кровью в темной комнате на чердаке, в крови плавали разные части человеческих тел, извиваясь, словно угри, и из этого кровавого месива выглядывало человеческое лицо, исполненное ужаса — этот ужас и разбудил меня, — настоящий

человек, целиком, отчаянно пытался выплыть, но никакой возможности сделать это у него не было. Из запекшейся крови вынырнула рука с раскрытой ладонью, облепленной плотными сгустками слизи, и затолкала лицо обратно, а я проснулся в скрипучем кубрике, не понимая, кричал я или нет. Судя по тишине вокруг — только во сне.

Было очень жарко. Зной, будь он неладен, так и не отступал. Меня трясло как в лихорадке. С тех пор как я остался на ночь в лавке Джемрака, когда Тим меня запер, мне еще ни разу не бывало так страшно. А теперь он лежал прямо напротив через проход и сладко спал в полнейшем неведении. Так со мной поступить! Вот сволочь! Никогда не знаешь, что у него на уме. И нашим и вашим. Надо было видеть, с каким самодовольным видом он отправлялся в лес вместе с Дэном и малайцами, а потом возвращался, перевязав волосы лентой и заткнув за уши птичьи перья. Красив был — ничего не скажешь. Загорелый, как туземец, глаза ясные, ярко-голубые, точно у младенца, шевелюра отливает золотом: выходит из джунглей, словно грязный, потный Аполлон, под ногтями — кровь буйвола, сам на голову выше Дэна, который рядом с ним казался старой мудрой обезьяной. И почти ничего не рассказывает.

Почему он сладко спит, а я глаз не могу сомкнуть? Перед тем, что ему предстояло, безусловно, надо было выспаться.

— Тим, — прошептал я.

— Что? — моментально отозвался мой приятель. Он не спал.

— Ты не спишь?

— Нет.

— Мне приснился жуткий сон.

— Забудь, Джаф, — успокоил меня Тим, — это всего лишь сон. Все, что ты видел, существует только в твоей голове.

Его слова меня озадачили. Возникло ощущение, будто кто-то вторгся в мое сознание.

— Как может такое забраться в голову? — спросил я, будто мне в ухо вползла уховертка.

— Какое «такое»?

Мы разговаривали шепотом, чтобы не разбудить остальных: со всех сторон доносился сладкий храп.

— Не хочу сейчас об этом говорить, — ответил я после паузы. — Ночью тем более. Завтра обсудим.

— Как хочешь. — Тим от души зевнул.

— Бывают сны… — произнес я спустя какое-то время.

— Знаю.

Мы оба замолчали.

— Мне страшно, Тим, — признался я.

Пауза. Он понимал, что я имею в виду не только сон.

— Мне тоже, — произнес Тим, протянул руку и на мгновение сжал мне плечо. — Дурачок ты, Джаф. — И слегка пихнул меня.

— Ты о доме когда-нибудь вспоминаешь? — поинтересовался я.

Тим задумался:

— Конечно.

— На вид не скажешь — ты никогда об этом не говоришь.

— Ты тоже.

— Наверное.

Снова продолжительная пауза.

— Все вспоминают о доме, — сказал Тим, — но какой толк об этом без конца болтать?

— Как Дэн, например.

Действительно, Дэн — со своей любовью к выпивке, с затуманенным взглядом, тостами в честь Элис и воспоминаниями о том, как его младший сын впервые улыбнулся.

— Да, он такой.

— Раз уж дом и очаг для него так важны, зачем он занялся этим промыслом?

Тим негромко фыркнул:

— Если бы Дэн все время был с женой, вряд ли она казалась бы ему такой прекрасной.

— Сарсапарилью помнишь? — спросил я. — Ту, что продавал зеленщик?

— Спрашиваешь! Да я б за кружку прохладной сарсапарильи сейчас полжизни отдал! Такой аромат не забывается.

Я ясно увидел сетку с травами над головой у зеленщика: розмарин, ромашка, девичья трава.

— Субботний вечер в «Матросе», — размечтался Тим.

Распахиваешь дверь и погружаешься в облако дыма и смеха, отрезаешь прессованного табака и выкуриваешь порцию с бутылкой вина, пока голова не начинает плыть, потом проходишь по узкому коридору в мутноватом свете газовых фонарей, подныриваешь под гардину — и вот ты уже в зале для танцев, где все содрогается от грохота каблуков. Пляшут девушки с ярко-красными губами, груди у них прыгают, словно мячики, моряки с торговых судов заломили фуражки и тоже не отстают, волынщик расставил в стороны острые локти, подбитые железом каблуки так и мелькают в пыли. Над каминной полкой съехали набок настенные золотые часы.

— Да, — произнес Тим, — милый дом. Все еще боишься?

— Да.

— Это ничего, дай-ка руку.

Я протянул руку, и он схватил ее.

— Знаешь, — сказал он, — когда вернемся, я стану главой семьи.

После этих слов мы оба замолчали. Я думал об Ишбель и о ее матери: как-то они справляются теперь вдвоем? Ишбель наверняка не в восторге. Мать частенько доводила ее до ручки. Вряд ли они так уж тоскуют по старику, да и русалки никогда не приносили особого дохода, но обе они точно будут рады возвращению Тима. Я представлял себе, как Ишбель сидит у очага и задумчиво грызет свои жуткие ногти. Чем она занимается? Нашла себе приятеля, с ее-то внешностью. Гуляет небось с каким-нибудь красавчиком-матросом. Об этом думать не хотелось.

Тим заснул и выпустил мою руку. Я же не сомкнул глаз до седьмой склянки, а потом спать уже и смысла не было.

Мы гребли между скал высотой с дом. Покрытые дикой растительностью, они были похожи на застывший зеленый взрыв. Река вытекала из лесистого ущелья, расположенного высоко в скалах, огибая по краю закрытый со всех сторон пляж в форме подковы. С одной стороны его обрамляла опушка леса — деревья, усыпанные кремово-белыми цветами, а с другой — длинная гряда темно-розовых каменных зубцов. Вдали, на возвышенности и в глубине острова, ярус за ярусом поднимались ряды изящных пальм с растрепанными кронами: они все клонились в одну сторону, будто собирались вытащить корни из земли и отправиться в путешествие. Со всех сторон бухту окружали высокие утесы.

Мы слонялись по пляжу как последние дураки, размахивая палками в ожидании дракона. Пляж был влажный, плоский, покрытый рябью; вдоль кромки воды беспорядочно рассыпались камни. Серое небо казалось холодным, но с меня пот лил ручьями. Жар исходил откуда-то изнутри, словно все внутренности медленно зажаривались в духовке из плоти. В самой бухте располагались три или четыре островка — круглые холмики густой зелени. Клетку поместили в самом узком месте пляжа. Я ни разу не видел места, которое было бы больше похоже на драконье обиталище. Рукава бухты простирались в море. Из воды высовывались продолговатые темно-серые и черные силуэты, напоминающие рептилий, их вытянутые рыла чем-то походили на поросячьи и были готовы схватить жертву в любой момент. Слоистый уступ грязно-розового цвета на берегу можно было принять за длинный коготь или гигантскую ступню — на самом деле, как сказал Дэн, это был кусок застывшей лавы. Некоторые скалы были похожи на комки теста, словно великан

вылепил их из глины шутки ради. Куда ни глянь, везде мерещились лица. По пляжу через реку тянулась прямая цепочка следов: отпечатки странных лап, похожих на человеческие ладони с когтями. И каждый отпечаток величиной с хорошую обеденную тарелку.

Мимо моей ноги пробежал необычный краб с красными пятнышками. Феликс собирал большие белые фигурные раковины и складывал их возле лодок. Рядом с клеткой Мартин, Абель и Даг кололи щепки для колышков. На берег накатывали белые барашки волн. В той части бухты, где пляж смыкался с лесом, громоздились упавшие деревья. Я бродил туда-сюда, разглядывая в подзорную трубу все подряд: красных с синим птиц на деревьях, скалы в море, ущелье, — пока не подошел слишком близко к деревьям — и вдруг испугался, вглядевшись в бледную дрожащую листву. Стволы отливали тусклым серебром. Там, в самой чаще, затаилось молчаливое эхо чего-то бесконечно мрачного и недоступного, глухой вой, как из гигантской глотки.

Послышались голоса.

Наши охотники отправились в лес всего пару часов назад и уже шли обратно.

Эта высадка была совсем не похожа на предыдущие. Дэн и компания вернулись в приподнятом настроении, было в их лицах что-то особенное. По словам Дэна, там, на плато, были еще следы. Нужны еще колышки, еще веревки. Больше веревок. План изменился. Мы должны были задержаться на этом острове еще на день или два, разбить маленький лагерь.

— Мы, четверо, — сообщил Дэн, — заманим его в ловушку наверху и сгоним вниз. Но нам нужны еще люди. Трое. — Он посмотрел на меня и добродушно улыбнулся. — Вот твой шанс, Джаф, если ты еще не передумал.

— Нет, — ответил я, и тут проснулся голос в моей голове, который до сих пор наблюдал за происходящим: «Ты рехнулся. Совсем спятил. Тебе не нужно идти. И никогда не было нужно. Оставайся тут. Поиграешь в „фараон“ с Билли. Вернись на палубу. Какая кому разница, пойдешь ты или нет?»

— Давай, Джаф, — подначивал Тим. — Знаешь, как там здорово? Не пожалеешь. — Он коснулся моей руки. — Идем с нами, Джаф. — Взглядом он почти упрашивал меня составить ему компанию.

— Попробуйте меня остановить, — рассмеялся я.

— Отлично! — Дэн хлопнул в ладоши. — Кто еще?

— Я, — вызвался Джон Коппер, — возьмите меня.

И Даг Аарнассон.

Под ногами у нас проскользнула гигантская многоножка,

мерзкая красная тварь, похожая на длинную жилу. В гуще деревьев прятались разноцветные птицы.

В таком месте любая живность может оказаться ядовитой. Они могут свалиться сверху, заползти за ворот: скорпионы, зубастые пауки, — кто знает, что еще нам повстречается? Мы шли молча, друг за другом: малайцы впереди, а Дэн — сзади. Я радовался, что он прикрывает нас со спины, радовался его кажущейся беззаботности, но еще больше я обрадовался, когда мы вышли из леса на скалистую равнину, поросшую травой, где почти не было деревьев. Но тут я начал думать о змеях, которые могли ползать в высокой траве, и пальцы невольно сжали рукоять пистолета у меня на бедре. Хотя какой толк от пистолета, если укусит змея? Когда я ее увижу, будет уже слишком поздно.

Дэн приказал нам остановиться. Теперь путь лежал на восток. Дракона нужно было заарканить во что бы то ни стало. Сомнений у Дэна не оставалось: зверь должен быть где-то здесь, и мы возьмем его живьем. Звучало как издевательство. Заарканить дракона? Джон нервно засмеялся.

— Не понимаю, — произнес Даг в свойственной ему неторопливой и грубоватой манере. Лицо у него было странное: плоское и одновременно заостренное, голубые глаза всматривались в собеседника.

— А, об этом не беспокойся, — заверил Дэн. — Мы с ребятами обо всем позаботимся. Держись в стороне и делай, что тебе говорят, и всем будет хорошо. Подключишься в конце: принесешь остатки веревки, когда опасность будет позади. Поможешь затолкать его в загон.

— Какой загон? — удивился я.

— Переносной, который мы еще не построили, — ответил наш предводитель. — Всему свое время. Сначала найдем, куда положить наживку.

— Какую наживку?

Дэн закатил глаза:

— Ну ты даешь, Джаф! Зачем я тебя взял, как думаешь? — Он засмеялся и ткнул меня пальцем в лоб. — Наживки у нас тоже пока нет. Все нужно делать по порядку. Сначала найдем место, потом приготовим наживку.

Весь остаток дня мы шли, то поднимаясь, то спускаясь по пологим холмам саванны, следуя звериными тропами, протоптанными каким-то неведомым существом. Мы с Дагом шагали бок о бок. «Ослики, — думал я про себя, — вот мы кто. Туземцы-носильщики». Даг-то ладно — здоровый как бык, но мне приходилось несладко. Пот заливал глаза, плечи горели от тяжести взваленного на них тюка, а торчащие из него колышки

стерли мне кожу до крови. Дэн, Тим и малайцы не были так нагружены, их задачей было защищать нас, охотиться, нести оружие, выискивать следы. Тим оглянулся, посмотрел на нас и рассмеялся. Мы с Дагом забавно смотрелись рядом: я — маленький, темноволосый, и он — большой, с шевелюрой цвета соломы. С Дагом я прежде особенно не общался. На вид ему было лет двадцать: спокойный парень, осторожный, покладистый, хороший попутчик.

— А там, где ты родился, холодно бывает? — спросил я, изнывая от жары.

Даг усмехнулся:

— Очень. Особенно зимой. Снегу — вот досюда. — И он поднял руку над головой.

Я присвистнул:

— Как же ты жару переносишь?

— Поначалу трудно было, — признался Даг, поправляя моток веревки у себя на плече, — но я… — Он нетерпеливо крутанул пальцем в воздухе, и я заметил, что ногти у него сильно обкусаны, почти как у Ишбель. — Я… привык.

— Надо было на север плыть, — выдавил я, вытирая пот со лба грязной ладонью, — туда, где лед. Белых медведей посмотреть. Эскимосов.

Даг улыбнулся:

— Всегда хочется того, чего не имеешь. Я вот умирал, хотел пальмы увидеть. У отца в книге были картинки. — Улыбка ровным полукругом осветила его большое квадратное лицо.

Странно, что у его отца были книги. Мне он представлялся господином в черном костюме, чем-то похожим на сельского священника.

— У твоего отца были книги?

— Про разные места, где он побывал. Он тоже был моряком. И братья. Их у меня трое.

Дэн обернулся и посмотрел на нас. Он теперь шел впереди с малайцами, а Джон с Тимом замыкали шествие. Мы замолчали и побрели дальше.

— А эскимосы у вас там есть? — спросил я примерно через час. По моим ощущениям, время близилось к вечеру, но по цвету неба определить, который час, было сложно: тучи стояли низко, но дождь так и не пошел.

— Там, где я живу, — нет, — ответил Даг. — Эскимосы в Гренландии живут. И в Канаде. И в других местах. А у нас есть лопари.

— На кого они похожи?

— Северный народ. Оленей разводят.

Странно было идти по такой жаре и беседовать о далеком Севере. Какими прекрасными представлялись мне ледяные просторы! Я вообразил замерзшую палубу корабля, острые стрелы льда, оттенки изумрудно-зеленого, оттенки голубого. Скованный льдом океан, величественный в своем безмятежном покое.

Шедший впереди малаец с татуировкой поднял руку, и все замерли.

Сколько мы простояли без движения — не знаю. Все вокруг стало предельно четким. Можно было разглядеть каждый стебель. Я попробовал сглотнуть — в горле скрипнуло. Дэн осторожно поманил нас вперед взмахом руки, даже не оглядываясь. Мы тихонько последовали за ним. Когда же мы все собрались вместе…

Сердце у меня вдруг подскочило — как у человека, разбуженного звоном колокола, — замерло — раз! — и заколотилось, как безумный дятел… Впереди на тропе показался олень. Мгновение, прыжок — и животное исчезло в высокой траве.

Мы смотрели и выжидали. Тишина оглушила нас. Крадучись мы пошли за малайцем, след в след. Прошли несколько ярдов и снова остановились — на этот раз от вони, будто нужник прорвало.

Трава запела.

Нечто большое и темное выскочило из кустов ярдах в двадцати от нас и быстро побежало на четырех согнутых лапах. Оно нырнуло в саванну в том же месте, где исчез олень. Время ускорилось. Мы что было мочи рванули следом — помню только высокую траву с обеих сторон и как она шептала, а еще затылок Дэна и боль в плечах и как запершило в горле. Мы неслись целый час, не меньше, потом замедлили бег и вновь собрались у какой-то скалистой насыпи. Теперь нам было не до разговоров. Мы забрались в такую глубь острова, что я потерял чувство направления и не мог определить, где находится корабль и далеко ли до берега. Скала справа могла быть высотой в два человеческих роста или уходить в облака — понять было уже невозможно. Пока мы шли, перед глазами у нас миллион раз промелькнули быстрые черные тени. Сколько их там еще, этих тварей, прячется в густом кустарнике, наблюдая за нами неподвижными змеиными глазами? Никогда еще мне не бывало так страшно, но и такого обострения всех чувств я еще ни разу не испытывал. Ощущение было такое, словно глаза у меня расширились — и взгляд прояснился. Остальные, казалось, чувствуют примерно то же. Даже малайцы, которые прежде выглядели невозмутимыми и почти неуязвимыми, сейчас

дрожали от прилива неуправляемой энергии. Я сражался с большими китами, но они не принадлежали к миру неведомого.

Тут началась пантомима. Кровь стучала в висках. Мы были вдали от цивилизации, среди дикой природы, а у дикой природы есть зубы, когти и глаза, и она воняет, как гнилая туша, день пролежавшая на солнце. Я видел только гигантскую черную живую массу на четырех кривых лапах. Она бежала с бешеной скоростью. Дэн и малайцы обменивались жестами и взглядами. Я хотел стать Дэном, хотел овладеть его способностью скитаться по миру и находить общий язык с любым встречным, жаждал обрести его умение с легкостью ориентироваться в любых краях и ничего не бояться. Как сделать, чтобы страх, засевший где-то в животе, превратился в безмятежный покой? Второй малаец, тот, что пониже ростом, заметил на тропе кровь. Кто-то оставил след. Охотник пошевелил предплечьем — не знаю, как он это сделал, но было похоже на движение, свойственное оленям. Выставив назад ладонь, он остановил нас, а сам пошел вперед. Какое-то время мы стояли затаив дыхание, вглядываясь в редеющий кустарник, а потом, по осторожному знаку малайца, двинулись дальше.

Мы шли вперед, словно призраки. Сначала сквозь высокую траву я увидел олениху. Она была далеко, на длинном голом склоне, почти мертвая. Кровавый след тянулся за ней почти до самой тени у подножия скалы, на которую самка сумела всползти. Олениха рухнула в пыль. Вокруг нее расплывалось кровавое пятно, а она безнадежно, но упорно пыталась поднять голову. Потом я увидел дракона: он стоял как раз над нами, чуть сзади, абсолютно неподвижно, на небольшом возвышении, откуда открывался вид на равнину. Расстояние между нами и зверем было не больше ширины палубы. Огромная коричневато-серая тварь, с черными головой и ногами, крупнее тигра в длину, но пониже, хотя мощная грудь и голова были высоко подняты, а сзади виднелся хвост — могучее и неумолимое оружие.

Дракон был прекрасен в своем величии. Лапы его напоминали гигантские ладони, расплющенные и слегка повернутые внутрь; они были покрыты бугорками и снабжены длинными черными серповидными когтями. Он очень походил на ящерицу, но таких ящериц мне еще встречать не доводилось. У Джемрака живали гекконы и хамелеоны, даже ящерицу-ядозуба однажды привезли, но с драконом никого из них и близко нельзя было сравнить. Один размер чего стоил! Грудь, мускулистые лапы. Кожа, подобная древним доспехам, вся в шишечках и шрамах, как уши у бывалого кота, и в то же время дряблая и сморщенная, провисала под животом и шеей. Закрытая пасть

была похожа на крокодилью — щель в виде ломаной линии тянулась вдоль нижней челюсти. Желтый раздвоенный язык так и мелькал, то выстреливая наружу, то вновь прячась в пасти.

Дракон принялся медленно поводить головой из стороны в сторону, как змея. Долго ли мы на него смотрели? Наверное, несколько минут.

Спустя какое-то время он перевел взгляд в нашу сторону, но не на нас. У него была широкая плоская морда с большими ноздрями и холодными выпученными глазами, расставленными широко по обеим сторонам головы. Недовольная, сердитая морда. Дракон разинул пасть и показал нам ряд крокодильих зубов, затем отвернулся и двинулся вперед, уже не бегом, а медленно вышагивая, словно смакуя собственный вес. Зверь неторопливо соскользнул с невысокого склона и пересек широкую равнину, двигаясь в сторону умирающей оленихи и опустив голову к земле, похожий на змею, со своим мелькающим языком и плавностью движений. Мы было облегченно вздохнули, но малаец напрягся всем телом и порывистым жестом призвал нас застыть на месте. Дракон сделал несколько неторопливых шагов. Он явно не собирался съесть свою жертву немедленно. Наконец зверь исчез в низких зарослях за пустошью — видно было только острый кончик хвоста.

Малаец обернулся и подал нам знак медленно и молча отступать. Мы принялись пятиться и продолжали до тех пор, пока не оказались снова у высокой скалы.

— Ну и громадина, Господи Исусе, ну и громадина! — прошептал Джон Коппер.

Дэн лишь таинственно улыбнулся.

— Почему мы не пошли за ним? — спросил я.

— Не готовы пока, — ответил Дэн. — Торопиться некуда. Теперь мы знаем, с чем имеем дело.

Он отошел переговорить с малайцами. Послышался тихий смех. Наши провожатые явно были довольны.

— Господи Исусе! — повторил Джон и обратился ко мне: — Табачку не найдется?

Мы четверо — Тим, Даг, Джон и я — опустились на землю и раскурили пару трубок.

— Вот он какой, — произнес Тим. — Чудище, черт бы его побрал!

— Подумаешь! Это же не дракон, — возразил я. — Дэн с самого начала говорил. Большой крокодил и есть.

— Уж очень большой.

— Но не чудище.

— Я таких никогда не видел. Похож на…

— Отвратительную мерзкую тварь. Ты его когти видел?

— А зубы?

— Как же ловить-то его будем?

— Не очень-то он ловкий. Неповоротливый.

— Ты что, не видел, как он бегает? Там, в лесу. Не видел, да?

— Носился — дай боже.

— Он всего лишь животное, — заметил я.

— А ты что ожидал увидеть? Святого Георгия и девушку, привязанную к скале? Конечно животное.

— Просто дикое животное. Мы можем его поймать. Словил же Дэн тигра — и этого поймает.

— Это его работа — доставлять их живьем.

Дэн, тяжело ступая, подошел к нам и сообщил, что заночуем мы прямо здесь, а наутро продвинемся дальше и найдем место, где поставить ловушку. Здесь? Среди этих тварей? Да назавтра от нас только тюки с вещами останутся да обглоданные косточки. Но Дэн заверил нас, что это безопасно: мы разведем костер и будем по очереди сторожить. Так мы и сделали, было даже приятно сидеть в мягких отсветах пламени среди густой черноты. Дэн передал по кругу фляжку с бренди, мы пили, курили трубки, а малаец с синей татуировкой рассказывал на своем языке какие-то истории, и мы все смеялись, хотя не понимали ни слова. Просто по его лицу и интонациям было ясно, что речь идет о чем-то смешном. Потом я крепко заснул и проснулся только тогда, когда все вокруг засуетились: вот-вот должно было показаться солнце.

Мы позавтракали сухарями, собрали снаряжение и отправились в путь. Я думал, что мы сразу начнем сооружать ловушку, но Дэн никуда не торопился. По мере того как мы продвигались дальше вглубь острова, жуткое чудовище и все, что произошло накануне, начинало казаться нам сном. Солнце поднималось выше и выше, пекло все сильнее, облака над высоким плато рассеялись. Перед нами возвышался лысый утес, по скалистой поверхности которого стекала вода, разбегаясь внизу на потоки и уходя в зеленые заросли. Эта часть острова была покрыта буйной растительностью — по крайней мере, в низинах. Я говорю «в низинах», хотя к тому времени уже не помнил, насколько высоко мы успели подняться. Воздух здесь был прозрачный и спелый, как налитая солнцем слива. Почему мы до сих пор не поставили ловушку? Мне не нравилось, что мы зашли под покров зелени. И эта высокая трава, в которой невысокий зверь мог проскользнуть незамеченным. По левую руку виднелись пятна кустов, разбросанные среди травы, за каждым таким кустом мог притаиться дракон, и не один; кто знает, их могло быть не

меньше дюжины. Почему мы не ставим ловушку? Чем это место хуже других? Но Дэн сказал «нет», почему — одному Богу известно. Какой от нас будет толк, если к моменту встречи с драконом мы все уже выдохнемся? Но мы шли и шли, пока не почувствовали характерный неприятный запах и не оказались внезапно на краю скалы. Заглянув вниз, мы увидели…

Целое стадо драконов: свившись в клубок, они переползали друг через друга, словно угри, сражаясь за какую-то окровавленную тушу, из которой торчали обрывки красной и розовой плоти. По остаткам наполовину съеденной головы стало ясно, что это труп одного из их сородичей. Еще один дракон наблюдал за происходящим — огромная зверюга, неподвижная и безучастная, как скала, лапы — как глубоко вросшие в землю пни. Еще один дракон, поменьше, уже наелся и медленно отползал в сторону, видно было, как мелькает плоский раздвоенный язык. Шесть, семь, восемь, девять, десять драконов — сколько их там было, не знаю. Ели они жадно, суетливо, хуже акул, пускали слюни, тряслись и дрожали, нетерпеливо выхватывая куски и запрокидывая головы, чтобы проглотить пищу. В какой-то момент самый большой дракон, тот, что стоял в стороне, принялся тяжело раскачивать головой из стороны в сторону, а затем, как записной громила, бросился в гущу пирующих и мгновение спустя уже раздирал остатки туши наравне с другими. Он настолько превосходил остальных размером и мощью, что вскоре его сородичи расползлись по сторонам, не решаясь коснуться добычи. Таким образом, гиганту удалось поесть без помехи, отрывая огромные куски, разевая широкую пасть — невероятного размера; челюсти у него раздвигались, как у змеи, между верхней и нижней тянулась розовая перепонка из окровавленной слюны, которая проливалась между рядами маленьких острых зубов. Насытившись, дракон остановился, закрыл пасть и поднял голову, слегка повернув ее в нашу сторону и подрагивая языком. Мы укрылись за кустами, но, клянусь, он посмотрел на меня. Прямо мне в глаза, с дьявольской кровавой усмешкой. По спине у меня пробежали мурашки. Разница между животными на воле и запертыми в клетках у Джемрака была огромна. Целый мир разделяет крокодила в загоне и дракона в диком лесу. Я тысячу раз подходил к диким зверям чуть ли не вплотную, но здесь между нами не было никакой преграды. Настоящие безжалостные твари — на воле, и ничто не стоит между нами. Я испытал внезапный приступ леденящего страха: он поднялся волною откуда-то изнутри, словно тошнота, и за пару секунд охватил меня целиком, с головы до пят. Мне почудилось, что монстр сейчас спустится с утеса и сожрет меня, как только что сожрал

драконью тушу, оставив лишь несколько ребер и ошметки шкуры. Но вместо этого он еще раз открыл и закрыл пасть и со скучающим видом неторопливо вернулся к остаткам жертвы.

Мы наблюдали за его трапезой, пока от туши не осталось ничего. Драконы сожрали все подчистую, включая кости, и медленно разбрелись по кустам, кроме одного — тот пополз по отвесной стене обрыва, как геккон по стеклянной поверхности, грациозно виляя всем телом и растопырив чудовищные когти.

Страшно было смотреть, как он ползет вверх. Я представил себе, как бы я пыхтел и потел, карабкаясь по такой стене, убегая от погони.

— Видали? — проговорил Дэн, когда мы отодвинулись от края обрыва и перегруппировались. — Такой и на дерево легко может забраться.

— Не вижу повода радоваться, — буркнул Джон Коппер, — я и так чуть в штаны не наложил.

— Не ты один, — успокоил его Даг и на мгновение приобнял за шею. — Правда? — обратился он ко всем нам.

Я решительно кивнул. Тим промолчал.

Дэн сменил игривый тон на серьезный:

— Послушайте, я привел вас сюда не как приманку для ящериц. Что на вас нашло? Мы на охоте, это ничем не отличается от охоты на китов. Делайте, что вам говорят, и останетесь целы. Смотрите, — он вытащил ружье и обратил его дулом к небу, — вы все вооружены. Почувствуете опасность — стреляйте. Без размышлений. Я не допущу, чтобы кто-то из вас пострадал, так что кончайте ныть.

— Но их там целая куча, — простонал Джон.

— Вот именно, — подтвердил Дэн, — и это хорошо.

— Хорошо, — повторил Даг, и на лице его проступила безумная ухмылка.

— Да, — настойчиво произнес Дэн, — это хорошо. Теперь я знаю, что нам делать.

Позже он подстрелил кабана. Мы целую милю, а то и больше, тащили тушу за собой, пока не пришли туда, где лес становился гуще. В этом месте Дэн приказал нам поставить ловушку, вбить вокруг нее колышки и обмотать их веревкой — так, чтобы она оказалась натянута. Тот из малайцев, что был поменьше, ловкий, как белка, взобрался на дерево, зажав во рту другой кусок веревки. На одной из верхних веток он зацепился ногами за ствол и привязал веревку, а потом спустился обратно к нам, срывая по пути мясистые свежие листья. Мы веером разбросали их над ловушкой и расчистили вход, чтобы дракон мог забраться внутрь, а Дэн примотал веревку так, чтобы она шла вокруг дверцы и

обратно к тому месту, где мы сядем в засаде. Мы спрятались и принялись ждать, сменяя друг друга.

Прошло полдня, солнце клонилось к закату. Мы выбрались из засады и разбили лагерь неподалеку, разожгли костер, но на этот раз никаких шуток и рассказов не было. Дэн велел нам сидеть тихо. По его утверждению, нам ничто не угрожало. Если дракон придет, он почует наживку и отправится за ней. Если ловушка захлопнется, мы точно услышим. «Наверняка» — так он сказал. «Не бойтесь, парни, я миллион раз так делал». И мы сидели, перешептываясь, грызя сухари и думая об остальных — там, на берегу, о том, как они жарят мясо, и пытались угадать, думают ли они сейчас о нас, беспокоятся ли. У меня начало сводить живот. Когда настала моя очередь спать, я не мог заснуть, просто провалился в небытие и бродил по острову, который превратился в огромный корабль, плывущий сквозь жаркую тьму. Я ворочался и бормотал до самого рассвета.

На исходе утренней зари в лесу под нами свистели, шумели и тревожно переговаривались островные птицы. Малаец с синей татуировкой ушел на разведку. Его низкорослый товарищ сидел скрестив ноги и настойчиво тер глаза, пытаясь отогнать сон. Я отошел помочиться и увидел, каким темным стало море на горизонте. Цвета индиго. Отсюда можно было разглядеть другие острова. Все было так тихо и безмятежно, пока ко мне не присоединился Тим.

— Не стоит бродить в одиночку, — заметил он и пристроился рядом.

Утро шло своим чередом, как и накануне. Мы ждали, смотрели, видели, как из грубо сплетенной ловушки выползают сороконожки размером с ужа, и вспоминали тела драконов, которые извивались в грязи, словно куча червей на куске печенки. Мерзкие, грязные твари. В сказках драконы были прекрасны, они летали по небу, расправляя свои волшебные крылья, — смертоносные, но величественные. Но эти — эти были безобразны и наделены безжалостной, бессмысленной мощью, они больше походили на чудищ из ночных кошмаров, чем на сказочных персонажей. В их взгляде не было ничего, что бы мог постичь человек. В отличие от взгляда кита, змеи и даже лягушки. Тот большой дракон — он посмотрел на меня. Я в этом уверен. Он смотрел на меня, и у меня было чувство, будто это взгляд демона.

Малаец с татуировкой, наш молчаливый разведчик, вернулся через два часа после восхода и жестами подозвал нас.

— Дракон, — произнес он, и это было первое английское слово, которое я от него услышал.

Дэн поднялся из-за кустов, натягивая штаны, и коротко

кивнул. Можно было подумать, он только что вышел из гальюна. Мы выстроились в шеренгу по двое, ощущая примерно такой же ужас, как если бы из дыры в нужнике в самый интересный момент высунулась большая чешуйчатая голова с огромными зубами. Идти было тяжело, даже притом, что Даг все время смотрел по сторонам и каждые двадцать секунд шептал: «Никаких драконов, точно». Дэну что — он шальной. Наверное, чтобы преуспеть в этом ремесле, надо быть сумасшедшим или полудурком или обладать шестым чувством; а скорее всего, нужно то, и другое, и третье.

— Ну, парни, — сказал он, стараясь сохранять спокойствие, — будем надеяться, это наш дракон и есть, — и пошел вперед. Тим увязался за ним с обеспокоенным видом. Не то чтобы он это специально показывал, но я знал, догадывался: Тим притих и старался ни с кем не общаться, кроме Дэна, с которым всю ночь совещался о чем-то.

Облизывая губы, мы храбро зашагали следом, стараясь ступать бесшумно, как кошки.

В засаде было прохладно и зелено. Солнце сюда не проникало, траву мы успели примять накануне. Сквозь свисающие листья нам было видно, как дракон подошел к краю травяных зарослей и ринулся сквозь кусты к деревьям. Это был крупный зверь со складчатой шкурой, из его закрытой пасти капала тягучая слюна. Он увидел кабана или, по крайней мере, учуял его. Из укрытия я слышал, как над тушей жужжат веселые утренние мухи. Дракон шел уверенно и решительно. В его невозмутимой поступи было что-то слоновье. За несколько футов от ловушки зверь остановился, выставив вперед одну лапу. Так близко и такой огромный! Брови нависли над маленькими неподвижными глазками. Взгляд их не казался бессмысленным: в них светилось напряженное чужеродное сознание. Дракон смотрел прямо на наше укрытие.

Время застыло. Ноги постоянно чесались: по ним то и дело проползали длинные красные многоножки, похожие на червей, которыми кишела речная жижа на берегу Темзы. Не смея пошевелиться, мы внимательно разглядывали не знающие пощады когти, скользкий змеиный язык, массивное туловище дракона. Бороться с таким зверем не легче, чем с носорогом.

Около получаса зверь простоял не двигаясь. Затем все произошло стремительно быстро.

Дракон еще раз повернулся к облепленной мухами туше, пару раз неторопливо кивнул, встав на дыбы, и бросился на наживку. Дэн отпустил веревку, дерево выпрямилось, другая веревка плотно обвилась вокруг драконьего брюха, и зверь ошалел от

неожиданности. Он должен был попасть прямо в ловушку, но застрял на входе и принялся дергаться и извиваться как уж на сковородке, щелкая пастью и колотя хвостом по земле. Из пасти капали багрово-коричневые комки полупереваренного мяса. Дэн, Тим и малайцы вышли из укрытия, но подойти ближе пока не решались. Колышки треснули и накренились, дракон скользил в собственной слюне, заваливаясь на бок, а наши товарищи медленно окружали его, стараясь держаться на расстоянии. Зверь молотил хвостом, словно кит, производя дикий грохот, длинные острые когти отчаянно впивались во все, до чего могли дотянуться. Перед нами метался убийца, обуреваемый яростью и страхом.

Дракон вырвался, и веревка, стянувшая ему брюхо, потащила за собой обломок ствола длиной с черенок для швабры.

Дэн поступил правильно, выбрав в охотники Тима. Мой приятель оказался именно там, где надо, и сохранил спокойствие, — по крайней мере, так мне казалось. Можно ли назвать это храбростью? Не знаю: возможно, Тим просто вошел в транс. Иногда ему бывало страшно, это я точно знаю. Может быть, он и сейчас испугался, но даже если и так, он загнал свой страх так глубоко, что его было не видно. Никому, кроме меня, — слишком давно мы с ним были знакомы. Я знал этот взгляд — насмешливый и одновременно настороженный. Упрямо сжатый рот. Тим определенно испугался, но сдаваться не собирался. Окажись на его месте я — мог бы и сбежать. Кроме того, я вполне мог бы отскочить не в ту сторону в самый неподходящий момент. И Тим тоже мог ошибиться, но не от страха. Я гордился им. Наш Тим с Рэтклифф-хайвей. Тим — бесстрашный охотник. Движения его были точны и решительны. Впрочем, все они действовали решительно и отважно: и проворные, почти голые малайцы, и Дэн. Вряд ли кто-то назвал бы его элегантным, но вдруг этот крепко сбитый, невысокий мужчина вышел вперед с изяществом и грацией заправского танцора — и попытался набросить веревку с петлей на шею чудовищу.

Аркан пролетел мимо, Дэн мгновенно смотал веревку и тут же бросил ее снова. Опять промах, и еще раз. Дракон покрылся пеной, начал дергаться в конвульсиях, одновременно извергая содержимое желудка и кишечника и поливая землю прерывистыми струями мочи. На пятый раз все получилось. Петля чудесным образом зацепилась за длинную морду, скользнула дальше — и затянулась у зверя на шее. Уж не знаю, что помогло Дэну — везение или умелый расчет. Дэн раскраснелся и вспотел, сделал шаг назад, перебросил конец веревки Тиму и тут же принялся раскручивать второй аркан, готовясь к броску. Тим

отбежал к дереву и привязал к нему конец веревки, шевеля губами, будто напевая что-то или произнося молитву; глаза у него остекленели.

Думаю, на все ушло несколько минут. Чудовище все еще металось и брыкалось, но три крепкие веревки — одна на шее, одна на хвосте и одна вокруг брюха — удерживали его между деревьями. Дэн позвал нас, и мы вышли из укрытия. В длину дракон оказался не меньше девяти-десяти футов, воняло от него — хоть святых выноси. Мне иногда кажется, что в жизни меня слишком часто окружала вонь. Животное было покрыто слоем собственной блевотины и экскрементов, да и кабанья туша уже сильно подгнила. Жаркий воздух был пропитан запахом, который заставил меня вспомнить о продавцах помета из Бермондси: в галереях, где они продавали свой товар, стояли корзины, полные утрамбованного собачьего дерьма для дубления кож. От этого запаха стены трескаются, а растения вянут.

Охотники отрезали кусок веревки, на котором болтался кол, выдернутый драконом из земли. Тут уже и мы пришли на подмогу. Сердце у меня бешено колотилось, щеки горели — странное было ощущение, словно в лихорадке. У всех на лицах читались неистовство, напряжение и потрясение, мы смотрели друг на друга и смеялись в полном изумлении. Дэн пытался нас успокоить. Малайцы тоже хохотали, все мы испытали прилив какого-то безудержного веселья. Даг, как самый сильный, срубил молодое деревце, к которому мы привязали чудовище, — я больше не мог называть его драконом — в таком-то виде; мы спеленали его, словно гигантского безумного младенца, чтобы животное не слишком брыкалось и не сломало себе что-нибудь. Все тело гигантской рептилии было перемазано, да и мы успели перепачкаться с ног до головы. Связанный зверь не оставлял попыток освободиться, не в силах совладать с охватившим его ужасом. В него словно дьявол вселился. Если бы дракон сумел вырваться, он бы разорвал нас на части.

Нести его пришлось всем вместе. Наша экспедиция продолжалась уже два дня, но часть этого времени мы двигались но направлению к берегу. Тем не менее на обратный путь до корабля ушел целый день, всю дорогу мы спускались вниз по склону. Зверь буянил почти без перерыва и затихал лишь на время, когда силы оставляли его, — но лишь затем, чтобы снова начать лягаться, лязгать зубами, дергаться, точно рыба на берегу, бить хвостом, разевать пасть или трепыхаться.

Дэн шел рядом со мной. Он разъяснил мне, как мы будем загонять дракона в клетку. Делать это надо быстро, пока животное не пришло в себя, говорил он, а потом уже можно будет

снять веревки с морды и с хвоста. Аркан на брюхе придется оставить.

— Вот как мы сделаем, Джаф: загоним его головой вперед, потом я зайду в клетку и займусь его мордой, а ты освободишь хвост. Как думаешь, управишься?

— Попробую, — ответил я.

— Запомни, — предупредил Дэн, — хвост опасен не меньше головы, а может, даже и больше: он живет своей жизнью, а мозгов в нем нет. Представь, что имеешь дело с гигантской гильотиной, которая может опуститься в любую секунду. Вся сила у него в хвосте. Зайдешь в клетку, сделаешь что надо и сразу выходи. Будь готов ко всему. Напрасно не рискуй.

— Понял, — отозвался я.

Бешеный хвост, да еще и в замкнутом пространстве. Но Дэн зайдет в клетку первым и будет держать пасть (зубы, клацающие челюсти), а все остальные будут наготове. При этом предполагается, что именно я умею управляться с животными. Меня едва не разобрал смех. Дэн сообщил, что мы уже почти дошли до берега, — как он это узнал, одному Богу ведомо. Дракон начал потихоньку сдавать и уже просто висел на веревках, изредка подергиваясь. Начинало темнеть, но, благодарение богу, в небе светила полная луна; и, опять-таки благодарение богу, к нам не подошел близко ни один зверь, ни один скорпион не пробежал мимо, ни одна змея не зашипела в траве. Когда мы добрались до моря, было уже совсем темно. Малайцы побежали вперед с факелами, за ними на опушку вышли и мы. В залитой лунным светом бухте нас встретили остальные члены команды — все они устремились нам навстречу, не отрывая изумленных глаз от чудовища и невольно растягивая губы в судорожной улыбке. На лицах плясали оранжевые отсветы пламени от большого костра, разведенного на самом берегу.

Капитан Проктор запыхался и раскраснелся от возбуждения.

— Бог ты мой! — только и повторял он. — Бог ты мой!

Вслед за хозяином побежал было и Самсон, но, увидев дракона, внезапно остановился, опустил морду и залаял. Проктор схватил пса за ошейник и второй рукой зажал ему пасть.

— Я его привяжу, — еле переведя дух, пообещал он и отвел Самсона подальше.

Втащить дракона в клетку оказалось несложно. Сил сопротивляться у него уже не было. Габриэль поднял решетку, и мы затолкали зверя внутрь. Настал мой черед. Мой и Дэна. Мы подошли к дракону, чтобы снять веревки. Дэн схватил его за голову, а я — за хвост. Я ни о чем не думал: взялся за хвост, ослабил узел, быстро спустил веревку и выскользнул из клетки.

Через секунду оттуда вылез и Дэн. Габриэль опустил решетку, а Ян с Саймоном закрыли задвижки.

Раздался громкий одобрительный гул. Дракон раскинул все конечности — разом, словно кто-то воткнул в него нож, поднял голову, ничего вокруг не видя, и снова заметался с такой отчаянной силой, что мы все замерли. Видели бы вы это чудовище, как оно трепыхалось и билось до бесчувствия о стены клетки! Я молился, чтобы она выдержала натиск. Но Джо Харпер сработал на совесть. Крепкие деревянные брусья и стальные зажимы не поддались, да и дракон успел растерять свой запал. Несмотря на это, он еще добрых полчаса метался, дергался и шипел, пока наконец не впал в оцепенение и не плюхнулся на брюхо, истекая слюной, прикрыв глаза и распластав лапы и хвост. Двадцать не знающих пощады когтей сжались в невольной судороге, словно кулачки младенца, страдающего от резей в животике.

8

Пришел мой час. Тим свое дело сделал. А я, как известно, тот самый парень, который умеет обращаться с животными. Теперь я должен был постоянно находиться рядом с драконом. Я был при нем, когда мы плыли обратно в шлюпке, я втаскивал клетку на борт, я выпускал зверя в приготовленный для него загон под баковой надстройкой. Мы с Дэном отмыли его, насколько хватило терпения и сил. Свиньи начали с ума сходить от его запаха, и Уилсону с Габриэлем пришлось поместить их подальше, в кормовую часть. Очистив несчастного пленника от грязи, мы и сами вымылись дочиста, выбросили за борт грязную одежду — теперь ненужный хлам — и оделись во все свежее. Оказаться в чистоте, сухости и безопасности на борту «Лизандра». Спать в собственной койке. В прокуренном матросском кубрике. Дома. Я грезил наяву — так бывает: вроде и бодрствуешь, ходишь, разговариваешь, но на самом деле знаешь — это сон. Начинаешь думать, что ты и сам — часть одного из снов, в которых думаешь, будто проснулся, а потом начинаешь сомневаться, все становится странным, и ты понимаешь: наверное, я сплю, но сплю во сне. А потом сны наслаиваются один на другой, как годовые кольца на старом пне или полосы на стенах каменоломни, и становится страшно, после чего просыпаешься. Хотя порой я задаю себе вопрос: проснулся ли я тогда? Сны порой так похожи на реальность. Скорее всего, это и не важно. Можно сказать, что я затерялся между слоями горных пород, которые образуют те самые полосы на стенах каменоломни.

Драконий загон был величиной с небольшую комнату, в углу помещался бассейн площадью около шести футов, воду из него можно было откачивать с палубы; для кормежки зверя был предусмотрен специальный люк. Охапки соломы и зеленых веток, пересыпанных песком, защищали загон от непогоды. Мы даже положили внутрь пару валунов, чтобы зверь чувствовал себя как дома. Членам команды — всем, кроме меня, — было запрещено подходить к загону, пока дракон не освоится. Так сказал Дэн и отогнал любопытных.

— Оставьте его в покое, — велел он, — пожалейте зверя, он и так натерпелся.

Уилсон приготовил шикарный ужин из батата и лучшей солонины; мы ели и пили от пуза и сотни раз повторяли историю поимки дракона. Как бы мы ни рассказывали, все время чего-то не хватало. Чего именно? Как передать священный трепет — словно я подошел к краю гигантской ямы, заглянул в нее и увидел нечто

дикое и невыразимое и оно в ответ посмотрело на меня. У Тима с лица не сходила застенчивая улыбка, он описывал наше приключение в шутливом тоне, и по палубе разносились взрывы хохота, люди смеялись с облегчением, но в этом смехе слышалась и нотка безумия. Шум стоял такой, что все эти странные создания там, на острове, наверняка слышали нас. Слышал нас и одинокий зверь, запертый в своем загоне. Я думал о том, как ему должно быть плохо, и обещал себе, что верну его к жизни, если получится, и привезу домой, в Англию, дикое и величественное создание, которое принесет мне славу.

Той ночью я не видел снов и проснулся свежим и обновленным, словно испил из чистейшего источника.

Под взглядами нескольких дюжин пар глаз я исполнял в то утро свои обязанности по уходу за измученным пленником с некоторой заносчивостью. Рабство кончилось. Теперь мне больше не придется драить палубу и вычищать песок из порезов на ногах. Новые обязанности переводили меня на другой уровень корабельной иерархии. Другие матросы начали советоваться со мной по вопросам драконологии. Можно подумать, я что-то в этом смыслил. Поглазеть на нового пассажира хотелось всем, но я подпускал членов команды только по одному и не разрешал им подходить слишком близко к дракону, ведь он только-только утихомирился, и я боялся его побеспокоить. Зверь забился в угол и лежал там распластавшись, закрыв глаза, почти не дыша. Когда Дэн зашел к нему, дракон даже не пошевелился. На всякий случай мы держали наготове палки, но нужды в них сейчас не было. Я подумал даже, что зверь умирает. На самом деле он копил силы.

Последнее, что я запомнил, когда корабль покидал остров — надрывные крики каких-то тварей, доносившиеся из чащи.

Мы заплатили малайцам и попрощались с ними на острове Флорес, где женщины сидели, на порогах хижин и растирали коренья, а дети толпились вокруг наших шлюпок. Там был один человек с бельмом на глазу, он делал бамбуковые клетки для птиц: клетки были красивые, с куполами, прихотливо расписанные. Я часа два просидел, наблюдая, как птичий дворец обретает форму: три этажа скреплялись друг с другом деревянными гвоздиками, и каждый следующий уровень был меньше предыдущего. «Раскрасишь его потом, как остальные?» — спросил я у мастера, но он меня не понял. «Вот она, настоящая жизнь, — подумал я. — Терпение, мастерство — и на свет появляется прекрасная вещь». Так бы сидел и смотрел целый день, но работа не ждет. Мы пополнили запасы фруктов и овощей и двинулись на север через Макасарский пролив, между

островами Калимантан и Сулавеси, а оттуда — на восток, через прозрачные коралловые моря, восточные острова Филиппинского архипелага и дальше, опять на север, в сторону Восточно-Китайского моря. Первые несколько дней были жаркими и спокойными, с юга дул легкий бриз. Такого количества островов, как в этих краях, нет нигде в мире. Красота невероятная. Первую неделю я не знал никаких забот: сверкающая голубизна то поднималась вокруг меня, то опускалась, я наблюдал кровавые закаты, слушал крики птиц, рассевшихся на рангоутах, и наблюдал за зверем в загоне. Он не ел, не пил, только лежал плашмя в своем углу и пускал слюни. Я присматривал за ним, как мать за больным ребенком, пытался заманить кусочками сырого мяса и рыбы, предлагал хлеб, папайю, сыр и клецки, даже привел живого борова. Все без толку. Бедняга только таращил неподвижные пустые глаза. Единственным признаком жизни были быстрые ритмичные движения распластанного брюха, — по крайней мере, дракон продолжал дышать. Время от времени я пускал товарищей посмотреть на чудище, но большинство из них вскоре потеряло к нему всякий интерес, за исключением мистера Комеры, Скипа и капитана. И Дэна, естественно. Дэн постоянно был рядом. Комера и капитан иногда заходили время от времени, а Скипа было не отогнать от загона.

— Можно я его нарисую? — попросил он, и я разрешил.

— Это мальчик или девочка?

— Мальчик, — уверенно заявил я, хотя на самом деле понятия не имел, кого именно мы поймали. Такой большой, уродливый. В своем драконьем мире этот зверь, конечно, мог быть и нежной девушкой.

— Проснется он, по-твоему?

— Он и сейчас не спит.

— Почти не двигается.

— Погоди, еще увидишь.

— А имя у него есть?

Я рассмеялся. Как будто речь шла о домашнем питомце.

— Понятия не имею.

— Придумал, — сказал Скип, — назови его Бинго.

— Бинго?

— Ну да. Чем тебе не нравится? Хорошее имя. Эй, Бинго! Бинго!

— Это же не пес, — возразил я.

— И что с того?

«Бинго» звучало как-то глупо. Я долго пытался сопротивляться, но кличка все равно прижилась. В имени Бинго нет ни капли достоинства. Сам я никогда не называл зверя так.

— Как наш Бинго поживает? — весело интересовался капитан Проктор.

— Отлично, сэр.

— Ну и прекрасно.

— На вот, — кричал кок Уилсон Прайд, выглядывая из кубрика и протягивая мне кость, — вдруг Бинго захочет!

Но Бинго ничего не хотел.

— Как думаешь, долго он протянет? — спросил я у Дэна.

В ответ Дэн скривил губы:

— Трудно сказать.

Он привязал палку к черпаку и пробовал лить воду из ведра дракону на нос, чтобы заставить его пить, но тот даже глаз не открыл.

— Видал я случаи и похуже, — бодрился Дэн. — Грустят они, понимаешь. Ты бы и сам загрустил. Он небось думает, что умер и попал в ад. Попробуй сам, Джаф. Только не подходи слишком близко.

Страшно мне не было — дракон казался совершенно обессиленным. Я подобрался ближе, Дэн передал мне черпак. Я вылил воду зверю на нос. В ответ — ничего.

И так всякий раз. Ни единого движения. Каждый день я приходил и беседовал с ним.

— Привет, старик! Ах ты, старый, глупый драконишка, — говорил я, — может, побегаем? Чего ты хочешь, а? Знаю, тебе плохо, но мог бы разок и попытаться. — Я ослабил веревку, чтобы ему было удобнее. — Там, куда ты направляешься, ни в чем недостатка не будет, — убеждал я зверя. — Мистер Фледж — он знаешь какой богатый, жуть просто. Сумасброд, что с него возьмешь. Будет тебя холить и лелеять, ты уж мне поверь.

И по-прежнему ничего в ответ. Ничего. А потом вдруг, спустя шесть дней, мой подопечный решил утолить жажду. Я стоял футах в четырех от него, с палкой и примотанным к ней черпаком, собираясь плеснуть воды ему на морду. Дракон моргнул, выбросил желтую ленточку языка и раскрыл свою жуткую пасть, обнажив розовые десны. На секунду мелькнули острые белые зубы. От неожиданности я подпрыгнул, и это заставило зверя дернуться в мою сторону.

Я выскочил из клетки и защелкнул засов.

— Хороший мальчик! — похвалил я своего питомца, отойдя на безопасное расстояние от решетки. — Молодец!

Дракон подозрительно посмотрел на меня своими маленькими поросячьими глазками и опять застыл на весь день. Еще несколько дней без единого движения — зверь лишь следил за мной взглядом, наблюдая, как я ворошу подстилку и чищу

бассейн, не спуская, в свою очередь, глаз с него. «В конце концов, ты всего лишь животное», — рассуждал я. Весь ужас, который вызывал во мне прежде образ дракона, успел рассеяться. Я видел, как его сородичи объедали тушу, и это было страшно, но годы, проведенные у Джемрака, научили меня, что за самыми свирепыми и жуткими повадками может скрываться сложнейшая внутренняя организация, а в этом дракону было мало равных. В драконьих глазах глупости было не больше, чем в камне. В самые страшные минуты безумия эти древние глаза оставались бесстрастными, словно звезды; всезнающие, они принимали происходящее с извечной мудростью. Они знали: жизнь и смерть суть одно и то же: все та же боль и пища, борьба и умирание. И знание это было заключено в глазах дракона. Знание и вся первозданность его жизни. Глупым он не был, это точно.

Настал момент, и я понял, что зверь выживет. Он съел борова, и сделал это очень вовремя, как раз после ужина, когда вся команда высыпала на палубу. Прежде я уже приводил ему живых свиней, но дракон не обращал на них внимания. На этот раз я, как и раньше, завел борова в загон; тот подошел к кормушке и принялся рыться в овощах, но минут через десять я заметил, что мой подопечный одним глазом пристально следит за добычей. Шансов у борова не было никаких. Работая у Джемрака, я ни разу не видел, чтобы все происходило так быстро. Дракон сидел неподвижно, как скала, а потом раз — прыгнул на шесть футов, почти во всю длину своей веревки. Щелк — и боров уже в пасти. Смотреть на это было жутко. На крик жертвы, исполненный ужаса, сбежались почти все. Зверь перекусил борову шею, с жадностью заглотав его голову, всю целиком, до плеч и верхней части передних ног. Челюсти хищника раздвинулись до невозможных размеров, как у змеи, и он принялся трепать тушу, перекатывать ее из стороны в сторону и молотить ею об пол. Дракон проглотил всего борова в несколько приемов, резкими толчками запихивая его себе в нутро, с громким чавканьем. Раздались крики одобрения. Четыре-пять судорожных усилий — и из пасти уже торчали только неподвижные, к счастью, задние ноги жертвы.

Вот и весь ужин. Боров исчез, а зверь только чавкал да высовывал раздвоенный язык.

— Хороший мальчик! — похвалил его я.

Дракон отблагодарил меня коротким шипением.

— Гадость какая, — произнес Джон Коппер.

— Ничего подобного, — возразил Габриэль. — Он что, по-твоему, ножом и вилкой должен есть?

Дэн засмеялся.

— Что ж, мальчики, — он приподнял плечи и потер руки, словно уличный фокусник, — похоже, у нас все получилось. Состояние мы себе заработали.

А ведь это моя заслуга. Я сделал так, что дракон выжил. Поимка — только начало, а вот в*ы*ходить животное, чтобы оно не умерло, — совсем другое дело. Лишь теперь я позволил себе расслабиться и осознать, до чего же мне хочется домой. Домой. Оказаться на Рэтклифф-хайвей с деньгами в кармане. Возвращение героя. Купить матушке новое платье, шляпку. Чем можно удивить Ишбель? Пригласить ее в какое-нибудь модное местечко — это ей точно понравится. Угостить. Потанцевать с ней. Выпить хорошенько, рассказать о своих приключениях. Чего бы ей такого привезти? Веера, бусы и перья.

— Теперь он не пропадет, — довольно произнес Дэн. — Он не пропадет, а я смогу уйти на покой.

— Ты? На покой? — Тим с усмешкой примостился на брашпиле. — Не могу представить себе тебя в кресле у камина.

— Ха-ха, вот тут ты ошибаешься, — возразил Дэн. — У меня одно желание — дождаться конца путешествия и навсегда завязать с морем, больше мне ничего не надо.

— Вам, мистер Раймер? — с улыбкой переспросил капитан. Он стоял рядом с Рейни и Генри Кэшем.

— Мне, капитан, — подтвердил Дэн.

Мы смотрели на дракона, а он разглядывал нас, оставаясь неподвижным. Только язык высовывался и моментально исчезал.

— Старина Бинго, — произнес капитан. — Что, если его назовут драконом Раймера? Называют же животных по имени тех, кто их открыл.

— Бессмертие! — воскликнул Дэн. За ужином он успел изрядно набраться и теперь пребывал в самом благодушном настроении. — Выпьем же за это. И за жирный кусок, который заработал каждый на этой посудине. Феликс, сынок, сбегай, принеси мой стакан.

— Уж если и давать этой твари чье-то имя, то надо назвать ее в честь этого парня, — заметил мистер Рейни, указывая на меня. — Ведь это он ее выходил.

Я.

Не знаю, почему его слова так меня тронули. Рейни — единственный на корабле, кого я боялся. Именно этого человека с крупным темным лицом и беспокойным взглядом, а не капитана. Как сказал при отплытии Габриэль, наш капитан не очень-то подходил для своей роли. Я уже успел повидать других капитанов, и те всегда держались особняком — так у них принято. В отличие от Проктора. Этот разгуливал по палубе с

легкой улыбкой на веснушчатом лице в надежде всем понравиться. Иногда он отпускал шутки: «Здорово у тебя с канатами выходит, а, мистер Канатчик? Ха-ха! Да ты на все руки мастер!»

Ха-ха-ха. Это вам не Рейни. Старпом мог заставить человека замолчать одним недовольным взглядом.

И тут вдруг похвалил меня перед всеми.

Заслуженно, вообще-то. Вполне заслуженно.

«Справедливый человек мистер Рейни, — подумал я. — Вот так-то, никогда нельзя торопиться с выводами».

— Ваша правда, — согласился Дэн, приобняв меня за плечи, — Джаф у нас молодец.

Феликс принес стакан с джином, и мой наставник поднял его со словами:

— За Джафа! — И тут же залпом выпил.

— Что, правда на покой собрался? — спросил я у него, когда мы вернулись на бак. Саймон принес из кубрика скрипку и теперь настраивал ее, подкручивая колки.

— А то! — Голос у Дэна был веселый, он радостно размахивал руками. — Все проходит. Завершу свою блестящую карьеру на пике славы — доставлю это величественное создание в Англию.

Солнце зашло уже час назад, и по морю скакали странные огни.

— Это ведь будет почти как смерть? — подал голос Скип.

— В смысле?

— Если Дэн уйдет на покой.

— Смерть в жизни, жизнь в смерти. Эх, друзья мои, товарищи! — Дэн снова принялся разглагольствовать в манере плохого актера.

— Если подумать, — продолжал Скип, — мы только и занимаемся тем, что умираем.

— О чем это ты? Совсем свихнулся? — толкнул его Тим. — Можешь по-человечески объяснить?

— Главный бог мне сказал, что я не обязан ничего объяснять, — заявил Скип. — Не все должно быть понятным. И я не должен быть понятным.

— Не волнуйся, тебя и так никто не понимает, — успокоил его Тим.

— Сколько лет ты ходишь в море? — спросил я Дэна.

— Сорок три года, — ответил он не задумываясь.

Я посмотрел на его рот, обрамленный морщинами, на слегка скошенный глаз и попытался представить его салагой вроде нас с Тимом; это оказалось несложно. Дэн был из тех людей, которые с

рождения до смерти особенно не меняются.

— Как Бинго, — Скип продолжал гнуть свое, — как его прежняя жизнь на острове и теперешняя — здесь. — Саймон принялся наигрывать сонную мелодию. — Как я, когда мне было три года.

— Чушь какую-то несешь! — возмутился Тим.

— Три года, — задумчиво повторил Дэн. Он прислонился к бочке и вытянул ноги. — Этот возраст быстро проходит. А мне хочется видеть, как растут мои дети.

— На самом деле все уже умерли. Я тогдашний, дракон тогдашний, — не унимался Скип.

— Совсем чокнутый.

— Скип пытается сказать, — пояснил Дэн, раскуривая трубку и втягивая сквозь нее прозрачный воздух, — что мы все, как змеи, сбрасываем одну кожу за другой. — При мысли об этом он нарочито вздохнул, глубоко затянулся, сложил губы трубочкой и выпустил несколько колец дыма.

Позднее, пробираясь на ощупь к своей койке, я столкнулся с Габриэлем и Саймоном.

— Скипа видел? — спросил Габриэль.

— Нет.

— Сидит у старины Бинго.

— Иди посмотри, — посоветовал Саймон. — Что ты на это скажешь?

Скип не заметил нас. Он сидел по-турецки перед дверью в драконий загон и разговаривал со зверем.

— Дело не просто в темноте, — убеждал он зверя, — а в том, что она забирает твою силу. Все дело в мыслях. Именно в этом весь ужас.

Скип замолчал и принялся мычать с закрытым ртом какую-то мелодию. Получилось фальшиво. Спустя пару секунд он подытожил:

— А в тебе все может быть еще хуже. В тебе больше опыта, чем в трехлетнем мальчике, я так думаю. Интересно, сколько тебе лет?

Глаза у дракона были открыты, он абсолютно неподвижно лежал на полу, поместив огромную голову между лапами.

— Пойдем, Скип, — мягко произнес Саймон, — хватит дурить.

Скип обернулся:

— Не думайте, будто я не знал, что вы там стоите. Я все знаю.

На Формозе мы снова пополнили свои запасы. На острове был птичий рынок: мелкие пузатые птички — желтые, зеленые и

белые, по три дюжины, а то и больше, в одной коробке — хуже, чем у Джемрака. Надо было купить ту клетку — бамбуковый дворец — и посадить их туда, штуки три, чтобы было где крылья расправить. Я бы вставил внутрь крепкие ветки вместо прямых струганых жердочек — может быть, даже с листьями. Хорошая мысль. К западу от нас находился Китай, родина Яна.

— Ты где в Китае живешь? — спросил я его; мы сидели на палубе и чинили одежду, посматривая на берег. — Отсюда близко?

Ян отрицательно покачал головой:

— Далеко на юге, в Гуаньчжоу.

Волосы у него были черные, длинные, на макушке разделены пробором на две густые волны.

— Мы же мимо проходили. Тебе разве не хотелось спрыгнуть с корабля и вернуться домой?

Ян улыбнулся. Солнце выдубило кожу на его загорелом лице, и она блестела, натянутая на острые скулы.

— Еще три года — и можно домой, — сказал он. — А ты? Когда собираешься сойти на берег?

— Года через два.

— Вернусь домой богачом, если богиня позволит.

Бесконечный берег казался издалека длинной сверкающей сиреневой лентой, но вскоре он остался позади. За ним последовала цепь островов, тянущаяся на восток, в сторону японских китобойных угодий. Моря здесь так и кишели рыболовными судами и китайскими джонками, груженными солью. Когда становилось совсем жарко, дракон заползал в бассейн, но большую часть времени он проводил в полной неподвижности, слегка приподнявшись на передних лапах, и шевелился только затем, чтобы съесть птицу, рыбу или борова, которых я проталкивал сквозь отверстие в решетке. Со временем он стал есть все: оставшуюся после нашего обеда похлебку, объедки, все, что попадалось. Я никогда ему не доверял. Дракон был слишком хитер. Чистить загон приходилось вдвоем — я заходил с метлой и совком, а Дэн стоял на страже с палкой и ружьем. Хоть мы и не спускали его с привязи, все равно он был опасен. Зверь наблюдал за каждым нашим движением. Однажды он повернул голову в мою сторону, медленно, во всю ширь разинул пасть и зевнул — длилось это бесконечно, как во сне. Между верхней и нижней челюстью протянулась ниточка слюны. Затем дракон закрыл пасть, так же неторопливо. Жуткое зрелище.

Почему мы стали так сильно бояться дракона? Не так, как боятся диких животных с когтями и зубами, но так, будто перед нами было нечто большее. Тварь принесла нам неудачу. Кто

первым сказал это? Со временем все начали так говорить. Началось с болезни. Слегла вся команда, кроме Абеля Роупера и Уилсона Прайда. Одно хорошо — не все сразу. Когда на корабле все либо блюют, либо бегают в гальюн каждую минуту, от грязи и вони деваться некуда. Потом настал черед Самсона. Бедный пес! Его настигла ужасная смерть, и именно по вине дракона. До появления чудовища любимец капитана был полновластным хозяином корабля. Джо Харпер устроил целую баррикаду, чтобы пес не мог попасть в поле зрения рептилии. Но в то ужасное утро Самсон все же умудрился подобраться к клетке. Зверь, по-видимому, тут же бросился на него. Я стоял на вахте и слышал только отчаянный визг, крики и топот множества ног. Сначала я подумал, что дракон вырвался и начал есть людей, но шум быстро стих, значит, все не так уж плохо. Через час, спустившись вниз, я узнал, что пес умер. Бедняга перепугался до смерти: бежал себе, ничего не подозревая, а тут вдруг такое чудище. Самсон завизжал, рванул наверх, капитан поймал его на руки, и у пса случилось что-то вроде припадка. Это ли стало причиной смерти, или же он слишком сильно стукнулся головой о котел, пока бежал? Через двадцать минут пес испустил дух. Его зашили в саван, как настоящего моряка, и опустили труп в море, а члены команды выстроились на палубе, склонив головы. Капитан Проктор сказал короткую речь. Самсон плавал с ним двенадцать лет. Капитан подобрал его в Кадисе маленьким щенком, нескольких недель от роду, посадил к себе в карман, и так они пересекли Бискайский залив в шторм. Самсон был настоящим морским волком и предпочитал палубу суше, так что лучшей могилы, чем море, для него не найти. Джон Коппер плакал, и, когда волны сомкнулись над останками Самсона, капитан удалился к себе в каюту и не выходил до вечера.

— Время изменилось. Ты заметил? — спросил меня Скип.

Дело было вечером, после ужина. Тим, Скип и я сидели в ряд перед драконьим загоном и курили одну трубку на троих.

— Как это? — не понял Тим.

— Изменилось. Сколько времени прошло с тех пор, как мы покинули драконий остров?

— Две недели, — ответил Тим.

— Не дури.

— Несколько недель — не знаю, — скривился я. На самом деле я уже потерял счет времени. — Больше двух.

— Меня не спрашивайте, — принялся оправдываться Тим. — Я даже не знаю, где мы находимся. Такая жара стоит. Мне все равно. Я тут не самый умный.

— Намного больше двух недель.

— Об этом и речь, — сказал Скип. — Время ведет себя странно.

— Это от жары, предположил я.

— Есть вопрос. — Скип передал мне трубку. — Как будешь согревать Бинго, когда попадем в холодные широты?

— Если честно, еще не думал. Дэн знает.

— Думаешь, он спит?

— Сложно сказать. Хитрый черт.

— Он не спит, — заявил Скип.

— Ну конечно. Ты у нас все знаешь.

Скип не обратил внимания на сарказм Тима:

— Все началось, когда мы отчалили от острова. Мы стали жить по драконьему времени.

Как ни странно, я отлично понимал, что имеет в виду Скип. Он был прав, что-то действительно изменилось, будто воздух вокруг стал другим. Я пытался нащупать что-то у себя в голове и думал, что это происходит только со мной, но, когда Скип высказал свою мысль, подозрение переросло в уверенность, и я испугался.

Той ночью мне снился дом. Там были Ишбель с матушкой, парни и девушки из «Матроса», рыжая Джейн со своими товарками, и мы все шли к реке, а потом все закончилось бешеным закатом, каких никогда не бывает на берегах Темзы, закатом в алых и фиолетовых тонах, в драконьем времени. Меня разбудили крики на палубе. На море началась качка. «Не вовремя», — подумал я и снова заснул. Позже выяснилось, что Скип опять принялся за старое: Рейни нашел его крепко спящим у драконьего загона, растолкал его, обозвал ублюдком и выродком и выгнал на бак нести вахту.

Наутро мы вышли в открытый океан, и погода переменилась. Тяжелый воздух по-прежнему звенел от жары, с запада шла буря. Видно было, что приближается шквал. Что мне нравится на море — можно увидеть погоду издалека. Словно смотришь в будущее. Капитан Проктор скомандовал: «Убрать паруса!» — и мы забегали по палубе, пытаясь развернуть корабль и направить его прямым курсом. Я поспешил накрыть драконий загон брезентом, Габриэль стоял у штурвала, но приказ запоздал, и даже этот бывалый рулевой не сумел развернуть судно вовремя, так что ветер настиг нас сбоку; все вдруг смешалось, птицы и ветер кричали что есть мочи, выворачивая наизнанку свои дьявольские глотки, снасти ломались, паруса трещали по швам, мачты скрипели, и даже грот-мачта взывала о милосердии. Внутренности у меня собрались в комок и подкатили к самому горлу. Палуба накренилась, мы попадали, и я покатился, хватаясь за что попало. Голос мистера

Рейни перекрывал наши вопли, а ледяные волны перекатывались через борт с подветренной стороны. Казалось, еще немного — и все полетят за борт. «Тонем, тонем, — подумал я, — слишком низко идем, не подняться, Господи Исусе, пожалуйста!» Подветренный борт касался поверхности волн, шторм достигал затянутого тучами, разбухшего неба.

Я бежал, все бежали. Понятия не имею, что я делал. Вдруг увидел, как Мартин Ханна тянет канат, подумал, что ему нужна помощь, и принялся тянуть вместе с ним.

Наконец нам удалось поднять борт и развернуть судно. Оно помчалось по волнам, обогнав шторм.

— Молодец, Джаф, — похвалил Мартин Ханна, еле переводя дух.

Я едва знал его: высокий спокойный парень, склонный к полноте, с задумчивой улыбкой. Порой мне чудилось в нем что-то угрожающее.

— Ты тоже молодец, — отозвался я.

И вдруг крик: «Кит! Кит!»

Что за нелепость! Даже в такой ситуации капитан Проктор умудрился залезть на квартердек и орал что есть мочи:

— Свистать всех вниз! Поднять грот! Габриэль! Руль под ветер — поставить брамсели — расчистить шлюпки…

Пришлось вытаскивать запасную шлюпку с кормы. Начался дождь, волны стояли высоко. Но в такие моменты думать некогда, просто исполняешь приказы. Вскоре загремели снасти, шлюпка с плеском ударилась о воду, замелькали длинные весла. Мы зарывались носом в воду и снова выныривали. Уши болели, кожу саднило от соли, брызги слепили глаза. Ветер задувал слезы обратно. В тот день ни одного кита мы так и не поймали, только потеряли еще одну лодку. Вот и итог: два вельбота в минусе и тучи в небе — точно драконы. А настоящего дракона прижало к палубе, и он смотрел на все это безумие глазами, исполненными тайного знания, выпуская из пасти тягучую нить зеленоватой слизи, пока вокруг бушевал ад.

Я привалился к Джону Копперу.

— Господи, — во взгляде у него сквозило отчаяние, — боже ты мой. Вот бы вернуться в наш славный Гулль.

Умей я сочинять, написал бы песню: «Я хотел бы вернуться…» Многие матросские песни именно так и начинаются. «Я хотел бы вернуться на Рэтклиффский путь, Рэтклиффский путь за морями…» Не знаю, как бы я выразил все это… Что именно я сказал бы в своей самой задушевной песне? Про Рэтклифф-хайвей немало хороших песен сложено, но они все не мои. В те дни, когда бешеный ветер завывал, заливая нас взбесившимися

потоками воды, и нам приходилось привязывать себя на ночь к койкам, я пытался сочинить эту песню, но получались только небольшие отрывки:

Я хотел бы вернуться на Рэтклиффский путь,
На Рэтклиффский путь та-та,
Где пляшет девушка та-та-та-та,
Где та-та-та девушка в башмачках
Ждет меня или не ждет.

Последняя строчка мне нравилась: «Ждет меня или не ждет».

Время шло. Мы все ослепли, оглохли и онемели. Буря измотала нас вконец. Непрерывная качка. Мы привязывали себя к койкам веревками сразу в двух местах — в ногах и на уровне пояса. Из трюма поднимался запах стоячей воды. Переборки скрипели. Воздух в кубрике был спертый и вонючий. Из-за сильной качки волны перекатывались через среднюю часть «Лизандра». По палубе носило ведра, щепки и прочие предметы. Опасно. Для лова вода стояла слишком высоко. Наконец, самым неожиданным образом, наступило ясное солнечное утро, обещая спокойное плавание. Нас ждал долгий день, расцвеченный радугами, и нежная ночь с мягким стуком дождя по палубе. Затем — три бесконечных безоблачных дня, ярких невыносимо, — и мы оказались в японских водах, но не встретили ни одного кита. Неделя, две — ни одного фонтана; вахты молчали, хотя мы встречали другие корабли, беседовали с матросами — и у них добычи было предостаточно. Пришлось идти дальше, на юго-восток, в Тихий океан, в сторону экватора и нейтральных вод.

Спустя несколько дней опустилась тьма.

Семь дней в полной темноте заставили нас вспомнить о казнях египетских. И все это время солнце не появлялось у нас над головами ни на миг; день напролет над нами нависало низкое, тяжелое, пасмурное небо, мрачные черные тучи, из-за которых время от времени доносились протяжные раскаты далекого грома. Море волновалось. Дождя не было, жара стояла невыносимая. Тоскливые дни сменялись густыми, непроглядными ночами. Мы шли вперед, навстречу хорошей погоде, солнцу, новым временам. Капитан и его помощники расхаживали туда-сюда, мы травили байки и чинили старую одежду, латали паруса, мыли палубу и все шло не так, как надо. В мягком голосе океана слышалась угроза. Куда ни глянь — глухая мгла и ни намека на горизонт. При каждой удобной возможности Скип ложился на палубу поближе к дракону, смотрел на него, разговаривал с ним и слушал его. Именно слушал — так говорил он сам.

Скип был настоящий безумец. Как мне сейчас кажется, его надо было пинками гнать на бак каждый раз, когда он засыпал у драконьей клетки. Слишком мягкие порядки царили у нас на корабле, в этом все дело. Членам команды нельзя разрешать спать на палубе, где им вздумается. Какой капитан это позволит? Наш — позволял. Проктор горевал по Самсону, вспоминая, как щенком вез его в кармане через Бискайский залив, и почти не выходил из каюты. Рейни время от времени пинал Скипа, но без особого энтузиазма. И ничто не могло рассеять мглу. Был случай, когда капитан выскочил на палубу в ночной рубашке, разбуженный криками Рейни. «Поскорей бы уж эта проклятая тварь исчезла с моего корабля», — в сердцах произнес он, и Дэн Раймер, с лицом серым, как небо над нашими головами, сообщил, что вводит новое правило и теперь никому, кроме него и меня, не позволено подходить к дракону — как это было раньше. Глаза у него при этом стали чужими и холодными. Я уже и не помнил, когда это правило, установленное изначально, перестало соблюдаться. Верно сказал Скип: время изменилось. Оно перестало идти как положено. Словно в голове у меня произошло землетрясение, и я перестал понимать, в чем можно быть уверенным, а в чем — нет. Все голоса звучали приглушенно и будто бы издалека.

Скипу больше не позволяли навещать дракона, но это ничего не изменило: парень все равно продолжал с ним разговаривать. Нам он объяснял, что никакими словами нельзя описать, каким образом они беседуют, но порой эти беседы затягивались на всю ночь. Скип не умолкал ни на минуту, все время бубнил ровным, уверенным голосом. Он говорил, что штурвал крутится то в одну, то в другую сторону потому, что дракон сошел с ума, и причиной этому клетка. Находиться в закрытом пространстве для зверя невыносимо — как и для той несчастной рыбины, которая жила в бабушкином стеклянном шаре, — вот он и обезумел. «Потому и китов нет, — заявил Скип, рисуя в своем альбоме клетки и решетки. — Чуют, что он у нас на корабле, вот и не подходят близко».

Все мы успели наслушаться россказней Скипа. С тех пор как мы вышли из Гренландского дока, он наговорил кучу подобной ереси. Какой смысл прислушиваться к нему теперь? Однако он умудрился запудрить мозги Феликсу и Биллу — нарочно или нет, я не знаю.

— Получается, — рассуждал Феликс, — будто бы корабль что-то знает. Он вроде как живой и понимает, когда на борт поднимается нечто дурное. Убийца, к примеру.

— Или демон, или…

— Да, демон. — Скип приготовился рисовать демона.

— Тогда и паруса, как щеки, надуваются.

— И корабль кричит.

Так мы и плыли в этом мороке семь темных дней и ночей. Нам начинало казаться, что он никогда не кончится. Все морские суеверия рождаются из того огромного, в миллионы миль, пространства, которое отделяет тебя от суши и от дома, напоминая о том, что ты смертен. Темное, утыканное шипами, суеверие властно ступило на палубу своим раздвоенным копытом. А уж если суеверие ступает на пустынную палубу вдали от берега, то, как поется в старинных песнях, жди беды…

Страх обуревал меня постоянно — не только в те часы, когда я спал или дремал на марсовой площадке или просто клевал носом, ощущая, как в голове разливается липкое тепло, но каждое сознательное мгновение. Невероятный, цепенящий, невидимый страх, подобный заточенному острию клинка.

— Глазищи — жуть, — пробормотал Габриэль.

Мы сидели за столом в кубрике, и на лицо ему падал свет фонаря.

У дракона слезла кожа вокруг глаз, и от этого он выглядел еще страшнее.

— На статую похож, — произнес Саймон Фаулер, скручивая бечевку, — будто неживой совсем.

— Мерзость какая, — вставил Джо Харпер.

— Не нравится он мне, — присоединился Ян, — сидит там и смотрит на нас своим нехорошим взглядом.

— Корабль знает, — сказал Билл Сток. — Тут уж ничего не попишешь: корабль знает.

Теперь об этом судачили уже не только Скип, Билл Сток и Феликс с Дагганом, но и почти все члены команды.

— Страшная, злобная, мерзкая тварь.

— Надо эту гадость сварить и съесть к чертям собачьим.

А Скип со своей всезнающей улыбкой только повторял:

— Он хочет вернуться домой. Ничего не может с собой поделать. Он жил на своем острове, как заведено, а тут вдруг небо упало на землю, и теперь он лежит и страдает в клетке и сходит с ума, да еще вы съесть его собираетесь. Может, так и стоит сделать. Лучше будет, если он помрет. Милосерднее. Мы с ним поступаем хуже, чем с китами, вот что я скажу.

— На вкус он, наверное, гадость редкая, — заметил Тим. — Я лично не притронусь.

— Может оказаться ядовитым, — предположил Билл Сток. — Бывают же ядовитые жабы, змеи. Вы на язык его посмотрите. Пакость!

Дракон стал для нас символом неудачи. Кое-кто верил, что он действительно принес нам невезение, а кто-то считал, что это лишь дьявольское наваждение. Теперь против нас была не только тьма, но и страх, который смотрел на нас теми самыми черными глазками-бусинами с белой обводкой. Думая сейчас о Скипе, я не могу сказать, насколько точны мои воспоминания. Дело было давно. Помню, он был сильным гребцом; лицо круглое, шапка темных волос, вечная улыбка, щуплый, застенчивый, глаза прищурены, всегда настороже, напряженный. Как мне теперь кажется, остальные члены команды его не очень-то замечали. Но именно он положил начало всеобщему помешательству, он и демоны с раздвоенными копытами, нарисованные в его гнусном альбомчике. Уверен, именно он запалил тлеющий огонек страха, который не погас, даже когда тьма расступилась и мы смогли плыть дальше. На горизонте по-прежнему не было видно ни одного кита, а дни были похожи один на другой как две капли воды. Кое-что я помню отчетливо. Например, как мы сидели в кубрике и Габриэль сообщил нам:

— Сказывают, там, дальше, есть нехорошее место.

— Мелких-то не пугай, — улыбнулся Сэм.

— Про это все знают.

— Не все, — подал голос я.

Габриэль перевел взгляд на меня:

— Не знаешь? Это такое место, где происходят странные вещи. Там, где «Эссекс» пропал и другие корабли. Пр***о***клятое место в океане.

Про «Эссекс» и другие корабли известно всем. Есть такая легенда у китобоев. Даже анекдот скорее.

Дэн затянул песню:

Отправившись в плаванье, три моряка
Покинули бристольский порт,
Груз солонины и сухарей
Взяли с собой на борт.

— Был у меня один приятель — так он знавал Оуэна Коффина еще юнгой, — сказал Габриэль. — Плавал с его отцом. Оуэн был славный паренек и хороший матрос, совсем как его отец.

Пропойца Джимми, обжора Джек
И юнга Билли-малыш…

Невезучий Оуэн Коффин вытащил короткую соломинку, и его съели. Был бы находчивым, как Билли, остался бы в живых. Песню подхватили четыре или пять голосов, но нас всех клонило в сон, и дурацкая песня убаюкала нас, как колыбельная.

«Я голоден! — Джиму Джек говорит. —
Ревет в животе прибой!»
А Джимми в ответ: «Остается, друзья,
Отобедать самими собой!»[10]

— Мы сейчас как раз в тех местах проходим, — заметил Габриэль.

Я лежал на койке, и мысли об обреченном «Эссексе» не давали мне заснуть. Бедные матросы — они ведь ни о чем не догадывались. И другие матросы, и корабли — разными путями они все шли к одному и тому же, с тех пор как на воду была спущена первая лодка.

Помню долгую ночь, падающие звезды, меня покачивает, и слова никак не укладываются в строчку: «Где пляшет девушка с голубыми глазами…» Нет, не то…

Я хотел бы вернуться на Рэтклиффский путь,
На Рэтклиффский путь та-та
Где пляшет девушка…

Стоп.

Где та-та-та девушка в башмачках
Ждет меня или не ждет.
Ее башмачки алей, чем кровь, золотом кудри горят
У девушки пляшущей, что — как знать? —
Ждет меня или не ждет.

9

Безвременье, тянувшееся с того момента, когда мы сразились с драконом, подходило к концу. Сон без сна и сновидений. Вся команда расположилась на палубе и долго пила под звездами. Саймон играл что-то нежное и грустное. Помню, однажды я как-то слышал, как один парень играл на маленькой губной гармошке на набережной возле табачного дока. Музыка лилась и лилась, меняясь, как настроение. Временами она как будто поднималась по лестнице, а потом спускалась. Иногда звенела от радости. Иногда рвала сердце на части. Я стоял пьяный на топе мачты и изо всех сил старался сосредоточиться на том, чтобы продлить это состояние прозрачного и живого опьянения и не соскользнуть в сонное отупение. Чтобы сохранить остроту ума, я пытался, хоть и не слишком осмысленно, прикинуть: если бы парни там, внизу, были музыкой, как бы они звучали? Я мысленно сочинял мелодию для каждого. Для некоторых это было легко, для других трудно. Мне удалось придумать мелодии для всех, кроме Скипа: выбирая подходящий жанр, я колебался между фантазией и плачем. Нигде не испытываешь такой ясности бытия, как в океане, когда так явно и осознанно проваливаешься во внутренний водоворот, когда спишь с открытыми глазами и просыпаешься вдруг от резкого удара сердца… Внезапно меня разбудило пение — там, внизу, на палубе. Иногда казалось, что звезды в небе, вдалеке от земли, кричат. Сотни миль трубят прямо тебе в лицо. Как это было прекрасно: проснуться ночью высоко в небе, в окружении визжащих звезд! Я вздрогнул. Мне показалось, что между мной и людьми внизу миллионы миль, и я испугался, что упаду. Никогда раньше у меня не возникало таких ощущений, и я забеспокоился, что снова заболел, но через секунду в голове у меня прояснилось, а через четверть часа пробила рында, и я спустился вниз.

Внизу я первым делом увидел Джона, который шел сменить меня. За ним большими шагами, стремительный и голодный, огромной горой возвышаясь над палубой, двигался дракон, высоко подняв свои чудовищные мускулистые передние лапы и растопырив когти. Улыбка играла на его длинной, похожей на камень морде, вокруг глаз светились белые круги, отчего взгляд зверя казался мертвенным и безумным. Бледный раздвоенный змеиный язык мелькал, высовываясь на целый фут.

В этот момент я будто снова оказался на Рэтклифф-хайвей, мне было восемь лет, и на меня надвигался тигр. И то и другое —

одинаково невозможно. Но на этот раз я испугался.

Когти рептилии клацали по палубе. Я крикнул Джону: «Господи! Дракон!» Джон обернулся, издал нечеловеческий вопль — и все смешалось в вихре безумия.

Мы побежали вдоль левого борта. Дракон не отставал, слышно было, как его когти царапают доски. Остальные члены команды праздно валялись вокруг: трудно было представить себе более мирную картину, пока мы не промчались сквозь нее, преследуемые чудовищем, — и начался настоящий ад. Зверь как безумный носился по палубе, мы как безумные удирали от него. Корабль превратился в сцену кукольного театра, по которой бегали и кричали нелепо подпрыгивающие марионетки. Испещренное звездами черное небо тоже кричало. Тим вскочил на котел для вытапливания ворвани. Джо и Билл забрались на брашпиль. Еще четверо или пятеро парней нырнули в сходной люк, расположенный на баке, а остальные метались туда-сюда в полном смятении. Скрипка Саймона валялась под ногами, ее гоняли по всей палубе. Все были пьяны, дракон бушевал на свободе. Его когти заскользили по доскам, он врезался в борт корабля, по-черепашьи приоткрыл пасть, резко развернулся и яростно бросился на кучку матросов, которые тут же рванули врассыпную. Джон Коппер, Феликс, Генри Кэш, Ян. Ян кричал низким, хриплым от страха голосом. Где-то как ветер ревел мистер Рейни. Скип с круглыми от ужаса глазами показался из-за брашпиля. Мистер Комера схватил меня за плечо.

— Вставай, Джаф, — сказал он, — пойдем, поможешь мне загнать его.

Дэн Раймер, пьяный вдупель, ухмыляясь, как рождественский дед, стоял на бочке, подняв руки, словно дирижируя оркестром. Мокрые грязные патлы выбивались из-под съехавшей набок кепки. Он кричал:

— Ко мне! Ко мне! Сюда!

Я старался держаться рядом с Комерой. Вот уж кто всегда сохранял рассудок.

— Сюда, Джаф! — крикнул он.

Я совершенно не понимал, что делаю. Длинные ноги Комеры мелькнули на противоположном конце палубы.

Дракон рванулся в мою сторону, я бросился бежать и чуть не разбил себе лоб о Билли Стока, который пытался спастись тем же способом. Я слышал жалобный голос Тима, который звал: «Джаф! Джаф!» — и всхлипывания Скипа. Не знаю, что происходило на самом деле, мы все беспорядочно носились и кричали, и клацанье скользящих по палубе когтей раздавалось повсюду. Потом, помню, я бежал за Комерой мимо клетки с поднятой решеткой,

рядом с которой валялся альбом Скипа, широко раскрытый и с помятыми страницами. Комера сказал:

— Останься здесь, Джаф! Залезай на клетку и приготовься опустить решетку, когда мы загоним его внутрь.

Я запрыгнул на клетку и вдруг отчетливо осознал смысл происходящего. Мне не было видно, что творится за брашпилем, я только слышал крики, вопли и грохот. Я весь трясся, зубы стучали, и тихий голос у меня в голове повторял: «Это добром не кончится, это все очень и очень скверно, а ты не готов». Очень странно было оказаться в этот момент в полном одиночестве. Затем, совершенно внезапно, прямо передо мной появился дракон. Его грязная голова с темными провалами плоских ноздрей и слуховых отверстий была обращена вверх, круглые блестящие глаза с порозовевшими кольцами вокруг них полны коварства. В этих глазах было что-то такое, от чего у меня в горле образовался ком. Снова мелькнул раздвоенный язык, чудовище разинуло и захлопнуло вместительную пасть, поднялось на задние лапы и уцепилось огромными когтями за крышу клетки. Оно могло легко дотянуться до меня. Передние лапы были подобны толстым стволам старых деревьев, растущих с незапамятных времен. Еще раз сверкнул и исчез длинный желтый язык, и показалась огромная широкая пасть, ребристая, как стиральная доска. Ящер пристально смотрел мне в глаза, и в его холодном взгляде не было ни злобы, ни сострадания, ничего доступного пониманию. Это было совсем не то же, что встретиться взглядом с собакой, кошкой или даже тигром. В глазах рептилии я видел только полное равнодушие. Она могла бы убить меня, разорвать на части зубами, и это бы не имело никакого значения. Я значил для дракона не больше, чем выбившийся из земли зеленый росток для сжевавшей его овцы.

Появился Комера с поднятым гарпуном. Дракон оказался проворнее. Он развернулся, изогнувшись, как рыба, гарпун пролетел мимо и отскочил, звякнув о край поднятой решетки. Потом — так быстро, что я не успел понять, как это произошло, — Комера оказался лежащим на палубе, а ящер надвигался на него, лязгая зубами и брызгая слюной. Комера пытался ползти, отталкиваясь ногами, но каблуки его ботинок проскальзывали, он брыкался, но тщетно — чудовище раскрыло свою длинную крокодилью пасть и впилось зубами несчастному в ногу, чуть ниже колена. Он издал жуткий вопль, который снова привел всех в движение. Зверь тряхнул головой, отчего голова старпома резко запрокинулась назад, потом отпустил его ногу и бросился в орущую толпу. Люди тут же развернулись, словно их захватил водоворот, и пустились наутек. Я спрыгнул вниз, на палубу.

Абель Роупер присел рядом с Комерой; тот непрерывно ругался сквозь зубы. Я побежал вместе с остальными. Ужасная тварь, раскачиваясь вверх-вниз на толстых задних лапах, пробиралась обратно вдоль левого борта. Все закончилось, как всегда, внезапно. Ненависть кипучей волной обрушилась на рептилию и смыла ее за борт. Люди хлынули из люков, спустились с мачт, и я с ликованием примкнул к этому кричащему и гудящему потоку. Имя нам было легион. Мы наступали с двух сторон, чудовище было обречено. Кто-то откинул задвижки и открыл фальшборт, чтобы мы могли вытеснить ящера за борт, и рептилия полетела в воду, смешно растопырив лапы, пытаясь идти по воздуху и лягая пустоту. Потом — взрыв и дыра в черной поверхности океана, который благосклонно принял очередное подношение.

Дракон скрылся из виду.

Раздался радостный крик. Мы схватились за планширь и смотрели вниз, перегнувшись через фальшборт. Ящер, судя по всему, погрузился довольно глубоко, потому что мы успели сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем его голова, словно тяжелая колода, вынырнула на поверхность. Все опять закричали. Зверь снова нырнул, на этот раз уже сам, затем вынырнул, тряхнул могучей горбатой спиной, грациозно развернулся и поплыл, вздымая перед собой передними лапами волну, твердым курсом строго на северо-запад. Он быстро скрылся в темноте, и больше мы его не видели.

Тим держался за планширь рядом со мной, Дэн Раймер стоял позади. Он обнял нас обоих за плечи, от него пахло элем.

— Ушло наше богатство, ребята, — тихо сказал он, — уплыло.

— Как ему удалось выбраться из клетки? — взревел капитан.

— Скиптон! — Рейни схватил Скипа за плечи. — Это твоих рук дело!

— Это твоих рук дело, — повторил Скип с придурковатой улыбкой.

— Ты был там, я тебя видел. Это ты его выпустил.

— Это ты его выпустил, — снова повторил Скип.

Рейни сильно ударил его по лицу, и Скип упал.

— Эта тварь сильно покусала мистера Комеру, — сказал Сэм Проффит, появившись рядом с капитаном. — Много крови.

— Дурья башка! — Рейни пнул Скипа ботинком в бок. — Он же мог кого-нибудь сожрать. Вставай! Вставай, сучий потрох!

Все так же бессмысленно улыбаясь, Скип нетвердо поднялся на ноги, прикрывая лоб трясущейся рукой.

Лицо капитана выражало подчеркнутое спокойствие, но он еле сдерживал ярость.

— Мистер Скиптон, — сказал он, — вы подвергли опасности всю команду.

Скип рассмеялся, из его горла вырвался резкий громкий кашель. В тот же момент кровь брызнула у него из носа и закапала на палубу.

— Вы в своем уме? Вы в своем уме, мистер Скиптон? — кричал капитан. — Что вы наделали? Вы понимаете, что вы наделали? Кто-нибудь мог погибнуть из-за вас!

Скип схватился руками за нос, чтобы остановить кровь.

— Говорите, — велел капитан, — какого черта на вас нашло?

— Никакого, — ответил Скип.

— Никакого?! Никакого?! Вы совсем сошли с ума. Надо было вас высадить на берег в Кейптауне.

— Просто… — начал Скип.

Подошел мистер Комера, опираясь на Абеля Роупера. Он выглядел не так уж плохо, но штаны были все в крови.

— Мистер Комера, — сказал капитан, — этот дурень выпустил дракона.

— Зачем? — Комера посмотрел на Скипа.

— Он сам мне велел, — ответил Скип.

Рейни снова ударил его по лицу.

— Вы понимаете, насколько ценным было это животное? — спросил капитан.

— Ценным? Ценным? — Скип закричал прямо ему в лицо.

Проктор резко моргнул, и голос его стал немного выше:

— Мы сыты вами по горло, мистер Скиптон, вы провалили важнейшее предприятие. Нам удалось раздобыть новое чудо света. Мистер Рейни, заковать его в кандалы!

— С удовольствием, сэр, — ответил Рейни.

Забавно, как быстро все изменилось. Скип разрыдался и из таинственного всезнайки превратился в обычного мальчика, всхлипывающего и зовущего маму. У него все еще шла носом кровь и рыдания застревали в горле.

— Плохо дело, — сказал Абель, имея в виду ногу Комеры.

— Насколько плохо? — рявкнул Рейни.

— Очень, *очень* плохо.

— О Боже всемогущий! — Глаза Рейни, казалось, лишились всякого выражения. — Убей этого дурня.

— Что случилось? — Спокойный голос Дэна прозвучал странно, учитывая происходящее. — Что случилось, Скип?

Мистер Комера вдруг сел на палубу, Абель снял с его раны окровавленную тряпку.

— Она распухает, сэр, — сказал Абель, глядя через плечо на капитана. — Вот что меня беспокоит.

Нога мистера Комеры раздулась как сарделька.

— Боюсь, придется резать. Похоже на змеиный укус, как будто в рану попал яд.

— Боль адская, черти бы ее подрали, — выругался сквозь зубы Комера.

— Не беспокойтесь, сэр, — живо отозвался Абель. — Мы вас отнесем в трюм, срежем сапог, и скоро будете как новенький. Сэм, помоги.

— Мне казалось, что я отдал четкий приказ, — сказал Дэн. — Никто не должен подходить к клетке, кроме меня и Джафа Брауна. Почему этого парня к ней подпустили?

Я молчал. Это была моя вина, я разрешил ему порисовать у клетки.

— Подпустили?! — Проктор обернулся, взгляд его был полон ярости. — Никто его не подпускал. Именно вы, мистер Райнер, должны были обеспечить охрану столь ценного животного!

— Безусловно, если бы мы могли освободить кого-то из команды от всех прочих обязанностей на круглые сутки. Но свободных рук у нас нет, — возразил Дэн. — Приказ есть приказ, и ему надо повиноваться.

Проктор развернулся на каблуках и, описав небольшой круг, вновь оказался лицом к лицу с Дэном.

— Мистер Раймер, — сказал он, — вы и ваши ребята отвечали за состояние зверя. Теперь его нет. Поэтому именно вам придется объяснять мистеру Фледжу причины происшедшего. Что до меня, я благодарю Бога за то, что проклятая тварь покинула мой корабль. Уведите Скиптона вниз, будь он неладен.

Генри Кэш и Габриэль повели Скипа к люку. Безумец рыдал и вытирал нос рукавом. Капитан, гремя сапогами, поднялся на шканцы, где застыл в угрюмом созерцании восточных морей и провел в таком состоянии не менее часа.

Раннее утро. Небо на западе покрыл огромный полог туч, черных, сине-серых и белых. Сильное волнение на темно-сером море. На шканцах — капитан и мистер Рейни. Билли Сток — на марсе. Уилсон Прайд на камбузе размачивает сухари, Джо Харпер старательно чинит скрипку Саймона, Феликс Дагган зевает, Ян сидит на рее — в зубах нож, в руках веревка.

Первым делом Дэн сообщил нам, что мистер Комера все еще плох. Много крови потерял, по его словам. Сейчас кровь удалось остановить, и Абель вскрыл опухоль, но старпома сильно лихорадит. Сэм за ним присматривает.

— Он поправится? — спросил я.

— Думаю, да. — Дэн выглядел усталым. — Мне надо

написать рапорт. Знаешь, что мне сказал Скип?

— Что?

— Сказал, что хотел вывести дракона прогуляться по палубе.

— О господи!

— К ноге, песик, — сказал Тим и засмеялся.

— Ребята, — сказал Дэн, — не беспокойтесь, вам ничто не грозит. В конце концов, мы даже не предполагали, что нам удастся найти эту зверюгу. Вы оба проявили себя отлично. В рапорте я это подчеркну.

Дэн отправил нас чистить клетку. Она стояла пустая, с поднятой решеткой, и от ее вида мне стало грустно. На соломе остался отпечаток длинного толстого тела, валялись осыпавшиеся кусочки черных чешуек. Дракон был нечистоплотен и гадил где попало.

— Никто никогда не поверит, что мы на самом деле его поймали, — сказал Тим и засмеялся. — Никто никогда не поверит.

— Джемрак поверит, — сказал я, нагибаясь, чтобы поднять альбом Скипа. — И Фледж тоже поверит. И отправит еще одну экспедицию.

— Ты так считаешь? — Тим оперся на метлу. — А ты поедешь?

— Пока думаю, — ответил я, перелистывая страницы. Драконы, демоны, решетки. — Будет зависеть от того, как дела дома.

— Дома, — повторил Тим мечтательно. — Даже не верится.

Я хотел бы вернуться на Рэтклиффский путь,
На Рэтклиффский путь, за море…

— Похоже, мы с тобой никогда не разбогатеем, — сказал я, засовывая альбом в карман. Он с легкостью в нем поместился.

Тим засмеялся:

— На деньги мне плевать. — Он снова взялся за метлу. — Я был уверен, что умру. Я подумал: Боже, если я когда-нибудь выберусь с этого проклятого острова и доберусь до дому, я никогда ни о чем не буду больше просить… Господи, вот ведь воняет-то! И я действительно не буду ни о чем просить. Я больше в море не пойду, Джаф, а ты пойдешь, я не сомневаюсь. Не для меня это все. Я теперь глава семьи. Доберусь до дому, вернусь работать к Джемраку и не буду расстраивать маму.

— Все равно, — сказал я, — будет о чем порассказать.

— Только никто не поверит, — фыркнул Тим.

— Что мы видели драконов, которые жрали своего собрата на

острове, — напомнил я.

— Умеешь ты складно говорить, Джаф.

— Интересно, сколько он может проплыть?

— Далеко, наверное. Хотя не знаю, — ответил Тим и вздохнул: — Бедняга Скип! Сидит там внизу. Он же не виноват в том, что сумасшедший.

Я думал о драконе, отважно плывущем по морю на запад, к своему дому. Представлял себе, как он перебирает в воде упругими кривыми лапами. Сколько ему нужно проплыть? Сотни миль. Возможно, он уже мертв. Нет больше этой древней дикости и силы. Все-таки он был всего лишь животным — таким же смертным, как и другие. В зверинце у Джемрака я видел, как умирают животные. Это всегда происходит одинаково: огонь постепенно тускнеет, потом гаснет совсем. Единственным умершим человеком, которого я знал, был отец Тима, но в его случае все впечатление было такое, будто старое кресло, долгие годы стоявшее в одном и том же углу, вдруг выбросили.

— Думаешь, он уже мертв? — спросил я.

— Может быть. — Тим сгонял шваброй грязную воду на палубу. — Понятия не имею.

Мне больше нравилось думать, что дракон будет плыть дни напролет, строго на запад, время от времени вылезая на какой-нибудь островок и питаясь чем-нибудь, например рыбой, а потом плыть дальше, пока наконец не доберется до своего острова. Домой.

— Нам теперь ни одного кита не попадется, — сказал Даг Аарнассон.

Девять склянок, воздух раскалился, ни единого дуновения. Океан выглядел тревожно.

— Почему это, Даг?

— Проклятие дракона. Так говорят, — ухмыльнулся он.

— Здесь я во все что угодно готов поверить, — сказал я. — В любом случае дракона уже нет.

— Что верно, то верно. — Джон Коппер был весь мокрый от пота. — Давайте больше не поминать мерзкую тварь, а?

Билли подал сигнал с марса. Капитан закричал: «Аврал! Свистать всех наверх!» Я услышал топот бегущих ног.

Лицо Тима, глядевшего через мое плечо, вдруг приобрело выражение крайнего удивления.

— Господи, что на этот раз? — тихо произнес он.

Я обернулся.

Темный полог туч на западе, вздувшись, вскипел, и в одном месте вспыхнуло зловещее яркое пятно. От него до поверхности океана тянулась, грациозно покачиваясь, длинная белая змейка.

— Что это?

— Водяной смерч, — ответил Даг.

— Все на ют! — заорал Рейни. — Все до одного! Габриэль, на руль!

Молния раздвоенной трещиной рассекла тучу глубоко внутри.

— За работу! — Рейни гнал нас к корме. — Билли, вниз!

Смерч подходил все ближе, прекрасный призрачный вихрь скользил по воде с огромной скоростью.

— Грот на гитовы! Грот на гитовы! — кричал капитан.

Так странно: приходится прыгать и тянуть канаты, когда хочется просто молча смотреть. Я видел много чудес с тех пор, как покинул дом, но с этим ничто не могло сравниться. Казалось, смерч несся на нас, но остановился примерно в миле от судна, чтобы понаблюдать за нами. Туча будто бы высасывала море через вертящийся столб светлого тумана.

— Грота-галс травить, грота-шкот травить! — закричал капитан Проктор.

Огромное сияние полыхало, как пожар в небе.

— Хватит глазеть, мистер Линвер, за работу!

Мы развернули корабль. Смерч находился с подветренной стороны. Мне удалось рассмотреть его: у подножия водяного столба образовалось сильное волнение, сам столб сделался светлее, будто там плыл какой-то призрачный корабль. Затем смерч снова сделался похож на серебряную колонну, стоящую на серебряной базе. Он карабкался и карабкался в небо, как бобовый росток в старой сказке, как мировое древо, соединяющее землю и небо. Какого он был размера? Не знаю. Исполинского. Здесь все было исполинским.

— Марса-фалы отдай!

Потом появился второй, тоже с запада, красивый, жемчужного цвета столб, внутри его как будто поднималось бледное облако. Затем третий, он был шире в верхней части, подобно раструбу горна, и сужался книзу. То место, где он касался воды, было похоже на серое пламя. Оба новых смерча приблизились к первому. Они стояли покачиваясь, изгибаясь, победоносно крутясь с подветренной стороны «Лизандра». Я никогда в жизни не видел ничего прекраснее. Можно даже сказать, что это зрелище стоило любых испытаний. Сначала смерчи танцевали величественный придворный танец, будто три стройные девицы, свиваясь друг с другом, приближаясь к нам, удаляясь, кланяясь, сходясь, чтобы разойтись и изящно крутануться, ловкие и грациозные в каждом движении, будто нимфы или феи, но сильные, как Геркулес. Все это время мы

бегали, убирая брамсели и марсели, а рангоуты раскачивались и скрипели на ветру, который все набирал силу.

— Это возмездие, — сказал Билли, — вот что это такое.

— Пожалуй, — глубокомысленно согласился Феликс.

— Не пори чушь, — сказал Тим. — Это природное явление.

Мы аккуратно совершали поворот оверштаг. Небо на западе было черным, в складках туч что-то двигалось. До нас долетали отголоски пронзительного пения. Лицо капитана Проктора выражало беспокойство, и от этого я сам начал нервничать. Тучи содрогались от молний. Мистер Рейни шагал по палубе, выкрикивая команды, а мы летали вокруг, как привидения. Каждые несколько секунд беззвучная вспышка в небе освещала наши лица, и в этом жутковатом свете все дрожали от возбуждения.

Мы уже довольно быстро и уверенно шли прочь от этого места, когда наступила развязка. Три колонны замерли на мгновение, мелко трясясь и будто собираясь с духом, затем, одна за другой, описали широкую дугу — и снова собрались с подветренной стороны от нас, где без дальнейших церемоний самая младшая из них — и, как казалось, самая по-девичьи стройная — отделилась от остальных и помчалась прямо на нас. На невероятной скорости, с ревом она прошла у нас за кормой, не более чем в ста футах. Поднявшаяся волна яростно качнула корабль и захлестнула палубу. Нас резко развернуло. Хлопанье парусов было подобно раскатам грома. Гигантский излом молнии прорезал небо на западе. Пока мы пытались справиться с управлением, вслед за сестрой пришла вторая колонна и вихрем закрутила «Лизандр». Палуба накренилась. К звуку горного обвала, сопровождавшему второй смерч, присоединился грохот сундуков и ящиков, которые попадали в трюме один на другой, треск бьющихся на камбузе горшков и кувшинов, вой ветра в снастях и крики людей.

Но добил нас третий смерч. Пока мы пытались устоять против первых двух, он собирался с силами, засасывая гневное небо в широкий раструб, похожий на гигантский растрепанный цветок лилии. Первые два смерча уже умчались, унося с собой ветер. Мы внезапно очутились в полном штиле, онемев и затаив дыхание. Затем небо снова вспыхнуло, и третий смерч двинулся на нас. Была в нем какая-то устрашающая торжественность, непоколебимая мощь, от которых кровь застывала в жилах.

Верх его был похож на раструб горна или шляпку гриба вроде лисички, на рог изобилия, из которого, подобно пене, вырывались плотные тучи. Сам столб, похожий на могучий серый ствол дерева, из которого вырывались стрелы молний, опирался на

мерцающую темноту морской поверхности.

— Все фалы отдай! — раздалась команда, но выполнять ее было уже некогда.

Смерч набросился на нас. Впереди него с ревом шел ветер. Вообще говоря, мы должны были давно уйти от него: мы меняли галсы так быстро, что и летучая мышь не успела бы взмахнуть крылом, — но вихрь повторял все наши движения, словно играя с нами, поворачивая туда, куда мы повернули, меняя курс вслед за нами. Я был готов поклясться, что у этой штуки есть разум. Теперь я знаю, что они всегда так делают. Я разговаривал со многими моряками, которые видели подобное. Смерчи преследуют свою жертву — не знаю как, но преследуют. Впрочем, тогда я этого не знал, и смерч, неотступно следовавший за нами по пятам, пугал меня не только в физическом смысле. Меня переполнял сверхъестественный ужас, будто нас преследовало живое чудовище.

В каком-то смысле так оно и было.

Мы изо всех сил пытались уйти от смерча, но безнадежная гонка продолжалась не больше мили, после чего он настиг нас. Меня выбросило за пределы моего сознания. На секунду вокруг стало необъяснимо тихо. Я превратился в бездумный страх, без тела и разума, в брызги пены на собственном рукаве, в стремительно падающий обломок мачты, в огненную саламандру, скользящую по волнам. Я был всем этим, но не собой. Мое «я» ушло куда-то в сторону и, будто во сне, наблюдало издалека.

И в то же время я чувствовал все — и удар холодного ветра, режущего горло и обжигающего легкие, и резкие толчки перепуганного сердца в груди, и сияющий завиток теплого моря, зеленый, как ящерица, тянущийся язычком через планширь. Звук прорвался в мой мир вместе с морем. Ужасный крик боли, яростный и детский. Чей? Дьявольский рев, крики, грохот предметов, падающих вокруг меня на палубу, словно копья.

Мир завертелся, и я завертелся вместе с ним, меня швыряло и крутило, со всех сторон летели доски, чугунные котлы для вытапливания ворвани — об один из них я стукнулся коленом, отчего в груди стало жарко и я дико закричал. Я полетел вниз, и мир вокруг еще раз перевернулся, потом я потянулся, ухватился за наветренный борт и повис.

Мы оказались в безвыходном положении — как раз с нашей стороны на шкафутную палубу хлынула вода. Я видел, как Габриэля перекинуло через штурвал, а мистера Рейни закрутило и понесло Спиной вперед, и он только упирался каблуками и махал руками. Лицо его по-прежнему казалось высеченным из камня, но в глазах застыл неподдельный ужас. Уилсон Прайд

выплыл из двери камбуза. Из трюма вымыло крыс, и они проплыли мимо меня шевелящимся черным потоком. Крик все не умолкал — кому он принадлежал, я так и не понял. От этого крика закладывало уши и кровь стыла в жилах, кому-то было смертельно больно. Кому? Я успел глотнуть морской воды, она попала мне в нос и обожгла все внутри. Абель пытался не соскользнуть с верхней палубы, цепляясь за нее с криками: «Шлюпки! Шлюпки!» Сквозь водяное марево послышался густой голос капитана, громкий, как сирена. Чья-то рука схватила меня за ворот и потянула вверх.

— Не спи, Джаф! Есть чем заняться, — живо произнес Дэн и подтолкнул меня вперед.

Я увидел, как один из вельботов унесло в море, а второй расплющило о планширь и разнесло в щепки. Держась за стену, мы побрели вдоль камбуза. Под ногами творилось нечто невообразимое.

Грот-мачта рухнула с оглушительным треском, ее опрокинуло, как могучее дерево, подняло и унесло ветром, словно веточку. Последние две шлюпки были закреплены на покосившихся шканцах. «На всех не хватит», — подумал я. Даг с Тимом уже пытались отвязать канаты. У мистера Рейни вся голова была в крови. Голос капитана прорывался сквозь ветер: «Все на ют!» Лицо его было искажено, а глаза уже ничего не выражали. Саймон обрезал найтовы у второй шлюпки. В ней нашлись анкерок, мушкет и секстант, а у нас — мешок сухарей и ящик шлюпочных гвоздей. Генри Кэш появился из сходного люка в кормовой части, точно из затопленной подземной пещеры. Рубаха и штаны у него были мокрые, хоть выжимай, с ресниц капала вода, а перед собой он толкал ящик с инструментами, которым заведовал Джо Харпер. Габриэль соскочил с леера и подхватил Генри под руки, чтобы втащить его наверх, но тот собрался снова нырнуть в люк. Видно было, как он набрал в легкие побольше воздуху, чтобы продержаться еще минуту, отбросил со лба гладкие черные волосы и сильно зажмурился. Вид у него при этом стал такой, будто он мгновенно помолодел.

Кто-то продолжал истошно кричать. Но кто?

— Мистер Кэш, — голос Рейни перекрыл непрекращающийся шум, — хватит, лезьте на ют!

А капитан продолжал командовать:

— На ют! Все на ют!

— Где Сэм? — Рейни спрыгнул в воду. — Скиптона подняли?

— Да, сэр, — доложил Габриэль.

— Сэм! — не унимался Рейни. — Сэм Проффит!

Ян сбегал к нактоузу, вернулся с компасами и закинул их к

нам в шлюпку. Взгляд у него был совершенно безумный.

— Кэш! — звали хором капитан и старший помощник.

Я видел, как ребята падали и спотыкались, бегая по накренившейся кормовой части вдоль левого борта. Скип, слава богу, уже без кандалов, решил попытать счастья в нашей лодке; Абель Роупер и Мартин Ханна, Феликс и Билли — все были здесь. Джо Харпер, по-прежнему не выпуская из рук скрипку Саймона, пробирался сквозь завалы мусора, плывшего с камбуза; трупы крыс снесло на шканцы, словно стайку любопытных рыбок. А крик все не замолкал. Кто это мог быть? Под напором воды рухнул камбуз, на волю радостно выкатились бочки и запрыгали на волнах, вперед к свободе, или понеслись вниз, на палубу, и все, кто там остался, бросились врассыпную. Джо Харпера сбило с ног, и многострадальная скрипка полетела в воду следом за Джо. Генри что-то сказал Габриэлю и снова нырнул.

— Кэш! — рявкнул мистер Рейни. Кровь стекала у него по лицу, взгляд застыл, как у безумного.

— От шлюпки — никуда! — приказал нам Дэн.

Бизань-мачта подломилась у самого основания с легким треском, словно прутик, и упала, закрыв собой подтопленный кормовой люк. Габриэль босиком спрыгнул вниз и принялся изо всех сил тянуть ее вверх. Сначала он попытался ее поднять, потом — откатить в сторону, но она не поддавалась. Здоровяк Мартин Ханна, по-прежнему слегка улыбаясь, навалился всем телом, Скип тоже подоспел на подмогу, но сдвинуть мачту с места им не удалось. Генри так и не вынырнул. Вода перекинулась через транец, заливая палубу. Над затопленными люками возникали водовороты. В самом сердце корабля произошло грандиозное смещение: три или четыре сотни бочек с китовым жиром разом тронулись со своих мест с таким страшным грохотом, будто наступил конец света. В невообразимом шуме слились все звуки: гул моря, дикий свист ветра, возгласы команды, на глазах которой хрупкое деревянное суденышко — наше морское пристанище — перевернулось, точно скользкое бревно на ярмарке; качели взмыли ввысь вместе с небом.

И застряли в вышине.

Рангоуты взрезали толщу воды. Шлюпки высоко подскакивали на волнах.

— Тонем! — заорал снизу Джон Коппер, пытаясь выплыть.

Тим схватил меня за плечи. Уилсон Прайд выловил из кучи мусора топор и с безучастным выражением принялся рубить рангоуты. Габриэль тянулся за скрипкой. Дэн гонял нас из стороны в сторону. Весь мир раскололся на части.

Отвалившиеся куски корабля, кружась, исчезали вдали. Генри

Кэш остался под водой. Генри Кэш был мертв. Габриэль плакал и пытался выловить скрипку Саймона.

Тим не отпускал меня, глаза его блестели от ужаса и какого-то радостного возбуждения. Мистер Рейни дал мне хорошую затрещину:

— В шлюпку, быстро!

Мне казалось, я двигаюсь медленно, точно во сне. Я снова терял сознание, как лампа, у которой прикрутили фитиль. Я был здесь и одновременно где-то еще. Отвернись, Джаф. Отвернись и спокойно наблюдай. Избавь меня от животного страха. Освободи от него мою плоть.

Крики прекратились. Баковая надстройка ушла под воду. Она накренилась — дальше некуда. Дэн с капитаном продолжали отдавать приказы, как будто нам предстояло идти на кита; безумные перед лицом безумия, словно и обрушенные шканцы, и промокшая команда — все это было вполне в порядке вещей. И Генри Кэш, там, внизу, под палубой, под толщей воды. Мы спустили шлюпки на воду и заняли свои места. Нижние палубы скрылись под водой. У нас осталось всего две шлюпки. Маловато. В нашей сидели Рейни, Дэн и Габриэль. Ян придерживал борова. Когда мы отчалили, шлюпка накренилась, и море принялось кидать нас то вверх, то вниз, а ветер пронзительно взвыл. Мы с Тимом устроились посередине вельбота и гребли, повинуясь приказам Дэна, гребли как черти — откуда только силы взялись? Отплыв подальше, мы остановились, оперлись на весла и стали смотреть, как «Лизандр» совсем накренился и завалился набок с оглушительным хлопком и треском и фок-мачта полностью ушла под воду.

Две наши шлюпки встретились.

Корабль застыл посреди океана, как устремленная вверх заостренная скала, окруженный обломками и мусором, и круг этот постепенно расширялся. Три гигантские воронки ушли уже далеко, а наступивший штиль был подобен погружению в беспамятство. Мир заполнила тишина, сотканная из шелеста волн. Все хранили молчание. В глаза мне попала морская вода, я проморгался как следует и оглянулся. Дэн обнял нас с Тимом и шептал: «Ох, мальчики-мальчики, ох, мальчики». У Яна на лице был написан ужас: глаза блестели, уголки губ оттянулись назад так, что стало видно зубы. Лицо Габриэля ничего не выражало, только на щеках виднелись дорожки от слез. Каким-то чудом он умудрился спасти скрипку Саймона и теперь прижимал ее к широкой груди, прикрытой лохмотьями. Во второй шлюпке я увидел капитана: Проктор крепко держался за планширь, решительно выставив вперед челюсть. Остальные — Уилсон

Прайд, Даг Аарнассон, Джон Коппер, Саймон Флауэр и Скип — казались одинаково беспомощными перед совершеннейшей невозможностью происшедшего.

Но где остальные?

На торчащих из воды шканцах никого не было видно. Ни единой души. Я увидел в воде голову, но это оказался лишь один из наших боровов: он отважно боролся за жизнь и отчаянно колотил ногами.

— Саймон, у меня твоя скрипка, — сообщил Габриэль.

— Спасибо.

— Держи.

Мы передали ее по цепочке хозяину.

— Билли! — закричал Даг и вскочил, указывая в сторону корабля. — Билли! Билли Сток!

Билли лавировал между обломками рангоута, досками, намокшими кусками парусов и бочками, которые мерно покачивались на волнах; он прокладывал себе дорогу крепкими загорелыми руками, быстро приближаясь к нам. Голова его то и дело пропадала под водой. Мы схватили весла и принялись грести, чтобы подойти к нему как можно ближе. Все кричали и протягивали руки, чтобы втащить Билли на борт. Он то исчезал, то снова выныривал, не сводя глаз с какого-то невидимого предмета, находившегося примерно в дюйме от его лица. Билли плыл прямо не останавливаясь. Дэн перехватил его и затащил в лодку, вместе с Рейни они положили пловца на дно шлюпки лицом вниз и стали колотить по спине, чтобы выбить воду из легких.

— Хватит, вставай. — Дэн помог ему подняться.

Билли закашлялся и поперхнулся.

— Ничего страшного, — сказал Рейни.

Билли потерял в воде слишком много сил, и теперь их у него совсем не осталось. Он кашлял, чихал, потом начал задыхаться, из носа у него брызнула кровь. Вдруг Билли дернулся, наклонился вперед, вырвался из объятий Дэна и выплюнул ему в лицо тонкую струю зеленой слизи. Рейни подхватил Стока, удержал за плечи и заглянул ему в глаза. Странные глаза: безучастные и тревожные, неподвижные и напряженные одновременно. Кожа у него блестела.

— Мистер Сток, так не пойдет. Будь мужчиной, Билли, не сдавайся, — строго произнес Рейни.

Но глаза Билли подернулись белой поволокой и закатились, а голова откинулась назад, словно не могла удержаться на тонкой шее. Мистер Рейни опустился на колени, поддерживая голову Билли.

— Погоди, стой, мы не можем уплыть без нашего Билли, — уговаривал его Рейни.

Но Билли не двигался, а глаза его превратились в белые щелочки на смуглом лице.

— Эх, Билли, сынок, — грустно произнес Рейни.

— Он что, умер? — пронзительно вскрикнул Скип.

— Умер, — подтвердил Дэн.

— О господи!

Рейни положил покойника на дно лодки и — слава богу — закрыл ему глаза. Теперь выглядело все так, будто Билли просто уснул.

— Мистер Рейни, — раздался отчетливый и резкий голос капитана Проктора, — подойдите ближе, вас сносит.

— Он умер? — снова закричал Скип высоким девчоночьим голосом. — Это я виноват? Боже мой, господи, боже мой, он что, умер? Это я виноват?

Если из моей истории и можно извлечь урок, то он, наверное, заключается вот в чем: никогда не ходите в плавание с сумасшедшими. И еще: Габриэль как-то предупреждал меня, что море безумцам благоволит, — и я имел несчастье в этом убедиться. Скип, конечно, был не в себе. Может, поэтому нам стало казаться, будто он действительно виноват в происшедшем? А ведь именно так мы и начали думать, хотя все понимали: да, Скип выпустил дракона, но этот поступок не мог быть причиной того, что случилось потом.

— Это не твоя вина, Скиптон, — оборвал его капитан. — Как бы тебе ни хотелось в это верить, но над погодой ты не властен. Хочешь остаться в живых, ради бога, держи рот на замке. Мистер Рейни, надо поискать тех, кто выжил, и спасти все, что возможно. Нам предстоит долгий путь, но тут уж ничего не поделаешь.

Небо на горизонте потемнело. Снова задул ветер, и начался дождь, который вскоре перешел в град.

10

Поразительно, сколько всего может уместиться на обломке корабельного носа.

Как сейчас вижу товарищей по команде — странное сборище, как в старые добрые времена, а времена эти были еще вчера. Все, кто уцелел, стоят на накренившейся палубе, словно дети, с широко раскрытыми глазами, и ждут распоряжений капитана. Градины отскакивают от палубы и больно бьют по глазам.

Генри находился внизу, под досками палубы, Билли — в нашей шлюпке. Даг рассказал, что фок-мачта упала на Сэма и вода накрыла его. Саймон сообщил, что они с Абелем Роупером подняли мистера Комеру и посадили в шлюпку со шкафутной палубы, но тут накатила большая волна, и шлюпку смыло. Помотало ее как следует — правда, не разбило, — но потом унесло, а вместе с ней и Комеру, с его большим носом и улыбчивыми черными глазами. Что он почувствовал? В такой ситуации лучше всего залечь на дно лодки, отдаться на волю волн и молиться — и тогда, с определенной долей вероятности, с наступлением штиля можешь обнаружить, что остался жив.

Больше никого найти не удалось.

У мистера Рейни все лицо было в крови. Капитан Проктор полностью взял командование в свои руки.

— Корабль потерпел бедствие, — резко произнес он, щурясь от града. — Не мы первые, не мы последние. — Им овладел приступ кашля, после чего капитан смог продолжить: — Все сядем на весла и доберемся на шлюпках до берега. Который — я в этом совершенно уверен — находится в пределах досягаемости.

Град не давал нам открыть глаза.

— Некоторые из наших товарищей погибли. — Проктор вновь открыл рот, но слова не шли ему на язык; он вздохнул, закрыл на мгновение глаза, снова открыл их и облизал губы. — Мы постараемся достойно похоронить все останки, какие сумеем найти. — Взгляд у него был твердый и решительный, но в уголках глаз копились слезы. Невероятно, но капитан умудрился не потерять очки. — А теперь — за работу, — закончил он свою короткую речь.

У нас остались: ящик с инструментами (тот, что принадлежал Джо), топоры, шило и бечевка, секстант, два компаса, фонари, два пистолета и мушкет, немного пороха и два перепуганных борова. Капитан засадил Тима, Джона и меня делать новые паруса из того, что можно было подобрать. Уилсон Прайд пошел собирать остатки снастей и рубить обломки рей, а Саймон, Дэн и капитан

Проктор, при всей его неуклюжести, принялись мастерить мачту. Джо нам очень не хватало. Ян остался на вахте. Габриэль пытался выловить бочки с пресной водой. Рейни заставил Скипа прорубать отверстия в палубе, а сам спустился в трюм вместе с Дагом и начал выносить коробки с сухарями. Случившееся мы не обсуждали. Раз-два — взяли. Ничего особенного, просто очередной день плавания, делаем все как приказано. Табак весь пропал. За трубку я б душу продал. Из пальцев, истыканных иглой, сочилась кровь. Сладкий дым, что может быть лучше, — при одной мысли о табаке хотелось плакать. О куреве напоминало и дымное небо с голубыми просветами посреди черноты. Я размечтался, как маленький ребенок. Джон Коппер сшивал края небольшого савана для Билли. Град сменился теплым дождем. Во мне словно поселились несколько человек: один участвовал в удивительном приключении, другой — дрожал, подобно лучу солнца на морской глади, еще один — прибирался серым вечером во дворе у Джемрака в компании старика Кобба и Балтера…

Кобб и Балтер, господи! При неожиданной мысли о них глаза мои наполнились слезами.

— Эй, Тим, помнишь Кобба и Балтера?

Тим обернулся ко мне и улыбнулся:

— Помню, конечно. Кобб и Балтер.

— Было времечко.

— И то верно.

Какая-то часть моего «я» еще оставалась на корабле, жила в предыдущем вечере и еще не спустилась с мачты; и еще одна часть меня носилась над волнами. Мои невидимые собратья бродили и беседовали у меня в голове так, будто ничего не произошло.

— Кто такие Кобб и Балтер? — спросил Джон Коппер.

— Работали вместе с нами, — ответил Тим.

Подошел Скип.

— Смотри, нашел твои картинки. — Я протянул ему альбом с драконами, демонами, крылатыми глазами и искаженными ужасом лицами.

— Спасибо. Карандаша, правда, все равно нет, — улыбнулся Скип.

Так прошел день. Мы надстроили борта шлюпок примерно на фут по всей длине и нагрузили маленькие суденышки вещами с корабля, насколько хватило места. Сухари завернули в брезент и сложили подальше на корму, чтобы не забрызгать при гребле. В каждую шлюпку положили по две бочки с водой.

Мистер Рейни и Саймон зашили тело Билли в саван. Без

особых эмоций — работа как работа. Саймон держал саван, Рейни — тело. Лица у обоих ничего не выражали. Затем мистер Рейни переложил покойника к нам в шлюпку, мы отплыли чуть в сторону, за нами — капитанский вельбот. Лодки сблизились бортами. Дождь к тому времени уже перестал, и на небе появились первые признаки солнца.

Капитан сказал:

— Сим предаем морю тело раба Божия Уильяма Стока, нашего товарища. Прими его, Господи, и помилуй его душу. Отче наш… — И мы все подхватили слова молитвы, а я произнес про себя: «До свидания, Билли» — и вспомнил его лицо, когда парня вырвало в ведро еще в самом начале плавания: злость, а в глазах — слезы.

Мы немного помолчали. Затем мистер Рейни опустил саван в воду, и море поглотило его.

Последние минуты корабля были похожи на смерть кита. Из каждого стыка сочилась густая желтая кровь: из мертвых глаз, из сердца. Весь китовый жир, который удалось собрать с тех пор, как мы покинули Гренландский док, растекся вокруг по поверхности моря, и судно медленно уходило в него, блестя на солнце.

Конец.

Помню этот момент: вокруг — океан, над головой — небо. Слишком необъятное.

Капитан сверился с секстантом. Рейни перебрался к нему в шлюпку, где они принялись тихо совещаться. Мне казалось, они не пришли к единому мнению, но в конце концов мистер Рейни вернулся, прикусив нижнюю губу. На лице его была написана решимость. Капитан распорядился отойти от места крушения на несколько миль к юго-западу, лечь в дрейф на ночь, а утром оценить ситуацию. Слава богу, хоть дождь прекратился.

Ставьте паруса, ребята.

Нас было по шесть человек в шлюпке. В нашей на веслах: я, Тим, Дэн, Габриэль, Ян и Рейни. В капитанской: Скип, Саймон, Джон, Даг, Уилсон и сам Проктор. Мистер Рейни сидел у руля. Капитан крепко сжимал мушкет. Сделанные нами мачты устояли. Как далеко мы успели уплыть — не знаю. Ночь стояла темная, все казалось ненастоящим. Мы легли в дрейф, и я уснул, мучимый жаждой. Прежде чем расположиться на ночлег, мы выпили немного воды, но капитан сказал, что воду надо беречь: готовиться к худшему и надеяться на лучшее. Меня тошнило, сухари в горло не лезли. Спали мы жадно, отчаянно стремясь забыться. До рассвета еще было далеко, но я уже почти проснулся и принялся в уме перебирать имена членов команды, но сил не было, приходилось все время начинать сначала, и так без конца.

Кого мы недосчитались? Сэма Проффита, мистера Комеры, Феликса Даггана…

Казалось важным подумать о каждом из этих людей по очереди, вспомнить все, что я знал о них. Сэм Проффит: старый негр, водянистые глаза, коротышка. У мистера Комеры был сын, совсем еще ребенок. Феликс. Феликс Дагган. Что мне известно о нем? Ничего. Голова круглая как шар, корчит рожи. Сэм, Феликс — с этими разобрался. Мистер Комера. Билли: белые глаза. Генри Кэш: прилизанные волосы, плечи над водой — толкает перед собой ящик с инструментами. Что бы мы делали без этого ящика? Наш спаситель. Ничего о нем не знаю, да он и не нравился мне никогда, казался самоуверенным наглецом. Гладкие мокрые волосы — Генри был похож на выдру, когда нырнул в последний раз. Выглядел в ту минуту моложе своих лет. Кто следующий? Джо. Джо Харпер. Я видел, как бочка с ворванью сбила его с ног. В руках он сжимал скрипку Саймона, но ее вышибло ударом. Где он теперь? Где мистер Комера? Куда подевались Абель Роупер, Феликс Дагган, Мартин Ханна? Я перебирал в уме всех пропавших товарищей, снова и снова, будто пересчитывая овец, доказывая их существование и невозможность конца.

Вельбот — хитрая штуковина: двадцать шесть футов в длину, легкая, остроносая и быстрая посудина. Но наши выглядели жутковато: неповоротливые, залатанные вдоль и поперек, с самодельными мачтами и парусами, надстроенными бортами, перегруженные разным скарбом. Ничего нет лучше вельбота, чтобы носиться по волнам, но наши усовершенствованные шлюпки получились громоздкими и неуклюжими. Мы гребли весь день, пока солнце не село. Луна взошла на востоке.

— Видали такое? — обратил наше внимание Дэн. — Лунная радуга.

Ночная радуга раскинулась на западном горизонте, на фоне тучи. Небо под ней казалось бледным.

— Будем считать, что это доброе предзнаменование, — в голосе Рейни послышался легкий сарказм, — как радуга, которую увидел Ной.

Старпом был настроен воинственно. Над круглым блестящим левым глазом он прилепил грубый пластырь и оттирал кровь, которая постоянно просачивалась сквозь него и капала на большой синяк под нижним веком.

— Дэн, что теперь будет? — высоким задыхающимся голосом спросил я и потянул своего наставника за рукав, как маленький мальчик.

В груди болело, будто я готов был вот-вот заплакать — но не из-за того, что мы все оказались в таком положении. Скорее, это

было как-то связано с тем, как Дэн приобнял нас с Тимом, когда мы залезли в лодку, и с тем, как он вел себя все это время — словно происходящее было лишь частью повседневной рутины, чем-то совершенно обыденным.

— Не волнуйтесь, парни, — сказал он привычным тоном, — бывал я в передрягах и похуже, вы уж поверьте. Не бойтесь, домой я вас доставлю.

Он даже улыбнулся нам. *Улыбнулся.* Как будто ничего страшного не произошло. Меня вдруг потянуло к нему, словно он был матушкой или кем-то очень близким; вспомнилось, как она умела ободрить, рассказать что-нибудь веселое еще в те времена, когда мы жили в Бермондси и за стеной раздавались крики и визги. «Ты их только послушай, Джаффи, — говорила она с улыбкой, вскидывая голову, — жизнь во всей красе. Иди ко мне, давай спою тебе песенку».

Да, действительно, дела наши плохи, но мы должны справиться. Мы всегда справлялись.

— Что теперь? — переспросил Дэн. — Во-первых, как сказал капитан, будем держаться вместе. Идти под ветер. Хлеба и воды у нас в достатке — будем экономно расходовать, хватит дней на шестьдесят. А за это время мы наверняка успеем встретить какое-нибудь китобойное судно. Думаю, их тут немало ходит. Ну а в самом худшем случае дойдем до Южной Америки. Лодки у нас крепкие.

Мистер Рейни взглянул на него так, будто знал, что все это неправда.

— Не надо врать, Дэн, — сказал Тим, — мы не идиоты.

— Я не вру, — возразил Дэн и пристально посмотрел на Тима. — Ты не знаешь, о чем говоришь, а я знаю. Не теряй голову, делай, как тебе говорят, и мы все доберемся до дому.

Капитанский вельбот шел прямо по борту, и мы зажгли фонари. Нам роздали еду. Посмотрев на соседнюю шлюпку, я представил себе, каково там, и порадовался, что попал к Рейни. Здесь было безопаснее. Дэн, Габриэль и Ян знали, что делают. В капитанской шлюпке сидел Скип, со своей плоской физиономией, бессмысленной, как пустая тарелка.

— Все время будет хотеться есть, привыкайте, мальчики, — сказал Дэн.

Ломоть засохшего хлеба и два глотка воды. Боровам тоже досталось воды; надо было сохранить их в живых. Никакого табака. Никакой выпивки. Сейчас бы затянуться разок, да рому — чтобы тепло разлилось по телу. Рейни — известный любитель выпить — страдал от недостатка и того и другого. Руки у него дрожали, а в глазах читалось отчаяние. Он выглядел как человек,

который чувствует себя плохо, но пытается не обращать на это внимания. Примерно так же ощущали себя и все остальные. Мы сидели в шлюпках оцепенелые и притихшие, пока Скип, глядя на кусок сухаря в собственной руке, не произнес ошарашенно:

— Это я во всем виноват.

— Идиот, — возмутился Джон Коппер, — при чем тут ты?

— Это я, — захныкал Скип, размазывая сопли. — Я плохо себя вел.

— Может, оно и так, — сурово произнес капитан, — но теперь это уже не важно. Ешь.

— Я убил мистера Комеру. Я так его любил. Я всех убил!

— Прекратить! — рявкнул капитан.

Скип опустил голову и принялся грызть свой сухарь.

— А Билли думал, что да, — произнес он минуту спустя.

— Что он думал? — переспросил Даг.

— Что это я виноват.

— Ага. Билли жопу от пальца отличить не мог, разве нет? — заметил Тим.

— Прекратить!

Мы покачивались на россыпи волн, бок о бок в двух шлюпках, и жевали, точно стадо коров на лужайке. Поднялся резкий ветер. Челюсти терлись одна о другую, и стук костей глухим звуком отзывался в мозгу. У старого волосатого борова, невозмутимо сидевшего на привязи между Габриэлем и Яном, был большой круглый живот. Я смотрел на него и думал, как хорошо быть животным, ничего не знать и никогда не думать о том, что может случиться дальше.

— Болтливый больно был этот Билли Сток, — произнес Тим, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ага, — спустя некоторое время согласился я, что верно, то верно.

Ближе к рассвету мы один за другим, зевая и постанывая, начали влезать обратно на банки, мокрые и голодные. Ветер дул всю ночь. Боров наложил кучу. Мы получили свои порции сухарей и воды и принялись грести дальше. Слава богу, вельботы шли с трудом, и это не давало нам расслабиться. Хорошо, когда все время занят, а не бездельничаешь. Один управлялся с рулевым веслом, другой чинил, латал и вычерпывал воду. Третьему приходилось нести вахту. И так далее. Вельботы были перегружены, осадка у нас была слишком низкая, и вода частенько попадала через борт. Мы пробовали ловить рыбу, но у нас не было снастей. Габриэль принялся выстругивать копье из деревяшки, взятой с корабля.

Голод и жажда давали о себе знать. В таком состоянии мир

имеет свойство делиться на две части. Или удваиваться. То же происходило и со мной. Примолкший и ошарашенный, я был здесь и не отрываясь смотрел широко открытыми глазами на небо, на тусклое серое море, размазанные пятна туч, волны. Вся остальная моя жизнь превратилась в сон. Дела шли своим чередом, разумно и понятно. Капитан и мистер Рейни не давали нам расслабиться, заставляли следить за собой — бриться острием ножа, чистить щепочкой зубы, приглаживать волосы и читать молитвы на ночь и с утра. За молитвы отвечал Дэн. Это у него тоже получалось хорошо, как и многое другое.

— Господи Исусе Христе, ты умер за нас, — разносился над шлюпками его спокойный звучный голос, — так смилуйся же над нами в эту тяжкую годину. Взываем к тебе о помощи — двенадцать душ, унесенные в бурное море. Господи, пошли нам корабль. Аминь. Вознесем же теперь нашу молитву…

И мы читали «Отче наш»: двенадцать бормочущих мужчин склоняли головы и соединяли руки.

Шли дни.

Вести им счет не имело смысла. Еще до крушения Скип сказал, что время стало вести себя странно, и он был прав. Жизнь превратилось в сон длиной в одно мгновение — и длилась бесконечно. Когда я вспоминаю о том, что тогда чувствовал, мне кажется, будто давным-давно я действительно прожил еще одну жизнь: родился, просуществовал и умер.

— Просыпайся, Джаф.

Руки у Дэна дрожали — ему тоже недоставало выпивки.

— Тебе снился сон? — спросил он. — О чем? Кто-то преследовал тебя?

Я отрицательно покачал головой. В груди скопилась вода. Целый омут слез.

Сны. Дракон — огромнее, чем на самом деле, — вышагивает по палубе «Лизандра» на задних лапах, как человек. Я дернулся и сморгнул воду с ресниц. Первым, кого я увидел, был мистер Рейни с горящими глазами, он выплюнул в ладонь какой-то серый шар, лицо его приобрело зеленовато-желтый оттенок гниения. Оглядевшись вокруг, я не увидел капитанского вельбота.

— Они пропали! — закричал я.

— Нет-нет, — успокоил Габриэль, сидевший на руле, — вон они.

Волны перекатывались, образуя в поверхности океана глубокие расщелины. Капитанский вельбот то появлялся, то исчезал с долгими, в несколько минут, перерывами. Когда мы сумели разглядеть, что там происходит, выяснилось, что вторая шестерка тоже вычерпывает воду. Трое из нас постоянно только

этим и занимались, но все предметы в шлюпке продолжали плавать, включая несчастного борова. Мне его было очень жалко. Одному Богу известно, как бедняга представлял себе жизнь, — происходящее явно должно было казаться ему странным. К этому моменту боровы, да и мы сами уже хорошенько просолились. Вокруг пересохших губ и покрасневших глаз образовались соляные круги, а на грязной одежде появились разводы, не менее затейливые, чем узоры на скалах. Все мы превратились в водоплавающих животных. Дождь то начинался, то переставал, но это уже ничего не меняло — только лодка быстрее наполнялась водой, и приходилось всем сразу хвататься за черпаки и ритмично выплескивать эту воду за борт. Мышцы болели. Мы вычерпывали до тех пор, пока не наступала наша очередь спать, спали в воде, просыпались и вновь начинали вычерпывать ее. А я еще плакал, глупый. В моем сознании постоянно крутилась мысль о теплой постели и о камине, о запахе эля, пота и женской пудры. Мы получали свои сухари и воду. Лицо Тима — бесстрастное, непроницаемое, порой на нем даже мелькала улыбка. Море и небо — то вверх, то вниз. Мы шли не останавливаясь. Наши глаза видели одни и те же лица, день за днем, до тех пор пока мы не перестали различать друг друга и самих себя. Мы превратились в единый организм, странное существо, которое пыталось выжить, облизывало растрескавшиеся губы и не сводило воспаленных глаз с горизонта.

Однажды днем небо вдруг изменилось, после полудня установилась ясная погода. Лодки подошли ближе друг к другу.

— Господи Исусе, — сказал Тим, — ты только погляди на них.

— Мы выглядим точно так же, — заметил я.

— Как ваш хлеб? — крикнул капитан. — Наш весь намок.

— Куда ж тут денешься, — откликнулся мистер Рейни, — у нас тоже намок, но не весь.

— А у нас весь, — повторил капитан. — Как там, все справляются?

— Да, капитан, все на месте, в лучшей форме.

— Надо выложить сухари, чтобы подсохли.

Уилсон Прайд уже приступил к делу, терпеливо раскладывая намокшие куски хлеба на обрывке старого холста. Лицо его ничего не выражало.

— Боров у вас жив еще?

— Конечно. А ваш?

— В полном порядке.

У капитанского борова теперь появилась кличка: Наполеон, сокращенно Поли, — Джон Коппер придумал.

Есть мне не хотелось. Ощущения в животе были странные, но голода я не испытывал. Ежедневная порция сухарей поддерживала наши силы, но во рту и горле у меня начинало саднить. Капитан разрешил всем лишний раз глотнуть воды на ночь — это была наша первая спокойная ночь за долгое время. Случайный подарок показался настоящим чудом. Вода была теплая, я подержал ее на языке, словно в чашке, сколько мог, но она все равно впиталась.

— Эй, Скип, все путем? — спросил я.

Губы безумца изогнулись в неловкой усмешке, и он резко кивнул, словно говоря «да».

— Идем на отличной скорости, — радостно сообщил капитан. На лбу у него была большая красная болячка, похожая на третий глаз. — Мы сейчас в самом центре нейтральной китобойной зоны. Теперь все решает время, ребята. А пока у нас есть чем заняться.

Мы принялись латать щели в днище шлюпки — спасибо Джо Харперу за ящик с инструментами — и сушить все, что еще можно было высушить.

Солнце закатилось за горизонт.

Меня убаюкала тьма, а проснулся я от соли. Чертова соль. Она кристаллами выступала на кусках хлеба. Просоленные сухари жарились на солнце, выложенные ровными рядами, как товар на прилавке. Эта картина напомнила мне о доме, о торговцах, кутающихся в шарфы от холода, на руках — обрезанные перчатки. Я облизал губы — и там соль. Лизнул руку — снова соль. Везде. Разговаривая друг с другом, мы пытались наполнить рот слюной, непроизвольно двигали челюстями, чтобы было чем сплюнуть. Вокруг шлюпок резвились дельфины. Вот бы сейчас сюда мою подзорную трубу, но она пошла на дно вместе с остальным скарбом. Дельфины сопровождали нас несколько дней: жизнерадостные существа, они кружились, взбивали пену, рассыпали радугой брызги, но мы так и не сумели поймать ни одного. Безглазые морды скалились и смеялись; спустя какое-то время нас с Тимом тоже разобрал смех, и мы не могли остановиться так долго, что Дэн пообещал выкинуть нас за борт, если не заткнем свои чертовы глотки, отчего мы принялись хохотать еще громче. На сгибе левого локтя у меня появилась язва, еще одна болячка зрела сзади на шее. Я старался их не расчесывать, но это было непросто. Мы смеялись так долго, что мистер Рейни (до этого его целый день рвало, а вид у него было такой, будто внутри у него случилось кровотечение) сказал: «Дэн, стукни-ка их лбами». Дэн действительно положил нам руки на макушки и столкнул нас лбами, но не слишком сильно, после чего мы притихли, но старались не смотреть друг на друга, чтобы

снова не расхохотаться. Нам роздали воду. Особой пользы от нее не было. Язык распух, влага, только попав на него, тут же испарялась. Глубже, у основания языка и за щеками, неприятно покалывало, как будто болели уши.

— Господи, зачем я вообще отправился в это плавание?

— Затем, чтобы от меня не отстать, — ответил Тим. — Я отправился — и ты отправился.

Он был прав.

— Не мог же я допустить, чтобы вся слава досталась тебе.

— Вся слава? — загоготал Тим. — Вся слава? Ха-ха-ха-ха-ха!

— Почему мы не можем съесть борова? — спросил я у Дэна.

— Рано еще.

— А когда будет не рано?

— Когда время придет.

— И когда оно придет?

— Узнаешь.

На минуту я замолчал. Потом снова спросил:

— Когда это будет?

Габриэль фыркнул, подавив смешок. Он пытался выстругать копье из куска дерева, но тот оказался слишком коротким.

— Заткнись, Джаф! — беззлобно буркнул Дэн.

Капитан приказал рулевым свести шлюпки вместе. Приятно было снова увидеть грязные, соленые физиономии: квадратное лицо Проктора, с ввалившимися щеками; черные сверкающие глаза Уилсона Прайда; Саймона Флауэра, с его длинными каштановыми волосами, разбросанными по плечам, точно змеи; похожего на белое привидение Дага; Джона Коппера — в соплях и с красными глазами; и Скипа, который сидел на корме, обхватив себя руками, и раскачивался как маятник. Рядом с ним греб Джон Коппер.

— Я скоро с ума сойду, — признался он.

— Джону у нас тут нелегко приходится. — Лицо капитана осветила слабая улыбка.

Все уже называли друг друга только по именам, мы стали просто джонами, тимами и саймонами — за исключением мистера Рейни и Проктора, который по-прежнему оставался нашим капитаном.

— Это все он. — Джон указал большим пальцем назад, через плечо, на Скипа. — Замучил уже, хуже некуда. Всю ночь только и делает, что тычет меня в спину и говорит, будто на борту сидит сова, а совы-то никакой нету.

Мы рассмеялись.

— В чем дело, Скип? — спросил Тим.

В ответ Скип лишь покачал головой.

— Когда корабль ждать, капитан? — Габриэль шлифовал наконечник копья. — Пора бы уже.

— Я и сам бы хотел знать. Может, завтра, может, через десять минут или через неделю, а то и больше.

— А может, вообще никогда, — сказал Саймон.

— Вот именно, может, и никогда. — Капитан бросил в его сторону быстрый взгляд. — Но, по моим расчетам, мы как раз идем курсом на Чили, так что, если все сложится наихудшим образом и никакого корабля не будет, недели через три мы все равно доберемся туда. Естественно, если погода позволит. — Он оглядел нас всех и улыбнулся, пытаясь как-то подбодрить.

— Три недели… — Саймон в отчаянии опустил плечи.

— Ерунда! — резко произнес Рейни.

— В сравнении с твоей жизнью, Саймон, три недели — все равно что капля в море, — добавил капитан, подавляя зевок.

— Голова… Только бы голова так не болела, — пожаловался Джон.

— Где болит? — поинтересовался я. — У меня тоже не проходит.

— Везде.

— У меня виски тянет.

— Я больше не могу. Ужас какой-то! — В голосе Скипа неожиданно послышались слезы.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Дэн. — Можешь не можешь — выбора у тебя все равно нет.

— Он-то может, это я с ума схожу, — заметил Джон.

— У меня тоже голова болит, — сказал Скип.

— И у меня, — посетовал Ян.

— Это от солнца, — отрезал мистер Рейни.

— Верно. — Капитан, прищурившись, посмотрел в безоблачное голубое небо. — Солнце сядет через полтора часа.

— Десять дней прошло, — констатировал Даг.

— Девять, — уточнил молчавший до этого Уилсон.

— Десять.

— Девять.

— Десять, — произнес Саймон и закрыл глаза.

— Если не считать тот день, который мы провели рядом с кораблем.

— Это все от жажды. — Мистер Рейни заговорил высоким, надтреснутым голосом, точно подросток. При его внешности звучало это жутковато.

Я попытался открыть рот, но язык прилип к нёбу.

— Воды, пора уже, — подал голос Тим.

Мой глоток воды. Серебро на языке.

Капитан взглянул на небо, потом вниз, на дно лодки, где, еле дыша от жары, изнывал Поли.

— Пора резать свинью, — сказал он.

У нашего борова не было имени. Он был невозмутим до такой степени, что и ухом не повел, когда его собрат завизжал. Никто такого шума не устраивает, как свиньи. Слушать невозможно. Уилсон вытащил Поли из укрытия и повалил на бок. Боров вскинул вверх короткие ножки с копытцами и принялся лягаться. Кок удерживал тушу, а Саймон с Дагом навалились сверху и с большим трудом захватили ноги, умудрившись в одну минуту связать их, после чего улеглись поперек, чтобы животное не дергалось. Уилсон перерезал Поли горло. Боров судорожно задергался, а кровь толчками начала выливаться в ведро, которое Джон Коппер подставил под струю. Животное продолжало оглушительно визжать. Ведро наполнилось, кровь продолжала хлестать на дно шлюпки.

— Ян, держи, передай второе ведро, — велел капитан.

От запаха у меня закружилась голова — он напомнил мне, как пахло в мясной лавке через две двери от нашего старого жилища на Уотни-стрит. Утренний запах крови и рассола, свиные головы в тазу. Капитан перелил часть крови во второе ведро, зачерпнул оттуда жестяной кружкой и после секундного замешательства передал эту кружку мистеру Рейни. Тот взял ее, посмотрел на содержимое, закрыл глаза — и выпил. Капитан наполнил вторую кружку и протянул ее Джону Копперу со словами:

— Не глотай сразу все, отпивай понемногу.

Мы передавали наполненные кружки друг другу, и каждый выпил, за исключением Габриэля, которому явно было не по себе.

— Не могу, — сказал он. Глаза у него слезились.

— Ничего страшного, Габриэль, — убеждал его Дэн, — у нее и вкуса-то нет.

И действительно, кровь была почти безвкусной, но теплой и солоноватой.

— Знаю. Дайте собраться с духом.

Скип смаковал свою порцию, словно хорошее вино, задумчиво, с видом знатока. Даже глаза закрыл, когда поднес кружку к губам.

Агония борова еще продолжалась.

— Да стукните его по голове кто-нибудь, ради бога! — взмолился Джон Коппер.

— Сам и стукни, огрызнулся Саймон.

— А вот и стукну, — решительно ответил Джон, но к моменту, когда он добрался до Поли и, с трудом удерживаясь на

ногах, поднял топор, боров уже издох.

Уилсон сделал несколько глотков и приступил к разделке туши.

Кружка вновь пошла по кругу.

Кровь уже начала менять цвет, густеть, как мучная похлебка. Все мое тело затрепетало от возбуждения. Никогда еще мне так не хотелось есть. Уилсон отрезал от туши ноги и голову, рассек черную шкуру вдоль спины, запустил свои большие мясистые руки под уши, потянул — и с треском сдернул с туши два больших куска кожи. Даг подвесил их на паруса, чтобы просолились.

— Разведем огонь в нашей шлюпке, — распорядился Рейни.

— Скип, Джон, прыгайте к ним, уберите тут! — приказал капитан.

Они принялись вычерпывать кровь. Морскую, соленую кровь. Глаза у Скипа чуть не вылезли из орбит, а нижняя губа отвисла. Кишки и другие внутренности — надутые и блестящие, серые и розовые — сложили в ведро. Пахли они дерьмом. Печень была похожа на крыло, накачанное жиром. Мочевой пузырь — мягкий шар с тонкими разводами. Уилсон вскрыл его и разбрызгал мочу, чтобы отмыть лодку от крови. Мы развели небольшой костер на крышке ящика с инструментами, используя в качестве дров деревяшки, взятые с корабля. Мы пытались высушить их на солнце, но они были все еще сыроваты. Уилсон, несмотря на все дожди, умудрился сохранить запас сухих спичек. Одному Богу ведомо, где он их прятал. Тим предположил, что кок хранил спички в собственной заднице. Ну и что? Главное, чтобы костер можно было разжечь. Выпитая кровь и общее дело воодушевили всех членов команды. Во рту у меня снова появилась густая и вязкая слюна. Дэн начал насвистывать.

Мы поддерживали огонь, подсовывая в него обрывки парусины.

— Вы что делаете, мальчики? — Дэн растолкал нас в разные стороны. — Костер разводить не умеете? Полезное умение, между прочим, очень полезное. Смотрите, как делаю я.

С капитанской лодки нам передали плечо, ногу и несколько ребер. Мы накололи их на ножи и прочие инструменты и стали держать над огнем. Жир закапал в костер, пламя стало разгораться. Мясо жарили, пока хватало терпения, но слишком долго ждать мы уже не могли. Запах сводил нас с ума. В соседней лодке тоже развели огонь, насадили на палку свиную голову с пустыми глазницами и тоже поставили жариться. Солнце начало опускаться за горизонт. От костров распространялось приятное тепло, и над лодками поднимались по-домашнему уютные клубы

дыма. На парусах висели полотнища свиной кожи с мраморно-розовым рисунком и белыми кусками жира.

Уши зажарились мгновенно. Уилсон срезал их и спросил:

— Ну, кому уши?

— Разрежь пополам и раздай младшим, — ответил капитан.

Младшим — то есть Скипу, Джону, мне и Тиму. Получив свою порцию, Скип расплакался. Сидел и жевал ухо, вытирая сопли. Свиные уши — пища богов, клянусь всеми святыми. Жесткие, их можно сосать, жевать, грызть, растягивая удовольствие до бесконечности. Затем последовал хвост, он достался Саймону. Потом — ноги, и наконец я впился зубами в кусок настоящего окорока, розовый внутри. Есть его было больно. Щеки изнутри саднили хуже, чем нарывы на ногах, — те уже начали лопаться, будто маленькие вулканы. Ели мы от пуза, даже внутренности все подчистили. Оставили только шкуру да вывесили сушиться тонкие куски мяса, нарезанные полосками. Пир удался на славу. Капитан разрешил всем выпить по лишней порции воды, чтобы отпраздновать забой Поли и десятый день плавания на шлюпках.

— Знатно вышло, — к капитану вернулся его звучный, насыщенный голос, — молодцы!

У нас было достаточно пищи. Воды тоже должно было хватить надолго. Мы не пали духом и верили в грядущее спасение и Божий промысел.

Капитан прочел короткую благодарственную молитву, и все мы повторяли слова вслед за ним.

Мы были похожи на больших котов после кормежки. На небе взошла луна. Океан был прекрасен. Саймон играл на скрипке. Мы спели «Санти Анну», «Черный шар», «Низины, равнины». Ян исполнил какую-то песню на своем языке, потом Даг — тоже на своем. Джон спел самый похабный вариант «Как только денежки нам не достаются». Потом мы затянули «Кровавые розы»: в этой песне столько всего намешано, для каждого случая строчка найдется. Когда вокруг бушевал шторм и выл ветер, мы пели:

Ботинки и куртки отдали в залог,
Кровавые розы, идите на дно, кровавые розы,
Пришли к мысу Горн — продул ветерок,
Кровавые розы, идите на дно, кровавые розы…

А сейчас, сытые и довольные, с набитым брюхом, мы затянули:

Матушка пишет: милый ты мой, —
Кровавые розы, идите на дно, кровавые розы, —

так сладко, так слезливо; кто-то из нас думал о матери, которой никогда не знал, а кто-то — о тех, кто ждал его дома, или о тех, кого уже не было на свете. Даже меня воспоминания о доме, Ишбель, матушке и обо всем остальном наполняли счастьем. Не хватало только курева.

Может, завтра увидим парус на горизонте.

Увы, ни назавтра, ни в последующие дни паруса на горизонте мы так и не увидели.

— Когда-то эти моря кишели китобойными судами, — сказал мистер Рейни.

Ветер сменился на северный. Мы подъедали мясо и жир со шкур, пока они не начали приобретать странный зеленоватый оттенок. Капитан призвал нас не рисковать, и мы выкинули шкуры за борт. Пришлось снова перейти на соленые сухари и теплую воду. Вкус и запах свинины остались будоражащим чувства воспоминанием, кровь — теплым потоком жидкости в глотке. Животные соки. От воды внутри у нас становилось только суше, рот превратился в отвратительную дыру. Курс — на восток, к побережью Южной Америки. Постоянные разговоры об островах. Должны же здесь быть острова. Капитан и мистер Рейни часто совещались, склонившись над секстантом.

— Бывали времена — и трех дней не проплывешь, как встретишь китобоев, — уверял нас Рейни.

Должны быть острова, должны быть корабли.

— Оно и правда. Конец китобойному промыслу, — сказал Габриэль.

— Джаф, а что, если мы заплыли в другой мир? — беспечно спросил Тим.

— Острова-то все равно должны быть.

— А если это мир без островов? Что если это мир, в котором вообще ничего нет, только бесконечный океан?

На четвертую ночь после того, как мы съели борова, я начал думать, что мой приятель прав. Мы и правда заплыли в другой мир — в некое пространство, существующее параллельно с нашим, которое всегда рядом, но которого не видно. И состоит оно из одного только океана. Наш мир — не такой. Всем известно: в Тихом океане полно островов. И где китобойцы? Какой толк в компасах и секстанте и во всех этих совещаниях между капитаном и мистером Рейни, если они не в состоянии привести нас к какому-нибудь острову или туда, где ходят другие китобойцы?

Ночью нас разбудил Джон Коппер. Он кричал во сне: ему показалось, будто какие-то черви с острыми зубами лезут по его рукам и бокам.

— Это он! — Джон вздрогнул, словно кто-то только что вывалил на него ведро сырой рыбы. — Он меня тычет пальцем. Я так с ума сойду.

— На этот раз я тебя не трогал, — возразил Скип.

— А вот и трогал, я видел, — встрял Саймон.

— Ничего ты не видел.

— У меня сейчас голова от боли отвалится.

— Скип, у людей от тебя уже кошмары начались. — Капитан Проктор потирал глаза руками. — Ради бога, парень, соберись и прекрати это безобразие.

— Так нечестно, — подал голос Уилсон Прайд, — и неразумно. Пусть теперь с ними посидит.

— Ты прав, — согласился капитан. — Ян, поменяйся со Скипом местами.

— О господи! — Габриэль лег и закрыл лицо руками.

— Простите, капитан, но я не уверен, что это хорошая мысль, — подал голос мистер Рейни.

— Почему же? Если так и дальше будет продолжаться, люди в моей шлюпке выкинут его за борт. Надо дать им передохнуть.

— Слушаюсь, капитан, — сухо ответил Рейни, — но я за него не отвечаю.

— И не надо. Он о себе сам позаботится. Скип, надеюсь, ты слышал. Возьми себя в руки.

— Да, капитан, — покорно прогнусавил Скип, затем поднялся и полез к нам в лодку.

— Скип, ткнешь пальцем хоть одного человека — один раз — слышишь? — своими руками выкину тебя за борт, — предупредил мистер Рейни.

— Это все я виноват, — слабым голосом произнес Скип. — Все потому, что я убил дракона.

— Ты не убивал дракона! — взревел Рейни.

— Я его выпустил, и он умер.

— Откуда тебе знать, умер он или нет? — спросил Тим. — Может, он уже вернулся к себе на остров и теперь сидит там, нянчит на коленях внуков и рассказывает им про свое великое приключение на корабле с полудурками.

— Сядь наконец, Скип, и чтобы я больше тебя не слышал, — пригрозил ему Дэн.

Мистер Рейни застудил голову и слег. Глаза у него постоянно слезились, а из носа текло, как из крана.

— Еще немного, и кашлять начну. Вечно потом в грудь переходит. Близко ко мне не подходите.

А куда в шлюпке денешься?

— Помните, парни, — повторял Дэн, раздавая воду, — каждый прошедший день приближает нас к спасению.

— Твои бы слова да Богу в уши, — говорил мистер Рейни, вытирая сопли рукавом.

Мы немного попили, потом принялись вычерпывать воду и занимались этим до тех пор, пока Даг вдруг не закричал — между шлюпками в воде виднелась небольшая акула. Габриэль потянулся за копьем. Блестящие плавники — три, четыре — мелькнули и ушли под воду. Увы. Ближе подойти не получилось. Мы преследовали их, сколько хватало сил, почти час, но акулы выстроились друг за другом в одну линию и уплыли на запад. Темень накрыла нас с головой: ни луны, ни звезд. Сначала вахту должен был нести Тим, потом Дэн. Я спал. А когда проснулся, то услышал, как мистер Рейни раздраженно беседует с Габриэлем.

— Капитанский вельбот пропал, — сообщил Тим с неподдельным удивлением в голосе.

— В каком смысле?

— Исчез.

— Как! Вторая шлюпка?

— Ну.

— Как так?

— Просто, когда рассвело, их уже не было.

Я сел. Море вокруг опустело. Скип проснулся и, моргая, начал медленно подниматься. Все молчали. Что тут сделаешь? Мы выпили свою порцию воды. Мистер Рейни распрямил спину, чуть не выпав при этом за борт.

— Приляг, легче будет, — посоветовал ему Дэн.

— Как они могли исчезнуть? — озадаченно спросил Скип.

Я старался об этом не думать.

— Так и сделаю, — согласился Рейни. Лоб у него раскраснелся и покрылся потом.

— Куда они подевались?

— Молчи, Скип. — Габриэль положил руку ему на плечо. — Ответа на этот вопрос нет. Лучше не спрашивать.

— Дай-ка сюда свой нож, Габриэль, — попросил я. — Ногти надо срезать на ногах.

— Пальцы смотри не отрежь, — предупредил негр, передавая нож.

— Мы не можем их искать, — сказал Дэн. — Тут уж ничем не поможешь.

— У них остался секстант, — напомнил я, примеряясь, как

лучше резать.

— И спички, — добавил Габриэль.

— Ну и что? Куда идти, примерно понятно и без секстанта. — Дэн храбро улыбнулся. — Встречай нас, Вальпараисо, мы идем!

Скрипки будет не хватать. Я сосредоточился на пальцах ног. В глазах у меня стояли слезы. Наши товарищи остались там, на втором вельботе. Их лица всегда были обращены в нашу сторону, а на носу сидел капитан, похожий на большую сову; красавчик Ян с косыми скулами, Саймон вечно в раздумьях, немногословный Уилсон, Даг с шапкой волос цвета соломы. И несчастный, вечно чем-то обеспокоенный Джон Коппер с закушенной губой. Неужели мы никогда больше их не увидим? Они ведь не умерли, не так, как те, остальные, на корабле. И сейчас надо всех заново вспомнить, ведь забвение и есть смерть. Я отложил нож, слезы застили мне глаза. Билли Сток, Генри Кэш, Мартин Ханна, Абель Роупер, Джо Харпер, мистер Комера, Феликс. Кто еще? Сэм. Как я мог забыть про старика Сэма? Я закрыл глаза, и он сразу предстал передо мной. Стоило закрыть глаза, в воображении появлялось все: Ишбель, камин в таверне «У Менга», пенковые трубки, Уотни-стрит.

В этот день, как и во все последующие, нам пришлось идти вслепую.

— Как по-твоему, далеко еще до Чили? — спросил Тим.

— Да уж не близко, — со смехом ответил Дэн.

— Недели две, не меньше, — добавил Габриэль.

Мистер Рейни разорвал спереди рубаху; он все время нервно чесался, даже во сне; от этого на его безволосой груди образовалось нечто вроде треугольника с тремя точками красных болячек в вершинах.

Шел дождь. Все кругом было словно в потеках краски. На небе — кляксы. Струйки голубого и серого сбегали к изогнутой линии горизонта, лишь там обретая форму. Восток блестел и переливался, точно некое божество. Мистер Рейни спал. Дождь успокаивал наши раны и язвы. Мы поднимали лица к небу, подставляя их под благодатные струи, и вода лилась нам в глаза, смывала с нас пот. Пение миллионов капель сливалось в абсолютной гармонии. Вельбот стало качать и подбрасывать. Под нами перекатывались огромные волны.

— Начинается. Спустить паруса! — распорядился Дэн.

Ветер бушевал всю ночь, потом целый день и еще ночь. С лодкой мы ничего не могли поделать. Все легли на дно и сгрудились в кучу. С наступлением темноты мы вцеплялись друг в друга — кто в одежду, кто в руку, плечо, локоть. Каждые несколько минут по небу пробегали зарницы, освещая наши

мертвенно-бледные застывшие лица, с широко раскрытыми глазами.

На третье утро ветер стих и море успокоилось. Мы снова подняли паруса и успели пройти не больше часа, когда издалека вдруг донесся звук, похожий на ружейный выстрел. Тим, который дежурил на вахте, крикнул:

— Это они! Они!

Мы повскакали с мест и стали пристально вглядываться в сверкающую морскую даль.

Я ничего не мог рассмотреть.

— Вельбот! Я их вижу! — воскликнул Габриэль.

И тут мы все заметили крошечное черное пятнышко далеко на западе. Мистер Рейни достал свой пистолет и тоже выстрелил в небо. В ответ раздался едва различимый возглас.

Мы принялись кричать до боли в горле.

— Быть не может, — сказал Дэн и крепко схватил меня за плечо. Он весь дрожал — хоть и улыбался, как сумасшедший: было видно, что ему страшно. Во взгляде немигающих водянистых голубых глаз читался ужас перед тем, что должно вот-вот настигнуть нас. Мне вдруг пришло в голову, что шлюпка может оказаться полной мертвецов, занятых привычными делами. Каждый дюйм на теле у них покрыт язвами, а глаза светятся жутким мертвенным светом.

— Мистер Рейни! — приветствовал капитан.

Теперь можно уже было различить лица, привычные знакомые лица: капитан Проктор, Уилсон Прайд, Ян, Саймон, Даг и Джон. Все они улыбались.

Мистер Рейни собрался с силами и крикнул, что у нас все отлично и никто не пал духом.

Однажды, когда я нес вахту, что-то вдруг ударилось о парус и упало в лодку.

Рыба. За ней еще одна. И еще.

Настоящий дождь из рыбы.

Целая стая. Волшебные создания серебряными молниями выскакивали из моря и летели, точно буревестники. Попадались мелкие рыбешки, величиной с палец, но были и большие, почти в фут длиной. Они скользили над поверхностью воды, временами касаясь ее только затем, чтобы снова подняться в воздух. Спереди, за головой, у них были крылья, похожие на птичьи, а еще одни — смешные и маленькие — трепетали сзади, на хвосте. Примерно дюжина рыб залетела прямо в лодку: три-четыре приличных размеров и куча мелочи. Мы съели их сырыми, с дикой жадностью. Ощущение было такое, словно глотаешь куски моря.

— Видите? Вот он, Промысел Божий, — сказал Дэн, выковыривая из зубов застрявшие рыбьи кости.

— Промысел! — рассмеялся Габриэль. — Промысел может и по-другому обернуться.

— Может, — согласился Дэн, — но сейчас он на нашей стороне. Рейни, ты как? Все хорошо?

— Нет. Плохо, черт возьми. Не видно, что ли?

Глаза у него совсем вылезли из орбит. С тех пор как мы съели второго борова, у старпома начались страшные головные боли, и он постоянно тер себе лоб и за ушами. Дэн практически взял на себя обязанности шкипера. Со дня крушения прошел месяц. Дневная жара стала сменяться холодными ночами.

— Боюсь, больше мне не вынести, — задумчиво произнес Габриэль.

— У меня что-то с лицом, — сказал я и закашлялся.

— Все нормально, Джаф, — успокоил меня Тим.

— Нет.

— Нормально, я тебе говорю. — На губах у него застыла странная улыбка.

— Да, — ответил я.

Горькая, тягучая слизь приклеила язык к изнанке зубов, отчего во рту появился мерзкий привкус, вонючий, как сточные канавы в Бермондси.

— Хозяин, подать сюда кувшин лучшего вина! — Тим откровенно паясничал.

— Скоро получите свою порцию, — успокоил Дэн.

Если бы мы были в состоянии, то, наверное, пускали бы сейчас слюни.

— Помнишь, Джаф, как мы ловили рыбу под Лондонским мостом?

— Мы вдвоем и Ишбель.

— А потом жарили ее в масле, — продолжал вспоминать Тим.

— Интересно, что сейчас делает Ишбель?

— Ноги моет.

Мысль об Ишбель, моющей ноги, наполнила меня радостью.

— Думаешь?

— Уверен. Беспокоится, как мы тут.

— Она бы тоже отправилась в плавание, если бы могла.

— Это уж точно.

Мистер Рейни принялся судорожно кашлять и не мог остановиться.

— Долго не протянет, — понизил голос Тим.

Судя по всему, мой приятель был прав.

— Он будет первым, сказал я.

— Похоже на то.

Я стал зевать, пока в уголках глаз не появились слезы. Но они тут же высохли. На небе ни тучки.

— Не могу нормально глотать, стараюсь, но не могу, — пожаловался я.

— Не старайся, — посоветовал Дэн.

— Заберите меня с этого… с этого… — Габриэль глубоко вздохнул. — Надоело мне это чертово…

Рейни спал, издавая тяжелый глухой храп.

— Ему конец, констатировал Дэн. — Вот бедняга!

— Солнце вот-вот сядет, произнес Скип.

— Где остальные?

— Вон там.

Серая призрачная шлюпка следовала за нами по пятам, населенная нашими тенями с такими же запавшими глазами.

Дэн осторожно разбудил мистера Рейни. Капитанский вельбот подошел совсем близко, видно было Яна, Джона, Саймона, Уилсона и Дага. Широкая физиономия последнего была цвета мореного дерева, а волосы — белые, как ланкаширский сыр, усы, как проволока, топорщились в разные стороны. Капитан и мистер Рейни раздали нам сухари и воду.

— Ням-ням, — паясничал Тим.

— За курицей гнался, да гуся поймал… — запел Габриэль. Болячки на губах у него растрескались и превратились в сплошное кровавое месиво. Лоб блестел.

— На вот, глотни. — Дэн попытался влить воду мне в рот тонкой струйкой по пальцу. Язык удалось отлепить.

— Я искупаюсь, — заявил Скип.

— Не стоит, — предупредил Дэн, — соль на болячки попадет, будешь орать как резаный.

— Какая разница, все равно уже весь просолился, — возразил Скип. — Главное, чтоб вода холодная была, остальное не важно.

— И я, я тоже искупаюсь, — сказал Тим.

— Держитесь только за борт, — предостерег их Дэн.

Скип и Тим перелезли через борт шлюпки и погрузились в прохладное море. Видно было только, как головы качаются над водой. Забавно. Оба не знали, то ли кричать оттого, что соль разъедает раны, то ли вздыхать в исступленном восторге, ощущая, как вода охлаждает кипящую кровь, и поэтому хихикали, словно маленькие дети, поглядывая друг на друга.

— Ну и как? — спросил я.

Сам бы я тоже искупался, но у меня было такое чувство, будто стоит мне покинуть шлюпку, и назад будет уже не вернуться, поэтому я просто перегнулся через борт и опустил в

воду руки. Габриэль последовал примеру Скипа и Тима.

— Делать нечего, — оправдывался он, — иначе бы расплавился.

— Я — пас, — сказал Дэн. — Все равно солнце скоро сядет, тогда и охладимся.

Шлюпки опять сблизились. Вскоре раздался крик Скипа: он обнаружил, что днище вельбота облеплено сотнями раковин. Купальщики принялись отколупывать раковины, раскалывать пополам и набивать их содержимым рты. Тьма наступила внезапно, как и всегда. Пока зажигали фонари, слышно было только всплески и возбужденные крики. Раковинами оказались покрыты обе шлюпки. Мы передали за борт ведра, и, когда все они были наполнены, а на днищах ничего не осталось, наши ныряльщики так ослабли, что не могли самостоятельно залезть обратно в шлюпки. Они пытались то перебросить колено, то подтянуться на руках, похожие на смешных котят, карабкающихся по лестнице. Неудачные попытки вызывали у них приступы бессильного хохота. Мы тоже смеялись, затаскивая их на борт, словно тяжелые сети, а потом все вместе жевали моллюсков, или морские желуди, — как там они называются, не знаю. Поначалу хотели оставить немного про запас, но уничтожили весь улов. Только мистер Рейни отказался есть. Сказал, что слизняки ему не по вкусу. Не по вкусу! Предложи мне кто червяка — я б за него душу отдал.

— Попробуй хоть одну, — уговаривал его Дэн, — тебе на пользу пойдет.

— Дайте поспать. — Измученный болью, старпом опустил голову на планширь, подложил руки под щеку и закрыл глаза.

Интересно, как люди начинают разговаривать, когда количество слов строго ограниченно. Каждое слово на вес золота и очень много всего значит.

— Свежая была водичка, — прохрипел мистер Рейни.

Вид у него был странный: лицо и шея распухли. Дэн долго готовился что-то произнести, шевеля языком и губами, прежде чем смог выдавить из себя несколько слов:

— Ума лишился, Господи спаси.

Какое-то время дул северный ветер, и мы шли на неплохой скорости, но потом направление его поменялось, и мы стали ползти. Уж и не помню, сколько это продолжалось. Перекатывались через волны, как улитки через булыжники мостовой. Вся живность в море таинственным образом исчезла. Мы остались одни. Не хватало пронзительных птичьих криков. Рыбы тоже было не видно.

— Сколько еще? — спросил Джон Коппер. Это он про

следующую раздачу воды.

Слышно было, как капитан сглотнул:

— Еще час.

Быть не может!

Проктор кивнул.

Ян перегнулся через борт и опустил руку в море. Он что-то пробормотал, набрал в ладонь соленой воды и опрокинул себе в рот.

Рейни отрицательно покачал головой:

— Не глотай.

— Подожди, всего час, — произнес Дэн.

— Не могу, — Джон проделал то же, что и Ян.

— Но если не глотать… — начал Тим.

— Не надо.

Ян и Джон облизали губы, пытаясь увлажнить их, но тщетно.

— Пейте мочу, — еле ворочая языком, пробормотал Дэн, — это лучше.

Я уже подумывал об этом. Приберегал этот способ на крайний случай. Мы даже смеялись как-то с Тимом и Скипом над самой мыслью, что можно прибегнуть к подобному средству. Но ведь до этого не должно дойти: появится корабль или остров с родниками. Остров, корабль, видение, ангел, дьявол во плоти — кто или что угодно, только появись.

— Мальчики, мальчики мои, — донесся издалека голос Дэна, — я горжусь вами! Уж как я вас буду расхваливать, когда домой доберемся. Только продержитесь еще немного. Держитесь!

Но я уже не верил в реальность происходящего. Мы оказались вне мира, в месте, похожем на сон, где страхи способны убить и нет ничего невозможного. Я отвернулся, чтобы не видеть, как остальные держат во рту морскую воду и корчатся от боли, когда соль попадает в язвы.

— Чушь, — услышал я слова Рейни, — если не глотать, от одной горсти ничего не будет.

Я закрыл глаза. Тьма, а за ней — глубина. Вот бы сейчас услышать пение Сэма. Если постараться, можно было вызвать в памяти его голос. До странности тонкий, но иногда поразительно чистый. Силой воображения я заставлял его пропеть в моей голове старые гимны: «Господь идет по водам, Господь идет…» Он запевал снова и снова, пока слова не начинали звучать в такт волнам. Господь, пошли корабль. Господь, пошли нам дождь. Господь, пошли нам манну. Господь, пошли нам это. Господь, пошли нам то. Слова, слова, слова. В сердце осталась лишь ноющая пустота, как рана от выпавшего зуба, и еще пустое небо и море, и вечность, и присутствие товарищей, которое ничуть не

утешало.

— Тогда один раз набрать в рот. Только один.

Дэн поднес кружку к моим губам.

Набрать в рот, подержать, выплюнуть.

Смочить нёбо, хоть на секунду.

НЕ глотать.

Терпеть можно. Лучше, чем моча. Но вскоре пришлось пить и ее. Звучит омерзительно, но мочу можно глотать. Оказалось противнее, чем я ожидал. На вид было ничего, казалось, будет сладко, но ничего подобного. На вкус — как на запах, когда горшок простоит целый день, потому что кто-то забыл его вынести. По мне — резкий, горький, неприятный вкус, хотя кое-кому, похоже, противно не было. Может, у них моча оказалась вкуснее. В любом случае толку особого я не заметил: если и становилось легче, то ненадолго. Ложное облегчение, как от крепкого алкоголя: жажду утоляет, но потом только еще больше пить хочется. В общем, к моче я так и не привык, хотя, не сомневаюсь, кто-то воспринимал этот напиток иначе. У Тима, естественно, моча была золотистого цвета, и пил он ее с удовольствием. Наверняка сладкая на вкус. Дочерна загорелый, золотоволосый, из ушей тоже торчат волосы, только на тон темнее, а вокруг глаз коричневые впадины.

— Знаешь, Джаф, у меня что-то странное творится с головой, — сообщил он мне.

— Да?

— А у тебя?

Я кивнул в подтверждение.

— Саймон, сыграй что-нибудь.

— Саймон, эй, Саймон!

С соседней шлюпки послышались звуки скрипки. Веселая штука. Саймон отлично играл. Умел заставить нас смеяться или плакать. Но что могла поделать его несчастная маленькая скрипочка, голос которой звучал наперекор реву гигантского водопада, льющегося с края земли, где наше ничтожное суденышко было обречено навеки погрузиться в пучину? У мистера Рейни губы совсем пожелтели, но он все равно продолжал набирать в рот соленую воду — не мог удержаться. «Главное — не глотать», — повторял он. Он делал это чаще, чем остальные, чаще, чем можно, потому и ослаб так быстро, а еще потому, что незадолго до крушения подхватил жуткую простуду, и она спустилась ниже, в легкие. Страшно было наблюдать, как такой крепкий и здоровый человек, которого я боялся, с каждым днем теряет силы. Он уже не мог глотать, горло слиплось. Лицо судорожно подергивалось, приобретая при этом совсем

беззащитное выражение. Ноги распухли, как пузыри. Я встал, чтобы подойти и посидеть с ним. От движения голова у меня закружилась, на секунду перед глазами возникли серые облака, а сердце бешено заколотилось. О чем с ним разговаривать? Ведь я совсем не знал его. Мистер Рейни всегда казался мне человеком непростым — в этом смысле, По крайней мере, ничего не изменилось. Из уголков глаз у него сочились слезы, поблескивая в складках морщин.

Ветер стих. Время от времени кто-то из команды произносил пару слов, но я тут же забывал, что именно было сказано. Когда полагалось, я получал свою порцию воды и сухарей. Продолжал ощупывать свой подбородок, проверяя, не растет ли щетина, но ничего не росло. Один только капитан продолжал регулярно бриться. Рейни оброс, как старый пес. Лохматая борода и измученные болью глаза делали его похожим на ветхозаветного пророка. Солнце постепенно высушивало нас. Мы все превратились в соленых рыб с широко раскрытыми круглыми глазами, вытаращенными в небо. Выглядели мы примерно одинаково: изможденные и одичавшие. Сквозь истончившуюся кожу прорезались кости черепа. По плечам змеились мокрые волосы. Глаза светились нездоровым блеском. Кожа задубела и приобрела темный, коричневый оттенок, конечности превратились в шишковатые ветки, а одежда истлела.

Паруса надували свои щеки, встречая закаты и рассветы. Старшие говорили, что воду надо беречь — на всякий случай.

— Ее ведь не хватит? — спросил Саймон как бы между прочим.

— Хватит, если будем расходовать разумно.

— Скоро пойдет дождь.

— Дождь не поможет.

— Далеко еще до Чили? — поинтересовался Даг.

Капитан вздохнул в ответ:

— Зависит от погоды. Дней двадцать примерно.

Все притихли. Двадцать дней.

— Волноваться не стоит, — продолжил Проктор, — порции пока сокращать не будем. Но если в ближайшие… шесть… дней ничего не произойдет, — он делал паузы между словами, словно принимая решение на ходу, — придется сократить.

— Но если мы будем пить меньше воды — точно загнемся, — возразил Джон Коппер.

Скип обхватил голову руками и застонал.

— В чем дело, Скип?

Но он лишь качал головой и продолжал стонать, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Оставьте его в покое, если ему так лучше. Можешь стонать сколько влезет, Скип, только потише.

— Это все из-за того, что я убил дракона, — затянул Скип свою волынку, — потому-то все и случилось.

— Рехнулся.

Рейни приподнялся со дна шлюпки, оперся руками на планширь и устремил сверкающий взгляд вперед. День стоял невыносимо жаркий, палящее солнце приблизилось к зениту.

— Голову прикрой чем-нибудь, — посоветовал Дэн, но Рейни коротким жестом приказал ему замолчать.

— Тсс!

— Что такое?

— Слушай!

Ни звука.

— Что случилось?

— Ты что, не слышишь?

— Ничего не слышу.

— Джаф, а ты?

Я покачал головой, отчего в мозгу у меня загудело.

Мы все напрягли слух.

— Бедняга, — произнес мистер Рейни, и глаза его наполнились слезами. — Вот бедолага!

— Где? Где бедолага? — переспросил Скип.

Где ж ему было быть, как не в море? Ведь не в нашей же шлюпке. И не на капитанском вельботе тоже. Все выжившие члены команды оставались на своих местах. Так кто же мог взывать о помощи из воды или из воздуха?

Слезы лились у мистера Рейни по щекам.

— Господи, Господи, будь милостив, пусть это наконец закончится! — запричитал он.

В конце концов, мистер Рейни был всего лишь человек. До какого-то момента он еще сопротивлялся, но теперь сдался. Дэн уложил его обратно в лодку и стер пот с его лица.

— Ты наглотался морской воды. Не надо больше. Держи. — С этими словами он отдал мистеру Рейни собственную порцию воды, а себе оставил одну каплю, на потом. — Ты прекрати это с морской водой. Прикончит она тебя. Перестань ее глотать, и все будет хорошо.

— Верно, — согласился мистер Рейни, стуча зубами.

— Распускаться нельзя, я серьезно. Стоит дать слабину, и вот что получается. Завтра утром увидишь на горизонте корабль, точно говорю.

С юго-запада пришел шторм, и мы снова принялись вычерпывать воду — все, кроме Рейни: он остался на своем

бесполезном посту, где раньше было рулевое весло, пока во время одной из бурь его не вырвало из уключины. Старпом сидел, молча плакал и смотрел — на что? Небо прорезала вспышка молнии. Море загрохотало. «Если он умрет, — думал я, — нам достанется его порция». Рейни повернулся к нам. Море не ответило на его слезы. Он лег на дно шлюпки, разговаривая сам с собой. Несчастный то начинал радостно смеяться, то плакал, как новорожденный, и звал маму. Страшно смотреть на взрослого мужчину в таком состоянии. «Мария! Мария, Мария!» — взывал он.

— Это он жену зовет, — сказал Габриэль.

— Да, мы все думаем о наших женах, — заметил Дэн. — А у тебя есть жена?

Габриэль кивнул.

Вечером, перед самой темнотой, мистер Рейни сел, протер глаза и медленно облизнул отечные губы распухшим языком.

— Ну, — произнес он, — вот мы и приплыли.

— Приплыли, значит, — отозвался Габриэль.

Тим вложил свою руку в мою:

— Небо. — И показал глазами наверх.

Небо тускло мерцало, как бывает за секунду до наступления темноты.

— Откуда вы родом, мистер Рейни? — поинтересовался Скип.

Старпом взглянул на него, задумался на мгновение и медленно растянул губы в улыбке:

— Из Нориджа.

Тим продекламировал:

> Человечек с луны
> Упал с вышины
> И в Норидж отправился вброд.
> Он такой был голодный,
> Что овсянкой холодной
> Умудрился обжечь себе рот.[11]

— У вас там в Норидже все овсянку едят? — спросил Скип.

Мистер Рейни засмеялся, слезы вновь брызнули у него из глаз, оставляя дорожки на перепачканном лице.

— Так же, как в Дели все едят кнели, — ответил он.

Тут уже мы все расхохотались. Во второй шлюпке, наверное, подумали, будто мы просто веселимся, как бывало раньше. Но в разгар веселья мистер Рейни вдруг резко откинулся к борту, словно отброшенный гигантской рукой, после чего окончательно потерял рассудок, начал метаться, биться о планширь. Голову его

мотало с такой силой, что казалось, шея вот-вот переломится, рот раскрылся, и язык то высовывался, то проваливался внутрь, глаза были зажмурены, руки и ноги беспорядочно дергались. Его ломало так, что мне стало дурно. Смотреть на старпома в таком состоянии было невыносимо, но куда денешься: человек умирал прямо у меня на глазах, и с каждым ударом его головы о борт я зажмуривался, как при ударе молота.

Дэн и Тим подобрались к нему, но удержать не смогли.

Иссиня-белые глаза мистера Рейни выскочили из орбит и стали закатываться все дальше. Потом белки перестали блестеть, он вытянулся и умер.

11

До смерти Билли Стока я ни разу не видел, как умирают люди. Животные — сколько угодно. Но люди — ни разу. Люди, которых я знал: Билли Сток и мистер Рейни.

Шлюпки подошли ближе друг к другу. Мы зашили старпома в его же одежду — Габриэль, Скип и я. Шили молча. Последний взгляд: раскрытые губы, нахмуренные брови, тень от савана на пол-лица. Посиневшая кожа. Габриэль натянул ткань и сделал несколько стежков своей костяной иглой. Капитан произнес молитву. Дэн и Тим опустили тело в воду.

— Господи, одиннадцать душ, унесенных в бурное море…

В нашей лодке: я, Тим, Дэн, Скип и Габриэль. Во второй — шестеро: капитан, Джон Коппер, Уилсон Прайд, Даг, Саймон и Ян.

Дэн обратился к нам:

— Вы знаете, он все время тайком пил морскую воду. Вот чем это закончилось. Не делайте так, мальчики. Мы еще выпьем с вами чего-нибудь покрепче в Вальпараисо.

Мы продолжали получать свое суточное довольствие. Кружка воды и сухарь. Я пробовал растянуть свою порцию подольше. Такого голода, как вначале, я уже не испытывал, теперь все было иначе. Колики прекратились, но что-то осталось, некий фантом — так, наверное, чувствуют себя те, у кого отрезали ногу: конечности нет, но продолжаешь ощущать, как она болит, чешется и делает все, что должна делать нога. Я отковыривал крохотные кусочки от сухаря и сосал их. «Молодец, очень разумно», — думал я про себя. В отличие от Скипа: тот уминал свою долю в пять минут, а потом собачьими глазами смотрел, как я смакую свою. Тим тоже быстро разделывался с едой, а потом час или два мирно посасывал кожаную ручку весла. — И как тебе? Нравится? — спрашивал я.

— Вполне.

Так время проходило чуть легче. Глаза скользили по палубе в поисках пищи. Дерево? Может, его попробовать? Дерева кругом было завались. Надо будет Дэну сказать. Вдруг что-то получится. Потом кожа — ее у нас тоже хватает. Остались еще ботинки, у Проктора и Дэна, и ремни. Все подмокшие сухари мы съели, но сохранился запас сухих галет и достаточное количество воды. Пока. Что еще? Раковины. Надо будет нырнуть под шлюпку и посмотреть. Но я боялся лезть в воду: чувствовал себя слишком слабым и не был уверен, что смогу забраться обратно. Там, внизу, может быть что угодно. Я закрывал глаза и представлял себе жирные гребешки, белые и оранжевые, уже вынутые из раковин,

прилипшие ко дну лодки и раскачивающиеся там, словно цветы, сладкие, как те липкие китайские фрукты, что мы ели… где это было? Мясо. Тушеная жирная баранина с луком и перловкой, как готовила матушка; на поверхности — пленка жира; когда кастрюля подрагивает, дрожит и пленка. Жареная рыба — дымящиеся слои молочно-белой плоти. Толченая репа с тающим кусочком масла. Бекон прыгает и поет на сковородке, рядом возвышается круглый оранжевый купол глазуньи, грудинка уже начинает подгорать. Перловый суп, гусятина под соусом, печенка с луком, вино, пиво, джин, свиной окорок, рубец, гренки и сало. Молочный пудинг миссис Линвер, с толстой коричневой корочкой. Сладкий крем на языке. Чуть запыленные рубиновые ягоды малины. Косточки, застревающие в зубах. Надавишь — брызнет сок. Я снова на лондонской улице, перед витриной кондитерской на Бэк-лейн…

— Это я виноват, — произнес Скип.

Он повторил эту фразу столько раз, что она стала правдой. Да, думали мы. Если бы только он не выпустил дракона. Столько смертей, и во всем виноват Скип. Впрочем, зла на него мы не держали. Какой смысл? Это Бог на всех разозлился. Гром и молнии. Глупые волны. Мы везли чудовище.

— Может, заткнешься наконец? — апатично спросил Тим.

— Прости, — сказал Скип.

Так продолжалось еще три дня, пока капитан Проктор не сообщил, что придется снова сокращать довольствие. Уилсон Прайд засмеялся. До этого мне еще ни разу не доводилось видеть, чтобы наш кок по-настоящему смеялся: он хохотал во весь голос, так заразительно, будто в словах капитана было что-то ужасно забавное. Проктор отдал свой ремень. Мы собрали бесценные щепочки, чтобы развести огонь. Уилсон вырвал пару листов из альбома Скипа, чтобы поддержать пламя, и прокипятил ремень в одном из ведер в небольшом количестве воды: воду надо экономить, осторожно с водой. Запах стоял, как на дубильном дворе. Бермондси посреди океана. Кок сказал, что сам ремень есть не следует, и разлил по кружкам темную, подкопченную, горькую воду. От горячего питья в горле возникло странное ощущение. Вместе с сухарями получилось довольно сытно. Спать после такого ужина было приятно — все потом говорили. Мне было даже уютно. Теплая жидкость задержалась в животе, чудесное чувство облегчения убаюкало меня, и я поплыл по ярким удивительным мирам, которые сотнями рождались один из другого, сливались друг с другом и переплетались, вертясь в бесконечной спирали.

Посреди ночи я проснулся и услышал, как Дэн беседует с

Яном. Шлюпки были сцеплены бортами, и собеседники сидели каждый на своей корме.

— Горит прямо, — жаловался Ян.

— Где примерно?

— Здесь.

— А щиколотки как?

— Ужасно.

— Лучше не стало?

— Смотри.

Дэн наклонился. Минутная пауза, затем он тихо произнес:

— Господи Исусе.

— Видишь? — сказал Ян.

— Жаль, Абеля нет. Он разбирался в таких вещах.

— Какой по счету день?

— Сорок седьмой.

— Уверен?

— Уверен.

— Погода вот-вот переменится.

— Господи, хоть бы дождь пошел.

Дождь пошел, но лишь на следующую ночь, и мы наполнили ведра водой и пили. Сначала маленькими глотками, потом жадно хлебали, сколько влезало в глотку. Наконец-то можно попить вволю.

— Хватит, — сказал Дэн и ласково накрыл мою руку своей.

— Видишь, в самый трудный момент всегда происходит что-то хорошее.

Утром мы проснулись от протяжного плача скрипки. Саймон будто царапал смычком по струнам. Звук многострадального инструмента больше не был таким сладостным, как прежде, но в нем осталась странная прелесть, как в охрипшем человеческом голосе. В скрипку что-то попало. Соль, наверное. Соль разъедала все вокруг.

— Эх! — сокрушался Саймон. — Совсем расстроилась.

Дэн потряс меня за плечо:

— Вставай, Джаф.

Я стал таким легким, что мог бы взлететь в небо.

— Вставай, Джаф.

Дэн стянул с меня кусок парусины, которым я укрылся. Солнце ударило прямо в глаза, я на мгновение ослеп.

— Осторожно. — Он подал мне руку.

Я начал подниматься и толкнул Тима.

— Смотри, куда лезешь! — огрызнулся тот.

Я рыгнул, но блевать было нечем. Зрение мое прояснилось.

— Иди сюда, Джаф, — сказал Габриэль, — бери весло.

Я зевнул, отчего все мое тело затряслось, и кое-как встал. Скип сидел рядом и плакал. Его круглую физиономию было не узнать: потемневшая кожа, цвета свиной печенки, прилипла к черепу, но глаза все еще блестели.

— Все хорошо, Скип? — спросил я.

Тот кивнул.

Яну стало совсем худо.

— Вас пятеро, а нас шестеро, — проговорил капитан. — Возьмите еще одного. Яну придется лечь, нам не хватает места.

Даг перелез к нам, и наша шлюпка сразу просела. В капитанском вельботе Ян бревном растянулся на дне. Джон Коппер застонал, схватился за живот, спустил штаны и высунул свою костлявую задницу за борт, чтобы опростаться в море. Дерьмо у него было темно-зеленого цвета.

Стоял такой штиль, что и воду из лодки не надо было вычерпывать. Сплошное безделье, оставалось только лежать и дремать. Одна беда: когда дремлешь, все время просыпаешься. Все время кто-нибудь где-нибудь ноет или отвратительно шамкает ртом, ругается, бормочет, или кричит со сна. И собственное сердце постоянно стучит в ушах, будто сейчас взорвется. Когда наступил вечер, Ян жестом отказался от своей порции сухарей. Даже пить не захотел. Саймон попытался влить немного воды ему в рот, но она стекла по сжатым губам. Мы ели свои сухари и пили, и все это время Ян не шевельнулся, хотя в горле у него что-то бурлило, а сквозь прозрачные веки видно было, как глазные яблоки бегают туда-сюда. Выглядело это жутковато. Вскоре и это движение прекратилось. Капитан положил ладонь Яну на лицо, поискал пульс за ушами и на запястье, но безуспешно.

— Умер, — сообщил он.

Эта новость уже никого не взволновала. Мы еще немного покачались молча на волнах. Труп Яна так и лежал в шлюпке. Затем Саймон спросил:

— И что теперь?

Капитан вздохнул.

— Можем сварить его ремень, — предложил Уилсон Прайд, — полезная штука.

Опять молчание.

— По морскому обычаю… — ничего не выражающим голосом начал Саймон.

— Нет, — вмешался Габриэль.

— Можем, к примеру… — подхватил Тим.

— Нет, — отрезал Габриэль.

— Я не в этом смысле…

— Нет.

— Как наживку. Насадим на крючок, для акул.

— Нет.

— Каких акул? — спросил Скип.

И действительно, море здесь было совершенно пустое.

— Мы могли бы…

Капитан пришел в себя.

— Давайте подготовим тело, — угрюмо распорядился он.

Саймон и Уилсон вытащили ремень для завтрашней похлебки и зашили Яна в его же одежду, как прежде — мистера Рейни. Мы опустили тело в море. Смерть Яна стала для всех потерей, но лишней воды для слез у нас уже не было, поэтому все молчали. Никто не знал, какими словами проводить его азиатскую душу. Как у них там принято? Поэтому все опять ограничилось коротким бормотанием капитана; мы склонили головы, прикрыли глаза. Я почти заснул и едва заметил, как труп соскользнул в воду. Той ночью в молитве, которую мы произносили перед сном, упоминались уже десять душ, унесенных в бурное море. И я едва удержался от смеха: двенадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь душ, унесенных в море…

Однажды этот страшный отсчет должен прекратиться.

Даг вернулся в капитанскую шлюпку. Нас снова было поровну. Теперь хуже стало Джону Копперу — он то и дело бегал к борту. Да и Габриэль выглядел неважно. Следующие несколько дней дул легкий бриз, что нас немного приободрило. Саймон взял свою скрипочку и чуть-чуть попиликал, а потом мы все запели. Не то чтобы мы были в состоянии петь по-настоящему, да и скрипка только трещала, но все очень старались. Похоже было на торжественные поминки. Веселые похороны. Нас несло по залитому лунным светом океану, и мир был прекрасен. Мы с Тимом держались за руки и пели. Песня, как ничто другое, связывает мир в единое целое и вызывает лучшие на свете слезы. К общему хору присоединился и Дэн со своим бурчанием, и Даг — голос у него оказался неожиданно чистый. Габриэль склонил голову на кожаную ручку весла. Глаза его блестели от слез. Мы пели «Расскажи, бывал ли ты в Рио-Гранде», и «Рубен Ренцо», и «Салли, что живет за мысом Горн», а когда сил уже не осталось, просто мычали с закрытыми ртами, изливая мелодию в беззвучную темноту. Во сне Тим вцепился мне в плечо так сильно, что стало больно. Его вид — с раскрытым ртом и откинутой назад головой — напомнил мне о доме. О том, как мы сгребали навоз во дворе, издеваясь друг над другом. Рано утром холодно, в животе урчит. Волосы выпадают клочьями. Хорошо, матушка не

видит. Она бы с ума сошла, бедная моя матушка. А что я могу сделать? Мысль о ней заполняла все мое сознание. Я постарался отмахнуться от нее, но не гнать слишком далеко, чтобы можно было вызвать в любой момент. Отправлюсь-ка я лучше к Ишбель. Последнее, что я успел увидеть, была туча. Она шла прямо над нами, накрыла нас своей чернотой. Тягучим черным сном, мягким, как облако. Я грелся в своей постели, наслаждаясь дождем. Когда я открыл глаза, темнота вокруг оказалась настолько непроглядной, что я испугался, не ослеп ли. Невдалеке от нас что-то огромное плескалось в море и вздымало волны; океан бушевал. Пальцы Тима по-прежнему крепко сжимали мою руку. Голос причитал: «Господи, помоги, Господи, помоги, Господи…» — и так без конца.

— Тим, что это? — спросил я и почувствовал, как товарищ положил вторую руку мне на плечо.

— Не знаю.

— Лежите тихо, — приказал Дэн, — буря пройдет стороной.

Звук был такой, словно в море обрушилась скала. На кита не похоже. Вообще ни на что не похоже. Из глубин, из темных глубин поднялось какое-то страшное, злобное существо, чудовище. На земле действительно есть закоулки, где царит ужас: бездонные впадины, расщелины, которые открываются и изрыгают адское пламя. Есть очень нехорошие места, где над волнами носятся крики и вой, дикие ветры, стонущие голосами утонувших моряков. Команда «Эссекса» по-прежнему бороздит эти моря. Я зашмыгал носом. Что бы это ни было, оно приближалось к нам, и волна от его движений билась о борт нашей шлюпки.

— Все в порядке, — успокоил Тим, — оно уходит.

— Господи, помоги, Господи, помоги, Господи, помоги, умоляю…

Чей это голос?

Ненасытное море поглотило неведомое существо. Вдалеке мелькнул огонек — капитанский вельбот.

— Миновало, — сказал Дэн.

12

После этого случая разум окончательно покинул нас. Все, что происходило потом, стало ярче и реальнее.

Море постоянно менялось. Я научился произвольно сосредоточивать свое зрение и рассредотачивать его, смягчать, заострять; я мог заставить картину сдвинуться, съехать вниз или вверх. За этим занятием проходили целые дни. Однажды издалека послышалось негромкое девичье пение. Что это было? Небо? Море? Не знаю. Голос звучал нежно и печально, при его звуках невозможно было не заплакать. Кто была та девушка? Утраченная любовь. Потерянная безвозвратно. Если бы не слабость, я был готов выброситься за борт и поплыть к ней. Она пела, и голос ее перекрывал звуки моря и ветра, а к полудню затих. После этого между шлюпками появилась волшебная акула, но дотянуться до нее было невозможно. Две акулы! Тонкие черные плавники разрезали поверхность моря на ленты. Пища. Мы для них, они для нас. Надо было оставить тело Яна для наживки. Ему ведь было уже все равно? Лицо Яна стояло у меня перед глазами таким, каким я видел его в последний раз: с широко раскрытым ртом и обнажившимися длинными зубами, похожее на лицо мумии. Десны белые, словно голая кость. Владелицы черных плавников сопровождали нас целый день. Акулы кружили вокруг шлюпок, то приближаясь, то отплывая подальше. Слегли Уилсон Прайд и Дэн. Но хуже всего было бедняге Джону — он постоянно вскакивал, нес всякую чушь и снова падал.

Он — следующий.

Габриэль дал мне шило. Моя очередь нести вахту. Я пополз на нос. Перед глазами все плыло. Наступил Скипу на ногу. Тот огрызнулся: «Иди ты к чертям собачьим!»

— Там встретимся!

Он попытался пнуть меня голой ногой, но промахнулся.

Вахта.

Я забыл, зачем я здесь. Глаза мои уже превратились в щелочки, как у старика, и были не способны вглядываться в слишком яркую даль. Я ощущал себя мухой на потолке: будто сижу вверх ногами, небо — внизу, а море, наоборот, наверху, разницы между ними нет никакой, и оба не имеют ни конца ни края. Ничто меня тогда особенно не тревожило, хотя все тело почему-то начала бить дрожь, а волоски на руках и загривке встали дыбом. Не то чтобы я волновался, нет. Приближалось нечто большое — невидимое, гулкое, как напряжение перед

ударом молнии, больше, чем море и небо, *оно* накрыло все кругом. В воздухе возник тихий, тонкий звон, живой звук. Он все близился, шевелился в моей голове, а потом вдруг взлетел далеко ввысь — и рассыпался, словно с небес грянул хор детских голосов.

— Но это правда, — произнес Скип, — там действительно что-то есть. Ты тоже это слышишь.

Изо рта у него воняло.

«Слышать» — не совсем то слово.

Но я сказал:

— Да, слышу. — Голова у меня закружилась. Я спросил: — Что это?

Скип загадочно улыбнулся.

— Ты знаешь не больше, чем я, — заявил я ему.

— А разве я говорил, будто знаю?

— Понятия не имею. Думал — знаешь.

— Кое-что — знаю.

Он присел рядом со мной на корточки, обхватив руками колени. Штаны у него были разодраны в клочья, и сквозь дыры торчали острые, костлявые коленки. Говоря, он яростно расчесывал струп на правой ноге и пришепетывал сквозь зубы.

— Оно дикое. Очень-очень дикое, Джаф, правда, дикое-предикое…

Звук детских голосов перешел в гудение, которое все время немного менялось. На колене у Скипа показалась кровь — блестящий красный пузырь. Скип слизнул его.

— И старое-престарое.

Еще одна порция липкой густой крови. Запахло требухой, нарезанной для жарки.

— Ему миллионы и миллионы лет. И еще оно ходит на кончиках копыт.

Как в моем сне: дракон, идущий по морю на кончиках лап.

— Если оно подойдет, — сказал Скип, — постарайся не смотреть. Есть вещи, которые не стоит видеть.

— Мне страшно, — пожаловался я.

Он пристально взглянул на меня. Я заплакал — слишком испугался и не мог больше здраво рассуждать. Скип опять принялся лизать колено.

— Голова кружится, — сказал я.

— Дэн, Джафу плохо, ему нельзя сидеть на вахте, — сообщил Скип.

Кровь. Вкусная. Что надо. Лучше, чем кожа. Небольшое дополнение к рациону. Если содрать свежую корочку с трещины на локте, можно вызвать кровотечение, и это совсем не больно.

Но до локтя не дотянешься. Если болячка на запястье станет больше, плевать я хотел на соль, жжение и приступы страха. Хочется есть — и ничего больше, других желаний у меня не было. Никогда.

— Джаф, что случилось? — забеспокоился Дэн.

— Дайте ему полежать. — Это голос Тима.

Я заснул. Когда проснулся, стало прохладнее, и я смог сесть. Шлюпки стояли рядом совершенно неподвижно.

— Что он говорит?

— Ни черта не разберу.

— Даже на английский не похоже.

— Португальский?

— *Obrigado, obrigado, três, senhora, três, por favor…*

В Хорте на берегу старухи-нищенки тянут свои кружки за жиром.

— Отмучился, — сказал капитан.

Джон Коппер.

Дэн закрыл лицо рукой. Солнце зажигало на воде красные блики. Мы мерно покачивались на волнах. Сколько нас?.. Не может быть… Сколько?.. Стоит закрыть глаза — и все снова на месте: Билли Сток, Джо Харпер, Генри Кэш и остальные, и ничего не случилось, ничего, можно вернуться обратно, это непросто и отнимает остатки сил, но, определенно, тот чудесный мир существует, и можно в него вернуться.

— Что теперь? — спросил Даг. Выглядел он страшновато: череп, обтянутый кожей, и глаза выпирают из орбит.

Ответа не последовало — никто не знал.

* * *

Капитан и Уилсон Прайд разрезали труп Джона на куски. Я не смотрел. Вторая шлюпка отплыла немного в сторону, а я лежал ниже планширя и только слышал, как рубят мясо и капает жидкость; Проктор и Прайд покряхтывали от напряжения.

Я ощутил затхлое, несвежее дыхание Тима.

— Все нормально, Джаф, его там больше нет, и близко нет, ему теперь хорошо.

За спиной тяжело и прерывисто дышал Габриэль.

Я открыл глаза. Улыбающееся лицо Тима. Он заговорил. Промеж губ тянулась полоска слюны цвета яичного белка.

— Недолго осталось.

Струя воды.

Во рту все горит и жжет, горло слипается.

— *Не могу*, — решительно произнес Габриэль.

— Можешь, — заверил его Дэн.

Капитанская шлюпка вернулась. При ее приближении нас закачало. Скип принюхался и шумно сглотнул.

— Костер развели, — пробормотал Дэн.

— Все хорошо, Джаф. — Тим улыбался.

Темнело. Дым приятно щекотал ноздри. На борту мерцал приветливый огонек.

Тим поднес кружку к моим губам.

— Глотни разок.

Густеющая сытная кровь.

Я приподнял голову, выпил, откинулся обратно и, широко раскрыв глаза, уставился в неожиданное ночное небо. В воздухе разлился запах горячего жареного мяса, и под языком вдруг невыносимо заболело. Звезды опустились совсем низко. Когда мы жили в Бермондси, меня часто одолевал голод. Я ходил по берегу в Саутуорк, чтобы понюхать, как готовят ужин в «Якоре». Можно было постоять на улице, втягивая носом густые, сочные ароматы кухни, и это заменяло мне еду. В Саутуорке волны бились о речной откос. Милый, серый Саутуорк — там, за морями, за континентами, так же далеко от меня, как эти торжественные звезды.

— Это всего лишь мясо, — настаивал Дэн, но Габриэль упрямо мотал головой.

Он сидел, устремив взгляд своих больших глаз далеко вперед, а из глубины его глотки доносилось низкое гудение. Поесть ему в конце концов все-таки пришлось. Кто бы мог отказаться? Здоровяк Габриэль превратился в тонкий стебелек. Ел он отчаянно, сосредоточенно, тяжело дыша. Дэн передал мне толстый кусок мяса, обуглившийся по краям, но мягкий, розовый и сочный внутри. Я начал сосать его, и рот переполнился слюной, которая стекала по подбородку, как у младенца.

— Слюнявчика не хватает, — сказал я, и остальные засмеялись.

Мы все сидели и пускали слюни, а в животах у нас урчало и бурлило.

Каждый съел свою порцию, и капитан распорядился выдать каждому дополнительную кружку воды. Он сказал, что завтра получим еще; они с Прайдом сложили оставшиеся куски мяса в ящики из-под сухарей — на какое-то время должно хватить. Костер потушили, и мы улеглись спать. Перед глазами у меня все время стояло лицо Джона Коппера.

После сытного ужина спалось крепко, в лодке раздавался дружный храп. Наутро, когда я проснулся, лицо Джона так и не

исчезло, а в животе по-прежнему извивалась змея. В горле стояла желчь. Голод никуда не исчез.

— На, попей. — Дэн протянул мне кружку.

Солнце уже стояло высоко. Саймон разводил костер из щепок и туго смотанных обрывков парусины.

— Надо быстро приготовить то, что осталось, а то испортится, — объяснил он.

Мясо уже начинало понемногу гнить. Капитан склонился над кучей негодных кусков, уже успевших покрыться зеленым налетом.

— Что скажешь? — обратился он к Саймону.

— За борт его надо.

Так и сделали.

— Сколько еще может гореть? — Капитан показал на огонь.

Саймон сделал кислую мину:

— Минут десять. Можно и подольше, но…

— Что?

— Зависит от того, сколько еще дней.

Уилсон почувствовал недомогание и лег, накрыв голову мокрой тряпкой. Его темно-коричневая кожа блестела от пота. Даг тихонько пристроился на корме и все время трогал свои припухшие веки. Лицо его по-прежнему напоминало жутковатый, обтянутый кожей череп, но руки и ноги превратились в толстые розовые окорока, покрытые россыпью набухших красных фурункулов. У меня тоже были фурункулы — большие, воспаленные, болезненные — один под коленкой, один в паху и самый противный — сзади на шее.

— Странно. Я теперь еще больше есть хочу, — сказал Тим.

— Я тоже.

— Так всегда бывает, — успокоил нас Дэн. — Не волнуйтесь, дней на десять хватит.

На завтрак каждый получил по полоске мяса к сухарю. Я растянул свою порцию надолго. Дэн устроился на носу, свесил руки за борт и напевал себе под нос какую-то мелодию. Когда я перехватил его взгляд, он подмигнул:

— Все отлично, Джаф. Все шикарно.

Капитан и Дэн продолжали время от времени тихо совещаться, как будто что-то еще можно было сделать, но в отношении навигации ничего нового я не заметил. Скип скалил зубы, что-то мямлил и иногда устало смеялся. Тим изрыгал потоки ругани. Габриэль шептал молитвы — ритмичное тоскливое бормотание у меня за спиной не смолкало. Саймон просто был где-то в другом месте. Телом он, естественно, оставался с нами, но на скрипке играть перестал, почти ничего не

говорил и двигался только в случае крайней необходимости. Когда за нами какое-то время плыла акула, он даже не взглянул на нее, не заметил ни раскатов грома, донесшихся с запада, ни беззвучной молнии, прорезавшей пустынное небо. Даг продолжал жевать собственные ногти, от которых уже почти ничего не осталось. Я вспомнил, как ужасно выглядели руки у Ишбель. Бедная Ишбель! Какой же голод она должна была испытывать, чтобы так себя грызть! Больно ведь, наверное. В этот момент я увидел ее совсем ясно, и меня вновь настигло яркое воспоминание о доме: Рэтклифф-хайвей, доки, она, я и Тим, кругом снуют уличные торговцы.

— Помнишь? — спросил я Тима.

— Спрашиваешь, — отвечал тот, будто умел читать мои мысли. Он наклонился, усмехнулся и взъерошил мне волосы: — Как там тебя называли? «Маленький ласкар»?

Жара сдавливала мне мозг, не давая думать.

— Слышите? — насторожился Скип.

— Что это?

Габриэль издал короткий смешок:

— Ну вот, мы все и спятили. — И он снова принялся бормотать свои молитвы.

— Слушайте.

Это был даже не звук, скорее вибрация в ухе, когда на него давят тысячи миль пустоты. Как будто стихии решили поставить нас на положенное место.

— Туда смотрите, — сказал Дэн и положил руки нам с Тимом на плечи. — Мальчики, — продолжал он, и из почерневших уголков его печальных маленьких глаз катились слезы, — мальчики мои, я доставлю вас домой целыми и невредимыми. Чего бы мне это ни стоило. Разве я не обещал старику Джемраку, что верну вас домой?

За бортом творилось что-то непонятное. Море менялось. Нечто похожее на сумерки или бурю накрывало землю.

— Дети мои, — прошептал Дэн Раймер. Слезы застряли у него в складках морщин.

— Сколько тебе лет, Дэн? — спросил я.

— Шестьдесят два было, когда последний раз проверял, — усмехнулся он.

— Какой ты старый! — удивился Тим.

Дэн рассмеялся:

— Морской старик!

Но морю было плевать На нас. Мы — ничто.

— Что там? — спросил Даг.

— Тсс! — Капитан прикрыл глаза.

— Держитесь за руки, мальчики, — сказал Дэн. — Встретим эту штуку вместе.

Он раскинул руки, и мы прижались к нему, спрятались, как птенцы под крыло. Сверху, из-за туч, донесся звук, голос или целый хор голосов — различить невозможно: то ли человеческие, то ли звериные крики, многозвучные, похожие на отчаянный плач младенца. Отчаяннее не бывает.

— Держитесь друг за друга, — повторил Дэн.

Тим схватил меня за руку и, широко раскрыв глаза, с улыбкой повернулся ко мне:

— Джаф, старина Джаф!

— Вместе, мальчики, — произнес Дэн.

Капитанская шлюпка подошла поближе.

— Держимся курса, держимся! — прозвучал голос.

Лодки стукнулись бортами.

— Мистер Раймер! Как вы там? — прокричал капитан.

— Полный порядок! — отрапортовал Дэн.

— Что это, по-вашему? Очередной шторм?

Дэн по-собачьи принюхался к воздуху:

— Похоже на то.

Надвигающийся шум взорвался в ушах страшным грохотом. Меня отбросило Дэну на плечо, и его губы оказались рядом с моим ухом.

— Молодец, Джаф, — произнес он, — теперь ляг и попробуй уснуть. Ни о чем не беспокойся. Скоро мы все будем дома.

Дэн заставил нас с Тимом, как маленьких, лечь и закрыть глаза. Чтобы сделать ему приятное, мы притворились спящими. Это его успокоило. Сонно напевая, Дэн перебрался к борту помочиться. «Когда иные губы и сердца расскажут свои сказки о любви…»

— Что происходит, Дэн? Что это?

— Ничего, все в порядке.

Помню, я повернулся к Скипу и спросил:

— Ты еще в себе?

— Разве я когда-нибудь был в себе? — возразил он мне и улыбнулся.

— Пей. — Дэн приподнял меня и поднес воду к губам.

Я заглянул за планширь. Далеко, на красном фоне, темнела капитанская шлюпка. В ней можно было разглядеть сгорбленные силуэты — в преддверии ночи все уже заснули. И никого на вахте. Что-то здесь не так.

Скип больно схватил меня за руку пониже локтя, ногти у него оказались довольно острые.

— Гляди!

Становилось все темнее.

— Нет там ничего.

— А вот и есть.

— Я не вижу. Что там?

Скип что-то видел, в этом я не сомневался. Его ногти впились мне в руку.

— Вот оно! Смотри! Поворачивает голову сюда.

— Пусти! — Я отцепился от него.

— Заткни свой дурацкий рот! — разозлился Тим. — С тебя все и началось, Скип. Ты же сам сказал. Все из-за тебя. Разве нет? А?

Скип закрыл лицо руками.

— Это все ты, ты!

— Мальчики, уймитесь, — приструнил их папаша Дэн.

Капитанские сухари и мясо закончились. Фурункулы начали лопаться, словно маленькие вулканы. Мы ждали, когда умрет Уилсон Прайд. Да, ждали. Все знали, что он — следующий. Вот до чего мы дошли. Считали дни, надеялись, а он метался в сухом поту, пытаясь протолкнуть между губ почерневший язык. Наш корабельный кок, который готовил нам жаркое, пудинг, и перловый суп, и рис, и гороховую похлебку, как это принято у него на родине, добавляя в нее все подряд: или просто немножко соли, редьки, пару веточек какой-нибудь травы, собранной на незнакомом острове, — жарил мелких рыбешек — прямо с внутренностями, хвостами и глазами. Эх, утроба моя ненасытная. Бульон. Горячий бульон, а над ним — ароматный пар. Яркие зеленые листья, оранжевые коренья, на поверхности супа плавают кусочки порея — живая золотистая жидкость.

— Матушка моя готовила такой бульон. Окорок на кости — если удавалось раздобыть. Бобы и горох. Репа. Морковка.

— Ты выпустил дракона, — не унимался Тим, — вот что ты сделал.

— Да! И что?

— Ты. Ты сам сказал. Ты его выпустил.

— Порей, — продолжал я. — Порей — важный овощ. Обязательно нужен порей.

Больше Уилсон ничего не приготовит. Он теперь далеко-далеко. Душа его отправилась в дальний путь, перекинув через плечо котомку. Я пытался объяснить Тиму, как разучился понимать, что правильно, а что неправильно; объяснить, что я лишился всех чувств, что внутри у меня все горит и постоянно крутится и как много мне хочется ему сказать, но я не могу говорить, не могу заставить слова слетать с языка, потому что он стал слишком тяжелым и глупым.

Капитан молча снял нагревшуюся тряпку со лба Уилсона, смочил ее в прохладном море, отжал, встряхнул как следует, расправил и положил обратно.

Уилсон что-то говорил или, скорее, бормотал себе под нос — слов было не разобрать. Толстые губы завернулись внутрь, а глаза — когда он открывал их — смотрели в небо с почти насмешливым выражением.

— Мы с ним до этого дважды вместе ходили, — поделился с нами капитан.

— Правда? — Дэн методично расчесывал коросту, образовавшуюся у него вокруг шеи.

— Саймон, отодвинься в сторону, дай ему место. Скоро все будет кончено.

Саймон отсел. Пришлось подвинуться и Дагу — последнему это далось с трудом: ноги у бедняги страшно распухли. Теперь они уже были цвета подкопченного бекона. От боли Даг поморщился и несколько раз всхлипнул, сдерживая слезы.

Дэн подозвал нас, как наседка своих цыплят.

— Не смотрите туда, мальчики, не надо.

Мы сели с ним на носу.

— Смотрите лучше сюда. Сейчас мы займемся чем-то очень важным. Это приказ. Вы должны вспомнить все слова песни «Табак — индейская трава».

— Я не помню! — принялся отнекиваться Тим.

— Неправда. Напрягись. Помнишь, как бывало на лестнице в Уоппинге?

— Да, но слова я не могу вспомнить.

— Постарайся. А ты, Джаффи?

— Я только первую пару строчек помню.

— Отлично. Вот и начинай.

Табак — индейская трава,
Срезают ее, подрастет едва.
Она захватила нас в плен…

— Там еще что-то было, — напомнил Тим.

Она захватила нас в плен,
И сами мы та-та-та
Подумай об этом, куря табак.

Тим взглянул на Дэна:

— Продолжай, умник.

Дэн тихо запел:

Вот трубка фарфоровая бела,
На радость нам, покуда цела;
Как жизнь сама касаньем руки…

Недолгую паузу заполнил пронзительный стон Уилсона.

— Давай, Тим, — Дэн встряхнул его, — твоя очередь. Смотри на меня. «Как жизнь сама касаньем руки…» Как там дальше?

— Она превращается в черепки… — закончил строчку Тим, и мы втроем затянули в унисон: — Подумай об этом, куря табак.

— Нашли время песни петь, — раздраженно буркнул Габриэль.

— Скип, знаешь эту песню?

Скип отрицательно покачал головой. Глаза у него расширились и стали совсем стеклянными.

— Спокойно, Уилсон, молодец, не обращай внимания, — безучастно произнес капитан.

Уилсон хныкал, как маленький ребенок.

— Смотрите, что у него с горлом! — ужаснулся Даг.

Я повернул голову.

— Джаф! — Дэн взял меня за подбородок и потянул обратно. — Следующий куплет, давай.

— Я не знаю дальше.

— Сосредоточься. Все ты знаешь.

— Не помню.

Раздался звук, будто кто-то откачивал насосом воду.

— Я тебе помогу: «Курильщика трубка внутри грязна, грешной душе…»

Уилсон словно шел ко дну. Горло у него сжималось. Голос вырывался из бездны, глухой животный рев.

— Держись, — уговаривал его капитан.

— Что у него с горлом! — в панике кричал Даг. — Тим, продолжай.

— …сродни она, — произнес Тим.

— Отлично, теперь Джаф!

— Не помню.

— А ты напрягись.

Я не помнил. Что-то про дым и про то, как мы все вернемся в прах, и дальше в том же духе…

— Нагар и пепла на дне чуток, — торжествующе продекламировал Тим, — напоминают жизни итог…

— Ага, точно! — Я тоже вспомнил окончание куплета:

Все мы как есть — воротимся в персть.
Подумай об этом, куря табак.

— Молодцы! Еще один куплет. Давайте, мальчики, шевелите мозгами.

— Дым… — начал я.

Послышались страшные хрипы. Уилсон Прайд задыхался. Звук был такой, будто его тошнило и легкие лезли изо рта наружу.

— Дым! — Дэн щелкнул пальцами. — Скип! Теперь ты!

Скип заплакал.

Вдох, словно гвоздем провели по грифельной доске, и выдох в молчаливую бесконечность.

Дэн бодро продолжал:

— Дым, что так…

— Нет! — поправил его Тим. — Дым, что высоко поднялся так…

— Кончено, — сообщил капитан.

13

В капитанской шлюпке остались три человека, а у нас — пять. Я пересчитал по пальцам. Всего восемь. Кому-то придется пересесть к капитану. Но кому?

— Мальчики останутся со мной, — заявил Дэн.

Значит, Скип или Габриэль, но ни один из них не хотел переходить в другую лодку. Озадаченные, мы никак не могли решить этот вопрос.

— Ладно, — произнес кто-то, — слишком поздно, скоро стемнеет. Утро вечера мудренее. Ради бога, давайте спать.

Мы поели и от этого осоловели еще больше. Надо было прочесть молитву, как заведено, но мы лежали не двигаясь, словно тяжелые мешки.

Ночь была темная, ни звездочки. Все молчали, фонарь зажигать не стали.

Спустя какое-то время Дэн странным голосом, с чуть ли не торжествующей интонацией, произнес:

— И вот мы… вот мы все еще… Нас… — Он сказал это так, что можно было подумать, будто он улыбается.

— Восемь, — подсказал я.

— Спасибо, Джаф. Нас восемь душ, унесенных в море. Что тут скажешь?

Раздался смех. Не знаю, кто еще смеялся, — я точно хохотал, Тим — тоже, он лежал рядом со мной и трясся от смеха. И Дэн. Кто еще — не знаю. Несколько человек. В полной темноте чувство было такое, словно мы хихикаем, накрывшись с головой одеялом. Когда мы утихомирились, остался лишь умиротворяющий плеск волн. Я зевнул. Снова стала выделяться слюна, горькая, как лимон. Где-то в ночи висели тонко нарезанные полоски мяса: они сохли и пропитывались солью.

Прошло еще немного времени.

— Проклятье! — Крик был такой силы, будто сам Иегова решил излить на нас потоки огня и серы. Это Габриэль попытался встать, из-за чего лодка покачнулась.

— Сядь на место! — раздраженно заворчали все, кто был в шлюпке.

Габриэль тяжело плюхнулся обратно и заорал надтреснутым голосом:

— Бог! Бог! Какой, к черту, Бог? Бог есть зло. Вот что такое Бог. Бог есть зло. Дьявол победил. Вот как!

— Не надо про дьявола! — взмолился Скип.

— Успокойся, — произнес Дэн.

— Как? Успокойся! Ты что, рехнулся? — Смех Габриэля был больше похож на лай.

— Может, и так, но ты все равно успокойся.

— Очень просто, — раздался еще один бестелесный невозмутимый голос — может быть, капитана, хотя на него это мало было похоже. — Вполне вероятно, что мы все умрем.

Чья-то ладонь просунулась под мою руку.

— Не хочу умирать! — послышался тихий всхлип.

Не знаю, кто это был. Саймон, наверное. Хотя голос совсем не похож. Но Саймон так давно ничего не говорил, что я почти забыл о его существовании. Кто-то безутешно зарыдал.

Лодку снова качнуло.

— Будь ты проклят, Скип, это все из-за тебя! — взвился Габриэль.

— Знаю, знаю. — Обессиленный шепот Скипа раздался прямо у меня над ухом, так близко, что волоски в ушной раковине шевельнулись. — Простите, простите.

— За борт тебя пора, и все дела. — Зубы у Дага стучали, его мучила икота.

— Хватит! — отрезал Дэн.

— За борт его! — с усмешкой в голосе поддержал Габриэль.

— За борт! — присоединился Саймон.

— За борт! За борт! — подхватил Тим.

Я и сам чуть не закричал вместе со всеми, но Дэн сурово осадил крикунов:

— Не забывайте, у меня есть пистолет. Любой, кто рискнет поднять руку на товарища, получит пулю.

Все притихли. После чего заговорил капитан Проктор:

— У меня тоже есть пистолет.

Тишина.

— У меня тоже есть пистолет, — задумчиво повторил он. — Мистер Раймер, просветите меня, будьте так добры. Я что, больше не капитан этого… этого…

— Вы — капитан. Без сомнений.

— Уж если надо будет кого-то пристрелить, то решение принимать мне.

— Безусловно, я не хотел…

— Вот же дураки! — Габриэль произнес это с невыразимым презрением. — Какая теперь разница?

Несколько минут все молчали.

Небольшие волны ритмично покачивали шлюпку: вверх-вниз, вверх-вниз, напевая колыбельную, колылулылулылулыбельную без начала и конца…

— По-твоему, значит, я дурак? — не выдержал капитан. — Я

не дурак!

— Никто так не думает, — успокоил его Дэн.

Скип издал долгий, жуткий визг; этот безумный звук пронзил мне мозг, а капитан заорал:

— Да заткните его кто-нибудь, ради всего святого!

— Скип, поди сюда, — подозвал его Дэн.

Ад вырвался на волю, ужас обуял всех, перескакивая от одного к другому, заползая во все щели и заполняя пространство удушающим облаком. Сначала кто-то скулил прямо у меня над ухом, а потом этот кошмар уже был повсюду, и я оказался внутри его, я был весь соткан из него и пытался выкарабкаться из него — пробираясь сквозь плач, завывания и зубовный скрежет.

— Шабаш!

Грянул выстрел.

Тишина.

И тут заговорил капитан:

— Мы не животные. Еще один звук, и следующая пуля уже попадет не в воздух. — Голос его звучал хрипло.

Сдавленные вздохи, сопение. Через несколько секунд все опять стихло.

— А теперь все успокоились и спим. Мистер Раймер, мальчик — под вашу ответственность.

— Иди сюда, Скип, — ласково произнес Дэн. Голос звучал устало.

— В*о*зитесь с ним, а я спать из-за него не могу, — обиделся Габриэль.

— Спать? — переспросил Тим. — Ты — *спать?*

И мы снова дружно рассмеялись.

Скип наступил на меня в темноте.

— Пошел ты!.. — выругался я.

— Извини.

— Думаете, я дурак, — глухо сказал капитан, — но я все равно командую этим предприятием. И обязан заботиться о благе всей команды.

Скип обо что-то ударился. Шлюпка дернулась.

— Да усни ты, ради бога! — взмолился Дэн.

Тихая бесконечность безлунной и беззвездной ночи. Даг храпел. Рука Тима покоилась в моей, а я думал о матушке.

— Мама, — произнес я вслух.

— Да. Тсс, — прошептал Дэн, — увидишь ты еще свою маму.

Смерть была рядом. Сидела совсем близко. Судя по тому, что мы успели повидать, умирать — это больно. Если наши товарищи умерли, то чем я лучше? Как она наступает? Смерть, я имею в виду. Где бы она тебя ни настигла, застываешь, пораженный.

Погибну я или выплыву? Когда я узнаю? Что я услышу? Что увижу? Каким будет небо: темным или светлым? У какого борта? Как я буду уходить: тяжело или легко? Как горько! Как горько покидать мир — вот что самое печальное.

Наверное, я уснул. Во сне мы с Ишбель шли вдоль Рэтклифф-хайвей, как бывало. Все казалось таким ярким и отчетливым. На ней было белое платье, как у балерины, и лицо ненакрашенное, как будто она только что проснулась. Потом я вдруг оказался в нашем жилище на Уотни-стрит, в комнате с занавеской, за которой храпели Бархотка и Мари-Лу. И снова я на море, дремлю под колылулылулыбельную волн и храп Скипа. Кто-то ткнул меня в бок:

— Мы не проводили его как следует!

— Что?

Голос Тима:

— Мы не проводили его в последний путь! — Разъяренные когти сомкнулись на моем плече. Синяк останется.

— Что?

— Нехорошо это! Неправильно!

— Кого? Что?

— Уилсона. Человека всегда надо проводить как следует.

— А!

— Мы прокляты!

К рассвету в капитанской шлюпке кто-то запричитал утробным голосом: «Пожа-а-луйста. Пожа-а-луйста! Ну ради бога! Пожа-а-луйста! А-а-а!»

И другой голос, устало:

— Заткнись!

Дэн издал долгий гортанный стон. Он закрыл мне ухо рукой, как заслонкой, чтобы защитить от шума. Под вторым ухом располагался его живот, он то поднимался, то опускался, издавая странное потрескивание.

— Не могу так больше, — прошептал я, — не хочу умирать.

— Не обращай внимания, спи.

Мне приснился пир — столы во сне ломились от еды. Проснулся я с полным ртом слюны. Дэн лежал, откинув голову, и разговаривал с небом, обратив к нему обветренное лицо. «Ну-ну, — рассуждал он нараспев низким голосом, — "…раны мои болят в ночи и не заживают…". И точно ведь, ей-богу». Распухший серый язык, словно гигантский клещ, безуспешно пытался зацепиться за губу. «Дышу, следовательно, существую. Мысли уже ни при чем». Он с задумчивым видом высосал немного крови из ранки на руке. Перехватив мой взгляд, Дэн изобразил бледную улыбку. Брови у него разрослись и совсем надвинулись на глаза.

— Помнишь, ты говорил: «Не волнуйтесь, бывал я в переделках и похуже»? — напомнил я. — Теперь-то уже так не скажешь. Правда? Хуже, чем сейчас, еще ни разу не было?

Дэн на мгновение задумался:

— Да. Пожалуй, ты прав. Но все равно не волнуйся.

Даг сидел, опершись на планширь, и что-то бубнил на своем языке. Непрерывное бормотание время от времени прерывал гортанный вопль, словно мальчишка подзывал к себе собаку.

— Вы только посмотрите, что творится! — Саймон теперь почти не разговаривал, и сейчас его голос зазвучал резко и хрипло. — О нет! — Он отодвинулся подальше.

Капитан прополоскал и отжал грязную тряпку.

— Недолго осталось, — прошептал он.

— Что это?

У Дага выступил кровавый пот. На обтянутом обгоревшей кожей скуластом лице и на распухшей шее появились мелкие розоватые капельки.

— Держи, Саймон.

Капитан передал Саймону тряпку, и тот обтер Дагу лицо. На тряпке остались кровавые пятна.

— Дайте ему попить, — распорядился капитан, — хоть губы смочите.

Даг широко раскрыл голубые глаза.

— Господи! — закричал Габриэль. — Господи! Он знает! Он знает!

— Тсс!

Дагу спрыснули водой губы, попытались разжать челюсти, чтобы залить немного жидкости в рот. Язык вывалился наружу.

— Мама, — прохрипел он, — мама…

Затем последовал поток непонятных слов, на коже вновь выступил розовый пот, а в глазах появилось страшное понимание.

— Все хорошо, — успокаивал его Саймон, обтирая тряпкой, — скоро будет легче.

Но Даг уже знал и схватил Саймона за запястье.

— Все хорошо, а теперь приляг.

День смерти Дага я запомнил отчетливо. Тяжелый был день. Даг отказывался лежать спокойно. Постоянно то садился, то ложился, то снова вскакивал, как чертик из табакерки. Голос у него то пропадал, то прорезался снова; он то замолкал на час — все начинали думать, что конец уже наступил, — но нет, неожиданно снова раздавалось пугающее прерывистое дыхание. Даг продолжал отчаянно цепляться за этот мир. Скип тоже растерял остатки разума, причитал и скулил, как большой глупый ребенок, временами начинал кричать про какое-то существо,

которое будто бы разгуливало по воде рядом с лодкой, — у него якобы были козлиные копыта, а еще оно было похоже одновременно на человека и на рыбу. Скип утверждал, что оно скалится и преследует нас. Если честно, мы все были безумны, каждый по-своему. Мы сидели в своих шлюпках, совершенно беспомощные, а вокруг по-прежнему мерцало море, подобное вечности. И ни одного корабля, ни острова, ни скалы, ни даже птицы, ни одной-единственной. К вечеру голос Дага начал звучать как-то странно. Мы и прежде не могли понять, что он бормочет, но то был хотя бы человеческий голос; теперь же он изменился и превратился в утробный рев Минотавра. Даг ревел, точно бык, которого ведут на заклание. Потом он обделался. То, что случилось дальше, было настолько ужасно, что навсегда отпечаталось в моем сознании. Даг перегнулся через планширь. Саймон только что обтер ему лицо. Глаза умирающего были широко открыты, он всматривался в окружающее пространство с таким сосредоточенным интересом, словно никогда прежде его не видел. В следующую секунду кровь хлынула у него из носа, затем, еще сильнее, из глаз, изо рта, из ушей. Как будто вся кровь вдруг решила вылиться через эти отверстия.

Голова его упала на грудь, и он умер.

То ли из-за обилия крови, то ли по какой-то другой причине, но эта смерть растревожила меня больше, чем все остальные. Я даже не могу описать свой ужас словами. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами, словно демон из самого страшного ночного кошмара. Я надавил ладонями себе на глазные яблоки с такой силой, что меня затошнило. Плакать хотелось до жжения в глазах, но слез не было. Нечем было плакать. Кости терлись друг о друга, о доски днища. Ладонь Тима все еще оставалась в моей руке, но на что были теперь похожи эти руки — тонкие коричневые палочки с перепонками. Мелкие мышцы на ладонях пульсировали, сводимые судорогами.

— Давайте попробуем это пережить, — сказал капитан. — Мы знаем, то, что мы делаем…

— Так нечестно, — заявил Саймон. — Делать это все время приходится нам. И только потому, что все всегда умирают в нашей шлюпке. Пусть для разнообразия попробует один из них.

Господи, только не я.

— В следующий раз, — пообещал капитан.

Глаза можно закрыть, но слушать все равно придется.

— Дэн, а как лучше всего покончить с собой? — спросил я.

— Застрелиться, — ответил тот не задумываясь.

— Ты бы дал мне пистолет, если бы я попросил?

Дэн посмотрел на меня долгим взглядом:

— Дал бы? Не знаю, Джаф.

Ветер принес легкий запах крови.

С капитанской шлюпки передали кружку, и я выпил.

Когда пришла очередь Дэна, он поднял кружку, точно это был кубок, и произнес:

— Пейте из нее, ибо сие есть кровь моя, пролитая за вас…

Несколько дней на обед — мясо, потом дни без мяса, потом еще дни без мяса. В небе назревали перемены. Солнце затуманилось, в воздухе повеяло холодом. Со всех сторон навалились тучи, и далеко на востоке заблестели нежные серо-голубые нити дождя. Восток. Побережье Америки. У американских матросов есть такая песня: «Расскажи, бывал ли ты в Рио-Гранде, там такие сеньориты — лучше не найти…» Темноволосые девушки с пышной грудью поджидают усталых матросов на мягких перинах. Ветер усилился. По небу забегали вспышки. Мы убрали паруса, и вихрь закрутил нас. Шлюпки разнесло далеко друг от друга, а потом вдруг непрерывным потоком полился ледяной дождь. Смешно: то умирали от невыносимой жары, а теперь вдруг промокли до костей и замерзли как черти. Мы легли в дрейф. Неожиданно стемнело, надо было вычерпывать воду, но Габриэль не мог. Он растянулся на дне лодки. Скип вернулся в капитанскую шлюпку, чтобы сравнять счет. Подняться негр уже не мог. Его сильно трясло. В свете очередной вспышки молнии было видно, как он судорожно сучит ногами и скрежещет зубами, лежа в холодной воде. Уснуть получилось только под утро, когда стих дождь. Проснувшись, я увидел, что Габриэль сидит с закрытыми глазами и сосредоточенным выражением лица. Кожа у него стала странного оливкового цвета.

— Сухари есть отказывается, — сообщил Тим.

— Надо есть, Габриэль.

В ответ — ничего.

С этого момента Габриэль перестал есть. И воды почти не брал в рот, самую капельку. Ураганный ветер поутих, но остался довольно сильным. Мы продолжали дрейфовать, и волны подкидывали нас вверх-вниз. Габриэль ничего не ел, но открыл глаза и снова принялся поносить Бога.

В ночь, когда он умер, мы пели: «Слепой на дороге стоял и плакал…»

Слепой на дороге стоял и плакал,
Слепой на дороге стоял и плакал,
Господи, спаси,
Слепой на дороге стоял и плакал.

И так без конца. Три-четыре раза подряд. Тонкими старческими голосами, точнее тем, что от них осталось. Габриэль тоже пел, прикрыв глаза, сохраняя невозмутимость. Он был добр ко мне. Я ничего не знаю о его прежней жизни и о тех, кого он оставил на берегу. Может, он что-то и рассказывал, я не помню. Но в ту минуту я вдруг сумел глубоко постичь его. Он перестал петь и посмотрел прямо на меня своими блестящими глазами. Его взгляд рвал мне сердце на части. Габриэль протянул мне руку, я взял ее, но сил в ней уже не осталось. На ощупь его рука была похожа на пласт вяленой рыбы — такая же сухая и просоленная.

— Не уходи, Габриэль! — Из глаз у меня брызнули слезы.

Но он ушел. Просто тихо ушел, не отводя взгляда. Только что был, и нету. Нет больше Габриэля за пеленой этих карих глаз.

— Пожалуйста, Габриэль, — только и смог я сказать.

* * *

Долгое время я был не в себе, в какой-то момент сознание меня покинуло и стремительно унеслось вверх, к небесным пределам. Это был новый мир, ярче прежнего, словно его вдруг выкрасили свежими красками. Необъяснимое волшебство таинственным образом похищало наших товарищей, одного за другим, вытаскивая их из собственных тел. Странное чувство охватило меня, наполнило до самых краев, оно выливалось из глаз и струилось по моему лицу. Была в этом и некая красота. Мои товарищи. Их лица перед моим мысленным взором. Поющие голоса. И мясо, их мясо. Оно было прекрасно. Жидкая кровь. Чудесная, когда загустеет. Густая, сладкая и сытная. Они подарили мне жизнь. Ведро с красно-коричневой жидкостью. Так и чувствую этот запах. Нос окончательно просолился. Когда едим мясо, появляются сопли, соль начинает щипать до рези в глазах, и я плачу.

В какой день пропала капитанская шлюпка — не знаю. Несколько недель тому назад, это точно. Недель. Да, недель… Скип успел вернуться к нам: все лепетал, что не может там спать, боится, как бы ему во сне горло не перерезали.

— Они меня ненавидят.

В соседней шлюпке — изможденное и печальное лицо капитана. И Саймон — с безучастным взглядом, рот открыт, кожа почти черная.

— Давай, Скип, — сказал Тим, — с нами не пропадешь. У нас

тут весело. Демонов своих только оставь там.

— Это не *мои* демоны. Почему Джаф плачет?

— Понятия не имею.

А потом шлюпка пропала — как давно, не помню.

Сознание покидает меня. Изменяет мне, вспыхивает, потом гаснет. Отключается. На смену ему приходит сон.

А море все менялось и менялось. Б**о**льшую часть времени лил дождь. Иногда дул ветер, и нас бросало вверх-вниз. Мои болячки жили собственной жизнью, соль разъедала их, вызывая жгучую боль. На ранках образовался белый налет. Дэн разговаривал с женой: «Элис, когда мне волосы пострижешь?» или «Может, нам обратно в Патни переехать?»

И однажды утром капитанская шлюпка исчезла.

Море опустело. Мы, все четверо, всматривались в горизонт и молчали. Ночь была ветреная. Сильный порыв унес наших товарищей совсем далеко.

Мы вчетвером медленно дрейфовали. Распевали песни, обнявшись, — веселые ребята. Я, Тим, Дэн и Скип. Если надвигалась буря, мы сбивались в кучу, спинами наружу, прижимаясь друг к другу лицами, обмениваясь горьким соленым дыханием, полным желчи. Мясо у нас еще оставалось, но огонь развести было нечем. Когда мясо закончилось, стали подъедать остатки сухарей и пить воду — понемногу. Но петь без конца невозможно. Голос пропадает. Открываешь рот — и все. Только мягкое свистящее дыхание, легкое, как капелька росы, и никто ничего не слышит, все перекрывает громкий соленый свист моря. Голос пропадает, мозг вытекает через отверстие в макушке, и ты летишь высоко-высоко, глядя с вышины, как закругляется земля, и всюду — голубизна, насколько хватает глаз. В голове крутится старая песня Ишбель: русалка — в одной руке гребень, в другой — стакан, и лицо — круглый бледный лунный диск, торжественный и печальный, а на фоне всего этого — звук ножа, которым пилят кость или жилу. Я не имел к этому никакого отношения. Я парил высоко, над облаками. Ее лицо превращалось в нож. Ее лицо было тем, в чем я в этот момент находился, и выбраться оттуда было невозможно. В самом конце должна быть прямая линия, растянутая в обе стороны до бесконечности, и это будет предел моря и край водопада, обрыв в белую пустоту, откуда поднимаются пенные брызги, чтобы встретить тебя задолго до того, как успеешь сообразить, какой удар ждет внизу. Вот туда-то мы и плыли, мерно идя по течению, и каждый воспарял в вышину и всегда возвращался, чтобы посмотреть, что прямо по курсу, и заглянуть в глаза остальным. Соединив руки, мы молча приготовились к падению.

Однажды днем я проснулся, а язык вывалился у меня изо рта. Он распух и превратился в незнакомое существо, ленивое и толстое, которое постепенно прокладывало себе дорогу на свет, выползая из вялого отверстия, бывшего прежде моим ртом. Ощущение было — вот-вот вырвет. На глазах выступили слезы, и я с благодарностью их выпил. Тогда, наверное, я и увидел того демона, о котором говорил Скип: козлоногое существо с безобразным оскалом, подобное тени, закрывшей небо. Демон поглядывал на меня искоса своими умными и озорными глазами. Небо было темное, с утра над головой клубились черные тучи, по ним пробегала легкая дрожь, море стонало. Увидев его, я повернулся к Скипу, но тот совсем лишился рассудка и сидел ухмыляясь — сам себе демон, — пугая меня своим взглядом. Его лицо совершенно изменилось. Глаза выкатились из орбит — большие круглые шары выступали из резко очерченной черепной коробки. Когда я снова посмотрел вбок, демона там уже не было.

Я попросил воды. То есть пошевелил губами и издал горлом нечто вроде тявканья, но Дэн сказал:

— Рано еще.

За этим отказом последовала немая вспышка гнева, вся ярость излилась внутрь. «Так нечестно, — взывал я. — Нечестно! Я ничего плохого не сделал!»

Наконец я получил немного воды — достаточно, чтобы смочить разбухший язык. Дэн сбрызнул мне губы из кружки.

— Держись, Джаф, не сдавайся.

Вода. Ненадолго мы вновь обрели способность говорить.

— Ерунда какая-то, — произнес Тим.

— Я хочу домой. — Скип обхватил себя руками.

Дом. Надежда. У матушки все хорошо. Должно быть. Чарли Грант человек достойный. Дом, матушка, Ишбель, никогда не вернемся, никогда. В груди жжет. Нужна какая-то защита от ужаса, как одеяло. Я жив, и в голове у меня пляшут яркие картины всего, что было: наш дом в Бермондси, Рэтклифф-хайвей, тигр, птицы, запах лимонного шербета.

Наступила очередная ночь, темнее прежних.

Утром мы опять выпили немного воды и доели крошки. Дэн показал, что осталось от сухарей: крошечный кубик, величиной со спичечный коробок. Мы рассмеялись.

— Нелепость какая-то. — В голосе Тима слышалось некоторое раздражение. — Пора нам и честь знать. Посмотрите, на что мы похожи.

— Мальчики, — обратился к нам Дэн, — мы же еще дышим.

Мы соединили руки. Скип все так же таращил глаза, язык застрял у него промеж зубов. Дэн превратился в коричневого

кожистого горбуна и стал похож на полированного деревянного идола из лавки Джемрака. На кого был похож я, даже и не знаю. Тим выглядел как угловатый загорелый эльф с большими голубыми глазами и ниспадающими на плечи волосами.

— Дело дрянь, — сказал он, — больше нам не протянуть. Конец.

— Что-то должно произойти, — предположил Дэн.

— Не надо, не говорите, пожалуйста. — От выпученных глаз Скипа мне уже стало не по себе.

«Нечего на меня так пялиться», — сказал бы ему я, если бы мог. Рука, которую я держал в своей, была колючая, как голая кость.

— Помогите мне! — взмолился Скип.

— Конечно, конечно, — попытался успокоить его Дэн.

— Помогите.

— Скип…

— Помогите, помогите, помогите…

Кости у него захрустели, я опустил глаза и увидел, как его рука сжимает мою: две косточки.

Море высоко подбрасывало нас. Небо было грязное, но с белой каймой по краям. Мне стало холодно. Я представил себе огонь, очаг в душной теплой комнате.

— Держитесь, держитесь, мальчики, — сказал Дэн.

— Пожалуйста, — ныл Скип.

— Давайте тянуть жребий, — предложил Тим.

— Ты о чем?

— Сам знаешь.

— Нет.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я. Так это и делается.

— Нет, нет.

— Это разумно.

Скип — по одну сторону от меня, Тим — по другую. Скип вцепился мне в руку, как настоящий безумец.

— Что происходит? — прошептал он.

— Ничего, — сказал Дэн, — держитесь крепче.

Тим засмеялся:

— У *этого* есть название.

— Жребий, ты хочешь сказать. Соломинки.

— Должны же мы что-то предпринять.

— Рано еще.

— В море так заведено, — заявил Тим. — Кому, как не тебе, это знать. Так всегда делали.

— Как думаешь, где они? — спросил я.

— Кто?

— Саймон. Капитан.

Молчание.

— Может, попадется-таки корабль. — Дэн не оставлял надежды.

— Слишком поздно. — По-моему, я произнес это вслух. По крайней мере, подумал.

— Он может подойти в любую секунду. — Дэн поднял грустный взгляд.

— Не надо, — усмехнулся Тим. Из десен у него шла кровь, глаза слезились. — Давайте сделаем это. Пока все с ума не сошли окончательно. Все равно умрем, если это не сделаем.

Скип громко стучал зубами у меня над ухом. «О черт», — простонал он жутким низким голосом, совсем не похожим на его собственный.

— У всех нас одна…

— О господи, — вздохнул Дэн.

— …судьба…

— Не будет никакого корабля, — бесстрастно произнес Скип, — вообще не будет.

— Я тоже больше не могу, — поддержал я Тима.

— Обождите! — воскликнул Дэн. — Еще день.

— Какой смысл? — высоким резким голосом спросил Тим. Казалось, он смеется.

— Еще денек.

— Почему пистолет у тебя? Разве мы здесь не равны?

Дэн обхватил голову руками. Горизонт словно поднялся и, казалось, отодвинулся еще дальше. Целую вечность ничего не происходило, только у Скипа глаза все больше вываливались из орбит и становились все страшнее. «Там демоны», — произнес он и сжал мою ладонь еще крепче. Я высвободил руку и ударил его. Тим обнял меня обеими руками. Он был намного больше, и у меня возникло странное чувство — не могу точно объяснить, — словно он мне как мать, что ли. Не хотелось плакать, слишком тяжело, поэтому я спрятал это чувство подальше, в глубину своего «я».

— Господи, пошли нам корабль, — просил Дэн.

Молить об этом было глупо: так или иначе, в нашей шлюпке прозвучало уже так много молитв, что хватило бы освятить все святые места на земле; давно уже стало ясно, что Бог отвечать нам не собирается. А если и собирается, то явно не так, чтобы его мог понять любой идиот. Вопить «спаси меня, спаси меня» можно было сколько угодно, но на происходящее это никак не влияло. Хотя мы все равно молились. Кричали «спаси меня, спаси меня», каждый по-своему: вслух или про себя, все утро и весь день, в

поисках берега, волшебной страны, до тех пор, пока я не почувствовал, что сознание вновь оставляет меня. Дэн достал пистолет и положил его в центр нашего маленького круга.

— Мне все равно, — сказал он, — можете застрелить меня, если хотите.

К этому времени рты у нас уже опять не открывались. С момента последней раздачи воды прошло несколько часов. На губах пузырилась пена, вместо разговора выходило мерзкое невнятное бормотание. С трудом разлепляя губы, мы выталкивали наружу слова. Выглядело это отвратительно. С неба падал прелестный и легкий серебристый дождь. Он замечательно холодил лоб.

— Существуют правила, — выдавил Тим со всей серьезностью.

— Правила! — Дэн откинул голову назад и захохотал, как бывало после пары стаканов.

— У него копыта, — сказал Скип.

Дэн засмеялся еще сильнее. Можно было подумать, он сидит на галерке в театре «Эмпайр».

— У тебя семья все-таки, — напомнил Тим, отчего Дэн резко прекратил смеяться и неожиданно разрыдался, словно с вершины скалы сорвался огромный камень.

Губы скривились в дурацкой гримасе, он опустил голову и принялся тихо всхлипывать.

— Шансы у всех равные, — настаивал Тим.

Дэн вытер нос рукавом и опустил голову еще ниже, пока лохматая макушка не оказалась на коленях, крепко обхватил себя руками и весь затрясся. Некоторое время прошло в молчании, поскольку продолжать спор мы могли лишь короткими вспышками, делая долгие перерывы. Из состояния оцепенения меня вывела жгучая боль. Она не прекращалась уже давно, но по каким-то причинам за последний час успела достичь крайнего предела. Особенно меня мучили трещины на локтях, там все горело и ныло, и я уже начал жалеть, что у меня нет когтей, чтобы разорвать эти раны.

— Пить, — прошептал я.

Дождь прекратился. Скоро язык опять распухнет и полезет наружу. Раздуется как пузырь и потребует воздуха.

— Да, пить, — Тим тронул Дэна за руку, — пора.

Дэн поднял голову, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на иронию.

— Конечно.

— Всем поровну, — напомнил Тим и потянулся за старой жестяной кружкой.

Что-то должно произойти. Буду лежать и смотреть. Кажется, стоит закрыть глаза — и просплю годы, как Рип Ван Винкль, а потом вернусь уже совсем в другое место. Когда мне дали воды, я принял ее как причастие. Старался не позволить глазам закрыться. Какой прекрасный мир звуков окружал нас: повсюду гудение и плеск… Кошачьи лапы крутят лодку, словно клубок… Какое странное лиловое небо… Кто-то сплюнул в воду кровь изо рта.

Дэн все плакал, не мог остановиться, и это оказалось заразно. Прохладная вода на языке придала мне сил, это было приятно. И вот мы уже все расплакались. Но наши рыдания не были мучительными — скорее освежающими, даже очистительными. Выпив воды, мы снова соединили наши дрожащие руки и сели в круг.

— Нужно, чтобы все были согласны, — сказал Дэн.

Все четверо. Мы посмотрели друг на друга, в наших глазах читались изумление и радость. У Скипа из глаз текла кровь, или это слезы у него были кровавые.

Все было как в песне или в книжке.

— Восемь клочков бумаги, — сказал Тим. — Метки должны быть на двух.

— На двух?

— Так надо, вторая — для того, кто будет стрелять, — пояснил Тим.

— Господи Исусе! — прошептал я.

— Все должны быть согласны, — повторил Дэн.

— Один умрет, — сказал Тим, — или мы умрем все.

Скип смахнул кровавые слезы и улыбнулся, доставая из кармана то, что осталось от его альбома.

— Вот, возьмите.

Последняя страничка: Хорта, вид с горы — уютный, в серых тонах, крыши, цветы Фаяла. Вспомнились чудесное рагу в таверне и девушка, сидевшая на каких-то ступеньках. Скип передал рисунок Дэну. Альбомный лист был небольшой, квадрат со стороной около четырех дюймов, но его оказалось достаточно. Дэн аккуратно сложил его и разорвал на восемь маленьких ровных квадратиков.

— А теперь, — он выложил их на банку, — пометим два из них.

Дэн нацарапал на двух кусочках бумаги какие-то каракули. Так они и лежали: восемь маленьких квадратиков, а мы смотрели на них. Воздух был совершенно неподвижен, ни один квадратик не шелохнулся.

— Скоро солнце зайдет, — тихо всхлипнул Скип.

— Ничего, Скип, ты не обязан это делать, если не хочешь, — взглянув на него, сказал Дэн. — Никто не обязан.

— Мы хотим. — Все еще улыбаясь, Скип наклонился и по очереди свернул каждый квадратик так, что получился квадрат поменьше, потом еще меньше и, наконец, такой маленький, что мы все засмеялись.

— Во что мы их положим? — спросил он.

— Мы по-прежнему не обязаны это делать, — напомнил Дэн.

Шапок не осталось, поэтому решили взять жестяную кружку. Дэн вытер ее досуха рукой. Мы со Скипом положили бумажные зернышки в кружку, и она стояла в центре нашего круга, словно чаша Грааля, а мы поклонялись ей.

Сама Жизнь трепетала в кружке в то мгновение. Пронзительная, как капля дождя. Мы не выпускали друг друга из виду, наблюдая свое отражение в чужих глазах.

— Все согласны? — Тим взял кружку, накрыл ее ладонью, резко встряхнул, потом вдруг замер. — Неправильно. Путаница получается. Надо было только четыре штуки положить. А теперь они все перепутались — вдруг никто не вытащит метку.

Я уже не понимал ни слова из того, что он говорит, и стал торопить его:

— Давай уже.

— Все согласны?

— Давай скорей, черт тебя дери!

— Дэн?

Тот кивнул. Да. Мы все кивнули. Кому тянуть первым? Так глупо, что мы не обговорили очередность заранее, и теперь было непонятно, кто должен тянуть первым, но тут Тим сказал, что это не важно, просто развернем все разом.

— Как подарки на Рождество, — сказал Дэн.

— Вот именно.

Мы засмеялись.

— Давайте по старшинству, — предложил Дэн. — Джаф, ты первый, потом ты, Скип, потом Тим, потом я. Пока все не вытащили, никто не открывает. Договорились?

Все согласно закивали.

Тим. Тим вытащил несчастливый жребий. Остальные вытянули пустые бумажки, а он стоял и смотрел на свой квадратик.

— Я, значит. — *С* этими словами он одновременно засмеялся, закричал и заплакал, кинул обрывок бумаги в центр круга. — Черт, черт, а, черт, парни, мне выпало.

— Ты не обязан, Тим, — разрыдался Дэн, — правда, не

обязан.

— Нет! Нет, нет, нет! — решительно заявил Тим. — Я должен.

— Нет, не должен.

Мы со Скипом молчали. Обратного пути не было.

— Мы же решили, — сказал Тим.

Дэн то переставал плакать, то снова начинал.

— Мы не можем это сделать, — выдавил он наконец и закашлялся так, что не мог остановиться. Глаза у него бегали, как у сумасшедшего.

— Все в порядке, — настаивал Тим. — Уговор есть уговор. Следующий жребий. Теперь вы трое тяните.

— Мы не можем.

— Ну давайте, пожалуйста.

— Тяните второй, ради бога! Мы же договорились!

— Господи Исусе! — Дэн издал какой-то невообразимый дикий вой и перекрутил руки так, что стал похож на умалишенного.

— Ради бога! — повторил Тим, взял кружку, потряс ее и сунул прямо мне под нос: — Вот, возьми.

Я взял клочок бумаги, потом Скип, потом Дэн.

— Теперь разверните, — велел Тим.

Второй жребий выпал мне.

Я отрицательно замотал головой.

Тим зарыдал. Слезы хлынули рекой, взгляд изменился.

— Не могу, — сказал я.

— Ох, Джаф, тебе не повезло больше всех. — Сказав это, Тим улыбнулся.

— Я так больше не могу, — произнес Дэн. — Надо это прекратить.

— Нет. Давай, только быстро. Прямо сейчас.

Тим попытался всунуть пистолет мне в руку, но я вздрогнул и отшатнулся. Мне стало дурно.

— Мне все равно, — сказал Тим. — Надоело. Я уже и сам не против. Не вижу смысла тянуть время. Давай.

Я пристально всмотрелся в его глаза. В глубине плясали веселые огоньки, разгоравшиеся ярче от слез.

— Это тебе больше всех не повезло, а не мне. Я сам готов со всем этим покончить. Честно.

Мы трое — я, он, Ишбель — на Рэтклифф-хайвей, носимся туда-сюда. Родной запах. Горло перехватило. Тим аккуратно вложил пистолет мне в руки. Я замотал головой.

— Прошу тебя, Джаф. Просто сделай это, и все.

Глаза. Помню его глаза.

— Не думай об этом, — произнес он.

— Не могу, Тим. — Голос у меня дрожал.

— Нет, нет, нет, нет! Нет, мальчики, нет! — запричитал Дэн. — Послушайте меня, пожалуйста.

Сгорбленный, изнуренный морем до невозможности, весь покрытый струпьями, он наклонился вперед и притянул всех нас к себе, широко раскрыв глаза и всматриваясь в наши лица.

— Я приму твою долю на себя, Тим. Я готов. А вы двое вытянете жребий, кому меня пристрелить.

— Мы же договорились, — возразил Тим.

— Мальчики, я не могу позволить вам это сделать. Я себе не прощу.

— Дэн, нам всем нелегко, — сказал Тим. — Давайте, черт возьми, покончим со всем этим как можно скорее.

Он высвободился, разбив наш круг, и потащил меня за собой, вцепившись в плечо исхудавшей рукой, словно хищная птица. Дэн плакал, Скип оцепенело смотрел, как мы с Тимом переползаем на другой конец шлюпки. В руках у меня был пистолет. За кормой качался туманный серый горизонт.

— Только между нами, Тим. Я не могу.

Тим притянул меня к себе, и мы обнялись.

— Все хорошо, — сказал он. — Ничего не поделаешь. Все по-честному.

— Неужели тебе не страшно?

— Страшно. Мне уже давно очень страшно. Я до смерти боюсь, если хочешь знать. Так что давай поскорее. Не будем нарушать уговор.

Мы неловко отстранились друг от друга. С юга мне в лицо подул теплый бриз. В правой руке я держал пистолет, левая сжимала ладонь Тима.

— Без обид, Джаф? — спросил Тим.

— Конечно.

— Береги себя, Джаф. Если доберешься домой, передай… Даже не знаю… Передай, чтобы не волновались, как-то так…

— Это безумие.

— Безумие. — Он засмеялся.

— Тим, ты по-прежнему уверен?

— Ты ни в чем не виноват, Джаф, — ответил он. — Я бы для тебя сделал то же самое. Ты мой лучший друг. Знаешь, как надо?

Конечно, я знал. Мы все знаем. Тим лег, положив голову на смотанный канат, свернулся калачиком и закрыл глаза, точно собрался спать. Сон и явь смешались. Я взвел курок и поднес ствол пистолета к правому виску Тима, но так, чтобы не дотрагиваться.

— Скажи, когда будешь готов, — попросил я.

— Когда и ты.

Я выстрелил.

Пришлось посмотреть — убедиться, что он не страдал. В момент выстрела Тим зажмурил глаза. Тело осталось неподвижным. Красное пятно расползлось по всей голове, вниз по лицу и шее. Он даже не дернулся. Голова сбоку стала липкой и плоской.

В течение нескольких дней дул ровный бриз, и мы шли с хорошей скоростью, море ритмично покачивало шлюпку. Перед моим мысленным взором стояла картина, которую я не мог забыть, не мог стереть из памяти. С того дня она навеки осталась со мной. На всю жизнь. Дэн говорил, что смотреть не надо, но это было уже не важно, слишком далеко все зашло.

В ушах звенело. У Дэна тряслись руки, когда он отрезал Тиму голову. Она скатилась на дно шлюпки. Потом Дэн поднял тело, чтобы направить струю крови прямо в ведро, которое держал Скип. Это было все еще тело Тима, руки вытянуты вдоль тела, блестящая кожа, безволосая грудь, ноги с изящными грязными ступнями. Голову было уже не видно, ее закрывала спина Дэна. После безголовое тело лежало неподвижно, капли крови стекали на настил. Дэн тяжело вздохнул, отвернулся и выбросил голову за борт. Я не выдержал и подбежал посмотреть, но там уже ничего не было: она камнем пошла ко дну.

Дэн со Скипом срезали остатки одежды. Тело уже перестало быть Тимом. Дэн трудился над ним бесстрастно, губы вытянулись в тонкую линию, под выцветшими глазами жутковато зияли провалы щек. Одному тут было не справиться. Мы со Скипом пришли на помощь. Все происходило в полном молчании. Трудно было резать тело на части: попадались куски с родинками, шрамами и мелкими волосками на коже, по которым было понятно, что это Тим. Голова всплыла. Дэн отогнал меня к другому борту, я сел и обхватил себя руками, наблюдая за волнами и размышляя о том, как странно было бы, если бы именно сейчас на горизонте показался корабль. «Если так случится, — думал я, — значит, Бог есть зло». Такое сотворить. Время исчезло, я потерял счет дням. На меня навалилась невероятная усталость, все мое существо взывало о сне — мне никогда и ничего еще так не хотелось. Скорее всего, я действительно заснул. А когда проснулся, все уже было кончено. Осталось только мясо и ведро с внутренностями да кое-какие вещи, завязанные в узел из его разодранной рубашки. Мы спустили этот узел на воду со всеми возможными почестями. Он

оказался легким и, прежде чем пойти ко дну, еще какое-то время плыл рядом со шлюпкой.

Огня у нас не было. Что-то съели сразу, в сыром виде, — розовое сердце, мягкие ткани. Только уговаривали себя: «Полегче, полегче, не так быстро». Мы тоже не дураки. Распределили разумно, чтобы всем было что пожевать. Длинные полоски мяса сушились на разодранных парусах. От мяса исходил соленый запах. Я все время оглядывался в поисках Тима. Ощущение было такое, словно он все еще с нами в шлюпке. Во рту снова стало влажно. Когда я облизывал губы, язык уже не прилипал к ним, как гусеница. Кружку пускали по кругу три или четыре раза: главное, пригубить аккуратно, как пчела хоботком. Кровь. Что я чувствовал? Что это было? Не печаль, не дурнота…

— Он подарил нам еще несколько дней, — сказал Дэн.

После еды мы, все трое, обрели некое подобие безмятежности. Лежали, покачиваясь над бездной, пока еще живые, живые, живые, ха-ха! Все трое? Все четверо.

— Кажется, он все еще здесь, — произнес я.

— Так оно и есть, — подтвердил Скип. — Вон там! — И указал головой на корму.

Но *мне* его было не увидеть. «Так нечестно, — подумал я, — если Тим там, это мне он должен был показаться, а не ему». Но хотя моего друга было не видно, я все равно чувствовал, что он там. Стемнело, а мы продолжали лежать.

Что это было за чувство? Не печаль, не дурнота, но какая-то легкость, странное, извращенное удовольствие. Тим и я… мне казалось, будто мы стали ближе, чем когда-либо. Если пережил такое с человеком, нет ощущения, будто он ушел навсегда, — скорее наоборот.

Потом мне, наверное, снился сон: нежный, розовый рассвет, горы облаков и рокочущая даль. Полный покой. У меня ничего не болит, все чудесно, день — лучше не бывает. Как я здесь оказался — не помню. Я и все мои товарищи плывем уже не первый год. По всему окружающему нас морю разливается смех. Там, за бортом, происходят странные вещи, на которые нельзя смотреть, иначе обратишься в камень. Но когда я засыпаю, то вижу, как рядом со шлюпкой качается на волнах голова Джона Коппера и я превращаюсь не в камень, а в студень, и тут же просыпаюсь.

14

Долгая, мучительная вахта — на исходе. Эти двое спят, время от времени просыпаясь, а я — один на всем свете — сижу и смотрю в бесконечность, то проваливаясь в нее, то возвращаясь обратно. Ленточки плоти, привязанные к рангоутам, трепещут на ветру; от них идет сильный запах, как от дубильни в конце улицы. В руках у меня кость. Язык превратился в длинный серый ковш — как у собаки, и не успокоится, пока не вылижет каждый уголок пористой сердцевины и не высосет без остатка животворный костный мозг. Я вдруг осознал, что все существующее в этом мире — по сути своей одно и то же: человеческие кишки — те же лондонские канализационные туннели. Красные ноги Скипа — распухшие колбасы. Даг, помнится, тоже так распух. Я прижимаю к себе косточку. Жирный запах щекочет мне ноздри. Почему Скип жив, а Тим умер? Это он должен был умереть, а не Тим. Скипу все равно конец — одного взгляда достаточно, чтобы это понять.

Я разбудил его со словами: «Твоя вахта», а сам лег.

Не знаю, уснул ли я, но совершенно отчетливо видел другие миры: мириады миров, и все они наплывали друг на друга, пелена за пеленой, словно знойные миражи в пустыне. Где они находились — даже представить себе не могу, но эти сны были совсем не похожи на обычные, те, что снятся человеку по ночам. Стоило закрыть глаза, и они накатывались друг на друга, как волны под нашей шлюпкой. Я мог видеть сквозь собственный лоб. Тим по-прежнему находился в лодке, там, где он обычно сидел. Тим умер: слова, слова, слова. Время от времени я присасывался к сахарной косточке, наслаждаясь приятным запахом и прижимая ее к себе. Болячки покрылись коркой.

«Я стал братом шакалам и другом страусам». На груди у меня лежит кость и бьется, словно сердце. Мы с костью продолжим наш путь. Когда хочется плакать от страха, я засовываю твердую блестящую головку кости себе в рот, начинаю посасывать ее с закрытыми глазами и вновь погружаюсь в сон, оставаясь в нем бесконечно долго, пока кость не вываливается на подушку. Кричу, и все возвращается. Я лежу в своей кроватке в Бермондси. Темная вода плещется о сваи. Матушка рядом. Биг-Бен отбивает десять часов. Тигр — солнце во всей своей красе — мягко ступает на кошачьих лапах и смотрит на меня золотистыми глазами, словно говоря: «Вскоре я съем тебя, торопиться некуда. Ничего личного». Для него я — такая же пища, как для моря.

Сбоку над шлюпкой навис темный силуэт огромной головы.

Дэн потряс меня за плечо, и я закричал.

— Все хорошо, Джаф, — голос у него был усталый, — спи дальше.

Стало светло. Дэн лежал, прикрыв глаза, покуривая невидимую сигару. Скип стоял на носу шлюпки и не отрываясь смотрел на восток. Я не мог видеть Тима, но знал, что он никуда не делся. Я чувствовал его. Ощущал его у себя внутри, будто он проник в меня миллионами тончайших нитей, недоступных человеческому разуму. Я закрыл глаза, изо всех сил сжимая в руке кость. И все миры снова начали с шумом накатываться друг на друга, с шепотом и хрустом, шелестя, словно миллионы листьев, как это бывает ночью в начале осени, когда погода вот-вот переменится, — когда чувствуешь терпкий запах. «Табак — индейская трава». Было дело, на ступеньках Старой лестницы в Уоппинге.

Когда я в очередной раз проснулся, было уже темно. Скип спал, а Дэн лежал, сцепив руки за головой, и сосредоточенно смотрел в ночное небо, будто там, наверху, среди бесчисленных звезд, ему что-то могло открыться.

— Дэн, — позвал я.

Он не ответил. Я подумал было, что Дэн умер, устремив взгляд в небо.

Какое-то время спустя он произнес:

— Тогда мне казалось, что в жизни есть смысл…

— Дэн!

— Что?

Но я уже забыл, что хотел сказать, и тоже откинулся назад, чтобы вместе с Дэном посмотреть на звезды. Черное небо было буквально усыпано звездами. Звездное небо над океаном — совсем не то, что звездное небо над Лондоном. Над океаном это обозримая невозможность, и созерцание неба есть взгляд в бесконечность.

— Что за кость? — спросил Дэн.

— Плечевая, — ответил я.

Остальные кости аккуратной горкой белели на дне шлюпки. Рядом валялся Скип, положив на них руку.

— Что теперь будем делать? — поинтересовался я.

Дэн зашелся скрипучим, сдавленным смехом. Он пытался его подавить, но не смог и смеялся до тех пор, пока по щекам не покатились слезы. Дэн обтер их кончиками пальцев и размазал жидкость по высохшим губам.

— Когда останется кто-то один, последний, каково ему будет? — Мой вопрос был обращен к небу.

Дэн покачал головой, сел, высморкался в ладонь и стряхнул сопли за борт.

Во рту у меня скопилась кровь, десны превратились в пористую губку. У крови на зубах приятный и резкий вкус, можно ее проглотить. В горле запершило. Сейчас ничего особенно не болело. Только глаза.

— Скоро утро, — произнес Дэн.

Когда оно настало, Скип еще спал. Мы попытались его разбудить, но он упорно не открывал глаз. Потом вдруг набросился на нас со злобным бормотанием, весь дрожа. Мы от него отстали. «Скоро он умрет, — подумал я. — Какой смысл снова тянуть жребий, ясно же, что Скип уйдет первым. А потом что? Останемся я и Дэн? И кто следующий? Я или он? Кто-то останется последним. А если это буду я? Что тогда?»

Я засмеялся.

— Что такое? — спросил Дэн.

— Просто представил, как это будет, когда останемся только мы с тобой.

После недолгой паузы он тоже рассмеялся и попробовал затянуть песню:

> «Я голоден! — Джиму Джек говорит. —
> Рревет в животе пррибой!»

Я подхватил:

> А Джимми в ответ: «Остается, друзья,
> Отобедать самими собой…»

Понимаете, почему люди смеются? Песня рассмешила нас до такой степени, что наше хихиканье в конце концов разбудило Скипа, который вскинулся, точно оживший мертвец, вытянув тощую индюшачью шею и выпучив глаза. Эти его глаза не давали мне покоя. Почему так тяжело было в них смотреть?

— Там было что-то желтое, — сказал он.

— Что?

— Смотрите. — Дэн разложил перед нами то, что осталось от наших запасов: крысе и то хватило бы не больше чем на день.

— Желтое…

— Смотри.

— …как глаз.

— Смотрите, — показал Дэн, — вот он.

Этого хватило, чтобы мы с Дэном снова захохотали, как два дурачка, но Скипа это только взбесило.

— Выкиньте его за борт! — заорал он. — С меня довольно! —

С этими словами Скип попытался встать, но тут же потерял равновесие и упал, колотя бессильными кулачками о борт, — с костяшек пальцев у него была содрана кожа, и на досках оставались следы крови. — Не могу больше! Черт бы это все побрал! Не могу! — И продолжал колотить, изрыгая проклятия.

— Чего ты хочешь? — Дэн положил руку ему на плечо. — Борт пробить?

— Да уж лучше так! — Скип с трудом встал на колени. Лоб и щеки у него пылали.

— Что там было желтое? — спросил я.

Скип перевел на меня тяжелый, как мешок с песком, взгляд:

— Я знаю, о чем вы думаете.

— А вот и не знаешь.

— Я все знаю. — Глаза его внезапно поменяли выражение: теперь в них читалась не ярость, но ужас. Из их глубины на меня смотрел уже не Скип, а кто-то другой.

— Вы хотите, чтобы я умер, — сказал он.

— Я не хочу.

— Сядь. — Дэн дернул его за рубашку.

— Убить меня хочешь.

— Не хочу.

Я вовсе не хотел его убивать. Вот физиономию бы ему разбил с удовольствием, за то, что заставил меня вспомнить, как я убил Тима.

Я убил Тима.

Звучит, наверное, глупо, но я только тогда это понял. Словно упал с огромной высоты.

— Я убил Тима, — произнес я, и меня затошнило.

— Неправда! — Дэн попытался сесть, но не смог.

Я завыл. Изо рта у меня, помимо моей собственной воли, извилистой лентой полилось бессвязное мычание. Я запихал в рот кулаки, чтобы остановить его. Это был не я, но нечто рвущееся на свободу из самого моего нутра. Сдержать это существо я не мог. И пока оно вылезало наружу, исчезая в плеске волн, что-то невидимое оказалось с нами в одной лодке. Я попытался спрятаться у Дэна за спиной. Но разве можно победить слепой, убийственный, сводящий внутренности страх.

— Оставьте меня в покое, — всхлипывал Скип.

Дэн с трудом выпрямился, дикий и ужасный, весь в лохмотьях, похожий на старого пирата.

— Идите ко мне, — позвал он нас обоих.

Мы втроем сгрудились на носу.

— Не думай, — посоветовал мне Дэн.

Липкая хватка со страхом. Я, словно муха, пытался вытащить

из клейкого сиропа тонкие ниточки-ноги.

— Сделай так, чтобы это ушло, — попросил я.

— Не думай.

Я поднял глаза и увидел мокрое от слез лицо Дэна. Или это пошел дождь, родная английская морось?

— Я убил Тима. — Мне казалось важным признать это как абсолютную истину, необратимый факт, который вселенная должна была вобрать в себя. Дэн закрыл глаза, из них полилась вода. Не знаю, плакал он или смеялся.

— У тебя впереди долгая жизнь, Джаф, — сказал он, — не трать ее на это.

— Пошли нам корабль! — воскликнул Скип, и его голос отдался у меня в ухе пронзительным криком чайки.

Какая разница? Я все равно убил Тима. И во веки веков, аминь, я убил Тима.

Вой превратился в дурацкий детский плач — так капризничают маленькие дети, когда хотят, чтобы им вытерли нос и взяли их на руки. Клубы серого и черного дыма завертелись у меня перед глазами. Я шел непонятно куда, в какое-то место далекое и затерянное, как скала, в другом мире, не помня уже, как попал туда, не помня даже своего имени, забыв все на свете. Помнил я лишь одно: меня неуловимо, но настойчиво подталкивали вверх, к некой плоскости, расположенной высоко-высоко. Когда же я наконец забрался туда и разум мой прояснился, я увидел, что Дэн беззвучно молится, двигая губами, опершись на борт, и просит Бога позаботиться об Элис и детях. Скип лежал ничком, закрыв голову руками. А еще в лодке были крошки от сухарей, теплая вода в кружке, на самом донышке, и пистолет; невидимый страх исчез.

— Давайте съедим, что осталось, — предложил я.

Так мы и поступили: разделили на троих крошки и допили воду, передавая кружку друг другу и подолгу держа во рту последние капли. На уничтожение последних запасов ушло полчаса. Вот как надолго нам удалось их растянуть. После трапезы мы задумчиво сидели и молчали, точно три старика у камина после обильного ужина. Серебряные прутья дождя шептались и переливались, пронизывая морскую гладь. Красота эта действовала на нас умиротворяюще. Скип лег обратно и сказал, что больше не встанет. Нет смысла. Он улыбнулся, закрыл глаза и закинул руки за голову, сообщив нам, что собирается спать, но тут же встал. Опять лег, снова встал, лег, встал, выкатывая свои жуткие глаза, лег, встал, как блохастый пес, вскочил на нос с воплями, будто видит корабль, корабль, и тут же, о господи, утробный хохот, черт, вот же, там, глаза, на

каждом рангоуте, кровавые глаза, и все они таращатся на нас. «Вы хотите, чтобы я умер!» — кричал он, обращаясь непонятно к кому — то ли к нам, то ли к великому морскому богу, то ли к демону, понятия не имею; что бы это ни было, но оно, похоже, поразило его одним ударом, ибо он вдруг крутанулся, рухнул, схватился за голову и завопил во всю глотку.

Мы схватили Скипа и попытались удержать его, чтобы не бился слишком сильно. Он кричал без остановки, плечи и руки дергались в конвульсиях, в уголках рта выступила пена.

— Не надо так волноваться, — успокаивал его Дэн, — не о чем.

Скип немного притих, и мы уложили его, подоткнув под голову кучу тряпья.

— Вот видишь, все хорошо, — говорили мы.

Он попросил воды. Требовал зажечь свечку, хотя было светло. Звал свою собаку, потом маму и папу. Три часа нес какую-то бессмыслицу, но глаз больше не открывал, хотя утверждал, будто видит высокие фигуры с рогами, как они приближаются, улыбаясь, по беспокойному морю. К вечеру он умер. А до тех пор голова его покоилась на коленях у Дэна. Скип отважно бредил до самого конца, который сопровождался страшной судорогой, встряхнувшей шлюпку так, будто мы наскочили на акулу.

* * *

Я помню тебя в прошлой жизни, незнакомцем, зашедшим во двор в то туманное раннее утро; мистер Джемрак стоит в дверях конторы в ореоле света, а от тебя исходит слабый запах океана, призывный аромат неизведанных мест. Ты пел «Табак — индейская трава» на ступеньках лестницы в Уоппинге. Глядя на тебя, разве я мог не отправиться в море? А теперь — посмотри на нас. Дэн — мое отражение в зеркале: глубокие впадины щек, глаза точно ямы. Я выгляжу примерно так же. Кожа сморщилась. Губы почернели, зубы торчат.

— Паруса бы надо убавить, — велел Дэн. — Займись ими, пока я тут разберусь.

Я занялся парусами. Вперил взгляд в игривую волнистую рябь и слушал. Я слышал те же звуки, какие раздавались, когда умерли Тим и Габриэль: треск, чавканье и скрежет ножа. Теперь и Скип.

Взмах топора. Удар.

Собака с косточкой. Костный мозг.

Закрыть глаза и сосать.

Закрыть глаза и сосать.

Я увидел то, что так пугало Скипа. Оно подкралось к шлюпке, широко переставляя по поверхности воды свои передние копыта, существо, похожее на жизнерадостную рептилию, гордо несущее за собой длинный закрученный рыбий хвост. Когда оно подошло к шлюпке на расстояние в длину корабля, глаза на страшной морде повернулись, обратились ко мне и застыли, а верхняя губа немного отъехала назад, обнажив длинные, острые, хищные зубы. Потом я снова увидел призрачные корабли и столбы дыма, заползающие на планширь. Я видел дерево, с которого стекали разноцветные пятна краски и со щенячьей радостью переплетались между собой в гуще грациозных ветвей; лица, на которых стремительно менялись миллионы выражений, ищущие глаза, потолки в подтеках воды, величественный затерянный город в розовых и золотых руинах. Я гордо парил над землей на гигантских крыльях летучей мыши, но взлетел слишком высоко и не мог спуститься. Как воздушный шарик, у которого кто-то обрезал нить. Меня поднимало все выше, затягивало вверх с невероятной скоростью, пока от меня не осталось ничего, только мысль о том, что я все еще остаюсь собой, чем бы я ни был, и каждую секунду мне грозило неотвратимое падение. Эти ужасные падения во сне… Раньше в момент стремительного приближения к критической точке я всякий раз просыпался в безопасном месте: в постели, в трюме «Драго», под столом в «Матросе» на коленях у какой-нибудь девки. И мир всегда возвращался. Добрый старый мир. На этот раз он не вернется. Все потеряно: теплая мамина подмышка, певчие птицы, луна над Лондонским мостом, золотистая макушка в толпе, запах сарсапариль — все до последнего, в непреодолимой тоске, в стремлении к любви: я был рожден, чтобы почувствовать ее и одарить ею других, любовь эта составляла назначение моей жизни.

И тут я упал.

Голоса.

Скрип снастей похож на крик коростеля. Мягко хлопают паруса. Штиль. Зеленая гладь моря. Я прижимаю к груди тонкие маленькие косточки, белые и бежеватые. Мы любим наши косточки. Ни за что их не отдадим.

Надвигается огромная тень. Над нами склоняются лица.

Нас подобрал пассажирский пароход «Кинтерос», шедший из Кальяо в Вальпараисо. Мы дрейфовали неподалеку от побережья Чили. Как оказался на палубе — не помню. Помню только ощущение усталого удивления, непонятного страха, и голос в

мозгу не переставал жаловаться, словно сердился на меня. Помню расплывчатые черты множества лиц; они двигались плавно, словно огромная рука качала их то вверх, то вниз. Помню, пахло чем-то вроде жареного лука, и по лицу у меня текли слезы — так сильно, что мне казалось, будто это остатки жизненной силы покидают меня. На ногах я стоять не мог. Меня подхватили чьи-то руки. В бормотании бесчисленных голосов выделился один, он произносил мне в ухо слова, которые ничего для меня не значили. Кто-то принес миску тапиоки и вложил мне в руку ложку, но я ее выронил. До Вальпараисо мы дошли в полубезумном состоянии — сидели и дрожали, уставившись в одну точку, как умалишенные. Дэн сказал мне: «Про Ору ничего не рассказываем», и я кивнул в знак согласия, стуча зубами. Так мы про него никому ничего и не рассказали. Почему — не знаю. Наверное, боялись навлечь на себя несчастье.

Часть третья

15

— Ты, морячок, такими глазами на меня не смотри.

— Какими глазами? Вот этими? Так они мои собственные. Какими еще я на тебя смотреть должен?

Рыжая. Лицо, правда, в оспинках, но совсем чуть-чуть. Симпатичная, только подбородок тяжеловат. В уголке рта крошечный струп. Мне даже жаль ее стало.

— Как тебя зовут?

— Вера.

— Красивое имя.

— Хочешь пойти куда-нибудь? — спросила она. Видимо, я усмехнулся. Она взяла меня за руку: — Над чем смеешься? Надо мной?

— А у тебя есть куда пойти?

— Есть. Идем со мной, — сказала она и повела меня — золото, а не девушка — по улицам Гринвича, сквозь дождь.

Она выбрала меня на пристани — именно меня, из всех опаленных солнцем физиономий, из стада полудиких существ, на которых похожи моряки, когда возвращаются после долгих лет, проведенных в море; вытащила меня из шумной толпы торговцев, мошенников и агентов, которые вербуют матросов на корабли, — всем им хотелось урвать от меня что-нибудь. Но я уже не новичок, просто так не дамся. От вида чудесных серо-зеленых, пропитанных дождем улиц Гринвича, по которым мы шли, меня била дрожь. Какая красота, какой блеск — сердце разрывается. Я заплакал.

Она заметила мои слезы, когда мы оказались возле высокого темного дома, прижала меня к стене, прямо у входной двери, взяла в ладони мою голову и, глядя мне прямо в лицо своими серыми глазами, произнесла:

— Ну давай, поплачь как следует, шкодник.

— Не такой уж я простак. Ты меня обобрать хочешь — я знаю. Просто чтобы ты тоже знала, что я знаю.

— Ну вот и поговорили, — сказала она, отпуская меня. — Хорошо, что сразу все выяснили. Идем.

Мы поднялись по лестнице — всего один пролет, на пустынной площадке она достала из комода, стоявшего слева, свечу, зажгла ее и отворила дверь, выкрашенную коричневой краской, которая вся пошла пятнами. За дверью оказалась небольшая комнатка, почти все пространство которой занимала кровать, покрытая индийским покрывалом. Пламя свечи бросало отсветы на потолок и стены, украшенные сентиментальными

картинками, изображавшими фиалок и котят, а на окне висела клетка с коноплянкой.

— Эй, Вера, сколько берешь?

Девушка скривила рот в улыбке. Лоб у нее был высокий, весь в подвижных морщинках, не менее красноречивых, чем глаза. Я бы дал ей лет тридцать. С деньгами разобрались. Она сняла жакет и присела на кровать, чтобы расшнуровать ботинки. «Мило тут у нее, — подумал я, — уютно. Снаружи шумит жизнь. Шаги стучат по мостовой. Я дома. Дома».

— У Джемрака покупала? — спросил я, указывая на коноплянку.

— Не знаю, — ответила она, — это не моя комната.

Я прильнул лицом к прутьям клетки и посмотрел на птицу.

— Коноплянка, — позвал я, — привет, коноплянка.

— Она так называется? — удивилась девушка.

Я снова заплакал.

— Да ты приляг, — сказала она и уверенно подвела меня к кровати. — У тебя есть полчаса. Приляг как следует и поплачь.

Так я и сделал. Я был пьян — напился еще до того, как сошел с корабля. Все казалось размытым, словно смотришь сквозь пелену. Я заплатил ей за полчаса, в кармане оставалось еще немного денег, и я знал, что она может попытаться их стащить, но в голове у меня клубился вихрь, и перестать плакать было для меня в тот момент все равно что для дождя прекратиться раньше предназначенного природой времени. Я вслушивался в спокойную музыку сверкающих дождевых капель, стучавших в оконное стекло, в их нежную колыбельную. Я преклонил голову на подушку — жесткую, потрепанную соломенную подушку, — и она показалась мне мягче розовых лепестков и гусиного пуха. Как уберечь деньги, если таешь, словно свеча?

— Ляг со мной, я же тебе заплатил, — велел я девушке.

Она прилегла рядом, и я обнял ее.

— Ограбишь — убью, — пообещал я ей.

— Не убьешь, — снисходительно возразила она, — зачем тебе?

Слезы было не остановить. Она вытерла мне нос маленьким платочком, надушенным лавандой. От этого я еще больше заплакал.

— Что это? — спросила девушка.

Синяки на правом предплечье. Так и остались.

— Ничего.

— Хватит. Пора успокоиться. Давай договоримся: ты мне дашь еще одну гинею сверху, а я обещаю ничего не красть.

— Идет, — ответил я.

На этом разговоры закончились. Когда мое время истекло, она выставила меня за дверь, и я побрел к мосту вдоль реки в легком облаке моросящего серебристого дождя, мимо того места в Бермондси, где мы когда-то жили. Лучше там не стало. По-прежнему воняло до невозможности. Пляж у моста был все таким же грязным. Я присел на ступени и бесконечно долго смотрел на противоположный берег. На Рэтклифф-хайвей. Подумалось: та женщина, она ведь пощадила меня. Наверное, признала за местного.

Я оттягивал возвращение домой, бродил без цели. В конце концов пересек реку — днем, ближе к полудню — и с полчаса постоял, наблюдая, как разгружают сахар. До сих пор мне не встретился ни один знакомый, и это меня устраивало. Новости разошлись еще до нашего возвращения. Задолго до того, как мы зашли в док, наша история была уже всем известна. Когда люди будут смотреть на меня, знание о том, что произошло с нами, будет светиться в их взглядах. Может, надо было нам с Дэном солгать, но мы не стали этого делать. Как я буду смотреть в глаза Ишбель и ее матери? Невыносимо. Какая-то часть меня считала, что вообще не надо было возвращаться, надо было похоронить себя в каком-нибудь затерянном, забытом уголке мира, но это было бы несправедливо по отношению к матушке. И вот я тянул время, слонялся без дела и дошел до матушкиного дома только к двум часам пополудни. Она ждала меня еще с вечера предыдущего дня и стояла на углу, вглядываясь в лица прохожих. Все та же матушка, только постарела чуть-чуть да волосы немного поседели. Я увидел ее прежде, чем она заметила меня. Выражение ее лица могло показаться сердитым, но я знал: просто она беспокоится. Увидев меня, она облегченно вздохнула, губы ее сложились в подобие мрачноватой улыбки. Матушка подошла ближе, крепко обняла меня и тут же отпустила.

— Все хорошо? — спросила она.

Я поцеловал ее в щеку:

— Надеюсь, ты не стояла тут целый день?

— Конечно нет, глупый, выбегала время от времени, а потом — обратно.

Мы оба отступили на шаг. Я довольно глупо оскалился. В ее глазах отразилось страдание.

— У тебя все хорошо? — спросила матушка еще раз, пристально вглядываясь в мое лицо.

— Бывало хуже.

— Я уж думала, никогда больше тебя не увижу.

— А вот и не угадала. — Я почему-то усмехнулся.

— Идем.

Матушка взяла меня под руку и завела во двор с вымощенным плитками стоком посередине и кузницей в дальнем углу. Звук ударов молота по металлу отскакивал от карнизов. У ворот была привязана высокая вороная лошадь, на морде — торба с овсом. Жилые помещения располагались слева: приоткрытая створка двери, ведро с мыльной водой, широкий подоконник с выложенными на нем ракушками — одной большой из-под гребешка и парой тропических, с завитушками, их еще называют «шотландскими шапочками». Здесь было просторнее и чище, чем в предыдущей квартире, и пахло чистым бельем, рыбой и матушкиным бульоном — тем самым, о котором я так мечтал в шлюпке. Чарли Грант стоял, расставив ноги, спиной к ярко пылающему очагу, над которым тихо подрагивал и гудел чайник, подвешенный на крюке. Лицо у Чарли было розовое, точно кусок ветчины. Со дня нашей последней встречи он изрядно растолстел.

— Джаф, — произнес он, выступив вперед и неловко, но дружелюбно схватив меня за плечо, — я рад, что ты снова дома.

— Хорошо оказаться дома.

У стола на высоком стульчике сидел малыш, зажав в перепачканном овсянкой кулачке деревянную ложку. На вид ему было года полтора.

— Красавчик! Правда, Чарли? — с гордостью заявила матушка, усаживая меня на стул напротив малыша.

— Еще какой!

— А это кто, Джаф, как думаешь?

У ребенка было широкое личико со вздернутым носиком и на удивление густые каштановые кудри на макушке. Он посмотрел на меня оценивающим взглядом, и я ему подмигнул.

— Это твой младший братик, Джаф, — поспешила сообщить матушка. — Его зовут Дэвид.

— Что?!

— Вот тебе и сюрприз! Дэвид! Это твой старший брат, Джаффи. Скажи ему «здравствуй».

Дэвид и я рассматривали друг друга настороженно, но с интересом.

Ничего удивительного, конечно, в этом не было. Не так уж ей много лет. Хотя выглядела матушка постаревшей. Кажется, ей не было еще сорока. Когда я у нее родился, она была совсем молоденькая. Ощущения у меня были довольно странные. Казалось, будто я далеко-далеко. После долгого времени, проведенного в море, эта запотевшая от пара комната, ребенок, мужчина в подтяжках, с розовым лицом, жар очага, миска с бульоном, поставленная передо мной матушкой, ломоть хлеба, ни с чем не сравнимое ощущение реки за стенами — все это

представилось мне игрой воображения, картиной, промелькнувшей перед глазами в момент, когда я потерял сознание.

Бульон показался мне пищей богов.

И я разрыдался.

— Не плачь, все прошло. — Матушка наклонилась и обхватила меня руками, я ощутил знакомый запах. — Теперь все будет хорошо.

— Знаю, знаю.

Она отвела меня в мою комнату. Комнатка была крошечная, но окно выходило поверх крыш на реку, где небо было исчерчено высокими мачтами парусных судов. Матушка приготовила мне чудесную постель, покрытую шелковым стеганым одеялом с узором из красных цветов, а рядом с кроватью на приземистом табурете красовался побег лунника в старом зеленом кувшине, что стоял когда-то в нашей комнате на Уотни-стрит, на каминной полке. Моя кровать. Лечь на нее и спать, спать — больше ничего не надо. Однако, как только голова моя коснулась подушки, а матушка задернула занавески, поцеловала меня и вышла, аккуратно притворив за собой дверь, мои мысли пустились в нелегкий путь по темным волнам. Сколько всего нужно сделать! Повидать Ишбель и ее мать. Покончить с этим. Спать. Побольше спать. Мне все это говорили: и доктор на корабле, и доктор в Вальпараисо. Что еще? Вернуть себя, то есть свой разум, обратно из глубокой бездны и бурлящих морей, заставить себя думать о будущем, которого могло и не быть. А что делать прямо сейчас? Выйти на улицу и привлечь к себе все эти взгляды. Все знают. Ничего не утаишь. Люди из доков столько лет прожили рядом с морем и слыхали столько морских историй, что их ничем не удивишь. Они не станут смотреть на меня искоса, но что-то все равно будет в их глазах. Знание.

В конце концов я уснул, но сон не принес облегчения: он швырял меня то вверх, то вниз, словно море. Именно тогда я начал постигать самые глубокие глубины, но так ничего и не понял.

Наутро меня пришел проведать мистер Джемрак. Я услышал его голос, когда он рассказывал матушке о своей встрече и долгой беседе с Дэном Раймером и о том, как Дэн заявил, что больше никогда в море не пойдет. Матушка согласилась: мол, давно пора ему остепениться. Столько лет человеку, молодая жена, дети. «Теперь он хочет пожить дома и порадоваться тому, что у него есть», — заключила она. Слышно было, как смеется Дэвид. Такой уж он был ребенок. Мог сидеть, играть с собственными пальцами и смеяться, болтать сам с собой сколько угодно, погруженный в

свой счастливый мир.

Вниз спускаться не хотелось. Не пойду. Никто меня заставить не может. Рано еще. Слишком много всего навалилось. Пока не буду вылезать из постели, насколько хватит терпения. Если позволят — целыми днями буду валяться. На ближайшее время я понял, что делать дальше. Спать. Именно. Жизнь теперь станет простой: рыба, суп, тепло, сон, табак, пиво. Голова у меня кружилась от звуков и запахов, которых становилось все больше. Но сколь многих из них уже нет! Поэтому, когда матушка пришла и сообщила мне о визите мистера Джемрака, я сказался слишком усталым, чтобы встать, и он крикнул мне снизу, чтобы я не волновался, повидаемся в следующий раз, а я повернулся на другой бок и попытался снова заснуть, несмотря на дневной свет, который просачивался сквозь занавески.

На следующий день матушка заставила меня подняться с кровати и буквально вытолкала из дому. Первым делом я сходил к цирюльнику, а потом отправился к мистеру Джемраку. Кобб по-прежнему подметал двор — он ничуть не изменился, только еще больше полысел, что придавало ему сходство с каторжником. Он поставил на землю ведро, подошел ко мне и угрюмо обнял — никогда бы в жизни не мог представить себе ничего подобного.

— Привет, Кобб, — сказал я.

Тот буркнул что-то и ушел.

Во дворе произошли изменения, но я не мог понять, какие именно. В дальнем углу толстая японская свинья, любимица Джемрака, жевала капустные листья. Мистер Джемрак увидел меня из окна и вышел, чтобы поприветствовать. С момента нашей последней встречи он стал плотнее, раздался вширь, а лицо сделалось еще более красным.

— Ну наконец-то! — воскликнул Джемрак, улыбаясь во весь рот. — Джаффи, мальчик мой! Тебе уже лучше?

— Намного лучше, — ответил я, хотя это была совершеннейшая неправда. Я не понимал, зачем вылез из постели, и сгорал от нетерпения вернуться в нее как можно скорее.

Мистер Джемрак похлопал меня по плечу как равного.

— Этот промысел — ужасная штука, Джаф, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

— Да.

— Кошмарная.

Я кивнул.

— Пойдем в контору.

В отгороженной части комнаты сидел новый мальчик, разбираясь в куче бумаг и радостно насвистывая. Совсем не

похоже на прежние времена, когда Балтер часами просиживал за столом и бездельничал. Тукан Чарли был все еще жив-здоров, а вот старушка Фло пала жертвой чахотки и покинула этот мир. Мистер Джемрак отослал своего помощника и налил мне кофе из стоявшего на плите кофейника. На улице было прохладно, а здесь, внутри, уютно и, как всегда, дымно. Чарли уселся мне на руки и стал покусывать ухо.

Я спросил, как идут дела.

— Недурно, недурно, — ответил мистер Джемрак и выпустил к потолку струйку дыма. Потом он рассказал мне, что теперь его сын Альберт тоже работает здесь — и он обучает парнишку, чтобы передать ему дело. В тот день, правда, Альберт был дома — слег с сильной простудой.

— Жалко, — сказал я.

Мистер Джемрак предложил мне трубку, снова зажег свою и откинулся в кресле.

Мы оба чувствовали себя неловко. Какое-то время сидели и молча курили.

— Кофе хороший? Не слишком крепкий? — спросил он.

— Нет, в самый раз.

— В том-то и секрет.

— Знаешь, Джаф, — Джемрак наклонился вперед и заморгал своими старыми печальными глазами, — мне даже слов не найти…

— Ничего, мистер Джемрак, — я высвободил когти Чарли из ткани куртки, — я понимаю, что это нелегко.

— Нет, я хочу сказать… — он попытался помочь себе жестами левой руки, — хотел сказать… то, что ты пережил, у меня в голове не укладывается. Просто чтобы ты знал, что…

— Я понимаю, — ответил я.

— …если я что-то могу сделать…

— Конечно.

— Дэн решил уйти на покой — слыхал?

— Знаю. Он говорил мне в Вальпараисо.

Забавное чувство. Словно Тим здесь, в этой комнате, вместе с нами.

— Ты еще очень молод, Джаф, — продолжал Джемрак. — Не допусти, чтобы это разрушило твою жизнь.

— Конечно.

— На тебе нет ни капли вины.

— Я знаю.

— Все всё понимают.

— Знаю.

Могу поклясться: стоило мне обернуться, и я бы увидел Тима.

— Разумеется, никто не ждет, что ты завтра приступишь к работе, но знай: здесь для тебя всегда найдется место, если ты…

— Я знаю.

И он, и я — мы оба знали, что никакой спешки нет. Мистер Фледж проявил истинную щедрость по отношению ко мне и к Дэну. И потом, я не очень понимал, куда Джемрак мог бы меня теперь пристроить. На роль дворового мальчика я уже явно не подходил, а конторская служба, определенно, не мое занятие. Если честно, я вообще не представлял себе, чем собираюсь заняться. В голове у меня по-прежнему крутились вихрем морские волны.

— На самом деле я не думаю, что вернусь сюда, — признался я.

— Понимаю тебя. — Джемрак задумчиво кивнул.

— В любом случае, — я огляделся кругом, — приятно снова увидеть знакомые места.

— Не так уж много тут изменилось, правда?

— Самая малость.

— Поопрятнее стало. Это все Альберт.

Мы еще немного посидели, а потом Джемрак сказал:

— В общем, как решишь, что будешь делать дальше, приходи ко мне, Джаф, ладно? Что бы там ни было, знай: ты всегда…

— Спасибо вам большое, сэр, — поблагодарил я.

Пора идти. Мы встали. Чарли перелетел к Джемраку на плечо. Прихожая была полна ящиков с певчими птицами: их нужно было перенести в одну из птичьих комнат. Только что из дока. Птицы сидели, нахохлившись, в своих маленьких ящичках, не понимая, что происходит. На меня накатила волна тошноты, но Джемрак, кажется, ничего не заметил.

— Береги себя, Джаф, — произнес он, — и приходи ко мне, если что-то понадобится. Обещаешь?

Стало нечем дышать. Мне надо было срочно выйти на воздух.

— Обязательно, — пообещал я.

Он крепко пожал мне руку, пристально, со страдальческим выражением глядя мне в лицо. В глазах у него стояли слезы.

— Вам нужно устроить большой птичник, мистер Джемрак, — заметил я.

Он улыбнулся, обвел долгим взглядом ящики с птицами.

— Да, условия для них не самые лучшие, — согласился он. — Ты прав, места им не хватает.

Джемрак отворил дверь. Чарли переполз с его плеча ему же на грудь и устроился там, как новорожденный олененок, вращая своим нелепым круглым глазом.

Выйдя на улицу, я немного постоял в раздумье, вдыхая

пьянящий воздух. Надо сходить повидаться с матерью Тима. Я шел медленно, трепеща от страха, и думал: лучше бы сейчас вернуться домой. Но надо с этим покончить. Ишбель может оказаться дома. От такой мысли становилось пусто внутри. И что я должен им сказать? Миссис Линвер, посмотрите на это с другой стороны. Зато вернулся я.

Ладно, надо с этим покончить.

Есть еще одно дело.

Я заглянул в Морскую часовню. Все по-старому. Иеффай с дочерью на месте. Старина Иов в своих струпьях. Вот настоящее возвращение! В часовне я впал в подобие сна. Деньги у меня в кармане были, так что я выбрал почти все свечи. Поехали! Вот потеха! Главное, никого не забыть. Я решил начать с братьев Ишбель, вспоминая тот день, когда мы с ней заходили сюда. Тот день — с чего он начался? Тот ли это был день, когда она поссорилась с Тимом из-за нашего с ней качания на качелях? Не важно. По одной свечке — для каждого из ее братьев: бок о бок, высокие, крепкие, навеки лишенные лиц. Дальше по очереди: Джо Харпер мастерит клетку на палубе, рядом — его коробка с инструментами, с выдвижной крышкой. Это раз. Два: мистер Рейни, с его ухмылочкой. Три: капитан, конечно, больше похож на школьника-переростка, чем на капитана китобойного судна. Четыре: ага, Мартин Ханна, пудинг. Абель Роупер. Так ли вас зовут на самом деле? Вы и есть тот самый мистер Роупер? Ха-ха-ха. Пятеро. Шесть. Каждая свечка — новый огонек, трепещущее пламя в тихой часовне. Габриэль, мой друг. Ян держит ведро для блевотины. Билли Сток — разгневанный. Сколько уже? Пересчитаем: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь… Девять: ох, мистер Комера — хороший был человек. Бедного мистера Комеру укусил дракон. Вот ведь дикая и древняя тварь. Доплыл ли зверь до своего острова? Разгуливает ли по-прежнему на своих странных кривоватых лапах по песчаному пляжу, высовывая язык и низко поводя головой? Девять: Уилсон Прайд, ходит вперевалочку, глаза воспаленные. Десять: Генри Кэш — голова как у тюленя, ныряет под палубу. Одиннадцать: Феликс Дагган — горластый, надоедливый. Двенадцать: Саймон — конечно, со своей скрипкой. И Сэм, тринадцатый. Сэм Проффит, с голосом, подобным серебряной нити. Даг, Даг Аарнассон — с ним мы вместе ходили на дракона. Четырнадцать. Пятнадцать…

Я запутался. Оставались еще мы четверо: я, Дэн, Тим и Скип, — но двоих все равно не хватало. Как страшно, когда не можешь вспомнить! Словно, потеряв их из памяти, я обрекал своих погибших товарищей на вечную тьму.

Джон Коппер! Как я мог забыть?

Кого-то еще пропустил. Или неправильно сосчитал? Начнем сначала. Один, два, три, четыре…

В конце концов всех удалось вспомнить. Если бы я кого-то недосчитался, то не ушел бы. На пороге я оглянулся: все мои двадцать свечей горели ровно.

Была суббота. Миссис Линвер жила теперь на Фурнье-стрит, поэтому побрел в том направлении — руки в карманах, воротник поднят. Прошел по Уотни-стрит, мимо нашего старого обиталища, посмотрел, не видать ли мистера Рубена, или миссис Реган, или кого-нибудь еще, но дверь была заперта, и на ступенях — никого. Трижды я случайно наткнулся на знакомых и вынужден был остановиться и поговорить с ними; меня в очередной раз похлопывали по плечу, нервно скользили взглядом по моему лицу и поздравляли меня с тем, что я выжил. На субботней Рэтклифф-хайвей пришлось прокладывать себе дорогу сквозь толпы девок и пьяных матросов; из-за дверей раздавались глупый смех, визги веселья и скрипучие звуки струн. В дверях «Безмозглого матроса» стоял кабатчик — низкорослый, грязный — и курил короткую грязную трубку. В мое время его там не было. Потянуло зайти внутрь и выпить, а скорее — напиться в хлам и заснуть на полу, пока не придет какая-нибудь женщина и не утащит меня в какую-нибудь мягкую постель проспаться. Но над головой висела туча: я должен был сходить к матери Тима. Это надо было сделать обязательно. Вдруг Ишбель тоже там? Говорят, она устроилась куда-то служанкой, но все равно, мало ли. Она очень похожа на него лицом. Как забыть Тима? Вкус малинового пирожного. Беги, Джаф, вперед! Беги к докам и садись на первый же корабль, на который тебя возьмут.

В конце концов я оказался на Фурнье-стрит и ходил теперь по ней в поисках нужной двери. На некоторых домах, увы, не оказалось номеров. Миссис Линвер жила за черной дверью, сбоку от мастерской бондаря: три ступеньки вверх, а внизу, в подвальном окне, — афиша сегодняшнего представления в «Канонерке». Дверь открыла Ишбель — вся в черном, блестящие карие глаза, бледное лицо, светлые волосы зачесаны за уши. Один-единственный взгляд — и я не мог больше встречаться с ней глазами, приходилось все время смотреть слегка в сторону.

— Я все думала, когда ты придешь, — сказала она.

— Привет, Иш.

Она сделала шаг вперед и легонько обняла меня из вежливости. На секунду ее шелковистая щека коснулась свежевыбритой щетины. Господи, только б не выставить себя идиотом. Раньше она была выше меня. Теперь мы сравнялись. Когда Ишбель отступила назад, я понял, что на самом деле

перерос ее дюйма на три, просто на ней туфли с каблуками. Ишбель изменилась. Или простое черное платье делало ее более представительной? Кто она для меня теперь? Понятия не имею.

— Посмотреть только! — удивилась она. — Как ты вырос!

— Ты тоже.

Ишбель провела меня по темному коридору в боковую комнату.

— Говорят, ты нанялась куда-то.

— Правду говорят. — Она оглянулась через плечо. — Мистер Джемрак нашел мне место в Клеркенвелле.

— Тебе там нравится?

Ишбель пожала плечами и открыла дверь.

Эта квартира была побогаче, чем та, где Линверы жили прежде: высокие потолки, хорошая мебель, в глубокой нише с окном — большая фуксия в белом горшке, черная кухонная плита во всю стену, до блеска вычищенная медная утварь развешана по сторонам от очага. Миссис Линвер сидела в кресле-качалке, положив ноги в тапочках на теплую чугунную решетку.

— Смотри, кто к нам зашел! — весело прощебетала Ишбель.

Миссис Линвер вскочила и уставилась на меня. Измятый платок выпал у нее из рук на пол.

— Как ты посмел вернуться без него! — закричала она.

— Мама, прекрати эти глупости, — пристыдила ее дочь. — Джаффи не виноват.

— Простите, миссис Линвер, — прошептал я. Это было невыносимо. — Простите, мне очень, очень жаль.

— Присядь, Джаффи, я заварю чаю. — Ишбель усадила меня на стул и вышла из комнаты.

Ее мать в исступлении сделала несколько шагов в мою сторону, опустив вдоль тела сжатые в кулаки руки. Вид у нее был изможденный. На лице — темные впадины. Примерно в футе от меня она остановилась, вся дрожа, затем упала на одно колено, чтобы получше разглядеть мое лицо. Смотреть ей в глаза было ужасно.

— Я знаю, Джаф, это не твоя вина, — торопливо проговорила она, — правда, знаю, просто все это слишком тяжело.

В глазах защипало.

— Слишком тяжело, — повторила она, продолжая смотреть на меня.

Мне показалось, что голова моя сейчас взорвется. Я попытался что-то сказать, но в горле словно что-то застряло.

— Скоро все будет готово, — сообщила Ишбель, входя обратно в комнату.

Она выволокла на середину небольшой столик, подняла мать

на ноги, силой усадила ее обратно в кресло и протянула ей оброненный платок — и все это одним непрерывным движением. Каждый дюйм ее тела, каждый жест были знакомыми и в то же время совершенно иными; реальная Ишбель казалась мне более призрачной, нежели воспоминания о ней.

— Нашей девочке пришлось очень тяжело, — произнесла миссис Линвер, не спуская с меня глаз. — Ей пришлось занять место отца, правда-правда. Брат-то ушел в море. Мы так благодарны мистеру Джемраку за то, что он подыскал ей такое хорошее место.

— Да, конечно. — Ишбель взяла себе стул и уселась на него, выпрямив спину и положив руки на колени, словно настоящая леди.

Там, где раньше под платьем выступали две небольшие грудки, похожие на лимончики, теперь красовался настоящий женский бюст. Руки у нее ничуть не изменились — пальцы такие же обкусанные, и я завороженно следил за каждым их движением.

— Как ни странно, дела у нас обстоят неплохо, — сообщила Ишбель. — А твоя матушка как поживает?

— Хорошо. Хотя, если честно, мальчуган меня изрядно удивил.

— Да уж, — она улыбнулась, — так мы и думали. Малыш Дэвид. Прелесть, правда? Очень напоминал мне тебя.

Я рискнул бросить взгляд на Ишбель, но она смотрела на мать.

— Ну, расскажи нам тогда, Джаффи, — миссис Линвер подалась вперед, — расскажи то, что должен рассказать.

— Мама, оставь его в покое. — Слова Ишбель прозвучали натянуто. — Дай ему хоть чаю попить.

— Ничего страшного, — возразил я. — Я готов рассказать вам все как было, только мне трудно об этом говорить. Вы должны понять.

— Конечно, — отозвалась Ишбель.

— Мне только нужно убедиться, что ему не пришлось слишком сильно страдать, — не унималась миссис Линвер. — Хочу знать, что все быстро закончилось. Сам понимаешь. Как все было в самом конце? Больше я ничего знать не хочу. А еще хочу, чтобы ты сказал мне правду.

— Тим умер до того, как началось самое страшное. Я соврал бы, если б сказал, будто он не страдал, — мы все страдали, но он ушел до того, как стало совсем плохо.

Последовала долгая и мучительная пауза. Я не мог смотреть им в глаза.

— Говорят, это он придумал тащить жребий, — произнесла

его мать.

— Да, но мы все согласились.

Я поднял глаза. Обе женщины смотрели на меня не отрываясь, и у меня в ушах застучала кровь.

— Тим все время всех поддерживал, — сказал я. — Ни разу не видел, чтобы он пал духом.

Глаза миссис Линвер увеличились до невероятных размеров.

— Он просил передать вам обеим, что у него все в порядке. Знаю, звучит нелепо, но именно так он и сказал: «Передай, что у меня все в порядке».

— Идиот! — пронзительно вскрикнула Ишбель и закрыла лицо руками.

— Сказал, что у него все в порядке и чтобы вы не волновались.

Она засмеялась. Какое-то мгновение мы все смеялись.

— Бог ты мой! — воскликнула Ишбель. — Как это на него похоже!

Так мы и сидели все трое, и слезы ручьями текли по нашим лицам.

— Он был стойким, — сказал я. — Действительно. Я бы так не смог. Он был… — Мой голос сорвался.

Миссис Линвер высморкалась.

— Простите меня, миссис Линвер, — произнес я, и не было в мире способа как-то исправить положение.

Я был здесь, а Тим умер. И всех нас навеки связал ужас того, что случилось с ним, что я наделал. Я все не мог забыть того страшного ощущения, когда палец жал на курок.

Ишбель вытерла себе щеки ладонями.

— Пойду принесу чай.

С этими словами она вскочила и выбежала за дверь. Я сидел в отчаянии, с одной мыслью — убежать, и чувствовал себя как жук, застывший в янтаре.

— Правда, — сказал я, — Тим был очень-очень храбрый.

Дурацкие слова.

Миссис Линвер кивнула, нахмурила брови и отвернулась, уставившись в пламя. Угли шевелились. Голоса людей, проходивших по улице, доносились точно из царства грез, отдаваясь эхом, как звуки в раковине, если приложить ее к уху. На мгновение мне показалось, что сейчас я упаду в обморок.

— Красивый цветок, — в отчаянии произнес я. — А летом он цветет?

— Да, очень красиво, — печально ответила миссис Линвер, — очаровательными розовыми цветами.

Вернулась Ишбель с подносом: она вошла спиной вперед,

чтоб открыть дверь. Я вскочил и забрал у нее поднос. Она зарумянилась.

— Да ладно, Джаффи, просто поставь вон туда. Спасибо.

Неужели они ждали от меня чего-то еще? Рассказа обо всем, что я так старательно пытался изгнать из памяти? Скоро ли меня отпустят?

— Смотри-ка, — продолжила миссис Линвер задумчиво, — слишком длинные у него побеги.

— У кого? — Ишбель присела на стул.

— У этого растения.

— Ах да, надо будет подрезать. — Ишбель улыбнулась мне так приветливо, словно это был обычный визит. — Спасибо, что зашел, Джаффи.

— Не за что.

— Представить себе не могу, как тебе было страшно.

— Он хотя бы вернулся, — сказала ее мать.

— Ну и слава богу.

Ишбель разлила чай по чашкам.

— Я тебе говорила, что помолвлена и скоро выйду замуж? — спросила она, не поднимая глаз. — Я. Можешь поверить?

Конечно, отчего ж не поверить.

— Правда?

Она передала мне чашку.

— Он матрос на лихтере. Работает в Суррейском доке.

— О, поздравляю!

— Спасибо. — Ишбель передала матери чашку с блюдцем. — Неплохой человек, Фрэнк. — Она снова села и принялась помешивать чай.

Я обратился в камень.

— А ты, Джаффи? Что теперь будешь делать?

— Я? Еще не решил.

— Конечно, к чему спешить.

Мы маленькими глотками пили чай и довольно долго молчали. Пора было уходить.

— А как тебе работается на новом месте? — спросил я, и прозвучало это как-то грубо.

— Больше не могу, — она поставила чашку на стол и поморщилась, — слишком горячий.

— Тяжелая работа?

— Я тяжелой работы не боюсь. — Ишбель искоса взглянула на меня и слегка улыбнулась. Я отвел глаза. — Скучно только, вот в чем беда.

— Такое бывает.

Огонь зашипел.

— Не уверен, что останусь на берегу, — сказал я и удивился собственным словам.

— Совсем рехнулся? — засмеялась Ишбель.

— Возможно.

— Впрочем, ничего удивительного. — Она снова взяла чашку и подула на чай. — Там, где я работаю, все не так уж плохо, но я с ума сойду, если останусь там слишком надолго.

— Даже не думай уходить оттуда! — возмутилась миссис Линвер. — Как это будет выглядеть? После того, как мистер Джемрак просил за тебя!

— Мистер Джемрак меня знает, — беззаботно бросила Ишбель и опять обратилась ко мне: — А тебе известно, что у меня в «Эмпайре» был свой постоянный номер?

— Правда?

— Правда.

На мгновение наши взгляды встретились. В ее глазах мелькнуло замешательство. Что она увидела в моих — не знаю.

— О нас так хорошо позаботились, — сообщила мне миссис Линвер, благодарно кивая и бережно придерживая чашку под подбородком.

Деньги Фледжа.

— Действительно, — Ишбель мило улыбнулась, — занятно, да? — Выражение ее лица вдруг резко изменилось — именно так оно менялось в детстве, много лет назад, когда она падала и разбивала коленки. Ишбель поставила чашку обратно так неловко, что блюдце треснуло. — О черт! — прошипела она.

Чай пролился на скатерть.

— Ишбель! — с упреком произнесла мать.

— Это всего лишь блюдце, — возразила девушка.

Я наклонился, чтобы помочь ей вытереть лужу, но Ишбель хлопнула меня по руке. Ее трясло от слез, которые хлынули бурным потоком.

— Жалко, что вы так и не нашли дракона. — Слова застревали у нее в горле.

Будь проклята эта тварь! Будь она проклята ко всем чертям за то, что вызвала демонов! Наше суеверие.

— Давай помогу, — предложил я, протягивая руку к осколкам на столе.

— Не трогай! — Ишбель плюхнулась обратно на стул.

— Не надо, деточка, не плачь так, — обратилась к ней мать, но эти слова заставили ее саму зарыдать.

Выносить это дольше было уже невозможно. Я встал.

— Мне пора, — произнес я в отчаянии.

— Да, — сказала Ишбель, — это слишком тяжело.

Миссис Линвер крепко зажмурилась и засунула в рот кулак, чтобы подавить рыдания.

— Мне так жаль, миссис Линвер, — не к месту повторил я, но она махнула рукой, чтобы я ушел.

Ишбель тоже встала:

— Я тебя провожу.

В темном коридоре она обвила мою шею руками, прижалась ко мне и крепко поцеловала меня в губы:

— Так здорово снова тебя увидеть, Джаффи! — Она и смеялась, и плакала одновременно.

Не видя ее лица, я снова подхватил ее и привлек к себе.

— Господи, Ишбель… — пробормотал я.

Она прижалась ко мне, и я почувствовал ее теплую, мягкую грудь.

— Я знаю, — прошептала она, — это, наверное, было чудовищно.

— Господи… — Я не хотел ее отпускать. В ней соединилось все самое лучшее, к чему я стремился тогда, в шлюпке. Я сжал ее так сильно, что чуть не раздавил.

— Бедный, бедный Джаффи, — тихо приговаривала она, покачиваясь вместе со мной и поглаживая меня по затылку.

Это продлилось несколько долгих мгновений, после чего мы неуклюже расцепились и, ничего не соображая и натыкаясь на стены, побрели к двери, словно пьяные.

— Приходи как-нибудь, поговорим по-человечески, — предложила Ишбель, открывая передо мной дверь. — Завтра мне снова на работу, и до пятницы, как минимум неделю, будет не продохнуть. Идем в «Солодильню» в субботу?

— Даже не знаю…

— Тогда до скорого, — сказала она и еще раз поцеловала меня на прощание. Из глаз у нее по-прежнему катились слезы.

День был на исходе, и я, пошатываясь, побрел в сторону Рэтклифф-хайвей, где матросы и угольщики уже приступали к привычному вечернему буйству. Я зашел в таверну и изрядно напился в компании моряка из Неаполя, который постоянно сыпал ругательствами и яростно, до крови, расчесывал укусы клопов. «Паршивое, грязное жилье, — плевался он, — паршивая еда и паршивые девки».

— Согласен, — сказал я, — все паршивое. — И потратил еще денег. Пути обратно для меня нет.

— Я убил своего друга, — признался я итальянцу.

Тот великодушно махнул рукой: мол, кто из нас без греха. Я раскрыл было рот, чтобы поделиться подробностями, но онемел. Назад не вернуться. Она помолвлена. Какой смысл? Просто будет

при каждой встрече сыпать мне соль на раны.

Девки и зазывалы заметили мое рассеянное состояние и подобрались поближе, но меня не проведешь. Около полуночи я отправился домой в кебе и завалился спать — голова кружилась, во рту пересохло, а сердце болело и зудело, словно от укуса клеща.

Мне сказали, что я дрейфовал в шлюпке шестьдесят пять дней.

Оправиться от такого непросто. Ночами я лежал в темноте, сознавая, что так и не вернулся и навеки останусь потерянным. Я дрейфовал в потоке бурлящего времени. Я залег на дно. На встречу с Ишбель так и не пошел. Она прислала мне письмо, но я на него не ответил. В письме она жалела, что я не пришел в «Солодильню», и надеялась, что со мной ничего не случилось. Вполне в ее духе: все-таки сердце у нее доброе. Я снова залег в постель и отказался вставать. Жить продолжал у матушки, в комнате на втором этаже. Только спал да спал, сидел, пил, пытался накропать свою историю, потом рвал написанное, и так снова и снова. Звуки за окном успокаивали меня. Синяк на правом предплечье, который остался от ногтей Тима, так и не проходил. Надо было ей показать. Показать Ишбель. Время от времени я выглядывал из окна и смотрел на заледеневшие крыши. Сон и явь, мысли, тьма и свет — все смешалось, а голова превратилась в пузырь, готовый вот-вот взорваться. Сознание бродило по вершинам облаков, парило в тумане убийственного восторга. На месте головы образовалась глубокая пропасть. Вселенная навалилась на меня всем своим весом.

Матушка без конца приходила и пилила меня, а я, так же последовательно, отсылал ее прочь. По ее рассказам, она как-то случайно столкнулась с миссис Линвер, и та будто бы выразила надежду, что у меня все хорошо, и сообщила, что Ишбель передает мне сердечный привет. Откуда ей знать? Такие вещи люди говорят просто из вежливости. В любом случае у меня даже не было адреса Ишбель, и если уж ей так хотелось со мной увидеться, могла бы и сама зайти. Но ей было не до того, да и мне тоже, и потом, я слишком устал, чтобы что-то предпринимать или даже просто думать о чем-либо. Здесь, в этом мире, все, через что мне пришлось пройти, не стоило ни гроша. Кто теперь мог понять меня? Только Дэн. Но он вернулся к семье. У нас с Дэном была общая тайна — дракон, о котором мы условились никогда не вспоминать. Мне по-прежнему казалось, будто все произошло из-за того, что мы выпустили тварь на волю. Какой смысл это объяснять? Никакого. Разве я мог снова приняться за работу и делать вид, словно ничего не произошло?

Дэвид все время забирался ко мне в комнату и шуровал среди моих вещей. Трудно поверить, но у меня остались кое-какие мелочи в память о пережитом горе. Кусочек бечевки, обрывок парусины и несколько пястных косточек: одна принадлежала Тиму, а остальные могли быть чьи угодно. Какая разница? Все прочее у нас отобрали, когда подняли на борт корабля.

— Убирайся отсюда, я сказал! — прогонял я брата.

— Дэвид, оставь его в покое. — Это уже матушка звала его.

Снизу доносились голоса — звуки нормальной жизни.

Словно тяжелый камень давил мне грудь. Я выходил из своей комнаты, только когда внизу становилось совсем тихо. Матушка приносила мне еду, и я лениво ковырялся в той пище, за которую в шлюпке отдал бы все на свете. Мучился несварением желудка. Матушка не переставала настаивать, чтобы я наконец вышел из своего добровольного заточения: приходила, садилась на кровать, гладила меня по голове и рассказывала, что все интересуются моим здоровьем и передают наилучшие пожелания.

— Я тебе яичко куриное сварила.

— Я уже не маленький, — отвечал я и вновь погружался в поток времени: день и ночь, тьма и свет, шум и тишина, комната и шлюпка накладывались друг на друга, не оставляя никакого зазора.

Я лежал свернувшись калачиком, точно еж зимой в своей норе, а мир снаружи продолжал существовать, невзирая на меня, как рай над небесами, как океан воздуха над морской пучиной. Мне стала доступна мудрость котов и старых собак, которые прогоняют сном свои беды. Если я и пробуждался, то лишь затем, чтобы погрузиться обратно в сон. Я находился в этом состоянии даже когда бодрствовал и разгуливал туда-сюда, чтобы доставить иногда радость матушке. Я робко сползал вниз — забавлялся с едой, приносил уголь, присматривал за Дэвидом. Это было несложно. Мой брат был спокойным ребенком, и я вызывал у него глубочайший интерес. Ему доставляло особое удовольствие изучать мое лицо самым тщательным образом, задумчиво хмуря брови. Когда же это ему надоедало, Дэвид принимался радостно болтать со своим игрушечным поездом — длинной красной деревянной штукой по имени Доб, которую смастерил Чарли Грант. Малыш уже научился выговаривать не только «мама» и «папа», но также «штаны», «люлька», «собачка» и «детка», «пить» и «дождь». А еще «нет» — это слово он повторял часто. Больше ничего было не разобрать — обычный детский лепет. За сидение с Дэвидом матушка многое мне прощала, к тому же присматривать за братом я мог и не выходя из своего «ежового» состояния, так что это занятие стало моим главным делом на долгое время, пока

я продолжал дрейфовать, окутанный мягким покрывалом бездумной, равнодушной и до одури скучной праздности. Ужас шевелился глубоко внутри, точно огромный кит.

Однажды вечером я пошел развеяться. В «Матросе» меня встретили как сына, возвратившегося домой после долгой разлуки. Боб Барри подсел ко мне и платил за все, что я заказывал, знакомые улыбались мне, незнакомые поворачивали головы в мою сторону, узнав о моих злоключениях. Я оказался в центре внимания. Одному Богу известно, как мне удалось добраться домой. Напился я до беспамятства. У Боба было теперь два подавальщика: прежний — неряшливый высоченный громила и новенький — совсем еще мальчишка, лет девяти. Последний не отходил от меня ни на шаг. Помню его среди шумной круговерти: я — в центре собственного уединения и его маленькое лицо с курносым носом-пуговицей и широченным оскалом маячит передо мной.

— Эй, мистер!

— Привет, — отозвался я.

— Трубочку хотите принесу?

Я задумался: трубка — дело хорошее.

Мальчишка убежал, сияя от восторга, и вернулся с плотно набитой пенковой трубкой, вырезанной в форме роскошной обнаженной женщины. Он услужливо поднес трубку к моим губам и аккуратно ее зажег. Трубка отлично тянулась и быстро наполнила легкие теплом.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Мистер, — мальчик отступил на шаг, — а как это было?

Я сделал паузу и выпустил тонкую струю дыма.

— Что? — спросил я. — Что именно тебя интересует?

— Не знаю. Все.

— Все? — Я рассмеялся.

Значительно позже он признался-таки, что на самом деле хотел узнать, каково оно на вкус. Похоже на свинину? Говорили, на свинину похоже.

— Немного, — ответил я. — Хотя не совсем.

— Как это «не совсем»?

— Не знаю.

— Вкусно было?

Я не ответил.

— Не расскажете?

— Нет.

Ему нужна была история. Чтобы кровь в жилах стыла. У меня была история, очень страшная. Но сказки рассказывать я не собирался. Мальчишка не понимал: моя история не такова, как он

думает, и мне надо справиться не с ужасом, а с горем. Слишком о многом пришлось бы рассказать. Как с этим справиться?

Смириться.

И я снова потащился домой и завалился в кровать, а если кто-то приходил — прятался у себя в комнате наверху. Никто меня не трогал. В безумии есть особая свобода. Мне не нужно было никому ничего доказывать. Этот мир задолжал мне немного покоя. Я опускал голову в глубину и позволял ласковым рыбешкам покусывать меня за нос. О, сладостный сон, сладостный, сладостный…

В таком состоянии я провел около восьми месяцев. Где-то в середине этого срока меня навестил Дэн. Я лежал в забытьи у себя в комнате, он подошел и пнул мою ногу:

— А ну-ка вставай, Джаф!

Я приподнялся на локте.

— Воняет у тебя здесь, — сказал Дэн. — Смотри, что я тебе принес.

Безделушка из кости, на гладкой поверхности вырезано изображение попугая.

— Моржовая кость. Я подумал, тебе может понравиться.

— Симпатичная штука. — Я все вертел и вертел ее в руке.

— Как поживаешь, сынок? Мать говорит, ты из дому почти не выходишь.

— Это правда. Наверное, не успел еще как следует отдохнуть.

Произнося это, я зевнул, и Дэн рассмеялся. Стула в комнате не было, поэтому он уселся на пол под окном, и полы пальто завернулись у него за спиной. Дэн вытащил кисет со сладким табаком, и мы сидели и курили, пока тьма в углах комнаты не стала синей. Дэн казался маленьким, старым и скрюченным, но в том, как он сидел и курил, сохранялось странное обаяние юности, да и волосы у него совсем еще не поредели. Только кашлял ужасно.

Я спросил:

— Ну и какая она, на твой вкус? Жизнь на суше?

Дэн улыбнулся и ответил:

— Бесценная.

Сколько мы просидели? С полчаса? Думаю, не дольше. Разговаривать особенно не разговаривали. Дэн сказал, что теперь посвятит свою жизнь наблюдению за тем, как растут его дети, и изучению естественной истории, а потом спросил, что я собираюсь делать. Я не знал, что ответить.

— По мне, так за нами с тобой должок. — В полумраке черты его лица казались размытыми, но видно было, как дым клубами вылетает из ноздрей.

— Не надо только этой чепухи, — рассердился я.

Дэн рассмеялся:

— Знаю, знаю, что ты думаешь. Но я старше тебя. И в этом вся разница.

— Мудрость? Ха! Оглянись вокруг, Дэн: мудрых стариков как-то не слишком много.

Он снова рассмеялся:

— Кто говорит о мудрости? Я просто пытаюсь объяснить, что с возрастом смотришь на вещи иначе. Мы пережили этот ужас и обязаны использовать подаренный нам шанс наилучшим образом.

Я уже ненавидел всех, кто говорил мне, какой я везунчик. Самому мне так вовсе не казалось. Если Бог и существует, думал я, то уж больно он заковыристый. Все мои товарищи погибли, столько боли и страха им пришлось пережить, и ни один из них этого не заслужил.

— Послушай, Дэн, — сказал я, — нет тут никакого смысла. Только судьба. Чистая случайность, лишенная всякого смысла. По-другому на это смотреть невозможно. — Ярость во мне нарастала. — Я ведь мог вообще не отправиться в это плавание. Чуть не остался дома. На моем месте оказался бы другой мальчик. Помнишь Джорджа? Того, который сбежал с корабля, когда мы проходили Кейп-Код? Случай! Он остался в живых, а они умерли. Вот и все. Слепая судьба.

Это была самая длинная речь, произнесенная мной с момента возвращения.

Голова Дэна совершенно скрылась в клубах дыма.

— Ты прав, — сказал он.

Мы снова помолчали. Стало еще темнее, снизу донесся аромат тушеного мяса.

— И что нам теперь делать? — спросил невидимый голос. — Умереть? — Дэн закашлялся. — Или продолжать жить?

Опять молчание, на этот раз подольше.

— Карты розданы, — произнес Дэн, — делать нечего.

Я почувствовал: надо что-то сказать:

— И *это* мой долг?

— Вот именно.

Почувствовав усталость, я лег и закрыл глаза.

— Ну, я пойду, — сказал Дэн.

Глаза я так и не открыл. Он с кряхтеньем поднялся и тяжело вздохнул:

— Старые кости.

С минуту он постоял — словно ждал, не скажу ли я чего-нибудь, но я молчал. Тогда Дэн произнес:

— Я знаю, что ты чувствуешь. У меня так тоже бывает.

Меланхолия называется.

Я по-прежнему хранил молчание.

— Приходи как-нибудь к нам на ужин, Джаф, когда будет настроение.

— Спасибо, приду, — отозвался я.

Но вряд ли это могло случится в ближайшем будущем.

Произошло это однажды утром: я услышал, как кто-то играет на гармонике «Санти Анну». Мелодия плыла над крышами к реке, по направлению к Рэтклифф-хайвей. Зима и весна прошли, лето было в полном разгаре. Следуя за мелодией, я вышел из дому, но так и не нашел ее источника, или он сам направился в другую сторону. Не знаю. Я бродил без цели, то и дело останавливался — просто постоять и посмотреть на реку. В голове у меня продолжала звучать «Санти Анна», и мне вдруг подумалось, что я должен купить себе гармонику и научиться на ней играть. Это была не просто праздная мысль — скорее нечто похожее на резкий толчок изнутри. Я чуть было не ринулся домой за деньгами, чтобы потом побежать на Розмари-лейн, где можно было купить подержанную гармонику. Но вид огромного клипера, входящего в реку, подобно лебедю, был так прекрасен, что я не сделал и шагу. С места, где я стоял, было видно, как матросы лезут по вантам и бегают по декам, выполняя приказы; мне почудилось, будто под ногами у меня снова палуба, и это ощущение было реальным, как никогда. Так ясно и стремительно пронеслись перед глазами картины: кровавый закат невыносимой красоты; потом взрыв розового сердца, пульсирующего в ведре, при внезапном крене шлюпки; и, наконец, Тим, каким он был всегда, — бесшабашный и веселый друг. Порой он обходился со мной самым возмутительным образом, но на самом деле, думаю, он меня любил. Я погрузился в задумчивое состояние и медленно направился в сторону дома. Я не заметил, как пролетел день, и очень удивился, очутившись в нашем дворе уже затемно. Матушкины раковины были аккуратно разложены на подоконнике, а в окне во весь рост стоял Дэвид и улыбался мне всей своей сопливой физиономией. Его чудесная улыбка вызвала в памяти ту огромную волну любви, которую я почувствовал там, в шлюпке, когда подумал, что никогда не вернусь. Это чувство заполонило меня. Напугало и ошарашило. Лондон. Мой Лондон. И все это впустую. Но я-то все еще здесь. Я сразу прошел наверх и лег в постель не раздеваясь, натянул на голову одеяло и долго лежал в темноте. В ухе, прижатом к подушке, отдавался громкий и испуганный стук сердца. Сколько я ни проживу, никогда не стану мудрым. Никогда не пойму, почему все случилось так, как

случилось, никогда не пойму, куда они подевались, все эти лица, которые я так ясно вижу в темноте. Выхода нет, все просто: живи или умри. Каждое мгновение — пузырь, и он лопается. Шагай дальше, от прошлого к будущему, всегда вперед: радуга из камней, где каждый камень мягко рассыпается, когда нога ступает на него и следует дальше. Пока внизу не окажется пустота. А до тех пор — живи.

В комнате послышалось какое-то движение — мышонок прокрался. Я открыл глаза и высунул голову из-под одеяла. Из-за двери выглянула матушка со свечой.

— Спустишься к нам ненадолго? — спросила она.

Я уже произнес было «нет», но вместо этого спросил:

— Ужин готов?

— Почти.

Матушка поставила свечу и ушла, оставив дверь открытой. Я сел, спустил ноги на пол и принялся зевать, пока на глазах не выступили слезы. Мне было холодно, и я пошел вниз — к огню и пище.

— Отличная треска, — произнес Чарли Грант, когда я сел за стол, держи. — И он подтолкнул доску с хлебом в мою сторону.

Треска была в панировке из овсянки, зажаренная до коричневатого цвета.

— Мы тут подумали, — начала матушка, — пора бы тебе на рынок выйти вместе с Чарли, как-нибудь с утра и начнешь. Раз уж все равно ничем не занят, мог бы там поучиться.

— Хорошо, — ответил я.

Но боже мой, в ту ночь, лежа без сна, я думал: надо что-то делать, иначе я так и застряну здесь с матушкой и Чарли до конца своих дней и умру за прилавком с рыбой. Какой у меня выбор? Рыба. Подавальщик в пабе. Все будут ходить туда, чтобы на меня посмотреть. Мальчик-каннибал. Снова пойти работать к Джемраку? Вернуться в море?

Вернуться в море, наверное.

На следующий день я пошел навестить Дэна Раймера. Так или иначе, за все эти годы ему удалось достичь определенного благополучия. У него был большой дом в фешенебельной части лондонского Боу: черная решетка перед входом, несколько ступенек вниз. На небольшой площадке сидел в задумчивости толстый черный с белым кот. Дверь открыла чумазая девушка в переднике, на вид ей было лет четырнадцать.

— Вы — Джаффи Браун.

— А ты откуда знаешь?

— Я бы вас где угодно узнала, — сказала девушка. — Он без конца про вас говорит, все время. Кудрявые волосы, смуглая кожа

— кто это еще может быть?

— Все время про меня говорит?

— Да уж! Лучший из всех, с кем он плавал! Проходите сюда.

Я вошел в залу, где все стены были завешаны картинами, часами и масками со всех концов света. Из залы открывалась дверь, в которую все время выбегали дети.

— Вам сюда, — сообщила девушка, и я вошел.

В комнате стояли маленькие столики и большие мягкие кресла, одна стена была целиком закрыта стеллажами с книгами, на полу расстелен ковер с розами, а перед камином удобно растянулся большой и важный пес. На окне два неразлучника в клетке сидели бок о бок, оглядывая комнату. Дети шумели, их было много, мальчики или девочки — не помню, но они не обращали на меня никакого внимания, пока не вошел Дэн и не прижал меня к себе, словно давно пропавшего и вновь обретенного сына. Тогда малышня сгрудилась вокруг, сгорая от любопытства, даже пес поднялся со своего места. Странно было видеть Дэна в домашнем окружении. За прошедшие месяцы он успел отрастить настоящую моряцкую бороду.

— Элис! — крикнул он. — Джаффи пришел!

И она вошла, та высокая женщина, которую я видел в то далекое утро в Гренландском доке (запах утреннего воздуха, деготь, пот, эль, мы с Тимом стоим рядом, а Ишбель машет нам с причала в своих красных башмачках и черной шали), и с улыбкой остановилась, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Ну наконец-то, — ласково произнесла она, — спасибо, Джаффи, что вернул его домой.

— Все было наоборот, мэм, — пробормотал я, — это он вернул меня домой.

У нее были широкие тонкие губы, черты лица резкие, а от глаз тянулись тонкие морщинки. От нее так и веяло добротой. Темно-карие глаза светились умом и постоянством.

— Что бы ты ни говорил, но ты действительно вернул Дэна домой.

Одна из девочек принесла чай, и я почувствовал себя в центре внимания. Я уже начал привыкать к подобным вещам — мальчик-каннибал. Собрались все восемь детей Дэна: от старшего — медлительного юноши пятнадцати лет, с соломенно-желтыми волосами, до младшего — слюнявого карапуза, сосавшего кулак на коленях у старшей сестры. Они стояли и сидели вокруг и неотрывно смотрели на меня. Я подмигнул одному из них — маленькому мальчику, тот застеснялся и отвернулся. Дэн разогнал детвору, усадил меня в самое большое кресло у камина, сам опустился в кресло напротив и наклонился вперед с усилием,

чтобы зажечь спичку о кирпич. Пес задумчиво потерся носом о хозяйское колено, в награду Дэн сурово потрепал его по шее с толстыми мохнатыми складками. Элис налила нам чаю.

— Сахару? — застыла она с ложечкой в руке.

— Три ложечки, пожалуйста.

— Сладким — сладкое, — улыбнулась жена Дэна.

То, как она, садясь, подобрала юбки, как распрямила спину и поднесла чашку к губам изящным движением, напомнило мне танцовщиц, которых я видел в «Гусыне» и в театре «Эмпайр».

Мне хотелось сказать ей: «Ваш муж без конца говорил о вас». Разговоры об Элис даже стали объектом насмешек среди членов команды. Но тут все было непривычно. Я оробел и ничего не мог выговорить. Почему-то мне стало неудобно. Она самым доброжелательным образом расспрашивала меня о матушке и о семье и о том, что я намереваюсь делать дальше, а я рассмеялся и сказал, что выбор слишком велик. Мы еще посидели и поболтали обо всем понемногу и ни о чем, а потом она встала и погнала всех детей прочь из комнаты со словами: «Вам обоим наверняка есть о чем поговорить с глазу на глаз».

— Я велю принести еще чаю? — спросила она, стоя в дверях.

— Лучше бренди, — сказал Дэн.

— Значит, бренди.

Бренди оказался отличный. Мы сидели у камина, курили и потягивали спиртное в полной безмятежности. О чем говорили, я почти не помню.

— Хорошая она, твоя Элис, — сказал я. — Милая.

Дэн кивнул:

— Мне с ней повезло. Даже не знаю почему.

— У тебя много книг.

Он обернулся и посмотрел на полки:

— Естественная история.

Я встал и прошелся вдоль стеллажей. Там были труды Чарльза Дарвина, Альфреда Рассела, Чарльза Лайеля и Томаса Хаксли, хотя тогда я еще не знал этих имен, за исключением Дарвина, чей толстенный фолиант годами красовался в конторе мистера Джемрака в книжном шкафу. Одна из полок была целиком забита собственными альбомами и дневниковыми тетрадями Дэна, которые он привозил из путешествий. Остальную часть библиотеки составляли книги о животных, птицах, рыбах, растениях и о море. Я вытащил один из томов: Одюбон, «Птицы Америки».[12]

Потрясающие иллюстрации.

— Возьми ее, — сказал Дэн, — не стесняйся.

Книга эта была волшебная — даже на ощупь, а какой от нее

исходил запах! Все оставшееся время я держал ее на коленях, поглаживая переплет. Когда я уже стоял на пороге, собираясь уйти, неожиданно вышедшее из-за туч солнце осветило обложку.

— Решил вернуться в море, — сообщил я Дэну.

Тот кивнул:

— Сейчас, наверное, для тебя это будет лучше всего. Море дает возможность хорошенько подумать.

Я указал на книгу:

— Буду ее беречь.

— Иди давай. — Дэн легонько подтолкнул меня.

Я дошел до дока «Виктория», осмотрелся, навел справки у рабочих, нашел корабль, готовый к отплытию в Испанию, и записался в команду. Когда я сообщил об этом матушке, она дала мне пощечину.

— Да как ты посмел! — воскликнула она. — Как ты мог так со мной поступить!

— Матушка, — на глазах у меня выступили слезы, — молния в одно и то же место дважды не бьет.

— Откуда тебе знать?

— Подумай сама: меня завтра может кеб переехать. Отнесись к этому разумно.

— Ты про разум мне ничего не говори, — ответила она, и на мгновение я пожалел о принятом решении, но было уже поздно — до отхода судна оставалось два дня.

— Мам, — я положил руки ей на плечи, должен же я чем-то заняться. Испания совсем рядом. В море я смогу как следует обо всем подумать.

— Ну конечно, — с горечью возразила матушка, — а там ты чем занимался все эти месяцы? — Она возвела глаза к потолку.

Но успокоилась она, как всегда, быстро и принялась хлопотать вокруг меня, посадила за стол, принесла суп и хлеб. Больше она ни слова не сказала о своем нежелании отпускать меня в море.

Свистать команду наверх —
Завтра выходим в море,
В слезах оставив в порту
Бетси, Мэри и Молли.
Напрасно рыдать обо мне:
Я отплываю, девицы,
Туда, где фонтаны бьют
И радость вечно длится.

Странно, как грустно звучат эти слова.

И снова начались мои скитания: были и приключения, и девушки, и добрые друзья; я купил себе гармонику и научился играть «Санти Анну». Китобойный промысел сошел на нет, да я и в любом случае не стал бы им заниматься. Теперь я ходил на торговых судах и клиперах, о дальних переходах и не думал. Ходил в Испанию, Голландию, к берегам Балтийского моря, один раз — в Александрию, дома бывал регулярно. Пару раз виделся с Ишбель, мы оба держались друг с другом вежливо, но отстраненно. Как-то я встретил ее с женихом — симпатичным парнем, чуть повыше меня ростом. Мне было очень неприятно. После той встречи я пришел домой, завалился на кровать и спрятал голову под подушку — душа болела. Еще немного, и я превратился бы в одного из тех прожженных типов, что сходят на берег лишь затем, чтобы потратить заработанные деньги, но во мне вдруг проснулась тяга к учебе.

16

В этой истории есть повороты и хитросплетения, они — как спутанный моток шерсти, который надо распутать и смотать в аккуратный клубок, но я не хочу этого делать. Пусть она будет как похлебка, в которую покрошено все подряд: самые неподходящие, забытые вещи, обломки, обрывки. Волны времени и впечатлений то выносят нас на сушу, то отбрасывают назад, в море, вечно набегая на берег; постепенно волны эти становятся рябью, мельчают и слабеют, покуда не приходит сон.

Иногда мы прогуливаемся по старым местам. Рэтклифф-хайвей изменилась, как меняется лицо человека, пока не замечаешь вдруг, что под ним скрыто другое лицо, а под тем — еще одно и еще одно.

Вы, наверное, знаете такую песенку:

> Я кок и бравый капитан,
> И я же стою у руля,
> Я шкипер, и боцман, и мичман, и я —
> Весь экипаж корабля.

В ней бог знает сколько куплетов. Однажды я слышал, как человек пел ее со сцены в театре «Эмпайр». Надо было видеть, как публика каталась от хохота. Смешно, правда? Кто-то сказал мне однажды, что, если выйти с этим на сцену, можно сорвать овации. Наверное, так оно и есть.

> На побережье, где Дил и Рамсгейт,
> Среди бьющих о берег волн,
> На голом утесе встретился мне
> Старый морской волк.[13]

Вы, конечно, знаете его историю. Здесь почти на каждом камне можно найти по матросу с историей. Люди с Рэтклифф-хайвей многое повидали. Они не имеют ничего против меня.

Как-то раз, когда я бродил по берегу, я встретил миссис? Линвер. Она выходила из какой-то затхлой булочной, я чуть с ног ее не сбил. Она превратилась в забавную старушку с дико вытаращенными глазами, курчавые седые волосы истончились и потускнели.

— О, Джаффи, — сказала она. — Отчего ты не зайдешь меня

проведать?

Столько времени прошло. Ее слова меня удивили.

— Я дома редко бываю, — ответил я, неловко отстраняясь.

На самом деда я был очень рад ее видеть. Бог знает почему. Наверное, потому, что она была такой же, как в старые добрые времена.

— Мог бы найти часок, — возразила она. — Это не так уж трудно.

— Не знаю, миссис Линвер, я думал, вы не захотите меня видеть.

— Не говори глупостей. — Она сердито перебросила корзинку на другую руку. — Пора тебе с этим покончить. — С этими словами миссис Линвер двинулась дальше.

Боже мой, у меня даже слезы на глаза навернулись. Я побежал за ней.

— Как вы себя чувствуете, миссис Линвер? — спросил я. — Давайте помогу донести корзину.

— Теперь-то уж поздно, — заворчала она, но я настоял и проводил ее до Фурнье-стрит, зашел к ней домой, развел огонь и заварил чай. Я чувствовал к ней удивительное расположение и мучительную благодарность за то, что она может меня терпеть.

— *Она* тоже никогда ко мне не заходит, — сказала миссис Линвер. — Вечно одно и то же, правда?

— У нее, наверное, не так много свободного времени, — предположил я.

— Время-то есть, просто не хочет. Все думает, как бы поспать лишний часок. Она же снова стала петь.

— Да? Где?

— Не знаю. В «Гусыне», наверное.

— Она все еще помолвлена?

— О да, — сказала миссис Линвер с таким видом, будто речь шла о ее собственном кавалере. — Он работает на лихтере. Очень положительный.

Я не собирался туда идти, но ноги сами понесли меня в «Гусыню». Ишбель сидела среди кучи народу за столом, размякшая и подвыпившая, и хихикала, по щекам у нее катились слезы. Я не видел ее с того неловкого момента, когда она поцеловала меня в темном коридоре. Я подошел прямо к столу и втиснулся на место рядом с ней.

— Я встретил твою маму, — сказал я.

Ишбель повернулась ко мне с улыбкой, сонные глаза ее блестели.

— Это Джаффи, — проговорила она, прислонясь ко мне и прикусив костяшку своего пальца, — мой милый старый Джаффи.

Она сидела вся обмякшая. Взгляд у нее был странный, какой-то неподвижный. Бедняжка была сильно пьяна. Прийти-то я пришел, но что делать дальше — не понимал.

— Завтра рано утром я ухожу в рейс, — сказал я.

— Господи, — ее голова откинулась назад, — почему так всегда?

Я обнял ее и спросил:

— Где твой Фрэнк?

Толпа за нашими спинами наваливалась нам на плечи, отчего кудряшки на ее затылке подпрыгивали.

— Где-то здесь. — Она обвела комнату затуманенным взглядом. — Мой славный Джаффи… — Ее поцелуй был горячим, тяжелым и одновременно искренним и беспечным, как поцелуй ребенка.

— Не волнуйся, Джаф, он не будет против, — сказала она, отстраняясь и вытирая слезы ладонями.

— Почему ты плачешь?

— Я? — Она засмеялась. — Я не плачу. У меня все прекрасно, дорогой. Я бросила работу. Терпеть ее уж не могла. Пустая трата времени, здесь я больше могу заработать. Смотри, милый. — Она отработанным движением схватила свой стакан и опорожнила его одним глотком, затем вскочила и присоединилась к танцующим.

Скрипач, не такой умелый, как Саймон Флауэр, играл вальс. Как она плясала, проносясь с улыбкой сквозь дымное и ярко освещенное пространство! Я был не вполне трезв. Не знаю, многое ли из того, что я помню, происходило на самом деле, но мне казалось, что она не сводила с меня глаз все время, пока танцевала, даже когда появился ее жених и обнял ее за талию. Я ждал, но Ишбель так и не вернулась за мой столик. В конце концов я потерял ее в толпе и отправился домой, испытывая к ней почти ненависть.

После этого я решил держаться подальше от Ишбель. Встречи с нею выбивали меня из колеи. Я снова ушел в море и ночью, на баке, при свечах разглядывал птиц Одюбона. Я раздобыл альбом для рисования, как у Скипа, и каждый раз, когда мысли об Ишбель закрадывались мне в голову, я садился и старался как можно тщательнее копировать картинки с птицами. Это занятие хорошо прочищало мозги, будто занавесом отделяло меня от проклятого, не знающего отдыха рассудка. Не знаю, хорошо ли у меня получалось: мне, по крайней мере, мои рисунки нравились. Когда я сходил на берег, я как безумный перерывал все книжные шкафы у Дэна Раймера в поисках хоть какой-нибудь иллюстрированной книги о птицах. Мистер Джемрак подарил мне «Комнатных птиц» Бехштейна. Я стал рисовать еще больше:

жаворонок, коноплянка, неразлучник, вальдшнеп… Мне нравились детали. Чиж, соловей, щегол, астрильд… Но мне все равно не удавалось окончательно избавиться от нее, от Ишбель. Я был готов нарисовать всех птиц, какие есть в мире. Тигровый астрильд, горлица, зяблик, снегирь… Это занятие позволяло мне убить время и доставляло удовольствие. Я мог бы научиться рисовать все существующие виды птиц. Мог бы освоить живопись. Этому можно посвятить всю оставшуюся жизнь.

Я сидел у Джемрака в комнате с безмолвными птицами и рисовал. На страницах моего альбома птицы были свободны. Я рисовал каждой какой-нибудь фон: озера, в которых отражались замки, кудрявые кроны деревьев, горы, похожие на вулканы. Я видел бамбуковые домики для певчих птиц на островах Флорес и Сумба, клетку, похожую на кукольный дом, в Патагонии и другую, напоминавшую бриллиант, в Александрии. Попадались мне и стеклянные клетки, и клетки из слоновой кости. Храмы и дворцы, бочки и колокола, шестиугольники, восьмиугольники, купола.

У Джемрака клетки были похожи на тюрьмы. Я представлял себе, как сидящие в них пернатые бедолаги свободно летают в серых графитных пространствах, созданных моим карандашом, и вспоминал человека с белесыми глазами, мастерившего бамбуковые дворцы, терпеливо вбивавшего деревянные колышки. «Бедняги, — думал я, теперь вы здесь, и назад дороги нет. Я сделаю вам отличные домики». И я рисовал клетки: со снимающимся верхом или с дверцами сбоку. Просторные. С насестами для сна. Между ними можно сделать лестницы, это птицам понравится.

В голову пришла мысль: почему бы не сделать магазин, где все птицы смогут свободно летать? Вроде птичьего двора. Крытый стеклянной крышей сад с беседкой и растениями, которые можно выращивать в помещении. Как у богатых, только это будет магазин, куда люди смогут зайти и купить птицу. Можно сделать даже настоящий лес: пусть там будут скалы, ручьи, реки, рыбы, птицы и даже какие-нибудь мелкие животные: полевки, сони и тому подобные, и пусть все живут на свободе. Водопады и бассейны. *Деревья.*

Люди будут готовы заплатить за то, чтобы войти туда и побродить полчасика по Эдему. Где фонтаны бьют и радость вечно длится. Беседки для отдыха. Висячая тропа, соединяющая верхушки деревьев. Зеленые и желтые попугаи, перелетающие с ветки на ветку.

— Так никогда не заработаешь, — сказал Джемрак, когда я показал ему свои наброски.

Из Нориджа только что прибыл груз канареек, волнистых попугайчиков и ящериц. Работники разгружали клетки и переставляли астрильдов на уровень или два выше, чтобы освободить место.

— А вот клетки симпатичные, — заметил он, перелистывая страницы. — Их, наверное, получится продавать.

Время от времени я люблю принять чуть-чуть лауданума. Или выпить немного абсента с сахаром. Они окутывают мое сознание легкой дымкой сна. Время от времени. Сны, конечно же, нереальны, но очень убедительны. Они порождают чувства, из-за них все выглядит иначе на следующий день. Так, например, штрихуя шейку чижа, я внезапно увидел лицо Скипа и понял, что вчера он приснился мне и что именно из-за этого сегодня утром я проснулся со странным ощущением слабости.

Я видел его до боли отчетливо. Как в самый первый день нашего плавания, когда мистер Рейни отвесил ему затрещину. Я испугался мистера Рейни. История повторялась снова, и так без конца. Потом, будто во сне, я сидел у Джемрака, курил сигару и лениво делал наброски с тукана Чарли, а мистер Джемрак рассказывал мне, что дела идут хорошо. Мистер Фледж отказался от идеи заполучить дракона. Теперь ему хотелось белого медведя. «Не желаешь ли прокатиться в Арктику, Джаф?» — спросил Джемрак, и мы оба засмеялись. Он поведал мне также о том, что художник Россетти хотел завести слона, чтобы тот мыл ему окна, но денег не хватило. Пришлось довольствоваться совами. Совами, зимородком-хохотуном, сурком и вомбатом. И в этот же день Джемрак сообщил мне, что помещение, которое служило Альберту складом, больше ему не нужно, и еще сказал, что поможет мне с задатком.

У меня были отложены деньги, я чувствовал в себе силы.

Так я сошел на берег и в море больше не выходил. Но оно не отпускало меня. Море звало, стонало, снилось мне день и ночь, пульсировало, как сердце, во всем, что меня окружало, даже когда я спал или создавал свой волшебный лес. В моем распоряжении оказались два этажа, соединенные приставной лестницей, и задний двор. Жил я наверху, а на первом этаже устроил мастерскую. Я обнаружил у себя неплохие способности. Первая клетка, которую я сделал, была круглая, на восьми ножках, высотой пять футов, с куполом. Верхушку ее украшал резной орел, внутри была устроена решетка для вьющихся растений. Кроме того, я поместил внутрь жердочки, насесты, зеркала и фарфоровые мисочки для корма с голубыми узорами — их можно было задвигать внутрь и вытаскивать обратно, а внизу приделал

выдвижной поддон. В клетке я поселил десять коноплянок, которые, судя по всему, остались довольны новым жилищем. Потом я приручил галчонка — это довольно просто. Угадайте, как я его назвал? Джеком. Галчонок пристрастился сидеть у меня на плече, когда я работал, и покусывать меня за ухо. Я мастерил клетку за клеткой, все разные и довольно просторные куполообразные, квадратные, в форме фонарика. Вскоре дело пошло.

Клетки я продавал в лавке, а позади нее устроил мастерскую. Одна клетка получилась в форме шара, другая была похожа на огромную тыкву. Я выстроил голубятню, птичник для жаворонков и щеглов, покрыл весь двор сверху сеткой, выложил дерном и засадил кустами.

Постепенно я превратился в затворника.

Я изучал «Изменение животных и растений в домашнем состоянии» Дарвина, «Естественную историю миротворения» Якоба Геккеля и занимался птицами со всего мира. По вечерам голуби вздыхали в своих гнездах. В какой-то момент я узнал, что Ишбель разорвала помолвку и живет теперь в районе Олдгейт, но наши пути уже давно не пересекались. Она была далеко — часть прошлой жизни. «Надо бы сходить проведать ее», — думал я, но ничего не предпринимал, только строил планы и придумывал, как их обойти. «Захотела бы сама бы пришла», — рассуждал я. Меня интересовали только я сам и мои птицы: вместе нам удалось обрести некий покой. Я боялся, что стоит мне увидеть ее — и вся старая, с трудом преодоленная боль вырвется наружу. Боялся, что посмотрю ей в лицо — и увижу черты ее брата, и то немыслимое, что я совершил, навеки оттолкнет нас друг от друга. Мы теперь были взрослые, совершенно другие люди. Все это было слишком тяжело и опасно. Мои рассуждения сводились исключительно к перемалыванию впечатлений и не доходили до принятия решений. Я таскал камни, собирал муравьиные яйца для соловьев, смешивал горох, семена мха, патоку и свиной жир, перетирая их в пасту для жаворонков. Сердце ныло, по ночам я смотрел в небо и вспоминал совсем другие звезды — такие, какими они были в море. Я спрашивал у этого неба: прощен ли я?

Слышали бы вы моих соловьев! В пучине ночи, в самом занюханном уголке Рэтклифф-хайвей они поют, словно ангелы. Вот уж действительно высочайшее блаженство. Они поют мне о том, что все будет хорошо, и все будет хорошо, и все что ни есть будет хорошо[14] (видите, Джаффи Браун стал вполне начитанным человеком), и все же я знаю: тигриная пасть ждет меня. Что бы ни случилось, что бы мы ни говорили, тигриная

пасть ждет нас всех. Каждое мгновение дает нам последнюю возможность насладиться отпущенным временем. Сам не знаю, как я доплыл до этой скалы. На ветку вишни прямо передо мной садится канарейка ярко-желтого цвета.

Когда я увидел ее в очередной раз, на плече у нее сидела канарейка с блестящей спинкой. Помню, дело было у Джемрака: странно, ведь она к нему уже давно не ходила. Я заглянул, чтобы взять немного льняного семени и рапса для корма, а она сидела в конторе с канарейкой на плече и вомбатом на руках. Прическа, лицо накрашено — будто на работу собралась. Увидев меня, Ишбель улыбнулась::

— Привет, Джаффи.

И что-то поднялось, точно занавес.

— А ты что здесь делаешь? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал как можно бодрее.

— На вомбата пришла посмотреть, — ответила Ишбель, глядя на мохнатое создание.

Мистер Джемрак поднялся из-за стола:

— Бедняга, долго не протянет.

— Почему? Болен чем-то?

— Пока нет. — Посмеиваясь, он ткнул его пальцем в живот.

— Мне нравятся вомбаты, — сказала Ишбель.

— Не везет ему с животными, — Джемрак то открывал, то закрывал жалюзи. — Россетти, художнику. Из последнего своего приобретения он сделал чучело, которое теперь стоит у него в прихожей.

— Ну, этому-то не суждено стать чучелом. Правда, пупсик?

Ишбель поднесла вомбата к своему лицу, словно младенца, поцеловала добродушного зверька — с виду он был похож на медвежонка со слишком большой головой и черными бусинками глаз — и снова усадила его к себе на колени. Зверек сидел, точно Будда, созерцая окружающий мир.

— У тебя канарейка на плече, — произнес я. Во рту вдруг пересохло.

— Выросла, наверное. — Ишбель улыбнулась, покачивая вомбата на руках. Шляпка у нее была поношенная.

— Мистер Джемрак, снимите, пожалуйста, птичку, — попросила она, — а то вдруг нагадит мне на спину.

Джемрак перегнулся через стол и взял канарейку себе на палец.

— Хорошая партия пришла.

Я вышел во двор и наполнил мешок кормом. Неожиданная встреча несколько взволновала меня. Я даже подумал, что не буду возвращаться в контору, а просто выйду со двора, отправлюсь

домой и сделаю вид, будто ничего не произошло. Но ноги сами понесли меня обратно. Я облизал губы и спросил у Ишбель:

— Чем сейчас занимаешься?

— Все тем же. Всем понемножку.

— А, ясно… — Пауза.

— Ну… — вомбат зарылся носом ей под руку, — а ты как поживаешь, Джаффи? Говорят, ты устроил себе премилый птичник.

— Что-то в этом роде, — подтвердил я.

— Царство покоя, — высокопарно провозгласил Джемрак.

— Можно мне посмотреть? — поинтересовалась Ишбель. — Ты ведь сейчас обратно пойдешь?

— Если хочешь — конечно, — ответил я, и где-то внутри у меня забилось: «Берегись, берегись, берегись!»

— Вот и славно! — Она рассмеялась, вскочила и передала вомбата мистеру Джемраку.

Мы оставили беднягу на произвол судьбы, и Ишбель отправилась ко мне в лавку.

— Смешно, правда? Ты теперь выше меня, — сказала она.

— На голову, по крайней мере.

Ишбель просунула руку мне под локоть — совсем как тогда, словно мы вернулись в те давние времена и ничего с тех пор не произошло. Зачем она это делает? Может, это что-то означает? Я шел быстро. Время от времени Ишбель делала несколько торопливых шагов, чтобы не отставать от меня, и, когда я опускал взгляд вниз, вид ее старых, истертых башмаков наполнял мое сердце такой нежностью, что я был готов заплакать.

— Далеко еще? — спросила она. — Мне через двадцать минут надо быть на работе.

— Недалеко. Видишь желтую вывеску?

Джек уселся мне на плечо, как только я открыл дверь. Завидев хлопающий крыльями яростный черный комок, Ишбель с криком отскочила.

— Вот мы и пришли, — с гордостью сообщил я.

Она рассмеялась:

— И это все твое? Все-все?

Я снова почувствовал себя виноватым за то, что выжил, за все, что у меня есть. Но она не думала сделать мне больно: легко и бесшумно порхала по лавке, восхищаясь всем — клетками, длиннохвостыми попугайчиками, большим какаду, яванским воробьем, моими рисунками, развешанными повсюду. «Вот *это* мило», — повторяла она, а когда мы вышли во двор, захлопала в ладоши, воскликнула: «Какая красота!» — и побежала по одной из посыпанных гравием дорожек, повернулась, прибежала обратно. Я

разбил во дворе рокарий, и повсюду цвели колокольчики. Вокруг заливались коноплянки.

— А где ты теперь живешь? Как у тебя там? — спросил я.

— Ужасно, — ответила Ишбель. — Воняет жутко. — Она стояла у двери, рядом со мной. — Смотри-ка, эта птица такого же цвета, как и твои волосы. Чудесно смотритесь вместе.

— Тебе не слишком тяжело со мной? — вырвалось у меня.

Ишбель вдруг посерьезнела, положила ладони мне на плечи и посмотрела прямо в глаза:

— Ты так думаешь?

— Я не знаю, что думать.

Она не отводила взгляд, и мои глаза начали наполняться слезами.

— Я каждый день благодарю Бога за то, что ты вернулся, — быстро проговорила она, повернулась и торопливо зашагала к входной двери.

— Куда ты? — Я рванулся за ней.

— Мне пора на работу. — Ишбель открыла дверь и обернулась.

На улице смеркалось.

— Но ты ведь вернешься?

— А ты как думаешь? — Она улыбнулась. И ушла.

В полночь Ишбель вернулась, смыв с лица краску, похожая на ту девочку, что бегала вместе со мной и с братом по лондонским докам. Больше она не уходила.

17

Все это было давным-давно.

Теперь дела обстоят совсем иначе. Можно купить фрукты в запаянной банке и мясо из Америки; район Рэтклифф-хайвей считается вполне приличным — теперь эти края называют восточной частью округа Сент-Джордж, но местные по-прежнему называют их Хайвей и, смею предположить, не откажутся от этого имени. Многие злачные места позакрывали, а весь район отсюда до доков основательно расчистили. Нет больше Моста вздохов, откуда прыгали в реку те, кто хотел свести счеты с жизнью, и трактира «У Менга» со стариком-китайцем у дверей тоже нет, и «Матроса» давным-давно закрыли. Правда, кое-какие заведения из прежних еще работают. Не то чтобы я часто в них бывал. Слишком много дел. Пятый десяток маячит на горизонте, точно буря на море. Синяк у меня на предплечье никогда не рассосется. Намедни вечером я мельком увидел свое отражение в зеркале, и оно настолько было не похоже на меня, что я замер. Глядя на лица друзей, я замечаю, что они тоже меняются — как улицы вокруг.

Порой, идя по улице, я забываю, где нахожусь. Но окружающие звуки возвращают меня к реальности. Тут неподалеку есть один паб. Когда я плавно дрейфую навстречу собственному сознанию, шум и песни, звучащие в этом пабе, доносятся до меня издалека, сквозь зияющую пустоту, словно силуэт корабля, проступающий через пелену тумана. Дорогой сердцу гомон по-прежнему оживляет темное пространство ночи, как бы далеко я ни заплыл в своих мечтаниях, — и это меня успокаивает. По-вашему, мне давно пора осознать, что я вернулся. Однако сон по-прежнему смущает меня. Стоит сознанию провалиться в эту бездонную пропасть, как оно разбивается, точно елочный шар, на миллионы мельчайших осколков, и все мои «я» вырываются наружу: плачущий младенец, мальчик из сточной канавы, подметальщик в зверинце, подросток, ушедший в море, юноша, который вернулся домой, взрослый мужчина. На возвращение к себе сегодняшнему уходит немало времени. Находясь в этом промежуточном состоянии, я иногда не знаю, где вынырну. Я плыву, беспомощный, в бормочущей утробе, ожидая возможности выбраться на поверхность. Русалки берут меня за руки, целуют в губы. Мой тигр забирает меня к себе в пасть, снова приходит за мной, переносит с места на места, нечаянно роняет. То здесь, то там. Не важно где. Меня несут. Это я. Несут. Я все еще младенец.

Я часто пребываю в задумчивости. В таком состоянии я ощущаю под собой море, — временами мне кажется, будто я слышу, как его пение прорывается сквозь доносящуюся издалека музыку Рэтклифф-хайвей. Море никогда отсюда не уходит. Вот за что я люблю это место, хотя, впервые попав сюда, еще не знал об этом. Достаточно постоять на этой улице, чтобы почувствовать в воздухе соленый запах моря.

Ночные звуки прокрадываются в сад. Я сижу, наблюдая, как дым от моей трубки поднимается к звездам. Раздается пение соловья. Я закрываю глаза, пробегая пальцами по зажатому в левой руке кусочку моржовой кости с вырезанным на нем попугаем. Это подарок Дэна.

Два года прошло с тех пор, как умерли Россетти и Дарвин. Примерно тогда же ушел еще один человек, смерть которого осталась почти незамеченной, — дражайший мой друг, Дэн Раймер. Если и был в моей жизни человек, заменивший мне отца, так это был он. Дэн умер от опухоли в мозгу, семидесяти шести лет от роду. Неплохой возраст. Его вдова по-прежнему живет в Боу. Она снова вышла замуж, и двое самых младших детей все еще при ней. Элис была на двадцать лет моложе Дэна. Мистер Джемрак давно отошел от дел, и теперь всем заправляет Альберт, но настоящие любители птиц приходят ко мне: это старики и вдовы из домов призрения. Наша лавка расположена справа, если идти в сторону района Лаймхаус. Здесь можно купить длиннохвостого попугайчика или пару коноплянок и хорошую клетку в придачу. Или можно заплатить пенс, пройти через лавку и посидеть в птичьем саду у фонтана или рядом со статуей Пана, играющего на свирели, наслаждаясь целый день чириканьем зябликов и снегирей, любуясь золотистыми карпами в пруду и беседкой, увитой жимолостью.

Мать Ишбель любит проводить здесь время за вязанием. Она теперь живет с нами. По ее словам, здесь покойно и тихо, но и звуки с улицы тоже доносятся. Хорошее у нас место. Сюда я прихожу, когда наступает ночь, раскуриваю трубку, смотрю на звезды и уплываю вдаль, покачиваясь на волнах, прислушиваюсь к реву океана и раскатам грома в небе, ощущаю, как набухают тучи и демоны с воем поднимаются из глубин. Наверное, именно благодаря тому плаванию я стал тем, кем стал. Если бы не путешествие за драконом, я бы так и остался мальчиком на побегушках при зверинце. Неужели же все было ради этого? Ради того, чтобы я стал таким? Неужели Бог лишен разума? И это все? Неужели я застрял между безумным Богом и безжалостной природой? Вот так штука!

Мир житейских будней не по мне: люди занимаются своими

будничными делами, вовремя ложатся, вовремя встают, вовремя ужинают. Я не хочу быть частью такого мира. Порой я тоскую по монашеской келье, пещере в скале, лачуге в лесу, где мое сознание могло бы растекаться во все стороны, подобно воде, подобно морю.

Время созерцать. Наблюдать за волнами — за тем, как они поднимаются и опадают. Следить за дыханием мира.

Вся эта внешняя суматоха утомляет меня. Ишбель, конечно, приходится с этим жить. С годами я постепенно рассказал ей почти все, даже историю с драконом. «Бедняжка», — говорит она, имея в виду нас обоих — и меня, и дракона. Ей никогда не понять, да и немудрено. Понимание ничего не значит, важно лишь постоянство: я должен вернуться в море, она меня не пускает. По этому поводу у нас вечный спор.

— Ты и одна справишься, — убеждаю я, — это ненадолго. Дэвид может помочь.

Но Ишбель и слышать об этом не хочет:

— Прости, Джаф, но нам с матушкой такое уже не по силам.

Вот я и сижу в саду. Я никогда не вернусь в море. Глаза мои закрыты. Дети давно уже спят. Я достаю из кармана кость с изображением попугая и верчу ее между пальцами. Моржовая кость. У Дэна тоже были свои уединенные места, куда остальным вход был заказан. Все, что я видел, делал и пережил, стало достоянием вечности, такой же частью меня, как мои собственные кровь и кости. Я видел небеса, полные ангелов, и слышал хохот из глубин. Соловей заходится в рыданиях. Я потираю то место, за которое Тим хватался тогда, в шлюпке. Оно до сих пор болит. Тим иногда приходит ко мне. А как иначе? Он не сердится. Ведь он мне друг. Мы все еще вместе.

Я открываю глаза и смотрю на лилово-синее небо, на невозможно прекрасную лунную радугу, звенящую на востоке. Я все еще в пути, далеко-далеко, — в такой волшебной дали, что вам в жизни не представить.

От автора

Перед вами — художественное произведение, основанное на исторических событиях. Единственная реальная историческая фигура в книге — сам Чарльз Джемрак, все остальные персонажи вымышленные.

В сюжете романа использованы две задокументированные истории. Первая — побег бенгальского тигра, доставленного в зверинец Джемрака близ Рэтклифф-хайвей. Тигр действительно сбил с ног и унес в пасти восьмилетнего мальчика, который подошел к нему и потрепал его по носу, но после того, как Джемрак прыгнул на спину хищнику, мальчику удалось спастись.

Вторая история связана с крушением китобойного судна «Эссекс» в начале девятнадцатого века, когда шестнадцатилетний юноша по имени Чарльз Рамсдел застрелил своего друга детства Оуэна Коффина после того, как оставшиеся в живых после крушения вытянули жребий. Оуэн сам настоял на соблюдении правил жеребьевки. Чарльз Рамсделл выжил, впоследствии неоднократно ходил в море и дожил до преклонных лет.

О злоключениях «Эссекса» осталось несколько свидетельств, все они опубликованы в книге «Рассказ о самом необычном и ужасном кораблекрушении, происшедшем с китобойным судном "Эссекс", затопленным китом», среди авторов которой были члены экипажа этого судна: Том Никерсон, Оуэн Чейс и другие. Классическая книга, посвященная истории «Эссекса», — «Сердце моря» Натаниэла Пиллбрика.

Выражаю искреннюю благодарность фонду Чивителлы Раниери за предоставленную мне возможность провести шесть чудесных недель в Умбрии, а также Фонду писателей за щедро предоставленный грант. Спасибо Нине и Дейву Блисдейл, а также Фрэнсис и Тиму Уиттекер за то, что пригласили меня туда, где я могла спокойно работать. Благодарю Ричарда Батлера за неоценимую техническую помощь, а также Мартина и Джо, Эмили Этертон, Мика Читэма, Саймона Кавану, Фрэнсиса Бикмора и всех сотрудников издательства «Кэнонгейт» за содействие и поддержку.

notes

Примечания

1

«Воронье гнездо» — наблюдательный пост в виде бочки, расположенный на мачте парусного судна (здесь: перен.). — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

2

Чарльз Джемрак (Иоганн Кристиан Карл Ямрах; 1815–1891) — знаменитый поставщик диких животных, владелец зверинца в Лондоне; по происхождению немец.

З

Ласкар — в XVI–XIX вв. матрос или ополченец индийского происхождения на британском корабле.

4

«*Счастливое семейство*» — традиционное развлечение в викторианской Англии. Состояло в том, что в одной клетке содержались животные различных видов, специально выдрессированные, чтобы они не нападали друг на друга (например, кошки, собаки, крысы и птицы). Первый такой переносной зверинец создал ткач из Ноттингема.

5

Старинная песня; впервые опубликована в сборнике Т. д'Эрфи «Пилюли от меланхолии» в 1719 г. — *Здесь и далее стихотворный перевод Григория Петухова.*

6

Этим именем жители Малых Зондских островов называют комодских варанов.

7

Еще нет *(искаж. португ.)*.

8

Скоро, скоро *(португ.)*.

9

Три, сеньора, три! Хватит! Спасибо, спасибо, потом, пожалуйста *(португ.)*.

10

Песня на стихи У. М. Теккерея «Билли-малыш» (Little Billee, 1849).

11

Здесь стишок цитируется из сборника «Песни Матушки Гусыни».

12

«Птицы Америки» (1827–1838) — альбом американского натуралиста Джона Джеймса Одюбона с изображениями птиц Северной Америки. Первое издание признано шедевром книжного дела: все иллюстрации выполнены в технике раскрашенной вручную гравюры. Размер книги — в половину человеческого роста.

13

Здесь цитируется шуточное стихотворение У. Ш. Гилберта «Нэнси Белл» (1866) из сборника «Баллады Беба».

14

Цитата из Юлианы Норвичской (Нориджской) (1342–1416), английской духовной писательницы, первой женщины, написавшей книгу на английском языке.